

Н. А. БОГОМОЛОВ

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В 1903 — 1907 ГОДАХ

Н. А. БОГОМОЛОВ

**ВЯЧЕСЛАВ
ИВАНОВ
В 1903 — 1907 ГОДАХ**

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
ХРОНИКИ**

Н. А. БОГОМОЛОВ

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ
В 1903-1907 ГОДАХ:

Документальные
хроники

Издательство Кулагиной
INTRADA
МОСКВА
2009

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Б74

Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники. — М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. — 286 с.

Директор
А. Л. Львова

Художник
Л. Е. Каирский

Корректор
З. Е. Межуев

Книга посвящена истории вхождения Вячеслава Иванова (1866-1949) в литературный мир и первым годам его подлинной известности как крупнейшего русского символиста. В основание работы положены ранее не публиковавшиеся документы, описывающие важнейшие этапы его пути: заочное сближение с московскими и петербургскими символистами весной 1903 г., парижские лекции весны-лета 1903 г., общение с московскими символистами в 1904 году, первый, наиболее насыщенный год жизни на «Башне» со знаменитыми «средами», и, наконец, смерть жены Иванова Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, тесно связанная с дальнейшим движением его жизни.

ISBN 978-5-87604-222-4
© Н. А. Богомолов, текст, 2009.
© Издательство Кулагиной, макет, 2009.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь и творчество Вячеслава Иванова изучаются в последние годы чрезвычайно активно. Если за 57 лет с 1924 (года отъезда Иванова из России) и до 1981 года ему были посвящены три книги¹ (ни одной по-русски) и весьма ограниченное количество серьезных критических и научных статей, то за последующие 27 лет – по меньшей мере 16 монографий² и 13 (в 15 томах) сборников³. В этих изданиях и в отдельных

---

¹ Tschöpl Carin. Vjačeslav Ivanov: Dichtung und Dichtungstheorie. Mn., 1968; West James. Russian Symbolism: A study of Vyacheslav Ivanov and the Russian symbolist aesthetic. Lnd., 1970; Hetzer Armin. Vjačeslav Ivanovs Tragödie "Tantal": Eine literarhistorische Interpretation. Mn., 1972.

² Holthusen Johannes. Vjačeslav Ivanov als symbolistischer Dichter und als russischer Kulturphilosoph. Mn., 1982; Malcovati Fausto. Vjačeslav Ivanov: Estetica e filosofia. Firenze, 1983; Davidson Pamela. The Poetic Imagination of V. Ivanov: A Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge, [1989]; Стахорский С.В. Вячеслав Иванов и русская театральная культура начала XX века. М., 1991; Carpi Guido. Mitopoiesi e ideologia: Vjačeslav I. Ivanov: teorico del simbolismo. Lucca, 1994; Wachtel Michael. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. [Madison, 1994]; Шишкин Андрей. История Башни Вячеслава Иванова. Roma, 1996; Пургин С.П. Философия в круге Слова: Вячеслав Иванов. Екатеринбург, 1997; Ghidini Maria Candida. Il cerchio incantato del linguaggio: Moderno e antimoderno nel simbolismo di Vjačeslav Ivanov. Milano, 1997; Murašov Jurij. Im Zeichen des Dionisos: Zur Mythopoetik in der russischer Moderne am Beispiel von Vjačeslav Ivanov. Mn., 1999; Обатнин Геннадий. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907-1919). М., 2000; Аверинцев С.С. «Скворещниц вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001; Сymborska-Leboda Maria. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Lublin, 2002; Павлова Л.В. У каждого за плечами звери: Символика животных в лирике Вячеслава Иванова. Смоленск, 2004; Степанова Г.А. Идея «соборного театра» в поэтической философии Вячеслава Иванова. М., 2005; Bird Robert. The Russian Prospero: The Creative World of Viacheslav Ivanov. [Madison:] The University of Wisconsin Press, [2006].

³ Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / Ed. By R.L. Jackson and L. Nelson Jr. New Haven, 1986; Vjačeslav Ivanov a Pavia / A cura di F. Malcovati. [S.l.], 1986; Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov: I / A cura di F. Malcovati. Testi in italiano, francese, inglese. [Firenze, 1988]; Idem. II. Testi in russo; Vjačeslav Ivanov Russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposium. Heidelberg, 4.-10. September 1989 / Hrsg. Von Wilfried Potthoff. Heidelberg, 1993; Un maître de sagesse au XXe siècle. Vjačeslav Ivanov et son temps (Cahiers du monde russe. 1994. Vol. XXXV (1-2)); Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996; Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungariae. Tomus 41. Budapest, 1996; Вячеслав

публикациях, в том числе в комментированных изданиях стихотворений, книг и статей Иванова, в отдельно изданных сборниках его переписки⁴, в книжных и журнальных публикациях, число которых стремительно растёт, содержится масса интересного и важного для понимания личности этого поэта и мыслителя, на протяжении длительного времени стоявшего если не формально, то по сути в центре русской литературы, а в 1930-1940-е годы – и европейской интеллектуальной жизни.

Вместе с тем очевидно, что перед исследователями остается еще множество проблем, которые предстоит решить. Напомним только, что до сих пор не существует сколько-нибудь удовлетворительного издания сочинений Иванова: широко известное и наиболее авторитетное брюссельское остановилось на четвертом томе и продолжено, как мы понимаем, уже не будет, а за его пределами остались целые выпущенные при жизни автора большие работы «Эллинская религия страдающего бога» и «Дионис и прадоницизм», многочисленные статьи, не говоря уж о переводах, переписке и других обширных пластах текстов. Существующая библиография⁵ уже на 15 лет отстала от современного положения дел, и отрыв этот, несомненно, будет нарастать, поскольку вряд ли в ближайшее время труд П. Дэвидсон будет продолжен.

Но особенно существенным представляется нам, что в биографии Иванова, особенно ранней, остается множество если не белых пятен, то чрезвычайно неясных мест. Годы формирования творческой личности остаются для исследователей если не совершенно темной, то все-таки чрезвычайно скудно освещенной территорией. Мы знаем о них преимущественно то, что сам Иванов хотел донести до своих биографов, а это далеко не всегда подтверждается документами. И в тех случаях, когда проверку можно осуществить, зачастую обнаруживается немало интересного. Так, благодаря разысканиям М. Вахтеля⁶, мы узнали, что Иванов вовсе не был любимым учеником великого Моммзена, как думали едва ли не все, а непосредственным воспитанником несравненно

Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999; Archivio russo-italiano. Vjaceslav Ivanov: Testi inediti / A cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Русско-итальянский архив. Salerno, 2001. Vol. III; Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М.: Наука, 2002; Вячеслав Иванов между Святым Писанием и поэзией [Загл. супер-обложки и второго тит. листа] / Eupora Orientalis. 2002: 1-2; Вячеслав Иванов – Петербург – Мировая культура: Материалы международной научной конференции 9-11 сентября 2002 г. Томск; М., 2003; Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. СПб., 2006. Следует также упомянуть специальный номер журнала «Новое литературное обозрение» (1994, № 10), полностью посвященный Иванову.

⁴ Среди них особо отметим: Ivanov Vjaceslav. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. von Michael Wachtel. Mainz, 1995; История и поэзия: Переписка И.М. Гресса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и комм. Г.М. Богад-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: Росспэн, 2006.

⁵ Davidson Pamela. Viacheslav Ivanov: A Reference Guide. N.Y. e.a. [1996]. Ср. также чрезвычайно содержательную рецензию Н.В. Котрелева (Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 73-76).

⁶ Wachtel Michael. Вячеслав Иванов студент Берлинского университета // Cahiers du Monde russe. XXXV, № 1-2, 1994. P. 353-376.

мене прославленного Отто Гиршфельда⁷. После знакомства с уже отчасти опубликованными ранними письмами Иванова и его второй жены рушится установившаяся концепция их любви как серьезного самоиспытания временем⁸. Постепенно усложняется ответ на вопрос о политических взглядах Иванова, прежде казавшийся столь определенным. Несравненно более знаем мы теперь об отношении Вл. Соловьева к стихам Иванова и к нему самому. Во многом (прежде всего благодаря публикации переписки с И.М. Гревсом) прояснен вопрос об Иванове как историке Древнего Рима. На очереди (и первые шаги в данном отношении уже сделаны⁹) изучение того, как от штудий в области римской экономической и политической истории Иванов пришел к знаменитым лекциям по греческой религии и мифологии.

Мы нарочно называем лишь те проблемы, которые относятся к «добашенному» периоду жизни и деятельности Иванова. Добавим к этому, что остается неопубликованным подавляющее большинство ранних стихов Иванова¹⁰, не введены в научный оборот его хроникальные газетные публикации из «Московских ведомостей» и «Нового времени», которые не были подписаны и потому авторство остается гадательным, не переиздан с должной степенью тщательности опубликованный в 1904-1905 гг. курс его лекций в Парижской Высшей школе общественных наук, который наряду с «Кормчими звездами» и «Прозрачностью» почти в одночасье сделал имя Иванова знаменитым.

Одним из важнейших комплексов документов, относящихся к этому и несколько более позднему времени (1894-1907 гг.), является переписка Иванова с его второй женой. В настоящее время ее полная публикация готовится М. Вахтелем, Д.О. Солодкой и нами. Конечно, и она не отвечает на все вопросы, интересующие исследователей, но все-таки в очень значительной степени помогает понять дух времени, а также вводит в оборот множество чрезвычайно существенных фактов. Комментарий к этой переписке, и так непростой, был бы еще более затруднен, если бы мы не обладали целым рядом архивных документов, прежде всего перепиской М.М. Замятниной с Ивановым и Зиновьевой-Аннибал. Однако она пригодна не только для комментария, поскольку часто рас-

---

⁷ Нам представляется, что, отстаивая прежнюю точку зрения, С.С. Аверинцев не был прав (см.: Аверинцев С.С. «Скворещиц вольный гражданин...» С. 33-34).

⁸ См.: Аверинцев С.С. Цит. соч. С. 41-52 (здесь исследователь основывался на данных О. Дешарт). Публикацию писем см.: Вячеслав Иванов и Лидия Шварсалон: первые письма / Вст. ст. Н.А. Богомолова, подг. текста Д.О. Солодкой и Н.А. Богомолова, прим. Н.А. Богомолова, М. Вахтеля и Д.О. Солодкой // Новое литературное обозрение. 2008. № 88. С. 117-153.

⁹ См.: Вахтель Майкл. Рождение русского авангарда из духа немецкого антиковедения: Вильгельм Дерпфельд и Вячеслав Иванов // Античность и русская культура Серебряного века: Предварительные материалы / К 85-летию А.А. Тахо-Годи. М., 2008. С. 48-56; Богомолов Н.А. Вячеслав Иванов между Римом и Грецией // Там же. С. 57-64.

¹⁰ Напомним, что, видимо, утрачен альбом Д.М. Ивановой, первой жены поэта, с ранними редакциями стихотворений из «Кормчих звезд» (см.: История и поэзия. С. 279-283) и, вероятно, так и не будет возможно установить состав сборника, который она же принесла Вл. Соловьеву в 1895 году.

сказывает о событиях, никак в переписке супругов не отраженных. Если друг другу они писали только будучи в разлуке, то Замятниной – и в те дни и месяцы, когда жили вместе.

Вероятно, со временем переписка с Замятниной будет опубликована полностью, со всеми хозяйственными подробностями, рассказами о воспитании детей, женскими непоследовательностями. Но пока что мы решились искусственно расчленить ее, ставя своей основной задачей создать хронику нескольких важных для жизни Ивановых периодов, не освещаемых перепиской между ними. Три из пяти частей нашей хроники почти полностью основаны на переписке с Замятниной, да и две остальные также используют ее в значительной степени. Еще два периода (Лондон 1899-1900 гг. и Афины 1901 года) будут освещены на основании этой же корреспонденции в публикации переписки супругов, как своеобразный комментарий к ней. Мы же отобрали те хронологические промежутки, когда письма (а также дневники и некоторые другие документы) позволяют с достаточной степенью полноты реконструировать жизнь Ивановых. Естественно, это вовсе не означает, что теперь она нам известна во всех подробностях – отнюдь нет. Но в то же время определенные ориентиры во времени и пространстве этой хроникой, как кажется, задаются.

Есть и еще одно ограничение: до известной степени она напоминает прославленные книги В.В. Вересаева «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни», т. е. сравнительно мало дает прямых свидетельств о творчестве. Мы, однако, исходим из того, что творчество, и особенно у писателей, близких к символизму, непосредственно прорастает из жизни, а та, в свою очередь, во многом строится по заданным искусством образцам. И в особенности это касается отобранных нами для публикации моментов, когда Ивановы так или иначе соприкасаются не только с миром «низкой» действительности, но и с миром литературы, с соратниками по ремеслу, так или иначе выстраивая свою позицию в литературной жизни. Этим полностью определяются четыре первые части нашей хроники. Самая первая посвящена действиям Замятниной, когда она на основании поручений Ивановых в Петербурге и Москве начала 1903 года посещает Розанова, Мережковских, Брюсова, Полякова, Религиозно-философские собрания, узнает мнения о первой книге стихов Иванова и о неоконченном романе Зиновьевой-Аннибал. Вторая – рассказ о внешней стороне вовлечения Иванова в деятельность парижской Высшей школы общественных наук, его лекциях там, реакции слушателей и коллег на них. Третья посвящена приезду Ивановых в Москву (с небольшими отлучками в Петербург) весной-летом 1904 года, когда они наконец-то входят в круг московских символистов – Брюсова (с которым познакомились ранее, еще в Париже), Бальмонта, Андрея Белого, С. Кречетова, Н. Петровской и других. Отчасти этот визит определяет причины отделения Иванова от московского извода символизма. Четвертая часть – пожалуй, наиболее значительная – делает попытку полного, насколько это возможно при теперешнем состоянии изученности источников, – восстановления истории знаменитых собраний в первый год жизни Ивановых на «Башне». Наконец, последняя часть посвящена их пребыванию в имении Загорье летом и осенью 1907 года, в результа-

те которого умерла Зиновьева-Аннибал и начался совсем иной период биографии Иванова.

Мы вполне отдаем себе отчет, что описания даже тех периодов, которые освещаются нашей хроникой, неполны сами по себе. Те же пять лет, которые ею не охвачены, описаны еще более неполно. У нас нет достаточного материала для воссоздания жизни Ивановых в Женеве в конце лета 1903 – весной 1904 гг. и летом 1904 – в начале 1905 гг. (основной источник здесь – давно опубликованная переписка с В.Я. Брюсовым¹¹), очень мало материалов (о чем см. ниже), фиксирующих события весны-лета 1905 г., до переселения на «Башню»¹². Лето 1906 г. с почти исчерпывающей полнотой описано в дневнике Иванова того времени, который готовится нами к печати вкупе с письмами Зиновьевой-Аннибал, а также в дневнике М.А. Кузмина. Второй сезон «Башни» (1906-1907) вполне возможно воссоздать по уже опубликованным материалам, среди которых наиболее ценными представляются дневник и письма М.А. Волошина¹³ и дневник М.А. Кузмина¹⁴, не говоря уж о многочисленных эпистолярных, дневниковых и мемуарных свидетельствах современников. Однако и то, что нами сейчас представляется, добавляет много принципиально новых сведений в биографию Иванова и в описание интеллектуальной жизни тех кругов, которые с нею были связаны.

Своей задачей мы ставили не концептуализацию того или иного набора событий, попавших в поле нашего зрения, а максимально документированное изложение их самих. Там, где публикуемые фрагменты писем или дневников являются самодостаточными, мы могли вообще отказаться от комментирования или же свести его к минимуму. При этом мы старались как можно меньше повторять то, что уже известно исследователям, т. е. опубликованные материалы дублировались только в тех случаях, когда без этого утрачивалась логическая нить происходящего. Конечно, в наибольшей степени это относится к четвертой части – описанию истории первого года «Башни», что уже не раз становилось предметом внимания исследователей и публикаторов. Так, мы практически не говорим о деятельности существовавшего на «Башне» в 1906-1907 гг. кружка «гафизитов», основательно освещенной в опубликованных источниках. Мы дублируем описания «сред» только в тех случаях, если при прежней публикации были сделаны существенные

---

¹¹ Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 428-545 (публикация С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова).

¹² Этот термин в различных изданиях пишется по-разному. Мы выбрали именно такое – в кавычках и с прописной буквы. Собрания на «Башне» (название которых также пишется разными способами) в нашей книге будут называться Среды – т.е. без кавычек, но с прописной буквы. В цитатах сохраняется авторское написание.

¹³ См. в первую очередь: Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. М., 2006. Т. 7, кн. 1. С. 251-266; Максимилиан Волошин в Петербурге: осень 1906: Письма к М.В. Сабашниковой / Публ. В.П. Купченко // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. [Т.] 21. С. 297-350.

¹⁴ Кузмин М. Дневник 1905-1907. СПб., 2000.

купюры или обнаруживались неточности чтения, влияющие на смысл печатаемого. В описании истории парижских лекций мы до минимума сводим повторы того, что уже опубликовано (преимущественно О.А. Кузнецовой) или будет опубликовано в тексте переписки Иванова с Зиновьевой-Аннибал. Таким образом мы стремимся ввести в научный оборот как можно больше нового материала.

В целях экономии места мы делаем ссылки на чаще всего встречающиеся источники непосредственно в тексте. Поскольку подавляющее большинство архивных документов, которые мы цитируем, хранится в архиве Вяч. Иванова в НИО рукописей и редких книг Российской государственной библиотеки (ф. 109), мы опускаем название архива и номер фонда, указывая лишь номера картонов, единиц хранения и листов. Ссылки на материалы, опубликованные в собрании сочинений Иванова (Брюссель, 1971-1987. Т. I-IV) делаются указанием тома (римскими цифрами) и страниц (арабскими). Ссылаясь на тома «Литературного наследства», мы даем сокращенное наименование издания (ЛН), указываем том, книгу (если она существует) и страницы.

Цитаты незначительного объема следуют непосредственно в тексте; там же, где они представляют собою большие фрагменты, они выделяются шрифтом меньшего кегля. Орфография и пунктуация в основном приведены к современным нормам, сохранены лишь отступления, представляющиеся характерными (устойчивые ненормативные написания, аграмматизмы, стилистические погрешности и ошибки). Названия произведений, газет и журналов заключаются в кавычки независимо от того, как они даны в оригинале. Подчеркнутое в оригинале дается нами курсивом, подчеркнутое дважды – полужирным курсивом, трижды и более – полужирным курсивом с подчеркиванием. В первой и третьей частях, поскольку путаница стилей неизбежна, даты указываются двойные. Там, где они воспроизведены как интегральная часть письма, они даются в той форме, в какой использованы автором и пояснением, какой именно стиль, старый или новый, имеется в виду; в собственном нашем тексте сперва дается дата по старому стилю, затем – по новому. В части второй, где все события происходят за границей, даты даются только по новому стилю, а в четвертой и пятой, полностью посвященных событиям в России, – только по старому. Общеизвестные имена не комментируются, понятные по контексту или широко употребляемые иноязычные выражения не переводятся.

Первоначально части этой работы были опубликованы в интернет-журнале «Toronto Slavic Studies» (2007, № 22; 2008, № 23-25; <http://www.utoronto.ca/tsq/archive.shtml>). За разрешение перепечатать их в составе книги приносим искреннюю благодарность редактору журнала З.Д. Давыдову. Также наши сердечные благодарности – А.Б. Шишкину, предоставившему нам возможность работы с Римским архивом Вяч. Иванова весной 2007 г. и всячески способствовавшему нашим разысканиям, факультету журналистики МГУ, частично профинансировавшему эту поездку, а также участвовавшим в обсуждениях различных вопросов и предоставившим необходимые материалы М. Вахтелю, Н.В. Котрелеву, А.В. Лаврову, Г.В. Обатнину, М.М. Павловой. Наша книга должна рассматриваться как одно из изданий, сопровождающих

готовящееся малое академическое собрание сочинений Вяч. Иванова, членом редколлегии которого автор является.

Поскольку наша работа основана на весьма значительном неопубликованном материале, касающемся по большей части малоизученных событий, в ней неизбежны ошибки и недочеты различного уровня. Это усугублялось еще и тем, что она заканчивалась в то время, когда фонды Отдела рукописей РГБ перемещались из одного хранилища в другое и мы были лишены возможности наводить дополнительные справки и лишний раз проверять сомнительные чтения. В связи с этим мы будем благодарны за любые исправления, вопросы, обсуждение тех или иных фрагментов всем тем, кто сочтет возможным откликнуться на нашу публикацию.

РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ ГЛАЗАМИ ПОСТОРОННЕГО

На рубеже 1902 и 1903 гг. в Петербурге была издана первая книга стихов В.И. Иванова «Кормчие звезды». Печаталась она на собственные деньги, процесс был долгим, книга бесконечно дорабатывалась и перерабатывалась, так что ее завершение и выход в свет воспринимались как большое событие.

Сам Иванов вместе с семьей жил в это время в Женеве, на вилле Java и непосредственного участия в судьбе своей книги принять не мог. Мало того, он даже не очень представлял себе, на кого можно было бы опереться в поисках поддержки. «Вестник Европы», в котором (не исключено, что по рекомендации Вл. Соловьева) он изредка печатался, его совершенно очевидно не устраивал, ни с какими же другими журналами и издательствами в общении он не состоял. И тут представилась возможность обрести в Петербурге собственного эмигранта, чем он и воспользовался. Этот случай оказывается счастливым и для исследователей, поскольку позволяет проследить сразу несколько интереснейших тем: судьба книги Иванова в общественном мнении, творческие и издательские планы и замыслы одновременно его и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, а вместе с тем – жизнь и деятельность русских символистов (или близких к ним литераторов и деятелей искусства), увиденная не изнутри, привычным глазом, а извне, глазом довольно случайного, но приметливого наблюдателя.

Таким наблюдателем оказалась Мария Михайловна Замятнина, уже несколько лет сопутствовавшая Ивановым в самых различных их делах и предприятиях. Тридцать лет спустя, вспоминая свое знакомство с нею, М. Кузмин записал в дневнике: «Относительно Замятниной должен сказать, что как Вяч. Ив., так и Лид. Дм. умели пробуждать бескорыстную и полнейшую к себе преданность в людях честных, великодушных и несколько или бесплодно романтических, или наивных, которых оказывается не так мало»¹⁵. Действительно, как показывает прочитанная в достаточно большом объеме семейная переписка, в их жизни постоянно оказывались люди, готовые бескорыстно помогать. Достаточно вспомнить о так называемых «девушках», которые долгое время жили в се-

---

¹⁵ Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб., 2007. С. 68.

мье¹⁶, и о длительных отлучках Зиновьевой-Аннибал, когда ей помогали подруги. Так, летом 1894 года она отправилась в Италию, оставив трех совсем маленьких детей (Косте только что исполнилось 2 года) у неизвестных нам друзей; летом 1895 г. в Бретани за детьми присматривала С.И. Алымова (о которой см. ниже), и т.д. Но с 1899 все чаще и чаще в качестве самого верного и надежного друга в жизни Ивановых появляется Мария Михайловна Замятнина.

Нам известно о ней немного. Она родилась в 1862 году¹⁷, то есть была несколько старше Иванов и его второй жены. Окончила петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы в 1893 г., некоторое время работала там же помощником библиотекаря, замужем не была. Каким образом она познакомилась с Ивановыми, мы не знаем; первые сохранившиеся письма относятся к весне 1899 г., и они уже вполне дружеские. Летом 1899 г. Замятнина жила с детьми Ивановых недалеко от Неаполя, потом все вместе перебрались в Англию, откуда она отправилась в Петербург. Летом 1900 г. по поручению Ивановых Замятнина ездила за детьми в Англию и доставила их в Петербург. Весной 1901 г. она поселилась с детьми Ивановых в Женеве и пробыла там без малого два года: сперва главной распорядительницей, потом, в декабре, из Греции приехала Зиновьева-Аннибал, а весной 1902 г. и Иванов, не выдержав длительной разлуки, отказался от заманчивой поездки по островам греческого Архипелага и тоже прибыл в Женеву. С мая 1903 г. Замятнина после трех с половиной месяцев, проведенных в Петербурге и Москве (о чем и будет наше дальнейшее повествование), снова оказалась в Женеве. На Пасху 1907 г. вместе с младшими детьми – Костей и Лиди-

---

¹⁶ Это были действительно сравнительно молодые, по большей части крестьянские девушки, которых Зиновьева-Аннибал приближала к себе, по мере сил стараясь устроить их судьбу; они же, в свою очередь, помогали ей по хозяйству и прежде всего с детьми: так, например, двое девочек оставались с тремя детьми 7, 5 и 2 лет во время римского свидания Зиновьевой-Аннибал и Иванова в начале 1895 года; летом 1896 г. она оставила на них (и кормилицу) не только старших детей, но и только что родившуюся Лидию. Обычно все, пишущие об отношении Зиновьевой-Аннибал к своим спутницам, говорят о ее благородстве и стремлении помочь. Однако, как кажется, не вполне права была ее подруга из равной по социальному положению семьи, писавшая: «Приходило ли Вам, дорогая Лидия Дмитриевна, в голову, что, будя в Ваших девушках такие нежные, высокие струны, кот<орые> отзываются на мировую скорбь, Вы можете принести им страшное несчастье, несчастье на всю жизнь? Ведь если бы при этом они могли получить систематическое образование и т<а>к<им> образ<ом> встать в ряды интеллигенции, они перешли бы из своего слоя в наш, а теперь они должны неизбежно очутиться ни у того берега, ни у другого, что сделает для них невозможным найти то счастье, о кот<ором> я писала Вам. Стать женой только грамотного человека им очень трудно, ч<то>б<ы> не сказать невозможно, а образованный человек, кот<орый> мог бы удовлетворить их, не удовлетворится ими. Чувствуете? И первое, самое естественное, а след<овательно>, и самое важное призвание женщины – быть женой и матерью, для них закрыто. Тут уж не мировая скорбь (дающая большое наслаждение своего рода), а личная скорбь и тоска получается» (Письмо Ю.А. Беляевской к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 25 января не обозначенного года // Карт. 13. Ед. хр. 4. Л. 3 и об).

¹⁷ Во многих источниках указывается 1865-й, однако С.И. Субботин установил точную дату: 22 марта 1862 (см.: Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 227).

ей – она перебирается в Петербург, и с тех пор до самой смерти в 1919 году остается постоянным членом семьи Ивановых.

Все, писавшие ранее об Ивановых, без исключения (в том числе и автор данной работы), представляли отношения их с Замятниной как безоблачные. Однако более внимательное изучение семейной переписки показывает, что они не были такими, по крайней мере, в начале. И Зиновьева-Аннибал жалуется на нее Иванову, и он регулярно и в достаточно резкой форме выражает недовольство. В письмах, которые включены в нашу работу, это ощущается нередко. Однако безоговорочно стать на сторону Ивановых мы, пожалуй, не имеем права. Во всяком случае, письма лета 1903 года, которые мы не публикуем здесь, говорят о том, что, требуя полной отдачи в выполнении их поручений, Ивановы с очень большим разбором относились к просьбам Замятниной. Когда она попросила их помочь ей войти в контакт с издательством «Лярусс», ответы получались оскорбительно равнодушные. Последний из них – от самого Иванова – звучал так: «...не посылаю Вам письма из дома Lagousse, т.к. убедил Лидию еще заехать на всякий случай к упомянутому барину – м<ожет> б<ыть>», он теперь уже опять в Париже, – Мне лично, конечно, ехать к нему трудно и недосуг»¹⁸. Писалось это, между прочим, в то время, когда Замятнина уже третий месяц безотлучно находилась с детьми Ивановых.

Но ее преданность интересам своих друзей была так велика, что любые попреки она воспринимала как справедливые и тут же старалась исполнить желания Ивановых. Об этом наглядно свидетельствуют далее публикуемые письма.

Между прочим, временами сделать это было нелегко. И дело было связано не только с тем, что Замятниной приходилось преодолевать собственные комплексы, но и с природой поручений. Если забота о книге Иванова была вполне естественной и могла стать предметом внутренней гордости, то порученный ее деятельности роман Зиновьевой-Аннибал «Пламенники» был явлением совсем иного рода.

Не будем здесь говорить о его художественном уровне: сами мы судить не можем, поскольку книга не опубликована, даже и рукописи не разобраны (хранятся в Римском архиве Вяч. Иванова), а суждения читавших приведены далее. Но стоит обратить внимание на то, что роман не был закончен и отдавался в набор частями. Мало того, и читать его нужно было давать потенциальным издателям также по частям, в определенном порядке (и, кажется, сама Зиновьева-Аннибал, почти наверняка консультируемая Ивановым, в утверждении этой последовательности была не слишком тверда). К тому же Замятнина, как следует из писем Зиновьевой-Аннибал к Иванову, принимая высокое значение «Пламенников» на веру, не понимала авторского замысла даже в самой малой степени, что делало ее поручение особенно затруднительным.

---

¹⁸ Письмо от 5 июля 1903 // Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 28 об. Чтобы несколько смягчить жестокость, Иванов делает самоиронизирующее примечание: «“Мне” написано с большой буквы. NB».

С чем был связан отъезд Замятниной из Женевы, мы точно не знаем. Видимо, она просто, соскучившись, решила повидать мать и сестру. Как писал Иванов, «Мария Мих. вообще вскоре собиралась навестить своих. Она ускорила отъезд вследствие внезапного зова родственников, возобновления недомоганий и нервных кризисов “Юлаши” и т.д. Лидия уступила ей черед отъезда...»¹⁹ Отбыла она 22 января нового стиля. Тут же, не тратя времени даром, Иванов пишет ей вдогонку открытку:

№ 1-а.

9.Г'03

Четверг через 2 часа по отъезде

Узнав, что Л<идия> только что отослала с Острогой²⁰ без моего ведома картолину²¹ и завидуя, что № 1 остается за ней, спешу настроичить в свою очередь «открытку» (как выражаются окружающие вас ныне друзья), чтобы констатировать, что все мы сиротливо повесили нос, что, видимо, повлияло и на настроение Остроги! Столь уныло начало нашей переписки! Опечаленный яванец²². Я занимаюсь одновременно санскритом²³ и диктовкой Вере²⁴ (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 6).

Уже такая спешка тяжелого на письма Иванова показывает, кажется, не только дружеские отношения, которые он хотел бы подчеркнуть, но и степень важности тех поручений, которые Замятнина должна была исполнить в Петербурге. Подчеркивает то же обстоятельство и письмо Зиновьевой-Аннибал от 14/27 января (помечено: № 2), где среди домашних сведений («... Вячеслав слег тотчас после твоего отъезда: то же, что у меня. И по сей день то встанет, то ляжет. Но настроение хорошее. Сегодня и вчера работал трудный урок санскрита, но шибко устал. На

---

¹⁹ Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн / Публ., вст. ст. и комм. М. Вахтеля и О.А. Кузнецовой // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1996. Т. 41. С. 361 (далее – Переписка с Гольштейн). «Юлаша» – Юлия Михайловна Замятнина, в замуж. Корф, сестра М.М., хорошо знакомая и Ивановым.

²⁰ Феликс Валерианович Острога (1867-1936), сын бежавшего из России польского революционера Валериана Мрочковского и русской аристократки, урожд. графини Сумароковой, в первом браке княгини Оболенской, – композитор, преподаватель Женевской консерватории. Жил неподалеку от villa Java, преподавал музыку детям Ивановых. В 1904 г. женился на одной из «девушек» Зиновьевой-Аннибал – Ольге Федоровне Никитиной (1876-1947).

²¹ От итал. cartolina, открытка.

²² Т.е. обитатель виллы «Ява» (Java).

²³ Санскритом Иванов занимался при Женевском университете под руководством Фердинанда де Соссюра. Подробнее см.: Переписка с Гольштейн. С. 340; Ziffer Giorgio. Il poeta e il grammatico: Un biglietto di Ferdinand de Saussure fra le carte di Vjačeslav Ivanov // *Russica Romana*. 1994: 1. P. 189-191. См. также обобщающую статью: Бонгард-Левин Г.М. Индия и индологи в жизни и творчестве Вяч. Иванова // *Вестник истории, литературы, искусства*. М., 2008. Вып. V. С. 201-218.

²⁴ Вера Константиновна Шварсалон (1889-1920), дочь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, впоследствии – третья жена Иванова. К данной открытке она сделала приписку, которую мы не воспроизводим. Отметим, что обычно указываемая дата ее рождения (1890) неверна.

последнюю лекцию едва съездил и слег. Ничего, в гостиной так удобно болеть и ухаживать за больным. <...> Кончила вполне отделку главы «Чертоза»²⁵. Завтра буду переписывать. Прочитала внимательно всю книгу «En route»²⁶ [Ед. хр. 23. Ед. хр. 11. Л. 8, 9об)], следует подробный список поручений, касающихся книги:

Теперь Вячеслав просит:

1) Тотчас отправить, если не отправлен, сборник в «Литературный Вестник» Русского библиологического общества, где в редакции обещают рецензии²⁷.

2) Удобно ли дать несколько экземпляров для продажи Мелье?²⁸

3) Проверь, куда послано.

4) Отчего не берут 40% и тогда сами не объявляют. Это страшно важно²⁹.

5) Как зовут Кондакова?³⁰

6) Проверь, посланы ли из склада остальные экземпляры сюда, как там сообщили Юл. Алекс.³¹ (Там же. Л. 11об).

11/24 января Замятнина пересекла границу Германии и России и на следующий день прибыла в Петербург, где сразу же, не откладывая, принялась за дела своих доверителей. Так, в письме от 13/26 и 14/27 января (помета: № 5) она сообщала:

1) Теперь дело. В типографии ведь сказали Юлии Ал<ександровне>, что начнут печатать лишь через месяц³², что этот шрифт занят, ну я и помчалась к Голубятникову, он сначала то же мне заявил. Но затем после моих настояний обещал первую главу напечатать мне к этой субботе; я тогда возьму I напечатанную и II в рукописи и сне-су Батюшкову. <...>

²⁵ Глава из романа «Пламенники», судьба которого в дальнейшем подробно обсуждается в письмах.

²⁶ Роман Ж.К. Гюисманса «В пути» (1895).

²⁷ Действительно, в журнале была напечатана рецензия на сборник «Кормчие звезды», принадлежащая А. Налимову (1904. № 5. С. 496-497).

²⁸ Крупный книжный магазин (Невский пр., 20).

²⁹ Речь идет о том, что типография «Нового времени» бралась печатать объявления о книге в этой газете. 23 января / 5 февраля Иванов писал Зиновьевой-Аннибал: ««Нов<ое> Вр<емя>», видно, решило делать по два неплатных анонса в месяц. Это строговато, при 40%. К сведению Марусе!» (ИРЛИ. Ф. 94. № 76. Приносим благодарность Г.В. Обатнину за сообщение текста этого письма).

³⁰ Никодим Павлович Кондаков (1844-1925), знаменитый искусствовед. Видимо, Иванов собирался поднести ему книгу.

³¹ Имеется в виду Юлия Александровна Беляевская, представительница семейства, с которыми дружили и Ивановы, и Замятнина. Вероятно, Иванов ссылается на ее письмо от 10 января 1903 (Карт. 12. Ед. хр. 51).

³² Речь идет о печатании «Пламенников».

2) Справилась, отослали ли что, кроме 10 экз<емпляров> в Женеву, оказалось – выслали уже остальные 40 экз<емпляров>.

3) О рассылке по редакциям надо в складе справиться и всем прочем. <...> (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 11 и об).

Существенно здесь упоминание Федора Дмитриевича Батюшкова (1857-1920). По своей основной специальности он был историком литературы и литературным критиком. Однако Иванова интересовало прежде всего то, что он был довольно известным журнальным деятелем. В свое время Батюшков печатал его стихи в издававшемся им журнале «Cosmopolis», и, вероятно, Иванов рассчитывал, что «Кормчие звезды» привлекут его внимание и будут им самим или кем-то из авторов редактировавшегося им журнала «Мир Божий» отрецензированы. Заодно Батюшкову были переданы и главы романа Зиновьевой-Аннибал. Обо всем этом см. далее³³.

В письме от 19 января / 1 февраля (в пункте 6 подробного делового отчета) Замятина сообщала: «И в “Литерат<урное> Обзорение” и в “Лит<ературный> Вестник” сборники отосланы мною» (Там же. Л. 20).

Однако к этому времени ситуация уже начала несколько меняться. Зиновьева-Аннибал получила из Петербурга известие, что ее мать, хотя и находится в тяжелом состоянии, но все же узнает людей. Очень быстро она собралась и поехала, хотя еще сравнительно недавно решила для себя, что никогда больше мать не увидит. Первые дни по приезде она, естественно, была занята делами матери, но через несколько дней все-таки получила возможность уделить некоторое время и собственным заботам.

И первым делом она столкнулась с тем, что Ф.Д. Батюшкову решительно не понравился сборник Иванова. 22 января (4 февраля) Замятина извещала Иванова:

Была сегодня у Батюшкова, он, миленький, еще не удосужился углубиться в «Сборник», вследствие чего, бегло просмотрев его в редакции, предпочел отзвва не писать. Не читая Сборника, он предположил, что Вы нитшеянец, «а ведь Нитше надо принимать *cum grano salis*», – говорит он. В результате визита я усиленно ему посоветовала научиться думать, буквально так, и публику научить тому же. Что публика у нас думать не умеет, он согласился, но выходило, что не умеет думать и продумывать и он, Батюшков. <...> Прочсть роман Лидин он обещал и очень извинялся, что говорит мне прямо, что думает, и любезен был очень, да проку-то от этого не выйдет никакого.

Котля³⁴, вот, меня так утешил³⁵, очень заинтересовался Сборником, после того, к<a>к при мне прочел по моему указанию несколько ваших

³³ Ср. также сведения о плане Е.В. Дегена написать рецензию на «Кормчие звезды» для этого журнала (Переписка с Гольштейн. С. 365).

³⁴ Имеется в виду близкий знакомый Замятиной Нестор Александрович Котляревский (1863-1925), историк литературы, преподаватель Александровского лицея, впоследствии председатель Репертуарного комитета Императорских театров, академик. 23 января / 5 февраля Зиновьева-Аннибал сообщала Иванову: «Маруся еще пришла, и вся сияющая, от

вещей. (Я ему Сборника не пожертвовала, но у меня был с собой с надписью для В. Беляевск<ого>³⁶)» (Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 4 и об).

И тут же к этому добавилось второе разочарование: в равной степени Батюшкову не понравились и те фрагменты «Пламенников», корректурные оттиски и рукопись которых он получил от Замятиной. В продолжении того же письма, написанном 24 января / 5 февраля она писала Иванову: «Вернувшись от Лидии, у кот<орой> сiju всякую возможную минуту, нашла у себя пакет от Батюшкова с гранками и рукописью Лидиной и приложением письма, с отказом, конечно» (Там же. Л. 6). В тот же день и Зиновьева-Аннибал со своей стороны извещала его: «Маруся уже давно была, и результат плачевен свыше всяких ожиданий. Коловрат<ов>³⁷ гений перед своим оригиналом! Батюшков раскрыл книгу на “Ступенях Воли” и прочитал: “Рыжей птицей стен рудых”³⁸, и сказал Марусе, что критики он не напишет, потому что это *не поэзия* и ты эрудит. Что раз я твоя жена, то он вперед знает, что не может поместить моей вещи. И, о Вебер, о Вебер! как он был прав³⁹. Мужайся, мы, вероятно, будем одни, и всю жизнь, быть может, но что за беда <...> Все-таки Бат<юшков> сохранил рукопись. Даст ответ в Понед<ельник>» (Карт. Ед. хр. Л.).

Первое письмо Батюшкова к Замятиной датировано 24 января:

Многоуважаемая
Марья Михайловна

Согласно Вашему желанию стал читать роман «Пламенники», но, к сожалению, скоро убедился в его непригодности для нас. Все-таки передаю на просмотр А.И. Куприну, прося его в приписке сообщить свою резолюцию.

Вы спрашивали, почему я восстаю против фабрикации новых слов и насилования языка? Да просто из уважения к процессам сложения языка и, если хотите, предубеждения против всяких приемов в духе воляпюка. Продолжаю думать, что «Пламенник» – слово несуществующее, а если говорят «любовник», то этим еще не оправдывается образование по аналогии «пламенник». Ведь, напр<имер>, искусственное слово «соусник» еще не уполномочивает говорить «конфетник» вместо ящика с конфетами и т.п. А затем выражения «кудели» во множ<ественном> числе, тогда к<a>к кудель слово собирательное; «волосы замолчали у висков»; «внимательные и благосклонные губы» и т.п. – все это вычур и

Котляр<евского>, который был сильно затронут твоей книгой: она ему указала некоторые стихи» (Карт. 22. Ед. хр. 12. Л. 31 об).

³⁵ Далее следует примечание, которое нам разобрать не удалось.

³⁶ Муж О.А. Беляевской.

³⁷ Персонаж «Пламенников», прототипом которого был Ф.Д. Батюшков.

³⁸ Из стихотворения Иванова «Ступени Воли» (I, 596).

³⁹ Лев Николаевич Вебер (1870-1956) – сын парижской приятельницы Ивановых Александры Васильевны Гольштейн от первого брака. По профессии врач-невропатолог, был женат на художнице М.В. Якунчиковой.

только. Баловалась такими фокусами Гиппиус, но, кажется, и она замолкла. Героиня восклицает: «Надо кликать, надо кликать», – но это очень рискованно: как бы не прослыть и соответствующим производным эпитетом – кликуши, что может оказаться и совершенно несправедливым по отношению к автору, но ляжет тяжким обвинением на героиню. Когда последняя говорит, что «все, что не небо за земле – обман нашего испуга» – «или упрекнешь меня молчаливо?» – я следую указанному совету, и это все, что я могу сделать. Возвращаю при сем гранки и рукопись и прошу верить совершенному уважению и преданности

Ф. Батюшков.

Прочитал «Пламенники» и совершенно присоединяюсь к мнению Федора Дмитриевича.

А. Куприн (Карт. 12. Ед. хр. 12. Л. 3 и об)⁴⁰.

Ответное письмо Зямытнойной неизвестно. До нас дошла только реакция Зиновьевой-Аннибал в письме к Иванову от 26 января / 8 февраля: «Письмо Коловрат<ова> (О мой коловратик, какой ты гений перед твоим прототипом!) привезу. Очень им горжусь. Я первая получила ушат помоев. Бат<юшков> заклятый твой враг, но безграмотный до невероятия. Со мною вместе попалась и Гиппиус» (Карт. 22. Ед. хр. 12. Л. 14). Сохранился также ответ Батюшкова Зямытнойной:

29/I 1903

Литейный 15

Многоуважаемая

Мария Михайловна,

Вот и привел Вас, окольным путем, к признанию, которое мне очень хотелось от Вас услышать: Вы на словах отстаивали, что можно «сочинять» язык, что пора нам освободиться от рабства установленных выражений и т.п. Я прибег к шаржу, и очень рад был услышать от Вас аргументы иного рода, т.е. Вы доказываете, что слово существует, а не изобретено. Со своей стороны могу сделать ссылку и по поводу слова «вычур» – не изобретенное мною, а взятое у Ап. Майкова: форма оригинальная, но все же существующая. Я намеренно употребил ее. Затем позвольте напомнить, что я отнюдь не позволил себе давать эпитетов автору, а отнес именно к *героине* рассказа вывод, который могли сделать читатели, пораженные странным оборотом ее возгласа. Так как относительно одного пункта мы договорились, то мне остается лишь просить извинения за то, что я прибег к шаржу с целью довести Вас до признания, которого я, может быть, не услышал бы, оставаясь на почве отвлеченной аргументации. А об употреблении «собира<ельных>» слов во множеств<енном> числе в оправдание формы «кудели» я все-таки буду спорить. Не теперь, конечно. Но вот первое неудобство стиля, в котором написана повесть: форма отвлекает от содержания, в такой мере отвлекает, что я совершенно не мог дать себе отчета в последнем, так как потре-

⁴⁰ На л. 5-6 той же единицы хранения копия, сделанная Зямытнойной с этого письма.

бовалось бы вторично прочесть, чтобы заглянуть в суть. Точно так же – я не могу решить, в какой мере г. Иванов действительно поэт, когда, раскрыв наугад книжку, читаю такие строки: «Воля, ...привышая зрак – Рыжего льва, – Он, с тяжким рыком...» Неужели это поэзия? Однако простите. Больше не буду.

С искренним к Вам уважением и преданностью

Ф. Батюшков (Там же. Л. 7-8; на л. 9 – копия Замятниной).

На следующий день после упомянутого выше письма к Иванову Зиновьева-Аннибал уехала из Петербурга обратно в Женеву, но Замятниной осталась на посту, готовая получать указания, которые не замедлили себя ждать. Еще не успев толком отъехать от Петербурга, в Вильне Зиновьева-Аннибал написала ей (письмо отправлено из Вержболова 28 января / 10 февраля):

Не лучше ли тебе <...> как можешь скорее переписать так же чудно, как первую главу, и *вторую*. Во всяком случае, самые скверные листы ее. И снести Перцовы <так!> ⁴¹. Если они честные люди, т.к. честно стремятся к своей цели, то не могут не обрадоваться <так!>: и идеи, и стиль в их духе: я только что прочитала повесть Соловьевой-Allegro «Племянница» ⁴². Это не *к идеям*, а к стилю относится. Надо бы им дать гранки и прямо *вторую* главу. <...> *Очень* надеюсь на «Нов<ый> Путь». Светлый мог бы быть луч этот журнал, и если бы нас допустили в него, мы могли бы поднять его на высоту, о которой мечтают его начинатели. Надо всё испробовать <так!>, чтобы в него пробиться – вот мое мнение. Не съездить ли к Розанову и не поговорить ли задушевно с ним обо мне и о В<ячеславе> как о глубоких союзниках и прочитать ему несколько филос<офских> стихотв<орений> и также из «Райской матери». Словом, ты знаешь, как поступать – лишь загорись.

Я бы к ним подошла смелее <?> с точки зрения «братского знака».

Быть может, стоит повидать еще Волошина ⁴³ и вместе с ним Розанова или кого иного? <...> (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 86-87)

⁴¹ Журналист, критик, мемуарист Петр Петрович Перцов (1868-1947) упоминается здесь как официальный редактор журнала «Новый путь» до лета 1903 г. Однако употребление его фамилии во множественном числе (хотя и непоследовательное) заставляет предположить, что имеется в виду не только он сам, но и все деятели названного журнала, близкие к редакции.

⁴² Новый путь. 1903. № 1. С. 82-108. В публикации жанр произведения обозначен как «рассказ». Поликсена Сергеевна Соловьева (чаще всего писала под псевдонимом Allegro; 1867-1924), сестра Вл. Соловьева, была в достаточно дружеских отношениях с Ивановыми.

⁴³ М.А. Волошин познакомился со стихами Иванова в 1902 г. в Париже, у А.В. Гольштейн. Весь январь 1903 г. он находился в Петербурге, и в его записной книжке сохранилась запись о намерении встретиться с Замятниной (вероятно для того, чтобы взять экземпляр «Кормчих звезд» для А.И. Косорова). Лично Волошин и Иванов познакомились 13/26 июля 1904. См.: Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1877-1916. СПб., 2002. С. 107; см. также недатированное письмо Гольштейн к Волошину (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 437. Л. 79 и об.).

Совершенно очевидно, что неудача с «Миром Божиим» и другими журналами традиционного направления (например, с «Вестником Европы») активизировала желание Ивановых сблизиться с только что возникшим журналом «Новый путь». В переписке с Замятниной это название появляется впервые, однако Иванов и Зиновьева-Аннибал уже за некоторое время до того, как было написано это письмо, рассматривали его как один из возможных плацдармов для своих выступлений. Еще с дороги в Россию, 20 января / 2 февраля Зиновьева-Аннибал спрашивала мужа: «Что же ты думаешь о хоре Христов <?> в “Н<овый> Путь”? есть ли письмо от Мережк<овского> или что-либо от Маруси об этом» (Карт. 22. Ед. хр. 12. Л. 8об), а 23 января / 5 февраля Иванов отвечал: «“Хор благословляющих духов” я отослал еще в день твоего отъезда Перцову. Я просто пробую почву – тверда ли она на “Новом Пути” для моих откровений»⁴⁴. О судьбе этого стихотворения и о начале переписки Иванова с Д.С. Мережковским см. ниже.

В письме к Иванову под № 13, написанном 29 января / 11 февраля Замятниной (не только сообщая собственные новости, но и откликаясь на только что процитированное письмо Зиновьевой-Аннибал) извещала живших в Женеве:

Была у Султановой⁴⁵, она вдруг говорит: «Куда ни пойдешь, всюду говорят о сборнике Иванова». Оказыв<ается>, именно говорили у Ростовцева⁴⁶ и у Шнейдер, это две сестры художницы⁴⁷, очень хорошие знаком<ые> Ек. Вяч. Балаб<ановой>⁴⁸ – они племянницы поэта покойн<ого> Минаева и его воспитанницы⁴⁹, у них салон – так что если у них говорят, так это хорошо. Но говорят пока, кажется, к<а>к о китайской головоломке, над разрешением котор<ой> ломают голову.

Султанова сборника, кажется, еще не купила, но хочет, т.е. собирается с ним познакомиться. Я ей отмечу более легкое. Завтра пойду к Балабановой, понюхать попробую, что носится в воздухе. <...>

⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 94. № 76.

⁴⁵ Видимо, речь идет о писательнице Екатерине Павловне Летковой-Султановой (1856-1937).

⁴⁶ Михаил Иванович Ростовцев (1870-1952); выдающийся историк, друг Иванова. Об их отношениях подробнее см.: Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зув В.Ю. М.И. Ростовцев и Вяч. И. Иванов // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 248-258.

⁴⁷ Варвара Петровна (1860-1941) и Александра Петровна (1863-1941) Шнейдер – художницы-акварелистки, авторы неопубликованных мемуаров о русских писателях и художниках. Судя по сохранившейся корреспонденции, вращались в светском обществе.

⁴⁸ Екатерина Вячеславовна Балабанова (Балобанова, 1847-1927) – историк литературы, переводчица, детская писательница, мемуаристка. С 1882 по 1919 заведовала библиотекой Высших женских (Бестужевских) курсов, откуда, видимо, ее и знала Замятниной.

⁴⁹ Замятниной ошибается: сестры Шнейдер были племянницами не поэта Ивана Петровича Мятлева (1796-1844), а профессора санскрита Ивана Павловича Мятлева (1840-1890). После смерти их матери он действительно воспитывал сестер Шнейдер, а после кончины дяди они жили в его доме. Несколько подробнее см.: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 95.

Если удастся, постараюсь до того времени повидаться с Волошин<ым> и, мож<ет> быть, пойду к Розанову. Но еще об этом хорошо подумаю и постараюсь разузнать, кто в «Нов<ом> Пути», собственно, кладет резолюции» (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 25-27об)⁵⁰.

Однако довольно неожиданно вхождение в новые литературные круги для Замятниной началось по-другому. В письме, сочинившемся с 1/14 февраля (№ 15) она описала Иванову свой визит к известному историку литературы Илье Александровичу Шляпкину (1858-1918). Он был профессором университета, но, видимо, Замятнина знала его со времен учебы на Высших женских курсах, где он также профессорствовал⁵¹. Не исключено также и то, что во время своей службы в библиотеке она принимала какое-то участие в передаче части его собрания туда.

3/16 фев. Понедельник 1 ч. ночи

Сейчас от Шляпкина.

Это первый продуктивный вечер в Петерб<урге>. <...>

Сборник, что получил, благодарен и весь прочел от доски до доски, т.к. понравился, значит. Говорит, «это книга не для многих, но для тех, кому доступна, даст много глубокого содержания, большой мыслитель, – гов<орит>, – Вяч<еслав> Ив<анович>».

Только что он это мне все сказал, как слышим звонок, затем входит господин среднего роста, brunet, некрасивый, с серьезным взглядом умных глаз, симпатичный, простой, добрый. Оказывается, это Ал<ександр> Ник<олаевич> Бэнуа; пришел отчасти навестить больного, отчасти по делу. Дело в том, что в «Мире Иск<усства>» будет статья о Петр<е> Вел<иком>, а у Шляпкина в Белоостровском его музее⁵² оказа-

⁵⁰ Может быть, бесполезно будет привести еще один отклик – эпистолярный – о «Кормчих звездах», датированный тем же самым днем, – отклик доктора В.А. Гольштейна, мужа не раз упоминаемой нами А.В. Гольштейн:

Paris, le 11 février 1903

Дорогой, милый друг.

Я крайне тронут надписью на книжке замечательных Ваших стихов. Стихи эти – целый мир, мир сложный, тонкий и глубокий – Ваш микрокосм <так!>, усугубленный другими микрокосмами, плодами Вашей завидной эрудиции. Многие в этом мире мне чуждо, но красоты его доступны моим чувствам, моему пониманию.

Хотите знать, что всего больше мне понравилось, что нахожу превосходным, что сильно затронуло меня? *Роетіон, Покорность, Дни Недели, Любовь*. Но перл из перлов, давший мне глубокую эмоцию и умиливший меня до слез чудным сочетанием внешней красоты с глубиной и, так сказать, чистотою чувства – это

Персть!

Обнимаю Вас с горячей признательностью.

Holstein (Карт. 16. Ед. хр. 41. Л. 4-5об. С неточностями и не полностью опубл.: Переписка с Гольштейн. С. 339).

⁵¹ В письме к А.В. Гольштейн от 28 января 1901 г. Иванов характеризовал его как «почти приятеля М.М. Замятниной» (Переписка с Гольштейн. С. 355).

⁵² О доме Шляпкина в Белоострове, превращенном в музей, см.: Берков П.Н. Русские книголюбы: Очерки. М.; Л., 1967. С. 276-285. О судьбе этой коллекции см.: Бурьян Л.К. Илья

лись любопытные и полотенца и материи Петровского времени, так вот все это будет воспроизведено в «Мире Искусства», и Бэнуа принес ему показать отпечатанные уже оттиски⁵³.

Я, конечно, воспользовалась случаем спросить Бэнуа, передали ли ему письмо Ал<ександры> Вас<ильевны> и книгу⁵⁴. Говорит, что получил и то и другое; но, по-видимому, письму Ал<ександры> Вас<ильевны> недостаточно внял и передал книгу необдуманно просто Философову, предполагая, что он напишет рецензию⁵⁵.

Я воспользовалась только что перед тем сказанным мне Шляпкинским, заставив его повторить свое мнение, причем Илья Ал<ександрович> именно указал на то, что книга должна быть разобрана человеком очень образованным и основательным, и что Философов как юрист⁵⁶ не подходит, по его мнению, он недостаточно это умеет. Он указал на Мережковского, который мог бы ее хорошо оценить. Бэнуа очень внимательно отнесся к тому, что говорил Илья Ал<ександрович>, сказал, что на него, насколько он ее просмотрел (но он, кажется, мало с нею познакомился), тоже хорошее впечатление книга произвела и что он теперь позаботится, чтобы она действительно была как следует разобрана. Обещал также обратиться на нее и внимание Перцова в «Новом Пути». Затем при случае поговорили, т.е. я попросила, чтобы он охарактеризовал Перцова, Розанова и Мережковского, что он и сделал.

Затем спросила его и о романе твоём, рассказала ему вкратце содержание, он сказал, чтобы я отнесла к Перцову, что, ему кажется, он подходит «Новому Пути». <...>

Александрович Шляпкин и библиотека Саратовского университета // Труды научной библиотеки Саратовского гос. университета. Саратов, 1959. Вып 2. С. 128-133; Попкова Н.А. Илья Александрович Шляпкин // Библиотека вуза: вчера, сегодня, завтра. Саратов, 2002. Вып 2. С. 6-17; Востриков А.В., Лейбова А.В., Лейбов К.Г. Библиотека Бестужевских курсов: книжное собрание И.А. Шляпкина // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. [Т.] II. М.; СПб., 1995. С. 398-413.

⁵³ В «Мире искусства» 1902-1903 г. такой публикации не было.

⁵⁴ В недатированном письме А.В. Гольштейн сообщала Иванову: «Лидии послано письмо с просьбой передать 1 экз<емпляр> для Косорот<ов>а (бывший корреспондент «Нового времени» и человек талантливо-чуткий) и 1 экз<емпляр> Бэнуа («Мир Искусства») с моим письмом. За экз<емпляром> Косоротова к Лидии придет мой друг Волошин (ему написано одновременно с Лидией) и вообще поможет Лидии и мне в пропаганде», а 15 февраля спрашивала: «Напишите мне, видела ли Лидия Волошина? Передала ли ему сборник для Косоротова и Бэнуа?» (Переписка с Гольштейн. С. 362, 365, с исправлениями по оригиналу). А.Н. Бэнуа и А.В. Гольштейн были знакомы по Парижу.

⁵⁵ Д.В. Философов рецензии на «Кормчие звезды» не писал. Библиографию критических отзывов о сборнике Иванова см.: Davidson Pamela. Viacheslav Ivanov: A Reference Guide. N.Y. e.a., [1996]. P. 1-3.

⁵⁶ Философов в 1895 окончил юридический факультет Петербургского университета, служил по министерству юстиции, печатался в юридических изданиях.

Была, т.е. застала ген<ерала> Дубровина⁵⁷ сегодня в Академии, была-то я уже раньше, но без Дубровина сведений получить не могла о Пушк<инской> Премии⁵⁸.

Дубровин очень приятный толстяк, сообщил мне – на Пуш<кинскую> прем<ию> надо представить до янв<аря> 1904 г., можно представить хоть сейчас. Подлежат премии книги, вышедшие в 1903 г. и раньше, след<овательно>, > Ваша, Вячеслав, к<а>к помеченная 1903 г., к<а>к раз подлежит. Представить надо 2 экз<емпляра> при письме на имя ген<ерала> Дубровина, в кот<ором> надо просить его о допущении прилагаемых книг на премию.

Вот и все, что он сказал.

4/17 Фев<раля>. Втор<ник>. Утро.

<...> Роман Лидин отнесу в пятницу лишь, т.к. и переписать еще не успела все, что нужно, да и рассчитываю, что в четверг Бэнуа повидается с Перц<овым> и поговорит. Перцов глухой, говорят, так что с ним говорить-то будет трудно.

Целую. Люблю.

Маруся» (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 32-36об)⁵⁹.

Примерно в те же самые дни (письмо не датировано) Зиновьева-Аннибал продолжает инструктировать Замятинину, указывая, что ей делать.

Ты, друг, старайся всюду проникнуть, всё разузнать, двигать и двигать. Например, думаем, что хорошо было бы после этого второго, столь смягченного и учтиво подписанного письма Бат<юшко>ва сходить к нему и постыдить его еще за Сборник. Прямо указать ему два-три стихотворения и заставить при себе прочитать и велеть ему написать критику. Это всё, конечно, от себя, потому что его переписка с тобою показывает большое личное уважение к тебе и даже известный страх. <...>

Мы думаем об очень широком издательском предприятии, но еще не решились и еще выжидаем прием Сборника, чтобы решить. Но, ми-

⁵⁷ Николай Федорович Дубровин (1837-1904), генерал-лейтенант, военный историк, непреходящий секретарь Академии наук с 1893 г.

⁵⁸ О Пушкинской премии, присуждавшейся Императорской Академией наук, см.: Шаламов В. Пушкинская премия // День поэзии. М., 1968. К письмам Замятиной приложены печатные «Правила о премиях А.С. Пушкина». 14/27 октября 1902 г. Иванов писал И.М. Гревсу: «Вл.С. Соловьев убеждал меня представить сборник в Академию на соискание Пушкинской премии. Я бы решился на это, если бы присуждение премии предстояло этой зимой и если бы знал срок и формальности представления книги, как и общие условия соискания» (История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова. М., 2006. С. 247). Как сообщают комментаторы Г.М. Бонгард-Левин, Н.В. Котрелев и Е.В. Ляпустина, Иванов представил свою книгу на соискание премии в январе 1904 г. и она заслужила уничтожительный отзыв П.И. Вейнберга.

⁵⁹ Частично процитировано в комментарии А.Н. Тюрина и А.А. Городецкой к публикации: «Обнимаю вас и матерински благословляю...»: Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн // Новый мир. 1997. № 6. С. 179.

лая, и мудрая, и спасительная Маруся, пойми, что времена круто изменились, что тишина и отвлеченность от мира нашей жизни должна роковым образом прекратиться со дня выхода Сборника, и иное должно быть направление всех наших усилий теперь, в особенности твоих. Теперь думаю также еще по-другому об желательности помещения «Пламенников» в «Нов<ом> Пути», да оно и невозможно. *Но сближение с Новопутейцами более нежели желательно* ввиду дальнейших наших планов в особенности. Поэтому делай всё, чтобы проникнуть к ним, наприм<ер>, к Розанову и «зажечь костер в ночи», «братский знак». Моим романом, т.е. его помещением, можно пользоваться как предлогом, а еще лучше, нельзя ли самой, *для своего интереса* попасть в какой-либо салон этих господ и также «Мира Искусства» и искусно говорить о нас со стороны Братского знака. Понимаешь? (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 20об-22).

Это письмо совпало и с настойчивыми уговорами А.В. Гольштейн, писавшей Иванову 6/19 февраля: «Теперь я думаю *места есть* для помещения Ваших статей и трагедии (про роман Л<идии> ничего не говорю, потому, что ничего не знаю, какой он будет). Это “Новый путь”. Достаньте или выпишите его, съездите в Россию и войдите с этими людьми в сношение <...> Если Вы приедете с трагедией или со статьей о лирической поэзии, Вы наверно немедленно займете там свое место. Статьи о религии страдающего бога у греков – в этом безусловно уверена – найдут место *всюду*»⁶⁰. Не зная о настояниях Гольштейн, еще не получив письма Зиновьевой-Аннибал с предписаниями, на протяжении нескольких писем подряд Замятина сообщает сведения о своих встречах с людьми, так или иначе связанными с «Новым путем». Так, в письме под № 16 (писалось, начиная с 4/17 февраля), она подробно рассказывает о визитах к Розанову и Мережковскому:

Среда 18/5 Февр<аля>.

<...> Оттуда⁶¹ поехала, после немалых колебаний, к Розанову, с целью раздобыть разрешение на присутствие в заседании общества ф<илософско>-р<елигиозных> бесед⁶². Долго не рещалась позвонить, наконец нажала особенно к<а>к-то выдающуюся пуговку звонка, да еще с надписью «нажать». Горничная открывает и говорит: «Спит, мол, нельзя видеть». Я спрашиваю, когда же можно видеть, и пока рассуждаю с горничной в передней, выходит жена⁶³, очень симпатичная, мягкая и ти-

---

⁶⁰ Переписка с Гольштейн. С. 369.

⁶¹ Из типографии «Нового времени».

⁶² Речь идет о Религиозно-философских собраниях, существовавших с 1901 по 1903 г. Подробнее см.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний 1901-1903 / Под общ. ред. С.М. Половинкина. М., 2005. В.В. Розанов, как и упоминаемые далее Мережковский и В.А. Тернавцев были членами-учредителями Собраний, а Розанов и Мережковский входили в Совет. Формально заседания были закрытыми (почему Замятина и пришла к Розанову), но разрешение на посещение можно было получить сравнительно легко.

⁶³ Варвара Дмитриевна Розанова (урожд. Руднева, в первом браке Бутягина, 1864-1923).

хая и говорит, что если я извиню ее мужа за то, что он в халате меня примет, т.к. он в это время всегда занимается, то можно, и затем, обращаясь в сторону кабинета Розанова, говорит: «Вася, тебя видеть хотя и извинят, что ты в халате», и просит войти тотчас же. Меня, извиняясь, встречает худенький, скорее небольшого роста человек в халате, нервный и тоже тихий. Я, конечно, тоже извиняюсь усиленно и говорю о цели <так!> моего прихода; сначала заявляет, что это совершенно невозможно, но затем, после нескольких вопросов, выясняющих, что ли, что я такое, делает доброзелательным и говорит, что для того, чтобы попасть (засед<ание> завтра, оказывается⁶⁴) надо, чтобы я съездила за согласием к Мережковскому и Тернавцеву⁶⁵, и затем пишет мне следующую карточку: «Экстренно и на две недели только г-жа Замятнина в Петербурге, и очень хочется ей быть на рел<игиозно>-фил<ософском> собрании. Я ей рекомендовал объехать всех членов: тогда пусть они напишут разрешение. Я – согласен и советую другим согласиться: дело исключительное». Не знаю уж толком, что я ему говорила, но, очевидно, до некоторой степени расположила его, он приветно и очень сердечно пожелал мне успеха и дружески простился.

Еду к Мережковскому уже более храбрая, опять горничная говорит: «Спит» – но я посылаю карточку свою и прошу сказать, что я от г. Розанова, через минут<у> просит пройти в кабинет, опять худенький человек, но, конечно, не в халате, и более от мира сего. Встречает – несколько сдержанно; я даю карточку Розанова и несколько выясняю причину своего желания. Когда он узнает, что я из Женевы, то спрашивает, не знакома ли я с Прозором – его переводчиком⁶⁶, ему хотелось бы ему привет послать. Затем я говорю о Вас <?>⁶⁷. Он тотчас же говорит, что Вы талант, просит передать свой искреннейший привет (он, оказывается, утверждает, что лично книги не получил, а лишь в редакции она есть), сообщает, что вчера, оказывается, был разбор Вашего сборника (он сказал – в «Нов<ом> Вр<емени>»), но я не нашла там⁶⁸), конечно, порицательный, с приведением какого-то, он не сказал какого, стихотвор<ения>, кот<орое> высмеивалось⁶⁹; но он говорит, что ему именно

⁶⁴ Речь идет о XIX заседании Собраний (Указ. соч. С. 397-423), где центральным был доклад В.А. Тернавцева «О догмате и откровении».

⁶⁵ Валентин Александрович Тернавцев (1866-1940), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, член-основатель и член Совета РФС. Впоследствии был в дружеских отношениях и с Ивановым и с Замятниной.

⁶⁶ Граф Маврикий Эдуардович Прозор, переведивший сочинения Мережковского на французский язык, был генеральным консулом в Веве и Женеве, с декабря 1904 – посланником в Бразилии и Аргентине.

⁶⁷ Оторван уголок листа.

⁶⁸ Имеется в виду статья А.А. Измайлова «Непомерные претензии» (Новая иллюстрация: Художественно-литературный журнал, издаваемый при «Биржевых ведомостях». 1903. 4 февраля. № 6).

⁶⁹ В статье Измайлова цитировались стихотворения «Тишина», «Имени Твоему», «Милость мира», «Песнь потомков Каиновых», «Missa solennis, Бетховена». Кажется, ни одно из них специально не «высмеивалось», хотя по поводу двух последних автор писал: «Иногда от стихов г. Иванова так и повеет еще более давнопрошедшими именами – Третьяков-

это-то стихотворение, наоборот, очень нравится. Даже <?> очень преклоняется перед Вашей образованностью, и затем просит официально через меня Вашего сотрудничества в их журнале «Нов<ый> Путь», но просит прозы, т.к. говорит, что еще для понимания стихов время не наступило, надо через прозу приготовить читателя, ну очевидно, что я ему тотчас и заявляю, что могу его удовлетворить, и говорю о «Пламенниках», само собой, сказав, что это, мол, не его, а его жены, и что это большая все-таки вещь, не для одного номера.

Здесь то, что ты, Лидия, жена Вячеслава, производит как раз обратное действие по сравн<ению> с «Миром Божьим» и его представит<елями>. Мер<ежковский> говорит, <что,> очевидно, и жена так же образованна, затем выспрашивает о романе и просит непременно принести поскорее, если подойдет, то в мартовской же книжке можно будет начать печатать, но окончательного ответа, он говорит, нельзя будет дать, не имея всего романа. Он говорит, что по тому, что я ему принесу, т.е. по этим двум главам, он мне скажет, может ли это подойти, и тогда попросит прислать все остальное. Обещал и за себя, и за Перцова, что просмотрят скоро то, что принесу, т.к. это и для них важно. Затем, узнав, что Вяч<еслав> занимается истор<ией> религии, очень просил, чтобы Вячесл<ав> написал бы статью для их журнала. Сказал, и очень искренне, что страшно рад вступить в сношение с вами.

Мне сказал, что мне непременно надо пойти на заседание, и что если бы я не поймала еще Тернавцева, то, во всяком случае, он меня завтра введет, чтобы я его вызвала. Прощаясь (через порог тоже не прощается), сказал, что надеется, что еще повидаемся.

Ну вот, к<a>к видите, уж худо ли, хорошо, а связь с «Новым Путем» завязана (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 37об-40⁷⁰).

В письме № 17, уже получив процитированное выше недатированное письмо от Зиновьевой-Аннибал, Замятнина продолжает повествование, кратко рассказывая и о своих впечатлениях от заседания Религиозно-философских собраний и (что для современного читателя, возможно, самое существенное) – от личности З.Н. Гиппиус.

Пятница. 7/20 февр<аля> 1903. 12 ½ ч. ночи.

<...> Так относительно общения с Розановым и компанией уже сделано, к<a>к уже знаете. Но ты пишешь, что по-другому думаете о желательности помещения «Пламенников» в «Нов<ом> Пути», а между тем я уже не могу отступить, к<a>к вы уже знаете из предыдущего письма, от отдачи их на просмотр Мережковскому. Он вчера на Собрании религ<иозно>-филос<офском> опять спросил меня о том, принесу ли я; я обещала, что принесу на днях, т.е. сегодня или завтра. <...>

ским, Ломоносовым или Елисаветой Кульман».

⁷⁰ От фразы «Еду к Мережковскому...» и до конца письма отчеркнуто по полям красным карандашом (видимо, Ивановым) и определенно его рукой поставлено: NB.

Да, я еще ничего не написала о вчерашнем собрании. Интересно было; но скажу, что все они на том же пути, что и вы, но вы дальше, мне кажется, гораздо дальше их ушли, и многому могли бы поучить их, и многое дать им, ищущим, мне кажется, искренне ищущим. Искренними и обнаруживающими себя и Розанов, и Мережковский, и Тернавцев. Они горят и ждут, к-а>к сами и говорили, откровения, требуют преображения и возмущаются, когда видят, что «церковь сияет благополучием».

Эти трое обнаружили себя искренними.

Но Гипиус <так!> – нет, ее я еще переварить не могу – не может же быть, чтобы она только казалась такой кривлякой. Она ничего не говорила, но кривлялась весь вечер несказанно и держала себя некультурно. Она красива и, верно, умна, но что за душа у нее? Это вопрос. Я все это говорю, судя по ее внешнему виду и пантомимному сидению за столом заседания.

Если не опишу, то расскажу все подробно (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 41об-43об).

А тем временем Зиновьева-Аннибал, получив первые обнадеживающие известия, оказывается в самом взбудораженном состоянии и буквально засыпает Замятнину письмами.

22 Февр<аля> 03

<...> Что же это. Не верится. Но и если не возьмут мой роман, всё равно великое дело уже совершилось тем, что Мережковский так признал «талант» Вячеслава и позвал его в сотрудники en principe и послал привет! Скажи ему, что на экземпляре Сборника, ему посланному <так!> написано греческое ⁷¹ приветствие ему от Вячеслава.

Дорогая наша, видишь ли, как много ты сделала для нас. Да, кстати, скажи Мережковскому от меня, что граф Прозор спрашивал меня перед моим отъездом в Россию, знакома ли я с Дмитрием Серг<еевичем> и что если да, что передать ему от графа привет.

Сотрудничество в «Нов<ом> Пути» для нас великое счастье, ибо даст нам возможность высказывать себя, свое миросозерцание, но не одиноко, а как бы «in Reih' und Glied» ⁷². Словом, говорить нечего: это счастье, счастье, и я боюсь ему верить.

Теперь о «Пламенниках». Ради Бога, *перепиши ясно* всю не напечатанную часть 2-й главы и *внимательно прокорректируй*. <...> Я вышло тотчас же «Чертозу». Скажи, чтобы они непременно заглянули в нее, потому что в ней тон романа изменяется: введен юмор и иные герои.

Теперь слушай. Скажи, что «Пламенники» замыслены на очень широком полотне, но что первая часть, которую я собиралась печатать отдельно под заглавием «Славящая (Ирина)» (из цикла «Пламенников») представляет собою полное и законченное единство.

⁷¹ Рукou Иванава вписано: стихотворное.

⁷² В едином строю, плечом к плечу (нем.).

О названии по роду моей книги: я хотела печатать сама под названием «Поэма» в оправдание особого стиля и жанра, необычного в романе, но что они могут назвать, как найдут удобным.

Теперь очень важное: думаю почти наверное, что они не примут вещи потому, что тотчас почуют широкие разводы как бы кисти по целой стене, медленно и упитанно <?> развивающуюся эпiku и испугаются размеров книги.

Ты молчи, пока *есть* малейшая возможность, до последнего отчаяния молчи, но если они из-за длины решительно, безнадежно откажут, то тогда *выдай*, что я могу пройтись по всей книге и выпустить многое, что уменьшает глубину и *доказательную* силу моих положений, но главные идеи и характеры не изуродует. Я могу сократить *значительно*. Но ты понимаешь, как обливаться будет сердце, потому что всё *должно* быть сказанным, что сказано ⁷³ (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 25-29).

23 Февр<алья> Понед<ельник>.

Марусенька, работаю как бешеная над перепиской. Вяч. помогает. Хочу завтра выслать «Чертозу» и *предпоследнюю* главу, т.е. жертву Ирины. Она прекраснее всех остальных и в ней уже намечен весь конец романа, даже почти *всего* цикла частей. **Ты должна заставить** Мережковского прочитать ее. Даже если он уже успел отказать от романа. Ради Бога, настой <так!> на этом просто по человечеству, даже не для журнала, но уприси его прочитать.

Волнение наше сильное. В особенности волнуется Вяч<еслав>. Он никогда из-за своей книги *так* не волновался. Где же бранили его? *Непреренно разыщи* (Там же. Л. 30 и об)

№ 7 (кажется) 24-ого (кажется) Февр<алья> 03

Ты задала нам огромный труд. Вячеслав, имея 16 стр. санскрита, еще мне помогал перепиской и выслушиванием и советами. Ну, вот дело: «Чертозу» вышлю завтра. Сегодня высылаю 1) главу последнюю, но не до конца (эта часть ее самая важная и заключает все намеки на конец).

2) отрывок из главы философской, и к нему прицеплен *exposé* о философии Оп<али>на и предстоящей ей эволюции. Если *не* отказано в «Нов<ом> Пути», то снеси тотчас и объясни 1) что завтра принесешь образчики юмора, иначе роман был бы слишком однообразен. 2) что могу по их желанию прислать и *самый* конец.

Если *отказано*, то всё-таки (конечно, если нет *полной* безнадежности), сходи к Мережковскому и попроси его по-человечески просмотреть присланное. <...>

Какое *счастье* если Мер<ежковский> искренний человек! Глубокое было бы счастье найти братьев по Порьву и идти вместе. Мучительно не знать, стоишь ли на пороге *счастия* или горького падения неждан-

---

⁷³ Далее страница текста вписана В.К. Шварсалон, после чего продолжается текст Зиновьевой-Аннибал, уже не имеющий прямого отношения к нашей теме.

но, но так сладостно родившейся надежды. И когда ты получишь это письмо, уже всё будет у вас решено! <...> Понимаешь ли ты всю важность возможности печататься в журнале, и именно в их журнале?

Месяцами большими глотками заставлял выпивать свое «наложение»; такая или иная *известность* неминуемая и пропаганда Сборника и его изъяснение и заполнение «Нового Пути» сильной, обильной струей моего романа. Это значит *быть* «Новым Путем». Но молчу, молчу. <...>

Вебер написал письмо Бенуа, где высказал бесконечно высокое мнение о *труде* Вяч. для языка, и философии, и стиля, но очень объективно и убедительно (Там же. Л. 32-34об).

9/22 февраля Замятнина сделала решительный шаг, описанный следующим образом в письме под № 18:

Четверг 13/26 февр<аля> 1903. 12 ч. дня.

В воскресенье прошлое я отвезла Мережковскому «Пламенники», предварительно переписав всю II-ую главу, отпечатать успели лишь 11 стран<иц>, кот<орые> я и вколола. Конец I главы переписать не успела, и Мережковский его не взял, теперь я его отдала в типографию, должны прислать гранки сегодня мне. Я очень настаивала, чтобы Мережковский прочел II главу, сказала, что отсут<ствие> конца I-ой не мешает —, что во II главе многое и главное относительно романа выясняется. Он обещал прочесть к след<ующему> воскресенью, когда и просил меня непременно прийти за ответом. Если они найдут подходящим, просил, чтобы тотчас же непременно выслать все остальное, но при этом опять просит, чтобы в гранках дать ему, и даже просил, чтобы телеграфили тогда, чтобы выслали, т.е. после воскресенья, когда скажет мне свое мнение, около 5 ч. дня. <...>

Он-то все говорит, что окончательного ответа не сможет дать, не имея всего произведения, но обещал сказать предположение на основании того, что имеется. <...>

Относительно рецензии «Сборника» Мережковский сказал, что в «Нов<ом> Пути» ее напишет Брюсов⁷⁴. Что касается «Мира Искусства», то если он только выберет время, что он теперь очень занят своим «Петром В<еликим>»⁷⁵, то он, может быть, постарается написать, но не знает еще, удастся ли ему урвать время⁷⁶.

Когда я уходила, то в следующей комнате через открытую дверь увидела лежащую в белом на chaise longue Гиппиус-Мережковскую — оче-

⁷⁴ Речь идет об очень известной рецензии В.Я. Брюсова (Новый путь. 1903. № 3. С. 212-214; перепеч.: Брюсов Валерий. Среди стихов: Манифесты, статьи рецензии 1894-1924. М., 1990. С. 74-75). Сам Брюсов в несколько переработанном виде включил ее в сборник «Далекие и близкие» (М., 1912).

⁷⁵ Имеется в виду роман «Петр и Алексей» (впервые — Новый путь. 1904. № 1-5, 9-12).

⁷⁶ Мережковский не рецензировал «Кормчие звезды». В журнале «Мир искусства» появилась скептическая рецензия П. Н<иколаева> (Хроника журнала «Мир искусства». 1903. № 14. С. 154).

видно, она слушала нас и очевидно он ей сейчас, по моему уходу, понесет гранки «Пламенников» (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 47об – 49).

Мережковский оказался в трудном положении. Как ни нуждался «Новый путь» в беллетристике, особенно в беллетристике «новых» писателей, роман Зиновьевой-Аннибал ему явно не подходил. Вообще судьба «Пламенников» наглядно демонстрирует, что прав был М. Кузмин, вспоминая: «У Брюсова волосы подымались дыбом всякий раз, как в редакцию вносили объемистую рукопись Зиновьевского романа»⁷⁷. Видимо, Мережковский испытал те же чувства, впервые столкнувшись с рукописью. Характерно, что в переписке Мережковских того времени по делам журнала фамилия Зиновьевой-Аннибал и название ее романа ни разу не упоминаются: совершенно очевидно, что никаких сомнений в необходимости отвергнуть предлагаемое у них не было. Но, с другой стороны, сотрудничество Иванова было для них весьма заманчивым, и отказать в одном, сохранив другое, было задачей непростой, но в конце концов удавшейся. Телеграмма в Женеву, сообщавшая о неудаче, не сохранилась, но в письме за № 19 (по непонятной причине первая страница его перечеркнута простым карандашом) Замятнина подробно описывала свидание с Мережковским и его тактику:

Воскр<есенье> 16 фев<раля>/>1 марта 1903. Вечер.

Лидия, да что же это? Отчего и Мережковс<кий> не может перешагнуть через форму? Теперь вы уже получили посланную мной телеграмму. Не знаю только, что вы из нее поняли. Я была так расстроена, что никак не могла сообразить, что надо телеграфировать. И теперь не могу справиться с сердцем, совсем с ума сошла. И теперь не знаю, сумею ли объяснить толком, отчего Мережк<овский> сказал, что не могут поместить «Пламенников» в «Новый Путь». <...> Мережк<овский> сказал, к<a>к я пришла сегодня, тоном сожаления, что по тому, что он прочел (а прочел он лишь то, что было в гранках, т.е. половину I-й – вторую так и не прочел) он, к сожалению, видит, что в журнале эта вещь принята быть не может из-за своей формы, это, гов<орит>, декадентская форма, что называется; не просто написано, слишком повышено по форме. Отдельной книжкой такая вещь, говорит, может печататься, а в журнале нет. Очень мож<ет> быть, что по содержанию вещь нам и очень подошла бы, но по форме не годится, из-за формы очень трудно и до содержания добраться. Видно, что автор замечательно образован и много <?>⁷⁸ имеет сказать, но по форме еще неопытен и форма искусственна; слишком большое количество эпизодов, кот<орые> не разъясняют, скорее, а загромождают определения. Романтизму много. Недостает математики – геометрии в музыке произведения.

Надо писать так ясно такие вещи, к<a>к пишет Эдгар По, вот образец.

---

⁷⁷ Кузмин М. Цит. соч. С. 70.

⁷⁸ В данном месте лист порван.

Насколько могу дать себе отчет, это вот все, что Мережк<овский> сказал.

Затем Мережк<овский> выражал все большое опасение, как бы из-за того, что «Пламенники» не подходят, Вячеслав бы из-за этого не отказал в своем сотрудничестве, и очень просил, чтобы он-то присылал свои вещи, статьи и стихи тоже, также если бы у тебя была бы вещь небольшая и других формах – надо думать, главное что величина вещи твоей их останавливает, хотя об этом он ничего не сказал.

Я спросила его, давал ли он Перцову, он говорит – нет, и на мое предположение, не показать ли лучше еще Перцову, конечно, сказал, что не надо, что он категорично может сказать, что не подходит, все равно Перцов на просмотр именно ему дал бы (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 51-52об).

Нам неизвестны письма Ивановых, являющиеся непосредственным откликом на этот рассказ Замятниной. Вероятно, причиной тому были сомнения их самих в объективной художественной ценности романа. Как кажется, об этом свидетельствует письмо А.В. Гольштейн к Иванову от 15 (2 по старому стилю) февраля, где она давала развернутую характеристику фрагмента из «Пламенников», и давала в совершенно недвусмысленных выражениях: «Мне так же чужд, неприятен, непонятен, – самое верное выражение – отрывок романа Лидии, как безусловно *все*, что написал Вагнер. <...> По моему, в этом есть талант, но мне, повторяю, чуждый и непонятный»⁷⁹. И хотя Иванов с нею не согласился, ответив в письме от 5/18 февраля: «Я надеюсь, когда повествование развернется, Вы примете внутреннюю необходимость этого нового еще, но не в мечте только, а в *потенции действительности* существующего мира»⁸⁰, – все-таки «общий глас» не мог быть для них ничего не значащим. И тут Иванов пошел на решительный шаг. Он написал письмо к самому Мережковскому, о чем извещал Замятнину открыткой 20 февраля / 5 марта:

Дорогой, милый, несравненный друг! «предтеча резвая прилива!»⁸¹ – помедлите, помедлите еще несколько деньков: пишу подробно, теперь же нет и минуточки, – только что кончил письмо Мережковскому. Вы к нему зайдите pour prendre congé⁸² – и услышать ответ через два – лучше три дня. Адресую в редакцию – адреса нет под рукой. Обнимаем.

Вяч. (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 7).

И через день вслед за этим (на конверте женевский штампель 7 марта) Замятниной было отправлено письмо с подробнейшими инструкциями, заодно хотя бы частично воспроизводящее письмо к Мережковскому, которое в доступных нам материалах не сохранилось.

⁷⁹ Переписка с Гольштейн. С. 363-364.

⁸⁰ Там же. С. 366.

⁸¹ Первая строка стихотворения «Прилив», посвященного Замятниной (I, 595).

⁸² Проститься (фр.).

Дорогой друг!

Пункты следуют не в порядке относительной их важности, а в беспорядке.

1. Подписаться нужно и на «Новый Путь» и на «Мир Искусства» (добыть лично № с портретом Ницше⁸³). Скорей высылайте 2-й № «Н<ового> Пути» – просит Лидия.

2. Добыть еще дополнительные сведения о пушк<инской> премии. Возможно, что «Тантал»⁸⁴ будет также уже издан. Я убеждаю Л<идию> представить роман, если он будет готов. Допускаются ли, кроме стихотвор<ных> сборников, драм<атических> произв<дений> – и романы? Необходимо ли отдельное издание или же возможно представить напечатанное в журнале? Рассматриваются ли поэт<ический> сборник и драма того же автора коллективно или раздельно? Есть ли внутренние условия соискания, напр<имер>, касающиеся языка и стиля? Есть ли «Правила»? – еще раз, и точнее, о порядке и формах представления книг. –

3. Продолжение статьи Измайлова (посвященное, правда, уже не мне, а товарищу моему по критической взбучке (écreintement⁸⁵), но могущее содержать и общие обоим оплеухи) – нужно добыть⁸⁶. Помните, что «comptabilité»⁸⁷ оплеух на Вашей «ответственности».

4. «Мы ленивы и нелюбопытны», сказал Пушкин. Не в обиду Вам будь сказано, Вы оправдываете это изречение, не любопытствуя посетить какую-нибудь читальную залу при библиотеке, раскрыть новые журналы (напр<имер>, «Р<усский> Вестник», «Р<усскую> Мысль»...) и удостовериться, нет ли движения трясин⁸⁸.

5. Есть журнал «Ежемес<ячные> Сочинения». Отчего бы, оглядываясь, не понюхать там, не пахнет ли смолой возженных пламенников. Тогда бы там и наши «Пламенники» не надымили⁸⁹.

6. Странно, что страх такой внушил Вам тишайший Розанов тихостью своей и тихой женой, халатом и выдающейся пуговицей звонка, что ничего-то, ничего Вы от него не добыли (в смысле изречений «пифических») и «костра ему в ночи не зажгли». Впрочем, не к тому это говорю,

---

⁸³ В «Мире искусства» 1902-1903 гг. нам не удалось обнаружить портрета Ф. Ницше.

⁸⁴ Трагедия Иванова. Впервые опубликована: Северные Цветы Ассирийские. М., 1905. Альманах IV. С. 199-245. Из собранных в комментарии О.А. Дешарт материалов (см. П, 676-681) явствует, что хотя она и была хорошо обдумана, но писалась уже в 1904 г.

⁸⁵ Разнос (фр.).

⁸⁶ Речь идет о второй части статьи А.А. Измайлова «Непомерные претензии» (Новая иллюстрация. 1903. 18 февраля. № 8. С. 60-63), которая была посвящена в основном книге И. Рукавишников «Стихотворения (2-й том)», но там упоминались и стихотворения Иванова. Отметим также апелляцию к творчеству Ст. Пшибышевского, которым Иванов интересовался (не исключено, что именно под влиянием этой статьи).

⁸⁷ «Бухгалтерия» (фр.).

⁸⁸ Названные Ивановым журналы «Кормчие звезды» не рецензировали.

⁸⁹ Издававшийся И.И. Ясинским журнал «Ежемесячные сочинения» не публиковал произведений ни Иванова, ни Зиновьевой-Аннибал.

чтобы посылать Вас лазутчиком во все блудилища земли обетованной, а так, к слову пришлось...

7. Мережковскому же я написал письмо. И уж, право, не знаю, как тут быть. Ни за что не нужно иметь вида заискивающих, а повидаться с ним еще было бы – кто знает? – быть может, и хорошо. Это предоставим исключительно Вашему такту. Ответ мне он, конечно, может и написать, если найдет нужным. Но так как я написал несколько фраз веских о том, что такое «Пламенники», то, быть может, он опять заговорит о них, – и если окажется *moins réfractaire*⁹⁰, то можно будет потом доставить ему главу о «Certosa» – именно *вторую* половину – и философскую главу, как и заключительную, для беглого просмотра. Быть может, Вы еще посетите рел<игиозно>-фил<ософские> собрания? Или облечете визит в форму светского прощания перед отъездом, после завязавшегося знакомства, которое Вы хотите «cultiver»... Это все намеки на возможности, но отнюдь не просьба *быть у него*. Дело в том, что отношения эти очень тонкие и, повторяю, нужно оставаться в границах большой сдержанности и независимости. – Вот что нехорошо, так это – что Вы уже чуть ли не струсили! «Что же это, Лидия? как же и М<ережковский> не может переступить через *форму*...» На это есть текст из книг пророческих: «...и вспяшь, пуглива, бежит...»⁹¹ Ну, не сердитесь, друг, что дразню Вас.

А пассаж из письма М<ережковском>у о «Пламенниках» следующий (наизусть помню):

«Отказ принять в “Н<овый> П<уть>” роман моей жены и сотрудницы – не удивил нас. Мы знали всю необычность его формы и не рассчитывали на то, что она будет прощена, не успев оправдать себя всем целым этого сложного произведения, задуманного как философская поэма и потому лирического в своей трагике и своем юморе, предполагающего широту манеры и пеструю смену тона. Что касается идейного содержания “Пламенников”, оно безусловно гармонирует с тенденциями “Нового Пути”, как положительными, так и отрицательными – будучи протестом против того, что *действительно* *décadence* в области философии, эстетики и морали.»

8. С типографией нужно хорошо и надежно устроиться, чтобы дело шло гладко. И взять непременно *расписку* о уплаченном. Уезжая, необходимо Вам рукоположить кого-нибудь в преемники по наблюдению за правильностью типографских дел. Вл.А. Беляевского? Ник. Павл. уедет с весны... Сами выдумайте.

9. Побывать в других типографиях и прицениться слегка, во сколько бы обошелся соответствующий томик и *возможно* ли таким же *форматом* и шрифтом его напечатать. Это очень важно нам знать наперед и через Вашу личную справку. Сойкин (Стремянная 12) имел такой же шрифт (да и вообще он не редкость).

⁹⁰ Менее упорным (фр.).

⁹¹ Несколько неточная цитата из стихотворения Иванова «Прилив»: «...и вспяшь, пуглива, / Отхлынет...» (I, 595).

10. Главу «Чертоза» отдайте в печать, а философскую еще нельзя. *Л<идия> ждет корректуры!*

11. Со Складом <так! > также необходимо надежно устроиться и получить от них определенные (если можно, письменные) обязательства относительно объявлений. И также нужно преемника поставить. Знают ли они что-нибудь о том, расхочется ли хоть немного книга? Продолжают ли держать ее в витрине?

12. Регулировать дело строго нужно и с «Argus de la Presse»⁹². Не только трудолюбив должен быть мужчина, но и не зевать и, главное, не запаздывать. Какая выгода узнать через полгода, что тебя обругали. Бывают случаи d'urgence⁹³ – в смысле самозащиты. Итак, он должен правильно корреспондировать.

Вот пункты, друг; теперь же имею более возвышенное и, если хотите, важное, чем пункты.

Замысел наш (который, Вы говорите, угадывали) был в том, чтобы издание лидиной лирико-философской эпопеи производить сравнительно небольшими последовательными выпусками, имеющими форму почти периодического издания (под именем, думали мы, «Д И О Н И С»), в котором – пока что – единственными сотрудниками были она да я, причём я поставлял бы для этого издания поэтическую (в смысле стихотворной) и философскую (в смысле формы) часть. Содержание первого выпуска было бы:

Пламенники. – «Славящая». – Гл. I-III, роман Л.З.

Тантал, трагедия Вяч. Иванова.

Афоризмы, В.И.

Содержание второго

Пламенники. – «Славящая». Гл. IV-V.

«Греческая религия страдающего бога»

и т.д.

Предприятие необычное! И притом: «du sublime au ridicule il n'y a qu'un seul pas»⁹⁴. Быть может, «Пламенники» проиграли бы в действии от дробления. Есть много contra.

Думать об осуществлении его нужно было бы осенью.

Первые отпечатанные главы романа так бы и вошли в издание, со своей пагинацией. Только продолжением были бы уже *moi* вещи. Форма книги та же.

Вот для *возможности* такого предприятия и нужно было бы предварительно *sonder le terrain*⁹⁵.

Во-первых, как посмотрят на самую возможность такого издания в литер<атурных> кругах?

---

⁹² Бюро газетных вырезок.

⁹³ Неотложности (фр.).

⁹⁴ От великого до смешного всего один шаг (фр.).

⁹⁵ Прощупать почву (фр.).

Далее, – нет ли издателя? Не заинтересовался ли бы этим «Мир Искусства», – не дал ли бы денег – как пай, что ли – и имя издательское, – вернее, не предпринял ли бы сам что-нибудь в виде литературных книжек, в союзе с нами и на нашей базе....

Здесь, конечно, я могу только *entamer la question*⁹⁶, и нельзя ничего поручить Вам в смысле *démarches*. Но Вы должны знать, что желательно было бы нам выведать, – и должны *подумать* сами.

Целую Ваши руки, обнимаю с горячей благодарностью. Вячеслав (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 10-13об).

Где-то в те же дни Замятниной написала и Зиновьева-Аннибал (письмо не датировано), несколько конкретизируя поручения:

Затем об расспросах по поводу «Диониса» советую сходить к тому же Мережковскому. Он же говорил о том, что моя книга хороша для отдельного напечатания, так, значит, есть предлог по человечеству, дружески спросить, что он думает о напечатании ее третьими, напр<имер>, в период<ическом> издании нашем.

Также хорошо бы к Бенуа сходить, быть может, смотря по приему, показать ему части романа и расспросить его мнение об издании «Диониса». И кстати узнать (хитро упомянув о знакомстве с Вебер<ом>), получил ли он письмо Вебера (очень лестное и объективное о Вяч<славе>), но, конечно, не *упоминать самой* о письме (Карт. 9. Ед. хр. 31. Л. 67 об-68).

Подробное письмо Иванова представляет особый интерес, поскольку весьма наглядно обнаруживает некоторые черты его литературной стратегии и тактики, определившиеся уже в самом начале пути.

Прежде всего это относится к полнейшей уверенности в собственной правоте, которая не может быть поколеблена никакими внешними обстоятельствами. Выше мы писали о том, что Иванов с волнением ожидал отзыва А.В. Гольштейн о художественной ценности романа жены. Но и получив от нее, равно как от Мережковского (отвечавшего не прямо, а через Замятнину), более чем скептический отклик, он по-прежнему продолжает настаивать на возможности и едва ли не необходимости напечатать роман в «Новом пути». Другое дело, что отказ не заставил его прервать отношения с журналом, как это было в случае с отказом Ф.Д. Батюшкова, а заставил смягчить жесткость требований, но убежденность продолжала оставаться.

Второе существенное обстоятельство – желание во что бы то ни стало добиться публикации, даже в тех случаях, когда ее сомнительность очевидна. Дело здесь еще и в том, что за три недели до этого письма Иванов спрашивал совета у Гольштейн, подробно ее информируя о том, что оставалось полускрытым от Замятниной: «На очереди – публикация “Пламенников”. (Кстати, подзаголовок будет “поэма” – как в “Мертвых Душах” – и мне кажется, Вы должны это одобрить.) Так как

⁹⁶ Затронуть вопрос (фр.).

этот роман-поэма будет очень велик, дело идет ближайшим образом о напечатании его первой части (“Славящая”). <...> Вот мы и напали на мысль издавать последовательные выпуски наших сочинений под общим заглавием. Содержание первого выпуска составили бы первые главы “Пламенников”, моя трагедия (первая в трилогии) “Тантал”, моя статья о лирической поэзии и афоризмы. Со второго выпуска, посвященного прежде всего продолжению “Пламенников”, я бы начал статьи о религии страдающего бога у греков и т.д. Преимущества и неудобства предполагаемого издания бросаются в глаза. С одной стороны, мы получаем возможность объединить наш труд, внутренне глубоко-солидарный, и с полной свободой и двойным голосом высказать наше мирозерцание эстетическое и философское, не подходящее ни под одну из существующих категорий и созревшее до внутренней необходимости выражения и провозглашения. С другой стороны – наша безызыщность, изолированность, необычность предприятия и необычность идей, кажущаяся притязательность, недоброжелательность к новаторам вообще и лично нам в частности, наконец, отсутствие издателя, трудность и неблагоприятность издания на собственные средства...»⁹⁷. В уже цитированном выше письме Гольштейн моментально отвечала: «Безусловно, не сочувствую “маритальному” изданию сочинений. Это умаляет значение как Л., так и Вашего труда; это может вызвать насмешливое отношение к Вашим изданиям. (Вы видите, что совсем невольно *даже у меня* выписалось насмешливое слово!) Вы знаете, что смех или насмешка куда хуже ругани. <...> Зачем же умалять свое значение совершен<но> излишним дилетантизмом. Новшество вещь хорошая, когда elle a sa raison d'être...»⁹⁸ Как видим, ни собственные сомнения, ни уговоры Гольштейн не заставили Иванова отказаться от своего замысла.

Наконец, стоит обратить внимание на убедительные настояния Иванова на идее представления своего сборника, равно как и еще не написанного «Тантала» и даже не напечатанного и встречаемого любимыми читателями со стороны в штывки романа Зиновьевой-Аннибал на Пушкинскую премию, а также на его полной уверенности в том, что его сборник будет отрецензирован в самых разнообразных журналах и газетах, за которыми призывает следить Замятнину.

А она, оставшаяся без руководства к действию, целое письмо (№ 20) пишет, совсем не затрагивая интересующих нас тем, и только в следующем снова к ним возвращается, отвечая на вопросы Иванова и общая о собственных действиях:

28 фев<раля> / 13 марта 1903. Пятница 12 ½ ч. ночи.

<...> 1. «Новый Путь» выслала сегодня со вложением продолжения статьи Измайлова и вырезки из «Южн<ого> Обозр<ения>»⁹⁹. На «Но-

⁹⁷ Переписка с Гольштейн. С. 367-368.

⁹⁸ Там же. С. 368-369 (с исправлением по оригиналу). Французское выражение означает «оно имеет свое право на существование».

⁹⁹ Имеется в виду рецензия, подписанная Ф.М.: Южное обозрение. 1903. 13 февраля, № 2073. Отметим, что она не указана в библиографии П. Дэвидсон.

вый путь» я, конечно, подписалась давно уже, и прежде чем идти к Мережковскому, еще тогда просмотрела его, иначе как же я стала бы ему говорить о единомыслии; не высылала № 2-го, потому что думала сама привезти.

2. Об условиях подробных Пушкинской премии узнаю завтра у Кондакова, я его еще до получения Вашего письма, Вячеслав, уже об этом просила, и он обещал к завтраму мне все узнать доподлинно. <...>

7. Очень зла, что не сообщили мне содержание всего письма к Мережковскому. Отчасти от этого и пойти к нему не считаю удобным. Тут действительно отношения должны быть очень тонки и надо иметь в виду каждый пунктик. <...>

12. На «Мир искусства» подпишусь. № с портретом Ницше уже искала, но у Вольфа мне не могли найти (это еще до вашего письма, конечно).

Интересен очень № 12 1902 г., я его просмотрела в магазине, там 1) выругали сильно Батюшкова как критика-чиновника, кот^{орый} говорит «с одной стороны нельзя не признать, а с другой не указать». Словом, буквально приведена та фраза, кот^{орой} я его всегда характеризовала, т.е. усиленное дерганье обоих усов¹⁰⁰.

2) в этом же номере находится некролог М.В. Якунчик^{овой}-Вебер¹⁰¹, кот^{орый} мне не нравится, т.к. словно тень какую-то кладет на ее семейную жизнь, словно кого-то или что-то, какие-то обстоятельства укоряет в ее смерти.

Постараюсь списать его, всего страничка. Только беда, что в Публичн^{ой} Библиотеке не выдают и из отделения, а в других библиотеках нигде нет. Может быть, у Кондакова или Султановой достану¹⁰². <...>

Теперь относительно издания «Дионис». Постараюсь *sonder le terrain*. Думаю по этому поводу пойти прямо к Дягилеву. Очень жалею, что у меня нет рекомендации к Бенуа от Ал^{ександры} Васильевны Гольштейн – удобнее было бы тогда пойти к нему. Но я все-таки верно пойду к нему, может быть, даже раньше Дягилева.<...>

С Мережковским в этом вопросе советоваться нельзя, т.к. это не в интересах «Нового Пути», да и там Гиппиус поперек дороги, так что его надо оставить. <...>

На этой неделе была я в закрытом заседании Философского Общества – был доклад Аничкова¹⁰³. Там видела Батюшкова, очень

¹⁰⁰ Имеется в виду рецензия на книгу Батюшкова «Критические очерки и заметки о современниках» (СПб., 1902): Философов Д. Литературный чиновник // Мир искусства. 1902. Т. 8. С. 65-67.

¹⁰¹ См.: С.Д[ягилев]. М.В. Якунчикова († 14 декабря 1902 г.) // Там же. С. 59.

¹⁰² Переписанный Замятинной текст некролога сохранился в бумагах А.В. Гольштейн (Бахметевский архив Колумбийского университета, Нью-Йорк). За информацию приносим благодарность М. Вахтелю.

¹⁰³ См. в хронике: «Во вторник, 25-го февраля, в зале совета университета, на закрытом собрании философского общества, был прочитан приват-доцентом Е.В. Аничковым весьма интересный доклад о «Внимании в процессе художественного восприятия», вызвавший

извинялся все за свое письмо и, конечно, признал, что не убедил меня. Говорил: «Конечно, конечно, я ничего не доказал», и опять извинялся (Карт. 19. Ед. Хр. 17. Л. 60-63об).

Отметим, что в тот же день Зиновьевой-Аннибал написала ее давняя подруга С.И. Алымова, откликаясь на полученные ею книгу Иванова и рукопись «Пламенников». Письмо ее в общем контексте нашей статьи далеко небезынтересно беспристрастностью оценки и вообще существом как мнение рядового «культурного» читателя¹⁰⁴, особенно хотелось бы обратить внимание на скептическую оценку «Пламенников».

13/III 1903

Дорогие друзья Лидя и Вячеслав Иванович, Как бесконечно давно не беседовала с Вами, и теперь не знаю с чего начать. Нет, конечно, знаю, с того, чем волнуетесь вы все это время, а именно с «Кормчих звезд» и с «Пламенников».

Во-первых, шлю им пожелание – найти читателей и ценителей.

Вячеслав Иванович, Вы меня и тронули и сконфузили своим посвящением. О, если бы заглянули в «сени души» моей, не нашли бы там ни милости, ни мужества, и не «Дерево добродетелей» посвятили бы мне¹⁰⁵.

Большой я профан и в античной истории и философии и многим в сборнике могу наслаждаться только как музыкой, чтобы понять, надо читать да перечитывать, но и это часто не приводит к цели.

Конечно, есть у Вас и для нас смертных стихотворения, милые, легкие и понятные; с удовольствием встретила там и своих прежних знакомцев, особенно свою крестницу¹⁰⁶.

оживленный обмен мнениями. <...> Доклад продолжался около 1 ½ часа, но был выслушан очень внимательно. Живое, увлекательное изложение и масса любопытных примеров от песни-заклинания шамана до стихотворений Верхарна не давали утомиться вниманию. Докладчику возражали многие члены собрания, в том числе профессора: Бехтерев, Лапшин, Бороздин, Батюшков и Саккетти» (Новости и биржевая газета. 1903. 27 февраля 1903. № 57).

¹⁰⁴ Так, еще 4 июня 1886 г. она писала Зиновьевой-Аннибал: «Теперь читаем <...> Ренана, но жалею, что он на французском языке, потому что наполовину смысл для меня теряется. Прочла я Толст<ого> – “Исповедь” и “Так что же там делать?” Первое я читала еще 4 года тому назад и вижу, что тогда была большой глупышкой и мало что понимала. Во втором же мне более всего понравилось приложение. Кажется ведь, эта вещь у Вас есть. Хотелось достать евангелие, но пока попытки остаются тщетными. Очень часто Ренан и Тол<стой> толкуют учение Христа согласно» (Карт. 11. Ед. хр. 25. Л. 2об-3).

¹⁰⁵ Четверостишие из цикла «Дистихи» (I, 642), на текст которого делаются отсылки.

¹⁰⁶ 1/13 июля 1898 г. Зиновьева-Аннибал писала Иванову: «София просит сказать, что она страшно жалеет, что тебя здесь нет, и очень кланяется. Она советует назвать сонет: “Любовь”, я очень это одобряю. Это идеал любви, Славинька, и она наша» (Карт. 22. Ед. хр. 5. Л. 42). Судя по всему речь идет о знаменитом сонете, начинающемся «Мы – два грозой зажженные стволы...» и озаглавленном, действительно, «Любовь» (I, 610-611).

Что сказать о «Пламенниках» по тем главам, которые удалось прочесть? Лидюша, не обидься, раньше роман был лучше; я горюю, что не нашла того, что так нравилось мне в Киеве¹⁰⁷: все переделано, все приподнято и затуманено. Даже фабула часто неясна. Вот пример: трое, читавшие первые главы, толкуют различно отношения Ирины к Опалину: один предполагает, что они уже не молоды, не молоды и как супруги, другой – что они еще жених и невеста и она очень юная, и третий – что они молодые супруги.

Роман не дает ответа, тем более, что образ Ирины не встает перед глазами.

Насколько детально описана наружность некоторых второстепенных лиц, напр<имер>, в сцене в Чертозе, настолько отсутствует описание фигур, лиц, костюмов главных персонажей. Это последнее замечание хотела проверить, перечитав I главу, но не удалось. Мож<ет> быть, я и не права.

Потом ваше общее, и твое, и Вяч. Ив., увлечение новыми словами, не чрезмерно ли оно? Не с большею ли осторожностью надо их вводить? Наводняя ими свои произведения, мне кажется, вы не достигнете их приобщения к русскому языку.

И эпитетов много у тебя, Лидя, часто странных эпитетов (напр., «тихие щеки»), а в результате ясный образ не всегда вырисовывается (Карт. 11. Ед. хр. 25. Л. 29-31).

Отметим, что это письмо Ивановы получили позже: в нем есть приписка о смерти С.А. Зиновьевой, датированная 28 марта. Еще не получив ответа и от Замятниной, Иванов продолжил свои наставления:

14/1 марта

Дорогой друг,

В ожидании Вашего ответа надумали мы еще вот что:

[Но прежде всего принципиально условимся, что ведь спех ваш домой только какая-то *autosuggestion*¹⁰⁸, и спешить вам с театра военных действий вовсе некуда.]

Первая глава подверглась существенным изменениям. Если есть возможность, покажите ее доброму Илье Ал<ексан>дровичу¹⁰⁹, прося его просто сказать свое впечатление и замечания, особенно о стиле и языке (*NB*: «кудели»?¹¹⁰)

Это такой чуткий и глубоко литературный человек, помимо уже того, что знаток глубокий. Кстати, очень сержусь на Вас за то, что Вы, пренебрегая вообще моими и Лидии литературными интересами (что выражается в невысылке своевременной журналов и новостей, как напр. «Хроники» Мира Иск<усства>, ц. 15 к. всего!), – не благоволите выслать

¹⁰⁷ Зиновьева-Аннибал виделась с Алымовой во время поездки в Киев летом 1898 года.

¹⁰⁸ Самовнушение (фр.).

¹⁰⁹ Имеется в виду И.А. Шляпкин.

¹¹⁰ См. выше письмо Ф.Д. Батюшкова от 24 января.

мне немедленно и книгу Шляпкина¹¹¹ и, лишая меня удовлетворения моей жажды пушкинистской, лишаете вместе и возможности написать ему благодарность.

Далее, о заставных буквах. Я нашел А совершенно стильное и подходящее, его же и приклеил к корректуре. Но желательно, конечно, иметь и другие образцы.

Неужели вас «дух» не «влечет»¹¹² увидеть Белокаменную? Там есть притом издательство Мамонтова, весьма чуткое, кажется, к литературным исканиям, по крайней мере, москвичей¹¹³.

Итак, гранки исправленные хотим выслать Вам, а Вы покажете, если возможно и ненавязчиво, Шляпкину.

Следите за журналами и не падайте духом. «Отхлынуть»¹¹⁴ всегда успеете.

Спасибо же за все усилия и все достигнутое – огромное.

Обнимаю. Привет и почтение дорогим Вашим.

Вяч.

Кондакову книгу послал (на Академию> Наук). (Карт. 9. Ед. Хр. 33. Л. 8-9об)

Но получение выше процитированного письма от 28 февраля / 13 марта вызвало и у него, и у Зиновьевой-Аннибал буквально приступ ярости, что лишний раз свидетельствует о том, какое значение они придавали своей стратегии и тактике, доверяя Замятниной лишь реализовывать их на практике. Они отправили ей телеграмму: «Проконсультируйтесь с Мережковским» (см. ниже), а следом за этим дали волю гневу в письмах. Первым написал Иванов, но потом, видимо, почувствовал, что переусердствовал, письмо разорвал и не послал. Но в надорванном виде оно сохранилось:

День моих именин¹¹⁵

Дорогая Маруся! Ваше только что полученное письмо ярко поставило перед глазами Ваш образ, во всем ужасе нашей с Вами абсолютной несовместимости (*incompatibilité*). Отказ зайти к Мережковскому вопреки *поручению* Л<идии> узнать его (единственно нам дружеское и для нас веское) мнение о задуманном издании (под несколькими предложениями –

---

¹¹¹ Речь идет о книге: Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг А.С. Пушкина. СПб., 1903.

¹¹² «Вас Дух влечет» – из стихотворения Иванова «Океаниды» (I, 526).

¹¹³ В 1900 г. Иванов недолго находился в переписке с М.А. Мамонтовым, сыном владельца известной московской типографии, состоявшим в каких-то отношениях с книгоиздательством «Скорпион» (которое, очевидно, и имеется здесь в виду). Подробнее см.: Котрелев Н.В. Переводная литература в деятельности книгоиздательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985; Переписка с Гольштейн. С. 351-353.

¹¹⁴ Отсылка все к тому же стихотворению Иванова «Прилив», которое уже не раз цитировалось им.

¹¹⁵ 4/17 марта.

Гиппиус! – и, главное, из злости на меня за умолчание о содержании моего письма, которого Вам знать было именно не нужно); – этот отказ есть дерзкий произвол, в Вашем духе, и вызов. В ответ посылаю. Вам формальное запрещение соваться с улицы к Дягилеву и портить Вашей обезумелой и озлившейся нервозностью наши дела. Обратиться к Бенуа, куда Вам идти указано, который Вам уже знаком и которому мы рекомендованы с двух сторон, Вы не пожелали. Не извольте больше ничего *предпринимать* для нас ни в каком смысле и ограничьтесь лишь регулированием дел в Типогр<афии> и Складе.

В.И. (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 14-15)

Вместо него написала Зиновьева-Аннибал, в спешке не поставив даты, и написала не менее гневно, рассчитывая, видимо, на то, что в общении двух женщин упреки будут восприняты не так остро, как со стороны Иванова:

Дорогая Маруся,

Вячеслав написал тебе ответ на твое сегодняшнее письмо, но разорвал. Я пишу тебе вместо него:

1) К Дягилеву с улицы идти – безобразно, и если на горе ты уже сходила, то против нашей воли. 2) К Бенуа идти было поручено: а) ты его сама видела. б) у нас есть две рекомендации к нему (ты же не нуждаешься в рекомендациях, потому не по своему делу) с) к нему был предлог идти, т.к. ты едешь в Женеву, где была Якунчикова и где Вебер. 3) К Мережковскому ты, можно сказать, была обязана идти, раз имела *прямое* поручение *его* спросить совет о «Дионисе». Он нам более друг, чем кто-либо. А о Гиппиус глупо делать заключение и даже нечестно. Она тоже мне сестра по духу, как и он. 4) Твой тон неприличный, почему мы «уроды» и почему Вяч<еслав> обязан сообщать письмо к Мереж<овскому>. У него могли быть разные соображения к противоположному. Что же это? Вячеслав должен давать отчет в своих письмах. Поверь, что до такой неделикатности я не дошла бы, будучи даже его женой.

К чему ты вводишь такой грубоватый тон в отношения, только что начинавшие становиться серьезными и приличными? Для скандала?

5) Объясни, что значит сия тайна? Ты писала мне, что *приколола* 2-ую главу к *половине* первой и дала Мережковскому. А теперь оказывается, что вторая глава некорретвана <так!>. Да и ты писала сама в письме после отказа, что Мереж<овский> прочел *только* *Лую* главу, т.е. *только напечатанное*, как объяснить это? Ведь я *все* надежды клала на *II-ю* главу, и I-ая меня погубила в «Новом Пути». Значит, ты погубила всё, если не дала 2-й главы. Совершенно не понимаю, как ты не пошла к Мережковскому и Бенуа, единственным единомышленникам нашим. Ты умеешь отлично поздравлять ко дню праздника.

Твоя Лидия (Первая половина письма, до слов «У него могли» – Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 54 и об; начиная со слов «быть разные соображения» – Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 16 и об).

Надо прямо сказать, что реакция Иванова была совершенно неадекватной. Напомним, что сам же он в цитированных письмах писал о воз-

возможности визита Замятниной к Мережковскому: «Это предоставим исключительно Вашему такту. <...> Быть может, Вы еще посетите рел<игиозно>-фил<ософские> собрания? Или облечете визит в форму светского прощания перед отъездом, после завязавшегося знакомства, которое Вы хотите «cultiver»... Это все намеки на возможности, но отнюдь не просьба *быть у него*. Дело в том, что отношения эти очень тонкие и, повторяю, нужно оставаться в границах большой сдержанности и независимости». Замятина последовала его совету, решив сама, по собственным соображениям, с ним не встречаться – и столкнулась с полнейшим непониманием.

Впрочем, эти непонимания продолжались и в дальнейшем. Так, 5 апреля (23 марта по старому стилю) уже Иванов решает снизить жар обвинительного письма Зиновьевой-Аннибал. Взяв письмо, он перед отправкой решительно вписывает перед началом (Зиновьева-Аннибал имела обыкновения начинать свои письма с большим спуском): «*Не читайте* этого резкого и злого письма, если Вы не в духе и не спокойны. Лидия *злится*, потому что слишком замучилась ожиданием и придает *слишком* большое значение “Скорпиону”, нигде не видя поддержки в своем деле», и далее текст на оставшихся четырех страницах перечеркивает тем же синим карандашом. А он очень обиден, даже прерванный на полуслове:

Милая Маруся,

Мне хотелось бы назвать горькими словам все твои поступки, но к чему. Изменник не виноват в том, что он предает дело друга для минутной прихоти. Лентяй не виноват в том, что позорно коптит небо. Бессердечный не способен даже рассудить, когда его равнодушие может встревожить или обидеть друга. Даже сердиться я не могу. Всё это лишь характеристика тебя такую, какую ты мне представляешься. Ни муки ожидания, ни страха за рукописи, ни огорчения за то, что, сунувшись, ты тотчас отхлынула и тем лишь, быть может, повредила делу, ни злобы и утомления и унижения ее – я не стану описывать тебе. Скажу только очень серьезно: я не имею высокого мнения о тебе. Боюсь, тебе будет тяжело жить со мною.

Теперь о деле: что значит эта дичь о том, что мы должны решать судьбу твоих примитивов¹¹⁶: Нам-то какое дело? Мы всё делали, чтобы из тебя сделать порядочного человека, больше ничего. Но что меня интересует, так это причина, которую ты приводишь для своего вопроса: «Как будет лучше для дела, скажите?» – что это значит: какому делу мешают примитивы? Ты ведь знаешь, что в Женеве в доме нет дела никакого для тебя. Об этом мы с тобой довольно говорили в Петерб<урге>. Что же касается моего отъезда, то я могу и уезжать из дому. Острога по-

¹¹⁶ Речь идет о занятиях Замятниной историей искусства. В 1904 г. она написала статью, которую Иванов рекомендовал Брюсову: «...наша М.М. Замятина посылает в “Весь” сегодня же заметку “по поводу парижской выставки миниатюр” и о значении их для изучения фламандских и французских примитивов» (Письмо от 4 августа / 28 июля 1904 / Публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М., 1978. Т. 85. С. 453). Рукопись этой статьи – Карт. 44. Ед. хр. 20.

стоянно ходит: в случае нужды поможет, и дети велики теперь (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 55-56об).

Но пока что Замятнина, ничего не ведая о неожиданных обидях, продолжала активную деятельность. В письме под № 22 она рассказывала:

СПБ. 2/16 марта 1903. Воскр<есень> 12 ½ ч. ночи.

Если не получу телеграммой от вас запрещения, то в четверг веч<ером> или пятн<ицу> утром на этой неделе выеду в Москву, для переговоров со «Скорпионом». Дело в том, что сегодня я на Общем Собр<ании> на курсах встретила с Пушкаревой-Котляревской¹¹⁷, отсюда поехали вместе на выставку картин Рериха «Современного Искусства»¹¹⁸ и по дороге разговорились об издании. Она, оказывается, хорошо знает скорпионских издателей и советует очень издать даже и роман отдельно под этой фирмой, а может, и «Диониса» одобрят.

Она мне даст рекомендательное письмо к главному заведующему этими изданиями¹¹⁹. Она и с Бальмонтом в большой дружбе, и массу художников знает; сегодня на выставке она познакомила меня с Лансере, очень молоденький мальчик, оказывается, он.

Бальмонт ведь тоже издавался «Скорпионом».

Так вот, я и думаю поговорить там и об издании «Диониса» или отдельно романа, что там посоветуют. Здесь никаких к издателям пока вылазок не делала.

Если Скорпионское издательство предложит вам <более> выгодные условия издательства, чем издание обойдется в «Нов<ом> Вр<емени>», то можно будет, придравшись к медленности и недостатку шрифта, может быть, и прекратить в «Нов<ом> Вр<емени>» издание и потребовать обратно деньги, уплатив за набор сделанный. <...>

¹¹⁷ Вера Васильевна Пушкарева-Котляревская (1871-1942), актриса Александринского театра, жена Н.А. Котляревского. В 1894 окончила историко-филологический факультет Высших женских курсов. 6 июля 1903 Зиновьева-Аннибал сообщила Замятниной: «Вчера завтракали с Пушкаревой <...> Она очаровательная, глубокая русская женщина, русской красоты и таланта, он – ужасен! Вот сумасшедший брак. Я не знала, что она ночью <?> писала тебе рекомендации Брюс<ову> и Поляк<ову>, и не знала, как достаточно благодарить. Они были в Женеве 1 день. Не обиделась ли она. Она имеет большие связи с художеств<енным> театром» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 75 об, 74).

¹¹⁸ См.: «В воскресенье, 2-го марта, в помещении “Современного искусства” (Большая Морская, 33) открывается выставка картин, эскизов и этюдов художника Рериха вместо закрывшейся выставки художника К. Сомова» (Новое время. 1903. 28 февраля (13 марта). № 9693). Об этом предприятии см. также материалы в журнале «Мир искусства» (1902. Т. 8. С. 35-36; подп.: Д.Б.; 1903. № 5-6 (вклейки); Д.Ф.<илософов>. Погибшее предприятие // Хроника журнала «Мир искусства». 1903. № 10. С. 96-98); ср.: Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России начала XX века. М., 1976. С. 197.

¹¹⁹ Видимо, имеется в виду Сергей Александрович Поляков (1874-1943), меценат «Скорпиона».

Меня что-то удерживает соваться здесь еще куда-либо. В «Мире Искусства» тоже, наверно, не образуют нового отдела, а без проку лишний раз отказ получать – вредно для дела.

Вчера у Кондакова сравнительно мало удалось его повидать и не обо всем, о чем хотелось, переговорить, очень рано начали приходиться гости.

Относительно Сборника он сказал, что еще мало с ним познакомился, но что пока кажется ему, что уж очень слишком ученый аппарат <так!> он представляет.<...>

Выставка «Совр<еменного> Иск<усс>ва» – обстановочная и со сменяющимися выставками картин то Сомова (эпохи 18 века), то теперь Рериха из быта древн<их> славян на пороге истории с камен<ными> идолами и всей архаичностью той эпохи, над кот<орыми>, правда, стелется, само собой, такое же, к<a>к и над нами теперь, живое небо. Не знаю уж, сознавал ли художник эту вечность неба при глубоком отличии той туманно-мрачной эпохи, но я вижу большую прелесть в этом контрасте, в этой смене и вечности» (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 65-69 ¹²⁰)

И в следующем письме под № 23:

СПБ. 3/16 Марта. Понед<ельник>. 1 ч. ночи.

Была вечером сегодня у Шляпкина, я ему послала гранки для прочтения, прося высказать мнение о стиле и языке. Он прочел два листа, больше не успел. <...> Впечатление его следующее. Читая, сердился. Может быть, потому, что стар стал, к<a>к он оговорился. Прежде всего потому, что привык, чтобы постепенно вводили, а тут сразу взяли за шиворот да и стали накачивать. Героев находит большими. Очевидно, дальше выяснится такой сильный их драматизм, говорит он, но пока кажется, что они опились. Герои имеют так много сказать, и мысли их так сконденсированы, что все это лучше должно было бы лучше выписаться в стихах. <...>

6/19 Марта. Четверг. 12 ч. ночи.

Только что ушел Котляревский Н.А., просидел весь вечер.

Итак, оказывается, завтра я не еду, т.к. телеграмму, гласящую: «Consultez Merejkovsky», получила. Задали задачу, кот<орой> не сочувствую – Зинаида мешает. Хотя телеграмма пришла около двух, сегодня не могла уже быть у Мережковского <...> В Москву, значит, послезавтра, если не отсоветует Мережковский, очевидно, об этом прозекте надо совет с ним держать вообще и о «Дионисе», в частности. <...>

Затем вечером должен был прийти Нестор, визитом кот<орого> осталась очень довольна. Тотчас, к<a>к пришел, хитрец, чтобы загладить все свои прегрешения, почел долгом довести до моего сведения, что, насколько ему пришлось слышать, «Кормчие Звезды» очень оцениваются,

---

¹²⁰ Отметим, что далее следует описание репетиции концерта А. Никиша, на которую Замятнина попала.

что эта книга, без сомнения, будет иметь будущее, что, конечно, нельзя ожидать скоро отзывов о ней, но что обстоятельные отзывы будут, но для этого надо немало времени. Он собирается летом штудировать эту книгу. <...> Затем, уже после этого, с ним поговорила и о «Пламенныхках», дала ему прочесть несколько мест. Говорит: «Во всяком случае, интересно и ново». Но советует печатать целиком, говорит, что предприятие периодического издания, такого, о кот<ором> вы думаете, может быть, и очень интересно и могло бы пойти, но лишь с уже известным именем, а так рискованно слишком. Сборник так скоро еще не упрочит имя; только со временем это возможно. <...>

Да, еще вот что. Продано, по справкам, 75 экз<емпляров> к 4-му Марта там значилось. <...>

Пятница. 5 ч. веч.

Знаете, дорогие, а я ведь все-таки к Мережковскому не пошла и думаю окончательно не идти. Я не понимаю практического результата отсюда. Зачем идти, совсем не знаю (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 71-75об).

Итак, в пятницу Замятнина к Мережковскому идти не собирается, а в субботу идет. Значит, именно в это время (то ли вечером 7, то ли утром 8 марта) она получила одновременно обиженное и наступательное письмо от Зиновьевой-Аннибал и ринулась выполнять ее поручения. В письме под № 24, начатом еще в пятницу, она пишет:

8/21 Марта 1903. Суббота. 6 ч. дня

Сейчас от Мережковского. Уж к<а>к я рада, что правы вы, а не я, в отношении Мережковского. Конечно, надо было идти, и мои опасения оказались неосновательны. Мережковский болен это время, но меня тотчас же принял, сейчас же стал говорить, что получил ваше письмо, на которое все еще не собрался ответить, но надо поговорить бы было, а писать совсем не то; но сегодня все-таки, верно, будет писать. Затем сказал, что прочел Сборник, и очень ему он нравится, хотя находит, что многое слишком еще индивидуально, и частно, и не возведено в общее, и отсюда является непонятность. Ему многие нравятся, напр<имер>, по выражениям, но он их не понимает, напр<имер>, «Дифирамбы» ему непонятны.

Он объясняет все это тем, что вы оба не в России, и очень зовет вас сюда работать. Он говорит, что и в романе тоже слишком большая индивидуальность и по той же причине. Затем очень просит вас прислать Афоризмы для «Нового Пути».

Мережковский говорит, что хорошо было бы, если бы вы вошли пайщиками в издание журнала «Новый Путь» для совместной работы в будущем году. Журнал этот, оказывается, начал издаваться кружком единомыслящих людей без капиталов, и они, главн<ые>-то издатели, гонорар себе не берут и, таким образом, в этом году журнал обеспечен, но посторонним платят. Конечно, в следующие годы так идти дело не может, но он надеется, что пойдет, но нужно, чтобы побольше единомыс-

лящих людей сгруппировалось вокруг этого дела, чтобы вместе обсуждать, работать вместе.

Затем его совет относительно отдельного издания – периодического – «Дионис» – отрицательный; наверно можно сказать: даром затратите деньги, а издателя тоже не найти никого. Относительно издания романа в издательстве «Скорпион» – очень советует попытаться; это, говорит, единственная возможность, чтобы роман хотя несколько распространился, но и то советует – печатать лишь в количестве 400 экземпляров и роскошным изданием, только для небольшой избранной публики. А так просто самим издать – уверяет, что продаваться не будет.

Во время нашего разговора я в зеркало видела, что Гипиус слушает, затем наконец она вышла и познакомилась (в белом обтянутом капоте шерстяном и белых туфлях – словно белый стебель с золотистой чашечкой). Она заинтересована, но, конечно, главная критика идет от нее, она ставит все в пример себя. Она говорит, что «надо и о непонятном писать понятно», а ты этого не делаешь; «тотчас же начинаешь злиться и ничего не понимать, кто и что». – «Вот я, я всегда писала понятно». «Но, правда, такая манера у других была года четыре тому назад, но теперь уже это пройдено, теперь нужна арифметичность, как у меня».

Мережковский делает замечание «не хвались», она возражает, что это не похвала, а правда.

Мережковский относительно себя говорит иначе – говоря о вашем сборнике – он говорил: «Я тоже прежде писал так отвлеченно, но теперь я через это перешел». И Вяч. Ив., тоже, конечно, перейдет, тоже, как и жена его, и вот для этого надо, чтобы хотя и в такой форме чтобы она напечатала свой роман. Только тогда, когда вещь напечатана, автор может встать и со стороны смотреть. А потому очень советую попытаться в «Скорпионе» – тем более, что Брюсов очень увлечен Сборником и может увлечься и романом, и хоть если не на счет фирмы, но имя фирмы наверно даст (она сомневается, чтобы «Скорпион» взял, но затем, убежденная им, что Брюсов может увлечься, соглашается тоже). Но, конечно, прежде-то надо предложить им издать на свой счет, а потом уж и на иных условиях.

В «Новом Пути» будет разбор Сборника хвалебный Брюсова. Они оба очень хотят с вами познакомиться, обоюдная, говорят, польза будет. Она спросила, сколько тебе лет, оказывается, как она сказала, вы обе ровесницы.

Когда будет в страницах, просили прислать, что отпечатано; не для помещения в журнале, они с интересом прочтут, говорят, и иначе относятся (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 78-81 об).

И только после этого подробного и чрезвычайно интересного рассказа Замятина начинает выяснять отношения в связи с ругательным письмом.

Существенно обратить внимание на то, что, по ее сообщению, 21 марта Мережковский только собирается писать письмо Иванову. Между тем, оно – первое из хранящихся в доступных нам архивах – датировано 20 марта. Видимо, хотя бы на один день Мережковский решил уменьшить тот срок, что он промолчал. Именно с этого извинения начинается

текст его письма. Поскольку оно уже было опубликовано, приведем лишь наиболее существенную для наших целей часть:

20 Марта 1903. С.П.Б.
Литейная 24, кв. 33.

Мне Ваши стихи очень многим нравятся и кажутся родными так же, как и вся Ваша личность. Но есть кое-что в стихах, чего я не понимаю, не знаю, по своей или по Вашей воле. Вообще чувствуется, что Вы слишком долго живете в уединении. Оно укрепляет, углубляет, но суживает. Вам бы надо сюда, в Петербург, к нам всем. Не только Вы нам нужны, но и мы, кажется, были бы для Вас бесполезны. Тут столько жатвы и так мало делателей. Ну, да я надеюсь, что это еще будет, что Вы окажетесь нашим самым деятельным сотрудником.

А пока «Афоризмы», разумеется, присылайте, а также «Религию страдающего Бога». Последнее по теме нам чрезвычайно подходит. Об одном только очень просим: как можно понятнее, проще, наивнее! Наша главная задача – чтобы нас *нельзя было не понять*, так как наше главное препятствие – то, что нас всеми силами стараются не понимать. <...>

«Пламенники» очень любопытны, но слишком непонятны для читателей, чтобы помещать их в журнале. Мария Михайловна Замятина обещала мне прислать дальнейшие корректуры «П<ламеннико>в». Я буду читать внимательно.

Итак, ждем от Вас известий и сотрудничества в «Новом Пути»¹²¹.

Как видим, Мережковский пишет практически то же самое, что Замятина передает с его слов, то есть письмо и устные суждения оказываются идентичными. После свидания с ним Замятина выполняет и второе существенное поручение – встретиться с Бенуа, о чем пишет по дороге из Петербурга в Москву 13/26 марта:

Была вчера у Бенуа. Был очень мил. Издания «Диониса» положительно не советует, но в «Скорпион» советует отдельно роман. Но роман он не читал, лишь на основ<ании> моего рассказа.

Я с Бенуа хорошо поговорила. Он обратно Мережк<овскому> вовсе не советует в Россию, и очень пессимистично настроен относительно положения дел вообще.

Изображал Мережковск<ого>, к<a>к тот постоянно восклицает: «Надо быть всем в сборе!» (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 84-85).

¹²¹ Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku. Warszawa, 1999. S. 81 / Публ. Н.А. Богомолова и М. Цимборской-Лебоды. Стоит отметить, что, комментируя это письмо, и мы, и фрагментарно его цитировавшие С.С. Гречишкин, Н.В. Котрелев и А.В. Лавров (ЛН. Т. 85. С. 435) ошибались, полагая, что речь идет о более или менее обработанном материале. Как следует из ныне печатаемых писем, в марте 1903 г. Иванов обладал только наметками плана, за которыми скорее всего не стояло никакого текста, появившегося позднее.

В сводной дневниковой записи, датированной «Февраль-март <1903>» Брюсов вполне хладнокровно фиксировал: «Являлась г-жа Замятнина от Вяч. Иванова пристроить роман его жены "Пламенники"»¹²². Однако сама Замятнина была весьма воодушевлена визитом, о чем извещала своих женевских друзей:

Москва. 14/27 Марта 1903. Пятница. 4 ч. дн.

Приехала сегодня утром. Была у Брюсова. Оставила роман на прочтение. Встречен был à bras ouverts¹²³. Принципиально, говорит, согласен напечатать в «Скорпионе», даже не читая, но только дело в том, что раньше конца этого года не могут начать печатать, так что выйти может лишь в начале 1904 г., это оттого, что есть до 10 книг, кот<орые> они должны издать, прежде чем приступить к изданию еще.

Можно бы было печатать у Суворина и только их фирму обозначить, но это не очень или, вернее, очень нежелательно им, т.к. и распространять и следить за изд<анием> в Петерб<урге> почти им невозможно, но тогда бы и издание уж не на их счет было бы. Они уж очень изящно желают чтобы было издано, так что это им не очень-то приятно, если не в их духе. Ответ окончательный или хотя более или менее окончательный пришлет мне письменно здесь на этих днях. <...> Очень уж они ценят Вячесл<авины> стихи.

Затем вот что я натворила, будете бранить, может быть, но я должна была быть категоричной и сказать либо да, либо нет. Дело вот в чем. Вячеславино стихотворение, посланное в «Нов<ый> Путь», там напечатано не будет. Брюсов просил разрешение напечатать его в Сборнике «Северные цветы», учавств<уют> <так!> Мережк<овский>, Гиппиус, Брюсов, Балмонт. Печатать надо сейчас, т.к. Сборник должен выйти к Пасхе, ответа Вашего ждать нельзя, и я разрешила. Сказала, что имею полномочие в издательских делах¹²⁴ (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 86-87об).

Однако вслед за этим началась полоса мучительного ожидания. 16/29 марта Замятнина пишет: «От Брюсова до сих пор еще не получила уведомления никакого» (Карт. 12. Ед. хр. 17. Л. 88). На следующий день: «По дороге в Лефортово заеду к Брюсову, до сих пор нет от него вести, а я завтра хочу уехать в Петербург, конечно, если покончу со «Скорпионом». <...> Брюсов обещал прислать ответ завтра» (Там же. Л. 89 и об). Потом она уезжает в Петербург, описывает похороны матери

¹²² РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16. Л. 31 об. В печатное издание дневников (М., 1927) запись не вошла.

¹²³ С распростертыми объятиями (фр.).

¹²⁴ Речь идет об упоминавшемся выше стихотворении Иванова «Хор духов благословляющих» (Северные цветы на 1903 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1903. С. 158-160). Отметим, что Брюсов извинялся перед Ивановым: «Напечатать ваши стихи позволила нам Мария Михайловна Замятнина. Не гневайтесь, что они помещены в общем разделе и в соседстве с дьяволом. Это случайность. Предыдущие листы уже были и отпечатаны» (ЛН. Т. 85. С. 434). Речь идет о стихотворении Федора Сологуба «Когда я в бурном море плавал...» (Северные цветы... С. 160-161).

Лидии Дмитриевны, но 28 марта / 10 апреля снова читаем: «Из “Скорпиона” никакого ответа до сих пор не имею» (Там же. Л. 98).

В это время Ивановы не перестают давать ей различные указания, но теперь уже связанные далеко не только с издательской деятельностью. Явно отвечая на цитированное письмо от 14/27 марта Зиновьева-Аннибал пишет ей в недатированном письме: «Критика Мережк<овского> принесла мне глубокую пользу. Я смогла *свежим* взглядом взглянуть на эту еще из старых времен притянутую главу и не нашедшую себя в простоте и убедительности своих истин. Теперь иное. <...> Вообще не *верю* ни одной минуты, что “Скорпион” издаст меня. Только глубоко счастлива от слов Брюсова о принятии “без *чтения*” даже *за Вячеслава*. Ради Бога, устрой моментальную высылку “Нов<ого> Пути”, и также *мне* очень важно “Мир Искусства”, *всё новое* мне нужно для окончательной отделки “Certosa” и “Виллы»» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 40 и об). Иванов же пользуется случаем, чтобы хоть в какой-то степени восстановить прежние московские контакты.

31/18 III. 03

Дорогой друг, счастливого пребывания в Москве желаем вам, и рвались давно высказать это пожелание – да уж очень скупы стали вы на письма, и мы так и не знаем, где вы; тем более, что при вашем своенравии и некоторой (очаровательнейшей, правда) взбалмошности, а также при весьма развитом родственном чувстве вы могли ведь и не поехать в Москву, а остаться с мамой. Дорогой друг, с чувством нежности и любви встречаем мы здесь заочно приближение вашего дня рождения, поздравляем вас любовно и желаем самого яркого солнца.

Досадно, Марусинька, писать вам, неуловимейшая, черт знает куда и не зная, попадет ли это писание в ваши выразительные ручки. На всякий случай [ибо все же иногда разум одерживает в вашей душе победу над вздорностью (впрочем, очаровательную) и может продиктовать вам ряд высоких и поэтических решений, как-то: осмотреться в Москве, побывать кое-где (о чем было говорено между нами), поговорить у Троице-Сергия и пр., а потом и Светлый праздник встретить на Руси¹²⁵, но уже, конечно, в семье] – итак, на всякий случай позволю себе просить вас об исполнении вот каких поручений в белокаменной.

Зайдите вы на Ильинке в Купеческий Банк и вызовите Голованова, Николая Николаевича¹²⁶, скажите ему мой сердечный привет и спросите, получил ли он мой сборник и – *hier liegt der Hund begraben*¹²⁷ – не *пере-*

¹²⁵ Последнее, впрочем, рекомендую только из человеколюбия и бескорыстия моего (*Примечание Иванова*).

¹²⁶ Н.Н. Голованов (1867-1938) известен как автор двух книг: Юлиан-отступник: Героическо-романтическая фантазия на историческую тему. М., 1904; Искарриот: Драма. М., 1905. О его деятельности как переводчика см. сведения в «Живом журнале» В. Симанкова: <http://simankov.livejournal.com/26367.html>. Во время пребывания Иванова в Москве в 1895 г. он вел переписку через Голованова.

¹²⁷ Здесь-то и зарыта собака (нем.).

путал ли я чего чисто механически в моей *dédicase*¹²⁸: мысль эта мучает меня каким-то кошмаром, объясните ему, что я посылая заразу кучу книг в величайшем спехе и был очень неоткровен в движениях пера. Если что перепутано, отберите у него испорченный такой ошибкой экземпляр (именно, я подозреваю, что переименовал его в «Ник<олая> *Ивановича*», что непростительно при старинном нашем приятельстве – это от соседства с посвящением Влад. *Ив.* Беляеву¹²⁹). Итак, скажите ему *mille amitiés* и спросите, как он поживает и что пишет.

Далее, узнайте в Публич<ной> библи<отеке> Румянцевского музея (где вы должны непременно бросить взгляд благоговейный на картину Иванова¹³⁰), работает ли там еще Яков Герасимов<ич> Квасков¹³¹ и, если увидите его, поклониться ему и передать <так!>, если хотите, сборник с прилагаемой *dédicase*. Было бы моему сердцу очень желательно узнать, служит ли еще Владимир Сергеевич Калабин¹³², потомств<енный> почет<ный> гражданин на М<осковский> Курской ж<елезной> д<ороге>, или где проживает, буде в Москве....

Относительно «Скорпиона» глубокая благодарность! Очень рад «Сев<ерным> Цветам» и хотел бы их получить по выходе. Печатать роман нужно было бы все-таки у Суворина и по отпечатании отдать в склад «Скорпиона», иначе денег потеря и времени.

Обнимаю горячо Вяч. <...> (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 18-19об).

Трепеща в ожидании ответа Брюсова, Иванов и Зиновьева-Аннибал всеми силами стараются убедить себя в том, что сотрудничество со «Скорпионом» – это и есть их судьба. Получив от Замятниной какой-то из каталогов «Скорпиона» (нам известны отдельно изданные каталоги 1902 и 1903 гг.), они пишут ей совместное письмо. Часть повествова-

---

¹²⁸ Посвящении (фр.).

¹²⁹ В.И. Беляев (1855—1911), ботаник-морфолог, профессор Варшавского университета (1891—1899). Пасынок тетки Вяч. Иванова.

¹³⁰ Имеется в виду «Явление Христа народу», хранившееся в те годы не в Третьяковской галерее, а в Румянцевском музее.

¹³¹ Я.Г. Квасков (1864-после 1940), помощник библиотекаря и дежурный при читальной зале библиотеки Румянцевского музея, работавший в близком сотрудничестве с Н.Ф. Федоровым. Автор брошюры «Реформа библиотечного дела. Библиотечные карточки при вновь выходящих книгах» (М., 1893, 1898).

¹³² О В.С. Калабине, друге юности Иванова, мы знаем очень мало. В биографии, написанной О. Дешарт, читаем: «Первое признание: “Ты – поэт”, – Вячеслав услышал еще в гимназии. Когда он перешел в шестой класс, там оказался ученик, оставленный на второй год, юноша высокий, стройный бронец, державшийся в стороне ото всех, рассеянный, плохо учившийся, но исполненный напряженной духовной жизни, почти ясновидящий. <...> Калабин из гимназии ушел, ее не кончив, но с другом своим отношений не прервал; он был свидетелем на свадьбе Вячеслава; после его отъезда за границу они уже больше не встречались. Калабин затерялся в жизни» (I, 31-32); Сам Иванов в «Автобиографическом письме» вспоминал: «Благотворным было для меня в эти годы сближение с одним товарищем-поэтом, по имени Калабиным, который чистым ясновидением угадал во мне таящегося от мира поэта...» (II, 14). Письма Калабина к Иванову – Карт. 27. Ед. хр. 7.

тельная написана Зиновьевой-Аннибал, а Иванов составил список книжных пожеланий с мелкими заметами.

26 Марта / 8 Апр. 03

Относительно «Скорпиона», то книжечка, посланная тобою <...> убедила меня в том, что я должна **все** усилия применить, чтобы войти в состав живых людей. Поэтому я не буду печатать дале <так!> свою книгу, пока письменно, а затем и устно (если нужно) не истощу все средства и все убеждения, чтобы заставить их издать меня *всецело своим* изданием. <...> Мережковский писал чудесное, горячее, русское по сердечности и детской простоте письмо и упомянул, что **20-ого** вышла книга и в ней критика Брюсова ¹³³! Он писал, что стихи Вяч<есла>ва, как и *вся его личность, родная* ему. Боюсь, что Брюссов ничего не поймет настоящего в моем романе по несчастным оттискам, я так многое изменяю. Первая глава будет незнаваема, и Ирина воскресает во 2-й. Боюсь, что ты очень необдуманно дала «Certosa» без объяснений. Это оттого, что ты ничего не *знаешь* из моего романа. Там Умолов трижды насмехается над «Горящими Зданиями» ¹³⁴, это может убить роман в их глазах. И вообще Умолов еще лишь позёр и неприличный мистификатор с грязноватым скандалом. <...> Объяснила ли ты, что этот Умолов потом подымается на высоту глубокого пафоса, становится в «Шуме» трагичным и прекрасным и что весь роман построен на высмеивании себя самого, т.е. на хранительном юморе, идущем вперед насмешкам Бурениным и умеряющем das Ethabene ¹³⁵ философских глубин и ставящего автора на объективную высоту над своим матерьялом. Брюссов ничего этого не мог понять, ты же спешила к маминой сисе к дню рождения. <...>

Нужно иметь

Полное собр<ание> соч<инений> Вл. Соловьева ¹³⁶.

Пока что, Маруся дорогая, купите:

Вал. Брюсов, Tertia Vigilia;

Ив. Бунин, Листопад;

Сев. Цветы за 1901 и 1902 гг. ¹³⁷

Добролюбов, стихотв<орения>

Работы *Лернера* и *Брюсова* о Пушкине и новые сборники стихов *Гиттуса, Мережковского* и *Бальмонта*

¹³³ Еще не очень привычную фамилию Зиновьева-Аннибал пишет то с одним, то с двумя «с». Мы сохраняем ее правописание.

¹³⁴ Сборник стихов К.Д. Бальмонта (первое издание – М., 1900). В письме к Зиновьевой-Аннибал от 13/26 1900 г. Иванов писал: «Таланта в книге очень много, и таланта созревшего: говорю, впрочем, только о форме и стихе. Стих не колет, но блещет, как стальные клинки, не жжет, но взвивается подобием языков пламени» (Карт. 9. Ед. хр. 43. Л. 13).

¹³⁵ Возвышенность (нем.).

¹³⁶ Строка вписана позднее.

¹³⁷ Строка вычеркнута, потом восстановлена.

Пишбышевский Homo Sapiens.

Целый капитал, черт возьми, на питание «ядовитой гадины». Но «положение обязывает», как говорит Батюшков, – которого «положение» – между двух стульев – обязывает..... (?). Нетерпение у меня великое стиснуть Вас, друг, в змеиных кольцах моих объятий. Вяч. (23.11. 47-49 об, 51 об)¹³⁸.

Как видим, и здесь Ивановы не могут удержаться от упреков, хотя и разнообразят их юмором. Но временами ждать становилось для них явно невыносимым. 27 марта / 9 апреля Иванов отправляет Замятниной открытку:

Из «Нов<ого> Вр<емени>» вижу, что Мереж<овский> не ошибся, оповещая выход книжки 20 числа. Объявление о ней – 21-го. Ваше письмо сообщает, что Вы высылаете «Н<овый> П<уть>» – 24. Но книжки все нет. Mes remerciements!!!

.....

.....

Может быть, мы будем в менее глупом и неприятном положении и вместе в менее неблагоприятных условиях для ведения наших дел¹³⁹, если абонемент будет прямо переписан на женевский адрес?

В.И. (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 17).

На это в письме за № 31, в той его части, которая написана 30 марта 12 апреля, Замятина, стоически подавляя обиду, пишет: «“Новый Путь” уже переведен на Женевский адрес; “Мир Иск<усства>” тоже по женевскому адресу выписан. “Homo Sapiens” уже раньше выписан и везу. Также и “Сев<ерные> Цветы”. <...> Каталог “Скорпиона” я прочла и видела всю необходимость сближения, при всей своей поверхностности, и видела важность быть там изданной» (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 102).

Ситуация разрешилась в начале (или в середине, если считать по новому стилю) апреля. Недатированное (теперь ясно, что написанное 1/14 апреля) письмо Брюсова, содержащее изложение принятого скорпионовцами решения, уже было напечатано, так что приведем из него лишь наиболее существенное: «Я “сделал все что мог”. Я передал корректуры нашему издателю, сказал ему, что, по моему мнению, издать роман следует, — и теперь уже бессилен. Скорость не в числе добродетелей скорпиона <так!>. <...> Не лучше ли продолжать печатать, если уже так много набрано? И согласно Вашему первому предложению взять “Скорп<ион>” в соиздатели?»¹⁴⁰

¹³⁸ Все означенные книги, кроме «новых сборников стихов» помечены (видимо, Замятниной), галочками как купленные.

¹³⁹ Напр<имер>, «Нов<ого> П<ути>» я жду, чтобы послать одно или два письма (*Примечание Иванова*).

¹⁴⁰ Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 294. См. там же и другие материалы, касающиеся издатель-

Привыкшая уже к ожиданию Замятнина эпически начала очередное письмо (№ 33) повествованием об очередной неудаче с поисками рецензента, как на следующую же день получила письмо от Брюсова и тут же бросилась пересылать его лишь с незначительными комментариями по ходу дела.

СПБ. 1/14 апреля 1903. Вторн<ик>. 12 ч. ночи.

Вчера к Софье¹⁴¹ приходил один математик философ некто <?> Херсонский, молод<ой> чел<овек> лет 30-ти, ему Софья давала сборник – думала, что он напишет рецензию. Он писал в «Научное Об-раз<ование>» <так>¹⁴² и «Вопр<осы> Филос<офии и психологии>» Он прочел весь сборник, гов<орит>, с большим интересом, понял всю его классичность, говорит, что временами ему казалось, словно некот<орые> стихи написаны по-гречески, так они верны греческому духу. Считает, что книга для немногих очень интересна. Но отзыва дать о ней не решается, гов<орит>, что он недостаточно филолог (т.е. он вовсе не филолог) и вообще у него недостаточно сведений научных, нужных для того, чтобы писать о ней. И кроме еще этого и журнала он не знает, где отзыв бы о ней поместили. Вот и ждите рецензий после этого.

Среда 2-го/15 Апреля. 6 ч. Веч.

Только что получила прилагаемое письмо Брюсова. По поводу него делаю оговорку, вовсе мое первое предложение не было взять «Скорпион» в соиздатели. Первое было предлож<ение> «Скорпиону» всецело ему издать, и уже к<a>к второй исход было соиздательство и продолжение печатания у Суворина, к<a>к я вам и писала, а то Брюсов неверно передает (Карт. 19. Ед. Хр. 17. Л. 104-105).

Отвечал ей на это письмо Иванов. Весь тон, редкостно шуточный (несколько, конечно, тяжеловесно шуточный), свидетельствует о том, с какой радостью было воспринято известие. Даже отсутствие формальной даты, замененной обширной перифразой (Пасха в 1903 г. приходилась на 6/19 апреля) о том говорит.

Великая Суббота – белая тишина <?> – Бог, спящий в гробе до третьего утра. Был у обедни, Лиля причастилась.

Дорогой друг,

Во-первых, агитируйте и настаивайте на *полном* издании; соиздательство едва ли целесообразно: если уже принять печать и знамение Скорпионовы, то уже так, чтобы видно было, что кружок стоит за произведение стеной, что Скорпионцы несут его на щите – иначе всякий подумает, что они только имя дали и пр. Иначе не знаю, не *выгоднее* ли

ских отношений Брюсова и Зиновьевой-Аннибал.

¹⁴¹ Видимо, ранее упоминавшаяся приятельница Л.Д. Зиновьевой-Аннибал С.И. Алымова.

¹⁴² На деле журнал назывался «Научное обозрение».

представиться обитателем пустынного острова, каковым аттестует меня Валерий Б. (читайте: «Бонапарт»). Так что, в случае их абсолютного нежелания брать на себя издание, как следует, – уж не знаю, как и быть. Думаю, так: примените словечко телеграфическое, примерно: [«gésalcitrants»] «coédition»^{143 144} – и мы тогда уполномочим Вас на то-то и на то-то, коли *не* телеграммой, то уж, значит, *письмом* [большую и досадную ошибку сделали Вы, друг, дезертировав из Москвы!]. Во всяком случае, они должны дать с именем и денег на *все* печатание (желалось бы!) и уже, конечно, и распространять должны книгу вместе с своими. Как жаль, что Вы, не оставшись в Москве, не воспользовались и Валерием как той точкой опоры, которая нужна была Архимеду, чтобы свернуть землю...

Не хотите ли, кстати, *une saillie*¹⁴⁵ изобретательности гениальной и таковой же смелости и красоты (ну, чем я тоже не Бонапарт из Скорпионцев, хоть по нахальству?). Если Поляков и К^о будут неверными Фомами, Вы скажите: «Поставим Бальмонта рассудить нас». Идите к Бальмонту и селямом от меня положите к ногам сына *Солнца* «Кормчие *Звезды*» и попросите его оценить корректуры «Пламенников» (с «горящими странами» умолив включительно).

Говорят, что Поляков один из бальмонтских царедворцев. Бальмонт же поймет красоту *наверно*. И это серьезно.

О моем брате и его семье ничего не пишу. Если увидите, сами знаете, что сказать ему и что потом мне.

Калабин – не «Калабанов» или «Калибанов»; так же мало, как я – «Ариэлев» или «Просперов».

Уезжаю в Париж в среду или четверг на Святой. Смотреть ли Вам «примитивов»?... Отчего Вы не велите лучше телеграфировать Вам, поститься ли Вам или нет или идти ли к Светлой заутрене?

Нельзя ли Вам привезти с собой некоторое число экземпляров Сборника? – Обнимаю. Христос воскрес.

В.И. (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 20-21об)

Завершая свое письмо относительно планов «Скорпиона» на «Пламенники», Брюсов говорил: «А в Петербурге, конечно, Вам нет необходимости оставаться. Можно до всего договориться и из Женевы»¹⁴⁶. Но Замятина решила довести дело до конца, не отставляя ничего на произвол судьбы, и поехала в Москву. Об этом предприятии мы знаем весьма мало. Так, не сохранилась телеграмма, в которой она извещает об окончательной, как ей казалось, победе. Зато сохранилось письмо, написанное удивительным образом, которое представляет собою не очень толковое излияние чувств, потому мы приведем его лишь частично. Написано оно было прямо накануне отъезда Иванова в Париж для

¹⁴³ [«Упрямыцы»] «совместное издание» (фр.).

¹⁴⁴ При «*mitraï*» <расходы пополам – фр.> в смысле *половины* издержек по типографии (Примечание Иванова).

¹⁴⁵ Зд.: верх (фр.).

¹⁴⁶ Богомолов Н.А. Цит. соч. С. 294.

чтения лекций в парижской Высшей школе общественных наук, тех самых лекций, которые стали его триумфом.

Суббота, 25/12 Апр. '03

Дорогая Маруся

Сидим с Лидией рядом и одновременно пишем на двух сторонах листа, отчего толкаем друг друга и не все выходит, б<ыть> м<ожет>, разборчиво.

Очень счастливы вашей телеграммой, благодарим и поздравляем с победой!

6 часов, через два часа едем на вокзал провожать меня в Париж. Первая лекция в понедельник 27/14 Апр<еля> в 10 ч... Silence, silence.

.....
Уезжайте с миром.

В. <...>

Зная, что я не лишен иногда дара предчудния <так!>, вы не удивитесь, что в среду после концерта камерной музыки и именно одного квартета Бетховена мы с Лидией avons soupré au champagne в Café de la Poste¹⁴⁷, справляя заранее что-то такое, что представлялось мне как ее победа в «Скорпионе»...

Я надеюсь, что Вы все устроили мудро, относительно условий, и надеюсь также, что решение «Скорпиона» окончательное и действенное. Обнимаю. В.

Дорогая Маруся.

Где ты? Только что отвез молочник корзину Вячеслава, полную книгами, новыми одедами и всяким богатством, и сели тебе писать. Через 2 часа выезжаем провожать самого лектора на Cornavin¹⁴⁸ к парижскому поезду. Он было прихворнул, но 1 ½ грамма хины его быстро выправили. Вчера утром совершилось невероятное. Пили у дедушки¹⁴⁹ за «Скорпиона»! <...>

Вячеслав, заметив час (2.40 утра) отправки твоей депеши, решил, что ты с Скорпионщиками ужинала в трактире и, напоив их пьяными, читала «Пламенники» до тех пор, пока в диком огне они все не закричали: «Полное издание!» Да, странный час! Счастье мое велико, главное – нравственная поддержка совсем чужих людей моего 8-летнего труда. Вячеслав меня изводит, дразня «Скорпионица». Ты сама сумеешь, конечно, все устроить как можно практичнее. Привези *огурцев* русских и *морсу*.

Целую. Бесконечно благодарная и любящая Лидия (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 23-24об)

Судя по всему, Замятнина рассчитывала сама рассказать Зиновьевой-Аннибал все подробности, но получилось так, что они разъехались:

¹⁴⁷ Ужинали с шампанским в «Café de la Poste» (фр.).

¹⁴⁸ Вокзал в Женеве.

¹⁴⁹ Дмитрия Васильевича Зиновьева (1823-1904), отца Л.Д.

пока Замятнина добиралась из России в Швейцарию, Зиновьева-Аннибал, каким-то образом пристроив детей, уехала из Женевы в Париж к мужу. Именно поэтому Замятниной пришлось рассказывать наиболее любопытные подробности пребывания в Москве не устно, а в письме.

Villa Java. № 1. 6 мая 1903. Среда. 3 ч. дня.

Страшно интересуюсь свиданием Лидии с Брюсовым и тем, на чем вы с ним порешили. Мой совет печатать в Москве, а не продолжать печатания в «Нов<ом> Вр<емени>», к<a>к предлагал мне и Поляков, но что я категорично отклонила и порешили печатать в Москве, я основывалась, настаивая на Москве, на прежних же словах Брюсова, что следить за изданием в Петерб<урге> из Москвы им будет крайне неудобно; а затем и пересылка всего издания в склад в Москву из Петерб<ур>га – тоже – процедура. Затем Поляков предлагал печатать, если найдете, что это хорошо, на той же бумаге, к<a>к напечатан «Номо S<арипени>» Пшебыш<евского> <так!>, это им было бы удобно, т.к. у них имеется уже запас этой бумаги. И потом, по-моему, «типография Нов<ого> Вр<емени>» на издании «Скорпиона» просто к<a>к-то режет глаз; должно быть московское издание, а то выходит то да не то. К<a>к будто их и не их. Мне думается, что для успеха и прочности дела и большей определенности и ясности уж придется пожертвовать расходом за набор в «Нов<ом> Вр<емени>»¹⁵⁰ <...>

Затем, когда ты думаешь начать печатание? Очевидно по возвращении? Или отослать первую главу для набора ведь раньше можно будет? Поляков думал, что ты обеих держала только первую корректуру. Затем, верно, после того, к<a>к начнется печатание, в наборе очень долго держать нельзя будет. Поляков предполагал печатать в количестве от 600 до 1200, т.е. или 600 или 1200, смотря по тому, к<a>к им покажется, насколько роман расхочется будет. Большая часть их изданий, кажется, в колич<естве> 600 экз<емпляров> печаталась, но Пшебышевского напечатано > 1200 экз<емпляров>. Посылать надо на имя Полякова Серг<ея> Ал<ексан>др<овича>. Москва, Ильинка, Юшков пер., д. Александрова, Знаменская Мануфактура. Опасности задержки в цензуре нет, к<a>к мне сказал Поляков.

¹⁵⁰ 16/29 мая Брюсов извещал Иванова: «“Пламенники” будет очень трудно печатать в Москве. Нельзя будет *начать* раньше конца этого года. Всего удобнее было бы продолжать печатание в Петербурге. “Скорпион” при этом принимает издание на себя. Сообщите, согласны ли вы» (ЛН. Т. 85. С. 435). В ответ Иванов почти настаивал: «Нам *очень* хотелось бы, чтобы “Пламенники” печатались в Москве. Что раньше конца этого года нельзя начать печатание, – не пугает нас, – раз (под условием, что *мы* не будем задерживать корректур) книга может выйти в свет к осени 1904 г. <...> Формат романа, установленный в типографии “Нового времени”, оказывается неудобным, стеснительным. И вот, наконец, еще одно соображение: Одилон Редон согласен сделать литографию для обложки <...> Он бы желал напечатать обложку в Париже под своим наблюдением. Согласился ли бы “Скорпион” осуществить или помочь нам осуществить этот соблазнительный нас проект?» (Письмо от 23/10 июня // Там же. С. 436).

<...> Насмешили вы меня предположением ночной телеграммы, телеграмма послана днем, и решение состоялось в самой благочестивой обстановке, в здоровом уме и полной памяти, на Таганке, в родительском домике. Ведь это были праздничные дни, а таковые проводятся при родителях старых, по крайней мере, часть дня. Была я у Полякова в день отъезда еще раз, чтобы окончательно условиться в этих детальных вопросах. Сказала ему, что это очень мило, что они сделали объявление в «Сев<ерных> Цв<етах>» о «Кормчих Звездах». Он очень симпатичный, и так симпатично относится к «Кормчим Звездам», к<a>к будто это их совсем близкое детище и что иначе и быть не могло. Как-то вам Брюсов показался. Все ведь они еще молодые, и на тех же дрожжах, что вы, только еще не так глубоки, не дошли еще, но симпатичны уже. Со страстной у них устроен свой склад книжный, а то ведь отдельного склада не было. Я была пятая покупательница; сделали мне 30% уст<упки>. Я купила и переводы Кнута Гамс<уна>, сделанные Поляковым с норвежского, и еще кое-что, словом, все, что было скорпионовского за исключением перев<одов> с немецкого и Д'Аннунцио (Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 109-110об).

На этом выделенный нами сюжет если не вполне заканчивается, то, во всяком случае, сплетаясь с другими, становится не доминирующим, а подчиненным.

ПАРИЖСКИЕ ЛЕКЦИИ

1

В известном автобиографическом письме к С.А. Венгеру Вячеслав Иванов рассказывал: «В 1903 г. я читал курс лекций о Дионисе в парижской Высшей школе общественных наук, устроенной М.М. Ковалевским для русских. Инициатором этого приглашения был покойный И.И. Щукин; с покойным М.М. Ковалевским связала меня с тех пор глубокая приязнь. Там я познакомился с пришедшим на мою лекцию Валерием Брюсовым, уже рецензировавшим мою книгу стихов. Мережковский писал мне, прося дать лекции о Дионисе в “Новый Путь”» (II, 21). До сих пор это известие было самым полным изложением обстоятельств, предшествовавших настоящей литературной известности Иванова, начавшейся с 1904 года, когда начали печататься в журнале «Новый путь» его лекции, вышла книга «Прозрачность», к тому же он сделался постоянным сотрудником журнала «Весы». Однако, как кажется, сейчас обнаруживаются обстоятельства, позволяющие взглянуть на этот период несколько более объективным взглядом.

В апреле 1902 года, не выдержав разлуки с семьей и не совершив давно планировавшегося и желанного путешествия по Пелопоннесу и греческим островам, Иванов возвращается в Женеву, где тогда находились и его жена, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, и дети (их общая дочь Лидия и трое детей Зиновьевой-Аннибал от первого брака). Мы очень мало знаем об этом периоде жизни Иванова, поскольку свидетельств он практически не оставил: все его близкие жили рядом, дневника он, сколько мы знаем, тогда не вел, так что практически год жизни останется нам неизвестным.

Однако в начале 1903 года уезжает в Россию сначала М.М. Замятнина, жившая вместе с Ивановыми и помогавшая во всех сложных ситуациях, а затем и Зиновьева-Аннибал, которую вызвали к умирающей матери. Эти обстоятельства помогают нам составить картину жизни Иванова в тот период, который очень плохо представлен в существующей научной литературе¹⁵¹. Весной 1903 года Иванов и Зиновьева-

---

¹⁵¹ Минимальными сведениями, восходящими к «Автобиографическому письму» обходится О. Дешарт (I, 58), равно как и автор наиболее авторитетной биографической статьи об Иванове Н.В. Котрелев (Русские писатели 1800-1917. М., 1992. Т. 2. С. 373). Нисколько не

Аннибал пишут друг другу в сравнительно короткий период своей разлуки (эти письма приготовлены к печати в составе полного корпуса их переписки), а кроме того – состоят в регулярной переписке с Замятниной, сделавшейся на какое-то время их эмиссаром в России. Оставляя в стороне существенные проблемы, связанные с литературным дебютом Иванова, – реакцией (или попытками вызвать такую реакцию) на него различных авторов, планами публикации романа Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Пламенники», эпистолярным общением Иванова с Д.С. Мережковским (а также общением по его наущению М.М. Замятниной с В.В. Розановым, Александром Н. Бенуа, тем же Мережковским, «скорпионами», т.е. В.Я. Брюсовым и С.А. Поляковым в первую очередь), о которых уже шла речь выше, мы сосредоточимся на малоизвестных аспектах участия Иванова в деятельности парижской Высшей школы общественных наук.

Как уже было отмечено ранее, Иванова пригласил участвовать в его работе Иван Иванович Щукин. 19 февраля 1903 г. Иванову писала его парижская знакомая А.В. Гольштейн: «Еще раз перечитала письмо Щукина»¹⁵². Комментаторы данного издания, давая справку о Щукине, ничего не написали о его письме. Однако в почти одновременно вышедшей другой публикации того же письма читаем: «Щукин Иван Иванович (1869-1908) – искусствовед, профессор филологии, коллекционер. Жил в Париже с 1903 года, служил в Лувре. Это письмо И.И. Щукина утеряно. В нем содержалось приглашение Иванову читать лекции в Высшей школе общественных наук в Париже <...> Щукин читал там лекции по истории христианства, религиозному и общественному движению в средневековой Европе, по истории русского права и истории живописи»¹⁵³. Как кажется, эти данные нуждаются в уточнениях.

Прежде всего они должны относиться к личности И.И. Щукина. Насчет профессорства и службы в Лувре, кажется, комментаторы ошибаются. Во всяком случае, ни о чем подобном наиболее подробная на сегодня биография этого замечательного в своем роде человека не сообщает¹⁵⁴. Однако несомненно, что высокая образованность (он окончил Катковский лицей и юридический факультет Московского университета) позволяла ему чувствовать себя в состоянии читать лекции по самым различным предметам. Он преподавал в брюссельском Вольном университете, в Институте восточных языков в Париже (и завещал ему свою библиотеку, которой при его жизни активно пользовался Иванов), а с основания русской Высшей школы общественных наук в Париже – и

более вдается в подробности биографии Иванова этого времени С.С. Аверинцев («Скворещиц вольных граждан...») Вячеслав Иванов: Путь поэта между мирами. М., 2001. С. 64-66). Ни одной статьи, сколько-нибудь полно затрагивающей эту тему, нам неизвестно.

¹⁵² Переписка с Гольштейн. Р. 370. Публикаторы отнесли эту часть (продолжение) письма к 20 февраля, для чего оснований, кажется, нет.

¹⁵³ «Обнимаю вас и матерински благословляю...»: Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн / Публ., подг. текста и прим. А.Н. Тюрина и А.А. Городецкой // Новый мир. 1997. № 6. С. 182. Отметим, что композиция текста этого письма в публикациях значительно различается.

¹⁵⁴ См.: Демская Александра, Семенова Наталия. У Щукина, на Знаменке... М., [1993].

в ней. В 1901-1902 учебном году он прочитал там курс «Религиозное и общественное движение в XIV и XV вв.», а также среди «дополнительных курсов и отдельных лекций» – «Введение в изучение истории; Литература истории русского права»¹⁵⁵, о лекциях 1902-1903 учебного года он сам рассказал Иванову (см. далее). Однако в программе Школы на 1903-1904 учебный год имени Щукина уже нет. Через кого он познакомился с Ивановым, мы не знаем, но знакомство это относится, по всей видимости, к 1895 или 1896 году: летом 1896 года Иванов уже совершает «обычные визиты» к Щукину, часто в сопровождении И.М. Гревса, о чем довольно регулярно извещает Зиновьеву-Аннибал.

В переписке, на которую далее мы будем более всего опираться, имя Щукина впервые появляется в недатированном письме, относящемся к середине февраля 1903 года, когда Зиновьева-Аннибал сообщила Замятниной: «Да, Щукин предложил Вяч<еславу> читать курс в Парижск<ой> Русской школе. В принципе Вяч<еслав> согласен: вопрос времени» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 23 об)..

Нам трудно сказать, что именно Иванов знал о трудах и днях Школы, однако насыщенность программы ее именами людей, которые не могли быть Иванову безразличны, впечатляет. Так, в первый год существования там преподавали Е.В. Аничков, впоследствии один из очень близких друзей Иванова, В.Г. Тан-Богораз, стихами которого Иванов был заинтересован¹⁵⁶, П.Д. Боборькин, чьи романы Иванов читал довольно внимательно. Во второй год к ним прибавились Ю.Ф. Семенов (известный впоследствии как редактор газеты «Возрождение»), женатый на дочери близких знакомых Иванова А.В. и В.А. Гольштейнов и регулярно упоминающийся в его письмах, и К.Д. Бальмонт (Иванов следил за его книгами, начиная по крайней мере с «Тишины»), а также будущие друзья Иванова В.Н. Ивановский и С.А. Котляревский. Вряд ли ему могло быть безразлично участие в лекциях таких знаменитостей,

¹⁵⁵ При изложении сведений о читавшихся в Школе курсах мы опираемся на печатные «Перечни курсов...» за 1901-1902 и 1902-1903 учебные годы, а также программу на 1903-1904 учебный год, сохранившиеся в бумагах Б.И. Николаевского (Hoover Institution on War, Revolution and Peace. В. Nicolaevsky Collection, Box 78, Folder 11)

¹⁵⁶ В письме к М.М. Замятниной от 25 декабря 1899 г. Зиновьева-Аннибал спрашивала: «Также почему ничего не пишешь о литературе: Есть ли сборник Тана? Если есть, то пришли. Все это так живо интересуется В<ячеслава>» (Карт. 23. Ед. хр. 6. Л. 31), а сам Иванов по этому поводу писал ей же: «Два стихотворения Тана (поэт нашего "марксизма", не так ли?) очень меня заинтересовали; но одно из них – глупый перепев из Ницше (misérable blasphème <жалкое богохульство – фр.>) – не заслуживает внимания. Говоря языком музыкальных критиков, Тан имеет хороший большой голос, но без всякой школы. У него есть лирический подъем и широкий захват легких. Но он однозвучен и однодумен. Странно, что он <1 нрзб> направление, которому пора быть принципиально отжившим. Старое – все старое, и под лаком нищезанятия. Заповедь Верлена:

Trends l'éloquence, et tords-lui son cou –

ему неизвестна и непонятна. Его язык не вполне корректен и на уровне господствующего жаргона. Прежде же всего он юношески, почти отрочески незрел, но и тем большие «подает надежды» (Письмо, помеченное «Последний день русского XIX столетия» // Карт. 9. Ед. хр. 31. Л. 15об). Стихотворная цитата – из стихотворения П. Верлена «Искусство поэзии» («Art poétique»). В переводе В.Я. Брюсова – «Риторике сломай ты шею!»

как И.И. Мечников, Макс Нордау, Казимир Валишевский, Элизе Реклю, Георг Брандес, К.А. Тимирязев. О возникновении Школы, ее задачах и преподавателях широко рассказывалось в печати¹⁵⁷, так что можно предположить, что многое Иванов знал.

Письмо Щукина (которое, вопреки утверждению А.Н. Тюриня и А.А. Городецкой, сохранилось), пришло в Женеву 9 или 10 февраля 1903 года. Вот оно:

8 февраля 1903

Многоуважаемый
Вячеслав Иванович,

Очень приятным для меня сюрпризом была упавшая ко мне кормчая звезда, указавшая, наконец, где искать Вас. Серьезно, Ваша любезная присылка доставила мне большое удовольствие, и от всей души шлю Вам самое теплое спасибо. Очень было приятно мне узнать также, что мы теперь почти соседи, и эта близость дает мне смелость обратиться к Вам с нижеследующим предположением: не согласитесь ли Вы приехать в Париж, чтобы прочесть в нашей Русской школе какой-либо цельный курс (не менее 10 лекций) по истории античного мира? В нашей программе на первом плане стоит экономика – затем государственные науки и юриспруденция. Так вот, если бы Вы приняли на себя труд прочесть что-либо из экономическо-й, государственной или правовой истории классической древности, а? Но если сие Вам не улыбается, то по философии, культурной истории Эллады или Рима, вообще, что Вам ближе и симпатичнее. Большинство (80%-90%) слушателей древних языков не знают.

И еще: в случае Вашего согласия на сие, Школа согласилась бы, вероятно, взять на себя издержки по Вашему проезду сюда. Если бы Вы мне разрешили, я вошел бы с представлением об этом в наше Правление. И наконец, последний пункт: чем скорее Вы соберетесь, тем лучше.

В ожидании Вашего ответа, – говорю еще раз Вам спасибо – и надеюсь, – до скорого свидания здесь в Париже.

Преданный Вам

Ив. Щукин (Карт. 39. Ед. хр. 52. Л. 1-2.

Написано, как и первые три письма, на бумаге с адресом Щукина: 91, avenue de Wagram).

Судя по этому письму, поводом для него послужило получение первой книги стихов Иванова «Кормчие звезды», вышедшей на грани 1902 и 1903 гг. Характерно, что Щукин предлагает Иванову прочитать лекции по тому предмету, который был в центре его внимания в годы учения в Берлинском университете и последующей подготовки диссертации, посвященной экономической истории древнего Рима. Очевидно, он еще не знал о том, что интересы Иванова претерпели серьезные изменения и по крайней мере с 1901 года он серьезно занимается пробле-

¹⁵⁷ См. новейшую работу с подробной библиографией: Гутнов Дмитрий. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901-1906). М., 2004.

мами греческой религии. Видимо, об этом Иванов и сообщил Шукину в неизвестном нам письме. Но сохранился ответ на него, который также приводим полностью:

18.2.903

Многоуважаемый

Вячеслав Иванович,

Ваше письмо очень меня обрадовало, – а насколько содержание его заинтересовало меня, – этому служит доказательством настоящий ответ avec le retour du courrier¹⁵⁸.

Предлагаемый Вами курс *очень* интересен и очень подходит к нашим курсам нынешнего года. Говорю «нашим» – быть может, точнее *моим*, ибо в нынешнем году я остаюсь единственным представителем кафедры истории религий. Читаю я «историю христианства в первые 3 века»; основной идеей курса является постепенное проникновение греческих элементов в иудейские верования, др<угими> слов<ами> – процесс *эллинизации* <так!> восточных доктрин (в идеях Намак'а, Нач'а и др.). Читаю я в настоящую минуту «иудаизм», не дошел еще даже до Христа и, конечно, в этом году курса закончить не успею. Прив<ат>-Доц<ент> Моск<овского> Унив<ерситета> С.А. Котляревский хотел было прочесть у нас вслед за мною курс по *романизации* христианства (понятие о Церкви, иерархи¹⁵⁹ и пр.), – но состоится ли его курс – бог весть. Ваш же курс был бы для наших слушателей *настоящей находкой*, как раз заполнившим <так!> досадный пробел между «иудаизмом» и «романизмом». Читать его я и не предполагал, ибо знаю этот вопрос лишь в самых общих чертах.

Теперь о *времени* Вашего приезда. Занятия непрерывно идут у нас до половины июня, почти до конца даже июня. Но, конечно, лучше приехать пораньше, буде возможно – в Марте или, самое позднее, в Апреле. Можем предоставить Вам 2 час. в неделю, – для всего курса понадобится Вам, таким образом, 6 недель¹⁶⁰. Желательно, чтобы курс этот был прочитан именно в нынешнем году, – для будущего года Вы тогда бы выбрали себе что-либо иное, стоящее в соответствии с программой. Впрочем, в случае Вашего приезда теперь сюда, в выработку этой программы Вы могли бы принять и непосредственное участие. В данную минуту (и в Марте) у нас читают Гамбаров, Исаев, Ильин, Тар и пр. –, в марте еще Лучицкий, в апреле Ковалевский, Чупров, Венгеров, Вейнберг, Карышев и пр. и пр.

Определение размера гонорара будет зависеть до известной степени от Вас самих, – за расходы по проезду – в размере 300 фр<анков> – могу ручаться, но если бы пожелали, то Правление, вероятно, не откажется и увеличить эту сумму.

---

¹⁵⁸ С той же почтой (букв.: с возвращением курьера) (фр.).

¹⁵⁹ Так! Возможно, следует читать – иерархия (или — иерархии).

¹⁶⁰ Если это кажется Вам чересчур долгим сроком, постараемся дать Вам и 3 часа в неделю. – *Примечание Шукина.*

Итак, Ваш курс *очень желателен*, – притом в *нынешнем году* и в *возможно скорейшем* времени. Посему убедительно прошу Вас не замедлить Вашим ответом и, надеюсь, до скорого свидания.

Крепко жму Вашу руку, и большое Вам спасибо за Вашу любезную готовность.

Ваш

Ив. Щукин (Карт. 39. Ед. хр. 52. Л. 3-4).

Это письмо заслуживает некоторых комментариев. Название своего лекционного курса, рассчитанного на 16 лекций, Щукин приводит вполне адекватно. Адольф Гарнак (1851-1930) – знаменитый немецкий теолог и историк церкви (к слову упомянем, что он родился в Дерпте и в тамошнем университете учился). Эдвин Хэтч (1835-1889) – английский историк церкви. Курс историка и правоведа, одного из организаторов партии кадетов Сергея Андреевича Котляревского (1873-1939) под таким названием, сколько мы знаем, не состоялся. Он прочитал по две лекции на темы: «Идея отечества и патриотизм» и «Отделение церкви от государства». Приведем также сведения о лекциях других профессоров, упомянутых Щукиным: Юрий Степанович Гамбаров (1850-1926) читал курсы «Энциклопедия права» (20 лекций) и «Основные учения гражданского права (15 лекций); Андрей Алексеевич Исаев (1851-1924) – «Мировое хозяйство» (18 лекций); под псевдонимом В.И. Ильин (который прочитал курс из пяти лекций «Марксистские воззрения на аграрный вопрос в Западной Европе и в России») скрывался небезызвестный В.И. Ульянов¹⁶¹; 6 лекций историка К.М. Тара (Константина Михайловича Тахтарева; 1871-1925) назывались «Наиболее ранняя ступень развития общственности»; Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918) читал курс «Экономический строй Франции в XVIII в.» (10 лекций); один из основателей и наиболее активных деятелей Школы Максим Максимович Ковалевский (1851-1916) за год успел прочитать курсы: «Современные социологи» (6 лекций); «Генезис политической экономии» (24 лекции), «Очерк истории всемирной торговли в Средние века» (10 лекций), «Очерк истории социальных систем в древности и в эпоху Возрождения» (10 лекций), «История политических учений в древности и эпоху Возрождения в связи с историей учреждений» (38 лекций); Николай Александрович Карышев (1855-1905) читал курс «Теория политической экономии» (12 лекций). Как следует из «Перечня курсов...», статистик Александр Иванович Чупров (1842-1908), литературовед Семен Афанасьевич Венгеров (1855-1920), поэт и переводчик Петр Исаевич Вейнберг (1831-1908) ни в 1901-1902, ни в 1902-1903 учебных годах в Школе не читали.

22 февраля Зиновьева-Аннибал так отреагировала на это письмо, сообщая Замятниной: «У нас тут тоже замечательные события: Вячеслава пригласили в Парижскую русскую школу (свободный русский университет) читать курс по Истории Религий, и были очень довольны

¹⁶¹ Его чтения в Школе широко известны и досконально изучены. За библиографией отсылаем читателей к книге Д. Гутнова.

его предложением прочитать: [Религ] [Греческая] “Религия и поэзия Страдания в древней Греции”, или, быть может, под другим заглавием: “Религия Страдающего Бога в древней Греции”. Он теперь готовится к лекциям. В середине Марта поедет в Париж работать в библиотеке, а в Апреле прочитает лекций [10 или] 12, считая по две лекции в неделю. Это очень выгодная вещь, как для известности и знакомств, так и для того, чтобы, как он сам говорит: “вентилировать” свои матерьялы и домыслы на их основании. Затем эти лекции могут быть в виде статей напеча<та>ны. Ты, если представится случай к тому, упомяни об этом в “Нов<ом> Пути”: это *честь* читать в русской школе в Париже. Как видишь, жизнь наша поворачивает в другую колею! Нельзя больше хорониться в чистой тишине. Санскритские упражнения Вячеслав хочет продолжать из Парижа письменно. Мы оба находимся в очень мужественном и энергическом состоянии, чему не вполне соответствует здоровье. Но я надеюсь на то, что правильное, ровное напряжение Вячеслав сумеет вынести благополучно. Его ведь ослабляет больше всего всякий беспорядок, и волнения, и решения» (Карт. 23. Ед. хр. 6. Л. 26-27. В квадратных скобках – зачеркнутое в тексте). И в тот же день Щукин отправил Иванову третье письмо:

22.II.1903

Многоуважаемый
Вячеслав Иванович,

Спасибо Вам большое за любезное Ваше согласие прочесть у нас курс лекций по религии Греков. О Вашем приезде сюда я говорил со всеми наличными членами распорядительного Комитета – Гамбаровым, Апостолом, Анри, Ивановским и пр. – и все нашли Вашу программу чрезвычайно интересной и нам очень и очень нужной. Повторю еще раз, что вся история религий легла в этом году на меня и совершенно задавила меня своей тяжестью.

Мы записали Вас на Апрель. В свое время черкните, когда именно думаете приехать и точное заглавие курса. Программа Школы будет Вам доставлена, а другие о ней сведения Вы, вероятно, имели из русских газет.

До скорого свидания – и еще раз сердечное Вам спасибо.

Искренно преданный

Ив. Щукин (Карт. 39. Ед. хр. 52. Л. 5).

Точное название курса, которое Щукин просил у Иванова, в «Печене курсов...» представлено как: «Греческая религия страдающего бога (религия Диониса)», т.е. совмещает оба названия впоследствии опубликованного в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни» текста. Прокомментируем также имена упоминаемых Щукиным членов распорядительного комитета Школы. Экономист Павел Николаевич (Натанович) Апостол (1872-1942) читал курсы «Деньги и денежное обращение» (15 лекций) и «Кредит и основы банковской организации» (8 лекций). Психолог Виктор (Виктор Алексеевич – он был русским по происхождению) Анри (1872-1940), о котором странным образом Д. Гутнову не

удалось найти биографических сведений ¹⁶², в 1902-1903 учебном году читал «Курс экспериментальной психологии» (25 лекций) и «Развитие основных учений о явлениях природы. Картезианизм и энергетика» (8 лекций), а также отдельно две лекции «Законы мышления» и вел практические занятия по экспериментальной психологии. Наконец, приват-доцент Московского университета философ и психолог Владимир Николаевич Ивановский (1867-1931), который читал курсы «Введение в философию» (18 лекций) и «Из истории философской мысли в XVIII в.» (6 лекций), а также прочитал лекцию «Мотивы поэзии Некрасова», впоследствии стал достаточно близким другом семьи Ивановых. Сохранилось изрядное количество его писем к Иванову, в том числе и с приложением собственных стихов и стихотворных переводов. Начало этой дружбы и относится ко времени преподавания Иванова в Школе.

О самом этом преподавании мы будем рассказывать далее. Сейчас же, чтобы завершить рассказ об отношениях Иванова и Щукина, приведем последнее из сохранившихся писем Щукина, относящееся к уже более позднему времени:

2/IV 1905

Дорогой и глубокоуважаемый
Вячеслав Иванович,

С чьих-то слов, чуть ли не Бальмонта, я почему-то был убежден, что Вы находитесь в Манчжурии. Очень был поэтому обрадован, получив Ваше милое письмо из мирной Женевы. Вот только извинения Ваши меня несколько сконфузили, а посему считаю Вам своим долгом сказать откровенно, что до сего дня в находившихся у Вас моих книгах никакой надобности не имел. Это, быть может, и стыдно, но это так. Занимаюсь теперь другими вопросами.

В Париже теперь много русских – П.Н. Милоков, А.Н. Бенуа, Борткевич из Берлина, и множество международных доцентов с русской речью и неславянскими фамилиями. М.Н. Семенов на днях уезжает в Россию; он не может привыкнуть к здешней жизни и тоскует по Москве и рязанской деревне.

Школа общ<ественных> наук продолжает существовать; руководит ею теперь М.М. Ковалевский при ближайшем участии Трачевского. Среди преподавателей преобладают экономисты и статистики. Ваш покорнейший слуга вышел из нее в чистую отставку и читает в данное время курс русской истории в Ecole des Langues Orientales.

Собираетесь ли заглянуть сюда, в столицу мира? Очень был бы рад повидаться с Вами.

---

¹⁶² См. хотя бы: Nicolas S. Qui était Victor Henri (1872-1940)?, *L'année psychologique*, 1994. P. 385-402; Idem. Histoire de la psychologie française au XIX siècle. P., 2002. Иванов был знаком с ним по крайней мере с 1894 г. (см.: История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова. М., 2006. С. 76).

Душевно Ваш

Ив. Щукин.¹⁶³

Кажется, больше они никогда не виделись: с лета 1905 года Иванов жил в России, не выезжая за границу до 1910 г., а Щукин покончил с собой в Париже в начале 1908 года.

2

Вернемся, однако к тому времени, когда Иванов усердно готовился к лекциям. Кажется, что он совершенно всерьез принял пожелания Гольштейн, которая в уже цитированном выше письме от 19 февраля внушала ему: «Вот это дело!!! Вот это настоящая постановка вопроса для деятельного ума! Читайте, читайте, читайте свой курс! Читайте его так, чтобы его можно было печатать. C'est la vraie trouée¹⁶⁴. Ужасно рада за Вас. Что Вам за дело, что Русс<кая> Шк<ола> то, что говорит Гольштейн?..¹⁶⁵ Чтение там Вас все же ставит в деятельное общение с русской профессурой, создает Вашу легенду в России. Никто не скажет, что Вы с неба свалились. Я уверена, что Ваш курс произведет сенсацию. Конечно, Вас будут *ругать*, и это отлично, это борьба, это жизнь (жизнь идей), а не только кипь в самом себе. <...> Очень важно было бы для заведения *связей* принять участие в *составлении программы*. Это момент наибольшего единения между профессорами, а между ними есть, как видите, и литераторы»¹⁶⁶. Скорее всего, беседы такого же рода продолжались во время ее свидания с Ивановыми в Женеве, о котором Зиновьева-Аннибал извещала Замятнину 28 марта: «Приехала неожиданно Александра Васильевна и, конечно, весь день пошел как в кипятке <...> Алекс<андра> Вас<ильевна> рассказывает о новых картинах Редона» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 52, 53 об).

Но о самом процессе подготовки в Женеве мы знаем очень мало. 8 апреля Зиновьева-Аннибал написала Замятниной: «Мы с ним три раза уезжали на целый день. Вчера, наприм<ер>, после панихиды были в Bellerine, долго в лесу и у озера и ужинали там. В Воскресенье одно – в

¹⁶³ Карт. 39. Ед. хр. 52. Л. 7 и об. Адрес на этот раз написан рукой Щукина. В письме упоминаются: статистик, профессор Берлинского университета Владислав Иосифович Борткевич (1868-1931), друживший со Щукиным и введший его в число сотрудников журнала «Весь» Михаил Николаевич Семенов (1872-1952; подробнее о нем см.: Семенов М.Н. Вах и сирены. М., 2008), историк Александр Семенович Трачевский (1838-1906).

¹⁶⁴ Это настоящий прорыв (фр.). Фраза восстановлена нами по оригиналу письма: в публикации М. Вахтеля и О.А. Кузнецовой она отсутствует, в публикации же А.Н. Тюрина и А.А. Городецкой напечатано: «C'est la vraie France» («Обнимаю вас и матерински благоговяю...»). С. 182. Очевидно, публикаторы не поняли неразборчиво написанного и довольно редкого слова. Отметим также, что последовательность фрагментов письма в обеих публикациях и у нас достаточно условна, т.к. листы основательно перепутаны и однозначному выстраиванию текст не поддается.

¹⁶⁵ Владимир Августович Гольштейн (1849 или 1850-1917), врач, второй муж А.В. Гольштейн. Его мнение о Высшей школе общественных наук нам неизвестно.

¹⁶⁶ Переписка с Гольштейн. С. 369-370.

Нертмансе уже на границе Франции в дивной, тающей красоте. Курс Вячеслава (три лекции почти написаны) мне *очень* нравится. При видимой глубокой эрудиции и научной крепости он полон “духа”. Я счастлива (Там же. Л. 50об-51), а в недатированном письме (относится к самому концу марта или самому началу апреля, поскольку отвечает на письмо Замятниной от 27 марта) рассказывала: «Вячеслав назначил начало своего курса на Фоминой и, вероятно, на Святой уезжает. Но может быть и до Пасхи. Пока ему здесь много материала в библиотеке и даже дома (из Берлина выписано). Работает он отлично. Благо, теперь санскрит кончился. Только порядочно повозился он с моей I-й главой...» (Там же. Л. 39об – 40).

Поначалу Зиновьева-Аннибал и Иванов собирались ехать в Париж вместе, но потом выяснилось, что это невозможно, поскольку «девушка», на которую можно было бы оставить детей, заболела. 1 мая Зиновьева-Аннибал с разочарованием писала Замятниной, по пути из России в Женеву остановившейся в Мюнхене: «Милая Маруся, уже не знаю, застанет ли тебя это письмо в Мюнхене. Как видишь, я не уехала, увы, в Париж. Причина – болезнь Христины. Грустно, потому что мне было бы любопытно познакомиться с Брюссовым, и вообще все, что пишет Вячеслав, манит меня. Дети же устроены, кажется, прочно. Как мне обидно, что Вячеслав и все давно читают “Сев<ерные> Цветы”, а я должна ждать, пока ты соблаговолишь приехать. Также не имею “Мира Искусства”, несмотря на все просьбы и на то, что писала, что мне *необходимы* новинки» (Там же. Л. 61).

Иванов уехал в Париж вечером 25 апреля. От этого дня сохранилось любопытное письмо, которое он с Зиновьевой-Аннибал писал одновременно: она на одной половине листа, он на другой (выше мы его уже цитировали, но здесь кажется не лишним повторить важнейшее): «6 часов, через два часа едем на вокзал провожать меня в Париж. Первая лекция в понедельник 27/14 Апр<еля> в 10 ч... Silence, silence» (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 23). Зиновьева-Аннибал добавляла: «Только что отвез молочник корзину Вячеслава, полную книгами, новыми одеждами и всяким богатством, и сели тебе писать. Через 2 часа выезжаем провожать самого лектора на Comavin к парижскому поезду. Он было прихворнул, но 1 ½ грамма хины его быстро выправили» (Там же. Л. 24 об).

Зиновьева-Аннибал оставалась в Женеве около недели (последнее известное нам письмо ее оттуда датировано 1 мая, 4 мая она уже пишет Замятниной из Парижа), и за это время произошел серьезнейший обмен письмами между нею и Ивановым. Наиболее ценная часть писем Иванова опубликована¹⁶⁷, однако не полностью и с заметными неточностями. Поскольку письма эти готовятся к печати, мы используем их в сравнительно небольших выдержках, преимущественно исправляющих ошибки первой публикации.

26 апреля Иванов сообщил, что с вокзала он прибыл к Гольштейнам, а потом, после спешных дел, «...наконец, только в 12 ч<асов>

¹⁶⁷ Они включены в состав статьи: Кузнецова О.А. К истории посвящений в сборнике Вячеслава Иванова «Прозрачность» // Русская литература. 2006. № 3. С. 98-108.

очутился у Щ<укина>. Он был *очень* мил. Я у него нашел и спец<иальные> книги. Требуется, чтобы я каждый вторник *обедал* на его dîners fixes. «Нам хочется провести вас в совет школы». Compliments стихам – они, говорит, очень здесь нравятся (?) ¹⁶⁸. Затем описаны совместные с Гольштейн визиты к Ю.С. Гамбарову и к М.М. Ковалевскому, которого они не застали дома. В заключении этого довольно короткого письма обращает на себя внимание фраза: «Гамб<аров> убеждает читать у них зимой о *Rime*».

На следующей утро Зиновьева-Аннибал отправила ему письмо с торжественно-печальным началом: «Это час окончания лекции. 10.55 по парижскому времени. Все в эти минуты уже подходят к тебе, возлюбленный мой, поздравляют, знакомятся, говорят, вероятно, приятные слова. А я здесь одна. Но не одна. Меня нет здесь. Я вся с тобою. Это ларва моя здесь. Я хотела тебе послать телеграмму: «αγαθή τύχη» прямо в Sorbonne до начала лекции и побоялась: вдруг она смутит тебя и расстроит» ¹⁶⁹.

Но быстрее, чем это письмо достигло адресата, последовал обмен телеграммами: Иванов сообщил: «succes profond selon alexandra fetons en deux = venceslas» ¹⁷⁰, на том же бланке Зиновьева-Аннибал написала ответный текст и, видимо, прямо поручила отправить его служащему, принесшему ей телеграмму. Текст этот представляет собой развитие идеи, намеченной в письме, и написано на двух языках – итальянском и греческом: «Felicissime: Agatituche» ¹⁷¹.

Описание лекции последовало в тот же день вечером в письме, которое Иванов начал, а Гольштейн продолжила. Приведем наиболее существенные фрагменты: «...зала оказалась какой-то очень большой, как я не ожидал. Слушателей было minimum 70 (по А<лександр> В<асильевне>) или до 100, я же не знаю сколько, но было много, хоть и не полна была зала, и лица мне казались внимательными и сочувственными, а после лекции хорошие аплодисменты, хотя аплодисменты здесь обычны. Щукин выражался мне, что лекция была во всех отношениях блестящая. И форма очень литературная понравилась. Доброе лицо Гамбарова ласково глядело вблизи. Лекция продолжалась 45 минут и взяла гораздо больше листков, чем сколько я назначал. Я был хорошо слышен, кроме некоторых имен разве. После лекции подошел ко мне откуда-то взявшийся Ковалевский <...> и сейчас же стал говорить мне, чтобы я вошел в состав постоянных профессоров школы, а именно, чтобы зимой читать об учреждениях древности, что им необходим представитель древности классической, что если древность будет хорошо поставлена, школа их будет единственной в своем роде (для социальных наук) по полноте программы и т. д. Щукина я познакомил с А<лександрой> В<асильевной>, и она была со мной. и Щ<укиным>, и

¹⁶⁸ Знак принадлежит Иванову.

¹⁶⁹ Ср. также в ее письме от 29 апреля: «Мне чувствуется нечто общее в духе успеха твоего с кафедры с успехом «К<ормчих> Звезд». Глубоко и не криливо, прочно и истинно».

¹⁷⁰ Опубликовано: «Обнимаю вас и материнско благословляю...» С. 185

¹⁷¹ Сохранился и оригинал телеграммы.

Семеновым¹⁷² – в ложе консьержа, которая служила профессорской комнатой – для *Щукина*, п<отому> ч<то> таковой вовсе нет, а есть только передняя перед большой и хорошей залой, полная слушателей, да наверху еще аудитория для практич<еских> занятий. Теперь у них наплыв ученых сил, а залу они имеют только на определенные часы. На следующей неделе я решил читать только один раз, чтобы не мешать другим <...> После лекции мы с А<лександрой> В<асильевной> решили праздновать и посмотреть Париж, и вышло это очень артистично. К сожалению, Пантеон был заперт и св. Женевьевы–старухи Пювиса мы не смогли видеть. Зато пошли по предложению А<лександры> В<асильевны> по церквям и видели церковь св. Женевьевы, церковь св. Юлиана-Hospitalier и Notre Dame. И потом мы видели разные чудесные уголки *старого* Латин<ского> кварта<ла>, так что Париж предстал мне совсем новым, ничего этого я не знал. Завтракали мы *хорошо* в Taverne du Panthéon и набрались воздуха Лат<инского> квартала». Гольштейн же приписала: «Моя часть телегр<аммы> значила, что Вяч. имел успех глубокий, т. е. привлек внимание, возбудил мысль, завлек на свою сторону несколько человек, которые прямо в *восторге* от его лекции, от новизны, и увлечены глубиной его мысли и *обаянием* его ума. Вот почему это *глубоко*. Лучше ведь три-четыре слушателя глубоко проникнувших в его мысль, чем толпа славословящих от глупости»¹⁷³.

Как видим, уже первая лекция Иванова в значительной степени оправдала и его надежды, и чаяния Зиновьевой-Аннибал, и наставления Гольштейн: она собрала большую для довольно специальной лекции аудиторию, имела успех не только у слушателей, но и у коллег-профессоров, в том числе и у принципала – М.М. Ковалевского, который сразу предложил то, что казалось важным Гольштейн: постоянное профессорское место, новые курсы и самостоятельность. С одной стороны, это было заложено в программу школы по самой ее сути, но с другой – совершенно очевидно, что получить такие лестные предложения было не так легко. И вместе с тем признание явственно связывалось с поэтической деятельностью Иванова: в непроцитированных нами кусках текста Иванов говорит о комплиментах своей книге, услышанных от Щукина, и о ссылках на его стихи, напечатанные в только что появившихся «Северных цветах» 1903 года.

Существенно, кажется, и то, что в это пребывание Париж поворачивается к Иванову другими своими сторонами, чем прежде. Мы не очень хорошо знаем, на что он обращал внимание ранее, но из этого письма очевидно, что и старый Латинский квартал, и церкви неподалеку

---

¹⁷² Здесь речь идет не об упоминавшемся ранее М.Н. Семенове, а о зяте Гольштейнов Юлии Федоровиче Семенове (1873—1947), журналисте (в 1920-1930-е гг. редакторе газеты «Возрождение»), политическом деятеле, мемуаристе. Наиболее подробная справка о его жизни – Российская эмиграция во Франции в 1940-е: Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» («Русская колония в Париже») / Публ. Д. Гузевича и Е. Макаренко-вой, при участии И. Гузевич // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2007. [Т.] VIII. С. 584-585.

¹⁷³ Опубликовано: «Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 184, со значительными неточностями.

от Пантеона, и оставшаяся пока недоступной новейшая живопись вызвали глубокую его заинтересованность.

На следующий день Иванов пишет странную открытку, датированную 29/16 апреля, но отправленную 28-го. Каким-то образом это связано с семилетием появления на свет их с Зиновьевой-Аннибал дочери Лидии (на следующий день Иванов обходит расположенные неподалеку от его отеля места, связанные со временем ее рождения). Но и в этой наполовину поздравительной открытке находится место для сообщения о работе над лекциями: «Сегодня работаю в *Bibliothèque Nationale* – все то по-старому, волнует все это как-то. <...> Лекция у меня завтра, а я раньше ленился ее хорошо заготовить. Кажется, вторая будет неинтересная».

Наиболее подробно письмо, написанное 29 апреля и посвященное обеду у Щукина и второй ¹⁷⁴ лекции недавно опубликовано, поэтому мы процитируем только наиболее существенную для нас его часть, оставив в стороне рассказы о прославленной щукинской коллекции картин, о разговорах с новыми коллегами и о событиях в Школе, о встрече со знаменитым коллекционером пушкинианы А.Ф. Онегиным.

Вот главный для нас текст:

В аудитории я нашел очень приличное число слушателей – но сколько, не могу сказать. Тут уж у меня много знакомых, кот<орым> надо жать руки – Ященко ¹⁷⁵ м<ежду> п<рочими> и Поляков ¹⁷⁶ («пэдераст» и «ассистент Бальмонта»). Онегин пришел на лекцию. Сразу же мне говорят, что Валерий Брюсов здесь. Скромного вида и с умной *решительно* (и по впечатлен<ию> А<лександр> В<асильевны>) физиономией молодой человек. Я говорю ему, пожимая руку: «Благодарю вас». – «За что?» – «За добросовестное отношение к тому, что французы называют *effort* ¹⁷⁷. И я говорю как о себе, так и о “Пламенниках”». – «О “Пламенниках” мне нужно с вами поговорить!» Оказывается, он еще не знал о телеграмме Маруси. Он передает мне экземпляр «Сев<ерных> Цветов» и извиняется, что после моего «Хвалите Бога, силы сфер» – молитва дьяволу: это оттого, что стих<отворение> было получено поздно. И также оговаривается, что поступил по разреше<нию> М<арии> М<ихайловны>. На самом деле расположение вышло довольно гармонично, и дьявол оттягивает выгодно. Но поговорить нам не удастся, хоть мы оба после моей лекции остаемся на Ковалевск<ого>. Сегодня я прикрепил на доску три фотографии и А<лександра> В<асильевна> говорила, что это все хорошо. Но лекцией она недовольна, говорит, что слишком много материала: как музей, кот<орый> пробегаешь запыхавшись. Поляков говорит – но это человек неважный, – что филологии им не

¹⁷⁴ В комментарии О.А. Кузнецовой она ошибочно названа первой (Цит. соч. С. 99)

¹⁷⁵ Александр Семенович Ященко (1877—1934), юрист, издатель, библиограф.

¹⁷⁶ Соломон Львович Поляков (псевд. С. Литовцев; 1875—1945), писатель и журналист. См. его письма к М.А. Волошину со стихами и известиями о жизни К.Д. Бальмонта, свидетельствующими о близком знакомстве: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 991.

¹⁷⁷ Усилие, старание (фр.).

нужно, а только идей. Идеи были, но фактич<еского> и научн<ого> материала было много, и это так *нужно*, п<отому> ч<то> я учнее их ¹⁷⁸. Ковалевский опять пришел на после<дние> четверть часа и опять подошел по оконч<ании> и стал говорить, чтобы я не говорил *нет* на его предложение читать зимой по рим<ским> учреждениям или госуд<арственному> праву или аграрной истории. Мы говорили именно больше об этом последнем, о Гревсе и моей диссертации. Аплудисменты были, как следует, и Брюсов – говорит А<лександра> В<асильевна> – кивал одобрительно головой в двух местах, когда кивала и она. Какой-то молодой человек подошел и сказал, что остался в Париже для моей лекции, и спросил моего мнения о Мережковском, кот<орого> талант я, конечно, хвалил (дело в том, что я упомянул о нем), а также знаю ли я книжку Вольнского об Аполлоне и Дионисе ¹⁷⁹ – мне, конечно, неизвестную. Еще один верный слушатель (т. е. замеченный уже в 1-м и сидящий против меня) говорил со мной, помогая снимать фотографии. Подошла Кругликова ¹⁸⁰ и стала звать к себе на субботу, говоря, что у нее будет и Брюсов; я сказал, что субботой не располагаю, п<отому> ч<то> А<лександра> В<асильевна> проектирует для меня кое-кого у себя. А<лександра> В<асильевна>, оказывается, за это на Кругликову злится. У Ковалевского я попросил вежливо позволения остаться на его лекцию, чтобы учиться лекторству, дикции. И правда, и содержание лекции было совершенно inédit ¹⁸¹, и манера говорить превосходна. После всех сих событий, условившись с Брюсовым быть у Онегина в его пушкинском музее завтра утром (это уже было раньше сговорено), я поспешил к Гольшт<ейнам> завтракать, как было условлено к сожалению, п<отому> ч<то> мне хотелось позавтракать с Брюсовым, а обедать он не мог сегодня вместе. А<лександра> В<асильевна> пригласила его «ко мне» в субботу, но он уже раньше обещал Кругликовой. Когда я вышел, пристал ко мне Поляков и следовал за мной по земле и под землей (métropolitain) до двери Гольштейнов, рассказывал о Бальмонте, кот<орого> называл «несчастливым» ¹⁸², просил меня прочесть его стихи, читал их отчасти ¹⁸³, разбирал мои стихи, но главная цель этого молодого человека (необыкновенно почтительного) была просить меня быть в понед<ельник> на вече-

¹⁷⁸ Ср. реакцию на это в письме Зиновьевой-Аннибал от 1 мая: «Относительно научного équipement <оснащения – фр.> лекции я согласна с тобою: в конце очитится костный остов (костяк), в конечном впечатлении курса, хочу сказать. Во всяком случае, недостаток не в количестве данных научных, а в сжатости рассказа. Думаю, что растянуть всё на 5, 6 лишних лекций было бы выгодно для общего лучшего понимания».

¹⁷⁹ Имеется в виду работа А.Л. Вольнского «Литературные заметки: Аполлон и Дионис» (Северный вестник. 1896. № 11. С. 232—255).

¹⁸⁰ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865—1941), художница, близкая по духу к «Миру искусства». Подолгу жила в Париже.

¹⁸¹ Ново, оригинально (фр.).

¹⁸² Благодаря раздвоенности между «Я» и «Не-Я»... как видишь, усвоена и идея, и фразеология. (Примечание Иванова.).

¹⁸³ О «Горящих Зданиях» – он был, кажется, недоволен моим суждением: «ваши стихи очень красивы, но не имеют *своей* музыки, это музыка Бальмонта». (Примечание Иванова.).

ре возникающего студенч<еского> общества (для культа поэзии и идеализма), где Валерий будет читать реферат «О задачах поэзии» и свои стихи – и читать мне также свои стихи. Реферат на понед<ельник> будет читать Брюсов, кот<орый> тотчас же и уезжает, но он надеется, что и я не откажусь читать потом у них реферат. На первое я, гарантированный именем Брюсова, и также Яценки, согласился, хоть и гадко мне это – но, казалось, необходимо было согласиться, на второе предложение скорее почти «нет». <...> Гольштейн провозглашает: *il faudrait limiter le nombre des poètes*¹⁸⁴ – но он исключает из уничтожения Бальмонта и меня. А<лександра> В<асильевна> злится на Брюсова за то, что он талантлив, перелистывает его сборник и все осуждает, но видимо находится «под впечатлением» так что <?> мы условливаемся позвать его особо, в свободный для него день. Дома нахожу <...> *carte postale* Брюсова¹⁸⁵. Ты знаешь, что меня тронуло прямо? Это внимание любовное, с кот<орым> они поместили подробное объявление о «Кормчих Звездах» на заключительной странице альманаха. И предисловие к альманаху, о новых стихах – такое теплое¹⁸⁶. Теперь оно и к тебе относится. «Сев<ерными> Цветами», из кот<орых> ничего еще не прочел, но все видел, я доволен *чрезвычайно*. *Tout est plein de talent! C'est un renouveau!* Et c'est sûr¹⁸⁷.

А если выбирать и из него, то центральным событием будет, несомненно, знакомство с Брюсовым. Брюсов с женой в апреле 1903 г. впервые на две недели (точнее, 16 дней) приехали в Париж, и он резюмировал свои впечатления в обширной дневниковой записи. Характерно, что первое из них фиксирует разницу между представлением и реальностью: «Париж мне пришелся очень по сердцу. Изумило меня отсутствие в нем декадентства. Было, прошло, исчезло. Нет даже "нового стиля". Москва более декадентский город»¹⁸⁸. И характерно, что наибольшее разочарование было вызвано тем, что заранее ожидалось как главнейшее: не понравились театры, журналы, живопись, русский Париж.

¹⁸⁴ Следовало бы ограничить число поэтов (фр.).

¹⁸⁵ Речь идет об открытке, начавшей переписку двух поэтов, от 26 апреля. Опубликовано: ЛН. Т. 85. С. 434.

¹⁸⁶ См.: «Наш третий альманах в некоторых отношениях иной, чем два первые. Он более «единогласен», более однороден по внутреннему составу. В нем ряд новых имен и нет кое-кого из прежних спутников. Мы рады этим новым. В них новая молодость, новая бодрость, сила! И нам некогда жалеть об отставших. Было время, мы поджидали их, давали возможность подойти. Но пора и снова идти. Наши лица опять обращены вперед, к будущему, и нам уже не видно, кто сзади. С к о р п и о н» (Северные цветы, собранные книгоиздательством «Скорпион», на 1903 год. М., 1903. С. нenum.). Объявление о «Кормчих звездах» действительно было помещено в конце сборника, среди рекламных объявлений, и занимало целиком отдельную страницу. В нем были перечислены все разделы сборника.

¹⁸⁷ Все полно таланта! *Это обновление!* И это наверняка (фр.).

¹⁸⁸ Брюсов Валерий. Дневники 1891-1910. М., 1927. С. 131. Цитаты всюду сверены с оригиналом (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16) и в случае необходимости исправлены без оговорок. Поскольку в печатном издании все они находятся на с. 131-132, в дальнейшем мы не делаем ссылок на книгу.

Не произвела на него впечатления и Школа: «Бывали мы на лекциях в Русск<ой> Высш<ей> Школе – пародии на Университет». Но Иванов зато стал предметом его интереса на длительное время: «Но самое интересное было, конечно, Вяч. Иванов. Он читал в Р<усской> Шк<оле> о Дионисе. Это настоящий человек, немного слишк<ом> увлечен своим Дионисом. Мы говорили с ним, увлекаясь, о технике стиха, и нас чуть не задавил фиакр. Жена его, автор "Пламенников", пуста, нахваталась декадентских фраз, которые сует к стати и нестати».

На следующий день они, как и планировалось, были в музее Онегина. Брюсов снова был скептичен: «Были у Онегина. Он показывал нам папиросы, пробки, спички etc., относящиеся к Пушкину, оч<ень> подробно, а бумаги очень бегло». Но зато последующая прогулка запомнилась обоим поэтам. Именно о ней вспоминал Брюсов в вышеприведенной общей записи, а Иванов описал так: «Потом я пошел с Брюсовым по Champs Elysées через Tuileries до Palais Royal'я и по дороге мы беседовали и о дионисизме, и о ритмике, и о других предметах. Он занимался спец<иально> Тютчевым, прочел сейчас же, и очень хорошо, по-моему, "Последнюю Любовь" и сказал мне (de sorte qu'il m'a rendu perplexe¹⁸⁹): "Странно мне все это слышать. Потому что все это я проповедовал уже в статьях и применял в стихах" – т. е. музыкальную меру и пр.; Тютчева же стихи *все почти* были первоначально написаны "вольными ритмами" и только изуродованы при издании под чужим влиянием. <...> Лекция моя ему была интересной. В частности хвалит заключение, что на вазах и пр. изображается *идеальный* мир. Он придет вечером в один из след<ующих> дней – по моему *настоянию* в "салон" Ал<ексан>дры В<асильевны>, но *ко мне*, впрочем». Отметим, что, публикуя часть этого письма, написанного на двух открытках, О.А. Кузнецова в ответственном месте рукописи читает иначе, чем мы: «...сказал мне (de sorte qu'il m'a rendu perplexe), что он мой: страшно мне все это слышать»¹⁹⁰. Кажется, однако, что такое чтение не находит соответствия в оригинале: после скобок следуют два коротких зачеркнутых слова, не поддающихся прочтению, но вовсе не похожих на «он мой», а после двоеточия открываются кавычки (приходящиеся на край первой открытки и потому неотчетливо видные). Закрываются они уже на второй открытке.

Ответственно это место не только по общему смыслу, но еще и потому, что в дневнике Иванова 1906 года (в той его части, которая велась в виде писем к Зиновьевой-Аннибал) было записано: «Я объясняю свою добродетельность в отношении к женщинам латентной гомосексуальностью, которая сказывалась в известном нарциссизме брачной жизни и начала говорить явственнее с поры моей влюбленности в Валерия»¹⁹¹. Как кажется, следует специально оговорить, что на деле никакого спе-

¹⁸⁹ Так, что это поставило меня в тупик; так, что это меня озадачило (фр.).

¹⁹⁰ Кузнецова О.А. Цит. соч. С. 103.

¹⁹¹ Цит. по тексту, подготовленному нами к печати. Ср. также позднейший рассказ Иванова: «Да, я был одно время в него влюблен, я помню, целовал его глаза (а глаза его черные, прекрасные, подчас гениальные) неоднократно» (Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., [1995]. С. 27.

циального «повергающего в смущение» в этом смысле признания не было.

Первого мая А.В. Гольштейн повела Иванова к О. Редону, с которым дружила (и жила по соседству). Брюсову его картины тоже показывали, но он оставил скептический отзыв: «Были еще у Гольштейн (старухи, живущей в Париже). Показывала мне Редона. Я не очарован». В отличие от него Иванов именно что был очарован: «...он был очень вдохновлен, я вынес впечатление таланта огромного и вовсе мне еще неожиданного и нового, и был прямо поражен и потрясен виденным. – Одну картину я назвал «Prophète de Dionysos», и это ему так понравилось, что он соблазняется назвать ее так в каталоге». И в конце было добавлено: «Мои лекции следующие будут 5 Мая и 14 Мая¹⁹². Гольштейны очень увлечены моей теорией происхождения дионисийства»¹⁹³. И несколько позже, 6 мая, в открытке, обращенной к Замятниной, Иванов подтверждает: «Сильнейшее из впечатлений в Париже до сих пор – знакомство с Редоном и его мастерская» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 64). Впрочем, не только Редон интересовал его. В письме от 2 мая специально отмечено, что у Щукина он видел картину Ф. Ропса.

С этого момента мы узнаем о парижской жизни Иванова из писем его самого и Зиновьевой-Аннибал к Замятниной, которая прибыла в Женеву, а незадолго до того Зиновьева-Аннибал уехала к мужу. Круг его постепенно складывавшихся знакомств (В.Н. Ивановский, А.С. Яценко, Н.Е. Поярков, С.А. Котляревский, Ал.Н. Чеботаревская) выразительно очерчен в статье О.А. Кузнецовой, однако там речь идет скорее о тех людях, которые видели в Иванове вождя; нам же в рамках нашей темы представляется существенным поговорить о том, что стало все теснее и теснее сближать его с русским символизмом.

Поэтому, конечно, в первую очередь важные сведения о встречах с Брюсовым, который последние дни пребывал в Париже. Так, еще до отъезда Зиновьевой-Аннибал Иванов сообщил ей: «Брюсов опять звал меня – на этот раз через Яценку – ехать сегодня в Версаль, но я опять отказался». В уже цитированной открытке от 6 мая Иванов писал Замятниной: «Вчера вечером были у нас – т.е. в салоне А<лександр>Вас<ильев>ны Брюсовы. Ils sont charmants¹⁹⁴. Брюсов ходит аккуратно на мои лекции» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 64). В тот же день, также на открытке, ей пишет Зиновьева-Аннибал: «Валерий очень милый человек, и мы в очень хороших дружеских отношениях» (Там же. Л. 63)¹⁹⁵.

---

¹⁹² В письме от 2 мая он уточняет: «Читать в школе я буду 5-го, 9-го и 14-го Мая. По расписанию на ближайшие две недели».

¹⁹³ Кузнецова О.А. Цит. соч. С. 103-104. О картине, которую Иванов предлагал назвать «Пророк Диониса» существует специальная статья: John E. Malmstad. 'Hermits of the Spirit': Vjačeslav Ivanov and Odilon Redon // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII международного симпозиума, Вена, 1998. Ф. а. М., 2003. Р. 371-381. Репродукция картины представлена на с. 374; ее настоящее местонахождение неизвестно.

¹⁹⁴ Они очаровательны (фр.).

¹⁹⁵ К слову отметим, что между строк в этой открытке вписан экспромт Иванова, обращенный к пасынку Сергею. Как следует из его текста, тот прислал Иванову некое стихо-

Вероятно, имеет смысл привести и записку Брюсова к Иванову, не вошедшую в изданный текст переписки как «чисто деловое и бытовое» (ЛН. Т. 85. С. 433). Но в контексте нашей работы оно предстает как довольно существенное. Письмо не датировано, но по контексту понятно, что написано оно 30 апреля:

Уважаемый

Вячеслав Иванович!

Все-таки 1 мая мне будет очень трудно быть у Вас. Не соберетесь ли Вы с нами вечером на народный бал в Grand'Roué? Это будет «поучительно и занимательно». Если соберетесь, заезжайте к нам (Port Mahon) между 7 ½ и 8. Пойдем – Вы, мы и Яценко. Не гневайтесь, что я все откладываю быть у Вас. Буду скоро и непременно. Пока же позвольте в наших отношениях пользоваться вольностью туристов.

Уважающий

Валерий Брюсов (Карт. 13. Ед. хр. 84. Л. 2).

Но, судя по всему, наиболее волновало Иванова предстоящее совместное выступление вместе с Брюсовым. Напомним, что тот собирался читать реферат «О задачах поэзии». Довольно легко понять, что имеется в виду. В подзаголовке знаменитой статьи «Ключи тайн», открывавшей основную (после предисловия) часть первого номера журнала «Весы», читаем: «Лекция, читанная автором 27 марта 1903 г., в аудитории Исторического музея, и 21 апреля того же года, в Париже, в кружке русских студентов»¹⁹⁶. Прочитанная в Москве лекция называлась «Задачи современного искусства»¹⁹⁷, и Брюсов писал о ней в дневнике в контексте «борьбы в Москве» за «новое искусство»: «Кончилось все моей лекцией о новом искусстве в Истор<ическом> Музее. Собралось людей немного, но все свои, и мне устроили "овацию" – небольшую, положим».

Видимо, Брюсов ожидал, что выступление в Париже может быть значительно более успешным, чем в консервативной Москве. 2 мая Иванов сообщал Зиновьевой-Аннибал: «Собрание литературное в понедельник настолько значительно, что оповещено в школе и будет не в кафе, а в зале Associat<ion> des Etudiants». Для него такое чтение было, насколько мы знаем, дебютом, и не удивительно, что он стал тщательно готовиться, и прежде всего раздумывать о том, что следует прочитать. В уже цитированном письме от 30 апреля, рассказывая о беседе с Брюсо-

---

творение (нам неизвестное), и в ответ получил такое:

Дорогой Сережа, ты поэт –

Шлю тебе, товарищу, привет.

Удался тебе на славу русский стих.

Будь и впредь в нем так же смел и так же лих.

¹⁹⁶ Брюсов Валерий. Среди стихов: Манифесты, статьи, рецензии 1894-1924. М., 1990. С. 89. Дата здесь указана по старому стилю.

¹⁹⁷ Об истории статьи см.: Богомолов Н.А. К истории «Ключей тайн» // Из истории русской журналистики: «Весы». М., 2007. С. 6-40. Там же опубликован полный текст московской лекции.

вым, Иванов писал жене: «Он очень интересуется – и опять прежде всего со стороны формы – моими <?> трагедиями. Я для него собираюсь в понедельник на собрании прочесть начало *Тантала*. Напиши, нужно ли». В том же письме от 2 мая он сообщает мнение Гольштейн: «Она очень *против* чтения “Тантала”, и кажется права. Она находит это неосторожным и нестоящим. Два-три вещицы из сборника, я думаю». Ответ Зиновьевой-Аннибал находим в приписке к письму тринадцатилетней тогда Веры Шварсалон. Она написала отчиму: «Дорогой Вячеслав, Как я рада твоему успеху на твоей первой лекции, от всего сердца поздравляю тебя и желаю такого же успеха, большего еще, если можно, в следующих лекциях. Я сразу, как ты уехал, почувствовала скуку, мне казалась <так!> как-то одиноко без тебя, теперь лучше», а Л.Д. приписала: «О “Тантале” сам знаешь читай: оч<ень> интересно и <2 нрзб>. Целую (Карт. 37. Ед. хр. 2. Л. 18). Сомнения Иванова, несомненно, были вызваны не только тем, что к тому времени трагедия была едва начата, но и совершенно непривычной для неискушенных слушателей начала XX века формой, созданной поэтом на основании греческих образцов.

О самом собрании Брюсов рассказывал в уже цитированной нами ретроспективной дневниковой записи о пребывании в Париже: «Я читал лекцию в помещении Association des étudiants français – ту же, что в М<оскве>. Общество было такое же, как в Лит<ературно-Художественном> Кружке, только еще более некультурное, еще более грубое. Возражения мне – в стиле Любошица¹⁹⁸. Вылезали какие-то “сельские учителя”, как они рекомендовались, и требовали объяснить им, что такое декадентство. Народу было так много, что зала не вмещала, сидели, стояли, толпились, не впускали, было душно, жарко. На 9/10 идиоты. После, однако, остались одни сочувствующие. Сол<омон> Поляков, Поярков, “Иван Странник”, Кругликов, Пилло, Люси, Елена и др. (Были Ивановы, но ушли). Пилло сказал речь, по-франц<узски>, что быва<л> на собраниях самого низшего плана, но таких гнусных не выдывал. После говорили стихи, пили кофе, etc., etc. И зачем все едут <?> в Париж? Они и франц<узского> языка не изучили». Эта запись дает возможность хотя бы отчасти установить круг слушателей, преимущественно, конечно, симпатизировавших взглядам Брюсова и стихам Иванова. Помимо упоминавшихся выше С.Л. Полякова-Литовцева и Е.С. Кругликовой, это поэт и критик Николай Ефимович Поярков (1877-1918); жена Е.В. Аничкова Александра Митрофановна (1868-1935), писавшая по-французски под псевдонимом «Ivan Strannik»¹⁹⁹, французский художник Андре Шарль Пийо (Pillot; ?-1925), Люси (Людмила Ивановна) Савицкая (1881-1957), возлюбленная Бальмонта (далее в дневнике Брюсов сообщает, что она вышла замуж за А. Пийо), третья жена Баль-

¹⁹⁸ Речь идет о журналисте Семене Борисовиче Любошице (1859-1926), постоянном оппоненте символистов на различных публичных чтениях.

¹⁹⁹ В начале 1903 г. А.В. Гольштейн писала Иванову: «1 экз. <“Кормчих звезд”> передан честолюбивой дуре “Ivan Strannik”, которая пишет всюду...», и к имени сделано примечание: «Читай *Срамник* (entre nous)» (Переписка с Гольштейн. С. 362; неточности публикации исправлены по оригиналу).

монта, тогда еще ею не ставшая, Елена Константиновна Цветковская (1880-1943).

Отзывы Ивановых более сдержанны, но небезынтересны. Более краток был сам поэт в не раз цитированной открытке от 6 мая: «А вечер литературный, где подвизались мы с Брюсовым против разъяренной толпы марксистов... Tout ça est érique – mais ça dépasse les limites de cette carte postale²⁰⁰» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 64). Несколько более подробно была Зиновьева-Аннибал, которая в написанном на следующий день письме к Замятниной рассказывала: «Мне оказалось очень важно и интересно попасть в тот понедельник в собрание. Были бешеные нападки реалистов на «новое искусство». Вячеслав после реферата Брюссова и дебатов читал несколько стихов, и ему хорошо хлопали, несмотря на возбуждение страстей: “Океанид” между прочим» (Там же. Л. 66). Отметим также, что уже в конце года, 28 декабря, в письме к Брюсову Иванов вспомнил эту дискуссию и написал: «Против вашего реферата в Париже я мог бы возражать: искусство – не “ancilla”²⁰¹ Познания. Как я понимаю его действенную (теургическую) задачу, я сказал в стихотворении “Творчество” в “Кормчих звездах”. Мы еще символисты; мы будем мифотворцами. Дорогой символа мы идем к мифу» (ЛН. Т. 85. С. 442)²⁰².

В дополнение напомним еще описание, сделанное А.В. Гольштейн в письме к М.А. Волошину от 7 мая и «запрятанное» в комментариях К.М. Азадовского и А.В. Лаврова к переписке Брюссова с Волошиным: «Познакомилась здесь с Брюсовым. Очень симпатичный и славный, и жена его очень славная, но умом он меня *не* удивил. Он здесь читал реферат о задачах искусства (кажется, так), и я нашла, что его эстетика неподпеченная. Отчего это так мало знают и так неясно думают русские люди, даже умные, как Брюсов? <...> На его реферате были большие скандалы, крики, вои, ругань. Он реферат читал, Вяч. Иванов свои стихи, а Ваш шустро-глупый Поляков председательствовал, дразнил публику своим воем, криками и стуками кулаком по столу...» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 281).

В общем, первое личное общение с Брюсовым произвело как на Иванова, так и на Зиновьеву-Аннибал самое благоприятное впечатление. В том же письме от 7 мая последняя, поначалу сердясь на Замятнину за неаккуратность в присылке книг и журналов («Пришли моментально Пишбышевского. <...> Спасибо за “Сев<ерные> Цветы”! как ты мило лишаешь Вяч<еслава> их! и знакомства с моими издателями и кружком его литерат<урных> друзей. Но их не посылай. Милостию судьбы они у нас есть: Брюссов сам передал нам книжку. Также его “Vigilia” у нас есть, слава Богу, но не тебе. Позор нам здесь был не знать “Мира Искусства”, но сколько раз я зывала напрасно о нем» [Там же. Л. 65 об]), постепенно смягчаясь, повествовала: «Брюссов приходит на

²⁰⁰ Все это эпично – но это превосходит границы почтовой карточки (фр.).

²⁰¹ «Служанка» (лат.).

²⁰² Polemiku с Брюсовым Иванов оформил уже после появления «Ключей тайн» в статье «Поэт и Чернь» (Весы. 1904. № 3).

каждую лекцию, даже остается для этого лишние дни в Париже и писал Перцову, что “Нов<ый> Путь” много потеряет, если не залучит себе эти лекции²⁰³. <...> С Брюсовым виделись еще не раз. <...> Брюсов умный очень, и искатель, и крупный талант, и очень интересен лицом и манерами. Его муза родственна нашей и, быть может, мы будем дружны в будущем. Это глубоко радостно. Он на меня производит сильное впечатление. Да, новый мир окружил душу, и душа снова полна сил, жизни, жажды творчества, счастья несказанного Красоты и надежд, и веры в силы свои и в свое будущее» (Там же. Л. 65 об – 66 об).

Конечно, следует иметь в виду, что восторженная последняя фраза основывалась на далеко не точном понимании устойчивого мнения Брюсова о Зиновьевой-Аннибал. Напомним его письмо к С.А. Полякову от 8 мая: «Познакомился здесь и много видался с Вячеславом Ивановым и его женой, автором “Пламенников”. Он очень интересен, хотя и томителен со своим Дионисом. Она – довольно-таки пустая особа, извне набитая чужими идеями, как чуело соломой. Иногда говорит она вещи глупые до поразительности. А ведь Вы на издание романа согласились?» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 76). Но тем не менее это свое впечатление он хорошо умел прятать, и по крайней мере до 1905 года Зиновьева-Аннибал была убеждена, что Брюсов заинтересован не только в постоянном сотрудничестве Иванова, но и в ее также.

Во всяком случае, в тот же день, когда Брюсов писал Полякову, Иванов и Зиновьева-Аннибал отправили совместную открытку Замятниной, в которой, несмотря на шуточный слог, чувствуется и серьезная увлеченность обоих: «Вчера вечером в русской школе читал Брандес – личные воспоминания и пр. об Ибсене. Потом мы были в кафе с Брюсовыми и еще тремя русскими из «эстетов» и «мистиков» – моими слушателями. И было очень интересно. Мы с Брюсовым очень близки по стремлениям. Он – очаровательный *юноша*, очарователен, когда одушевляется. Лидия, увы, безнадежно влюблена! Вчерашний день – день моего визита у Ивана-Странника – думаю влюбиться в свою очередь; тем более, что она меня так хвалит. Только верность *Вам* удерживает меня на опасной *pente*²⁰⁴... *В.*» И Зиновьева-Аннибал продолжила: «Дорогая Маруся, с Брюсовым сговорилась совсем как ты сегодня пишешь. Спасибо за письма. Вчера в кафе до часу сидели, и Вяч. чудно говорил с таким жаром <?> и такой сжатостью! Но все перья павлиньи были собственно украдены у меня, что совсем поразило Брюсова и других. Его здесь захвалят» (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 25). И в заключение рассказа про первое знакомство Ивановых с Брюсовым следует, пожалуй, напомнить рассказ Иванова 1921 года: «Помню, какое сильное произвел он <Брюсов> впечатление на Зиновьеву-Аннибал, когда он ей при первом знакомстве в течение целого вечера рассказывал, что он больше всех в ми-

---

²⁰³ Упомянутое письмо Брюсова, видимо, не сохранилось. П.П. Перцов писал ему из Казани 4 мая 1903 г.: «Получил две Ваши открытки из Парижа. <...> P.S. Ответ: Вяч. Иванов, конечно, желателен. Напишите ему» (РГБ. Ф.386. Карт. 97. Ед. хр. 11). За сообщение сведений приносив сердечную благодарность А.В. Лаврову.

²⁰⁴ Склоне (фр.).

ре страдает, ибо вынужден лгать всегда и скрывать свое истинное лицо»²⁰⁵.

Параллельно с уже завершившимися отношениями с Брюсовым продолжали выстраиваться и отношения со Школой. В открытке Иванова от 6 мая – своеобразном конспекте происходящего в эти дни – читаем: «Вчера на лекции я узнал от Ковалевского, что выбран единогласно в профессора и члены Совета Русской Школы, т.е. нашей смешной boîte²⁰⁶. Видите, какая честь!» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 64). И несколько подробнее о том же писала Зиновьева-Аннибал 7 мая: «У нас здесь такая суэта и работа, что трудно вообразить. Не спим, не едим почти. Но результаты блестящие. Вячеслава всеми силами заманивают на зимний курс по римской древности и выбрали его *единогласно* в Совет школы и в профессора. <...> О курсе зимнем думаем, что это выгодно и умно принять и может послужить к связям и даже к экзамену Берлинскому²⁰⁷. Он не берет всей зимы, а по месяцу, по 6-ти недель два раза в зиму» (Там же. Л. 67-66).

Таким образом, наказ А.В. Гольштейн оказался практически выполненным: Иванов стал своим человеком в Школе, получил приглашение на следующий учебный год, был избран профессором (несмотря на то, что так и не защитил диссертации) и членом Совета. В программе Школы на 1903-1904 учебный год были заявлены два курса Иванова: «Связь греческой мифологии с древнейшими философскими системами» и «История римских государственных учреждений». Впрочем, они так и не были прочитаны, хотя еще 14 ноября Иванов писал Брюсову: «В январе ожидают от меня в Париже курса о римской магистратуре. Но этот курс я прочту уже не для того, чтобы сообщать результаты своего нового исследования, как в курсе о Дионисе» (ЛН. Т. 85. С. 439). Формальным предлогом для отказа послужила начавшаяся Русско-японская война: «Война изменила мои планы на ближайшее будущее: ехать в парижскую колонию было слишком не по сердцу, увидеть же Россию теперь стало почти потребностью. Считаю войну за *force majeure*, извиняющую отсрочку обещаний, данных Школе, и естественным представляется мне – временное понижение нашей преподавательской деятельности за границей в данных обстоятельствах» (ЛН. Т. 85. С. 445-446), – писал он тому же Брюсову 23 февраля 1904 г.

Отметим, однако, что Иванов скорее всего просто воспользовался предлогом, чтобы отказаться от чтения нового курса. 15 декабря он писал Брюсову: «Я собираюсь побывать в Москве в скорейшем времени...» (Там же. С. 446)²⁰⁸, 7 января спокойно находится в Женеве, и ни-

²⁰⁵ Альтман М.С. Цит. соч. С. 25.

²⁰⁶ Школы (фр., разг.).

²⁰⁷ Для истории научной деятельности Иванова существенно отметить, что еще и в это время он не оставил надежды пройти экзамен в Берлинском университете у Т. Моммзена и после этого защитить диссертацию.

²⁰⁸ 29 декабря он писал Ал.Н. Чеботаревской: «Вопрос о поездке в Москву – которая, и в том случае, если состоится, только *задержит*, на месяц, вероятно, мои парижские курсы, предназначавшиеся именно на конец февраля, – остается также нерешенным» (Ежегодник

что не обличает стремления ехать в Париж читать курс. В уже цитированном письме от 23 февраля он говорил: «...думаем выехать в Москву (где были бы уже недели полторы тому назад, если бы я не хворал все это время)» (Там же. С. 445), то есть примерно за неделю до начала войны. В то же самое время (письмо не датировано, но, видимо, было написано во второй половине января) Зиновьева-Аннибал сообщала Ал. Н. Чеботаревской: «Относительно Парижа вот что: Вячеслав надеется, что благодаря Чупрову и Железнову программа школы достаточно полна. Он же совсем задергался, и ему каждая минута дорога, так что прервать текущее дело в настоящую минуту ему невозможно без существеннейших пожертвований» (Карт. 24. Ед. хр. 22. Л. 60б) – как видим, причина названа совсем другая, что еще раз говорит о том, что война была только предлогом.

Удобен он был тем, что позволял Иванову более не иметь дела с радикально настроенными и в большей части революционизированными слушателями (об этих качествах парижской аудитории мы сможем прочесть далее). Характерно, что уже и в письмах, написанных в последние дни семестра, сколько-нибудь подробные известия о внутренней жизни Школы из писем пропадают, Иванов и Зиновьева-Аннибал ограничиваются сухими отчетами об очередных лекциях. Судя по всему, хотя Иванов и реагировал на восторги коллег-преподавателей, не порывая со Школой окончательно, он для себя понял, что миссия, которую выполнили его лекции, оказалась исчерпанной: была сформирована, сформулирована и публично провозглашена мировоззренческая позиция, на продолжительное время ставшая основой взглядов Иванова, и наступало время для иных трудов. Именно так, как кажется, следует понимать последние из нам известных существенных упоминаний о связанных со Школой планах. В письме к Брюсову от 19 сентября 1904 г. Иванов говорил: «На зиму мне опять представляется искушение ехать в Париж, куда меня зовут. Если бы я решился, что уж оставил бы намерение воскрешать в своей памяти Рим, а занялся бы древнейшим периодом эллинской мысли – теургами и первыми философами. Мысль нравится де Роберти, но, вероятно, не парижской “черни”» (ЛН. Т. 85. С. 459), а через месяц, 11 октября, окончательно резюмировал: «В Париж не поеду, не по душе мне там; если еще спросят, напишу, что еду в Россию и не на временную побывку, а совсем» (Там же. С. 462).

3

На этом месте должно кончиться описание наиболее плодотворного и, если можно так выразиться, героического периода пребывания Ивановых в Париже. Они пробыли там еще два месяца, однако все это время было лишь слабым отголоском предшествующего. Брюсов уехал, чтение лекций превратилось в рутинную (и, кажется, не всегда прият-

ную) работу, у Зиновьевой-Аннибал возникли собственные планы, которые привели к насыщению ее собственной творческой биографии, но ослабили напряжение совместной деятельности.

В недатированном (но написанном, вероятно, около 10 мая) письме к дочери, которой тогда было без малого 14 лет, Зиновьева-Аннибал рассказывала: «Ты как будто предчувствовала, что мы были у тех художниц, где много народу. Это большая мастерская, как сарай с одной стеной из стекол, и там набрались художники и всякий народ, но не особенно было весело, хотя очень просто. Вячеслава просили читать стихи. Читали еще два поэта. Ему хлопали много. Здесь с нами обоими обращаются очень любезно, очевидно, что Вячеслава уважают сильно, а то, что “Скорпион” издает меня (видела ли, каким сказочно красивым изданием) внушает, как будто, всем уважение и ко мне, вернее, доверие к моему роману. Познакомилась я и Вячеслав с одной известной в Париже писательницей, она русская, но пишет по-французски (Ivan Strannik). Она была с визитом у меня, после визита к ней Вячеслава, и любезно пригласила нас обоих завтра, чтобы нас познакомить с знаменитым критиком и лектором – Брандессом <так!>. Это важно и интересно. Еще очень важно (и многого я от этого жду), что в Пятницу мы пойдем к *большому* художнику Редону, другу Алекс<андры> Вас<ильевны>. Вячеслав уже с ним знаком, и оба друг с другом оказались глубоко родными» (Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 9об-10об).

По всей видимости, встреча состоялась раньше, поскольку уже 13 мая Зиновьева-Аннибал сообщала Замятниной: «Редон согласен писать заглавный лист “Пламеников”. <...> Вячеслав бежит в библиотеку. Завтра лекция. Он несет письмо» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 68), а еще подробнее описывала свои парижские дела в недатированном карандашном письме.

Кто тебя научил восхищаться Бальмонтом? Странная метаморфоза. – Ну, что Вильети? ²⁰⁹ У нас парижский пожар часов и минут. Нельзя описать интенсивность жизнь. Брандес – *дурак*, я это знала с тех пор, как еще в России прочитала «*Moderne Geister*» ²¹⁰, и здесь убедилась. Была еще идиотическая лекция о Гете. Познакомились мы с ним у Ивана Странника, там были еще несколько русских княгинь и князей. Он вел себя по-немецки грубо, сомнителен и невежествен до непонятности. Весь разговор вел Вячеслав, Брандес выпрашивал хриплыми выкриками. Вячеслав стал таким спокойным и *sauteur*, что просто радость. Иван Странник довольно красивая женщина, кажется (по ее первому роману судя, не без таланта очень интимного ²¹¹), но Гольштейны вскры-

²⁰⁹ Преподаватель истории искусства, у которого Замятниная училась в Женевском университете.

²¹⁰ Имеется в виду книга Г. Брандеса «*Moderne Geister: literarische Bildnisse aus dem neunzehnten Jahrhundert*», многократно выходившая на разных языках.

²¹¹ О каком именно романе идет речь, сказать трудно. К тому времени на счету Иван Странник'а их было два: «*L'appel de l'eau*» (1901) и «*La statue ensevelie*» (1902). Отметим, что Иванов рецензировал ее третий французский роман «*L'ombre de la maison*» (Весы.

вают какие-то очень некрасивые dessous, и не знаешь, как к ней отнестись. Она ухаживает за нами, очевидно дорожит Вяч<еславо>вом, и вообще пресмешно, что образуется круг почитателей его. У Гольштейн ко мне приезжали эти самые княгини, чтобы близко знакомясь с нами, и Вячеслав, страшно элегантный, парижского образа, стоит, опираясь грациозно о рояль, элегантные дамы смотрят на него с диванов и кресел и ловят его слова. <...> Ив. Стран<ник> нашел, что у меня *очень* интересное лицо и видна негритянская кровь! (Аннибал). Были вчера у Редона. С час времени провели в мастерской, после чего были так им пьяны, что, дойдя до Trocadero, сели в кафе и просидели часа 3, там и пообедали, а дома еще кутили особенно. Дионисический художник самый истинный, потому что о Дионисе не ведает. Он будет писать голову Агавы для моих «Пламенников», я уже сообщила, но ты не удостоила внимания, так же как и на сообщение о том, что пишу драму в 3-х актах, 1-й акт готов. Заглавие «Звенья», сюжет – Измена и Смерть. Хочу набросать скорее, скорее, чтобы до начала печатания готово было. По этому представь себе и нашу жизнь. Это неопишимо. Это что-то, что мчится *et qui grise*²¹², и прекрасно, и кружится голова от интенсивности движения, даже словно тошнит подчас как в слишком мчащемся поезде. «Скорпион» подымает мои акции. Новое ощущение быть кем-то и не получать 3/3 за красоту явления, как в *l'insipide Genève*²¹³. <...> Лекции Вячеслава выше *общего* уровня слушателей, поэтому телеграмма Ал<ександры> Вас<ильевны> *Succès profond* была верною оценкою и вместе верным ограничением. Но будущее вскрывается, и день выезда из Женевы был счастливым, думаю. Эти лекции важны <?> почти исключительно в *будущем* как готовый план и набросок книги научной о Дионисизм<е> и Трагедии (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 89-91об).

Как хорошо видно из этого письма, Иванов уже в 1903 г. начинал зарабатывать ту репутацию, которая создалась у него в петербургские годы. Достаточно вспомнить его характеристику в книге Н.А. Бердяева «Самопознание», чтобы убедиться в этом: «Он – человек универсальный: поэт, ученый филолог, специалист по греческой религии, мыслитель, теолог и теософ, публицист, вмешивающийся в политику. С каждым он мог говорить по его специальности. Это был самый замечательный, самый артистический козер, какого я в жизни встречал, и настоящий шармер. Он принадлежал к людям, которые имеют эстетическую потребность быть в гармонии и соответствии со средой и окружающими людьми»²¹⁴.

Довольно существенна также и тема рисунка О. Редона для обложки «Пламенников». Хотя Брюсов и не был очарован его творчеством, все-таки представить известного французского художника молодому издательству должно было быть лестно. Но в данном случае в характер-

---

1904. № 11).

²¹² И что кружит голову (фр.).

²¹³ Пошлой Женеве (фр.).

²¹⁴ Бердяев Николай. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 138.

ный узел стянулись желания литераторов, планы художника, амбиции и бюджет издательства. 10 июня Иванов писал Брюсову относительно издания «Пламенников»: «...Одилон Редон согласен сделать литографию для обложки – думаем, голову Агавы, или, быть может, что другое <...> Нам думается, книгоиздательство будет довольно участием Редона: но как быть с издержками по напечатанию обложки? Редон говорит, что издержки <...> не превысят 500 франков. Он бы желал напечатать обложку в Париже под своим наблюдением. Согласился ли бы “Скорпион” осуществить или помочь нам осуществляться этот соблазняющий нас проект?» (ЛН. Т. 85. С. 436). Ответное письмо Брюсова неизвестно, но суть его выясняется из письма к С.А. Полякову: «...я писал Вяч. Иванову, что “Скорпион” согласен на Редона, хочет Редона, но цены пугается и спрашивает, нельзя ли камень сделать в России, а художнику заплатить гонорар. Так ли? В том-то и дело, что не помню, так ли мы решили!» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 78). Дальнейшие подробности выяснения отношений нам неизвестны, однако еще в сентябре Иванов писал Брюсову: «...в Париже вместе с Редоном надеюсь выяснить и устроить все сомнительное; вашими обстоятельными указаниями буду руководиться» (ЛН. Т. 85. С. 437). Впрочем, возможно, что речь шла уже не о «Пламенниках», а о книге стихов Иванова «Прозрачность», которая в то время уже активно готовилась. Во всяком случае, именно о ней шла речь опять-таки в связи с Редоном в письме к Брюсову от 14 ноября: «Обложку заказывать у Редона было бы поздно» (Там же. С. 440).

Однако возвращаемся в весну. 16 мая (видимо, на следующий день после того, как было написано цитированное карандашное письмо Зиновьевой-Аннибал), Иванов отправил Замятниной свое послание в очередными извещениями о ходе лекций и – главное для него – сообщением о том, что драма жены (тогда еще называвшаяся «Звенья», а впоследствии переименованная в «Кольца») оказывается вполне, с его точки зрения, удачной:

Дорогая Маруся, посылаю Л<идино> письмо из Нац<иональной> Библиотеки. До сих пор, каюсь, не удалось быть у Lagousse. Знакомства с ним ни у кого, кажется, нет, кроме «будущего министра» (Уки²¹⁵), и я воспользуюсь его рекомендацией.

Л<идия> меня восхищает: представьте, у нее вдруг родился замысел драмы – и уже 1-ый акт (из 3) готов! Еще не знаю, будет ли хорошо, но, во всяком случае, сильный лиризм (несмотря на чрезвычайную простоту) и, что особенно важно, 1-й акт *сценичен*!!

Я уже прочел 5 лекций. Аудитория обыкновенно (вступительные лекции, конечно, дело иное) не превышает 30 слушателей. Многие хвалят. Принимая во внимание, что весь почти комплект студент<ов> фанатичнейшие гражданственники, марксисты, позитивисты и т.д. – конечно, нельзя и думать, о том, чтобы приманить <?> их Грецией, религией или эстетизмом. Но удивительным образом профессора (тоже почти все позитивисты) ко мне дружелюбны <...> Дорогая Маруся, добудьте же

²¹⁵ Прозвище сына Гольштейнов.

«Ежемес<ячные> Сочин<ения>», тот номер, где рецензия на «Кормчие Звезды»²¹⁶ (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 26 и об).

Здесь идет речь о том, что по рекомендации знаменитого искусствоведа Н.П. Кондакова Замятниной пыталась договориться о переводах какого-то энциклопедического сочинения, а также о том, чтобы можно было получить на как можно более выгодных условиях клише к нему. Увы, Иванов и Зиновьева-Аннибал полагали, что их деятельность несравненно важнее просьб Замятниной, и усилили почти не прикладывали. Впрочем, последняя виновата в этом в наименьшей степени. Ею завладела идея ринуться из Парижа в Лондон, где была похоронена дочь, скончавшаяся в младенчестве в 1899 году, заказать ей могильную плиту и вообще уладить дела, связанные с этой трагической смертью²¹⁷. Уже 18 мая она написала Замятниной: «Выезжаю в Лондон в Четверг утром. Не знаю, кончу ли II-й акт до того. Беру с собой драму. <...> Здесь теперь работаем: Вяч<еслав> – лекцию, я драму. Обедать ходим в кабачок рядом, где дешево, и здорово, и уютно. Живем, как всегда, когда можем отдаваться “влечению духа”, т.е. работать совсем отвлеченные от жизни семьи, этой милой, любящей, красивой и любящей <так!> семьи, и всё же пленяющей крылья наши до того, что из журавлей в поднебесье обращаешься в курицу или голубя домашнего. Живем в нашем Элементе, и лучше, чем когда-либо, и, как и в Греции, чувствуем всю неизмеримую благодарность к тебе, ангелу-хранителю, так что худо ли, хорошо ли – будет l'oeuvre de notre vie artistique²¹⁸» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 70 и об).

За это время сохранились в основном письма Зиновьевой-Аннибал к Иванову, которые касаются почти исключительно хлопот о могиле и о связанных с Англией проблемах.

Она вернулась в Париж 21 или 22 мая, и с этого времени сохранилось еще некоторое количество известий о жизни супружеской четы в Париже.

Так, 31 мая она пишет Замятниной: «Сегодня В<ячеслав> в библиотеке. Застала его больным от переутомления: лихорадка и опухоль лица. Гольшт<ейн> лечил. Отоспался и лучше» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 73). Следующее письмо написано уже в июне (вероятно, 6-го числа), и выразительно рисует ту напряженную почти светскую жизнь, которой Зиновьева-Аннибал предавалась, закончив или почти закончив²¹⁹ первый вариант пьесы:

²¹⁶ В журнале «Ежемесячные сочинения» в первой половине 1903 г. не было рецензии на «Кормчие звезды». Собственно говоря, рецензий и критических статей этот журнал не публиковал вовсе; однако и в обширной хронике отклика на появление сборника стихов Иванова не было.

²¹⁷ См. несколько подробнее: Кружков Г. «Мы двух теней скорбящая чета»: Лондонский эпизод 1899 года по письмам Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал // Новое литературное обозрение. 2000. № 43 (вошло в его кн. «Ностальгия обелисков» [М., 2001]).

²¹⁸ Произведение нашей артистической жизни (фр.).

²¹⁹ 10 июня Иванов писал Брюсову: «Жена занята в настоящее время трехактной драмой,

Суббота. 9 ч. утра. В постели!...

...а должна была быть в Bon Marché²²⁰!.. Но, Марусенька, эти дни я так напрягалась, а сегодня предстоит следующее: в 11 на лекцию Вяч<слава> (12-1), расстояния адские! Потом завтрак с Семеновым и Ал<ександрой> Вас<ильвной> в quartier Latin (А в след<ующую> субботу с *тремя поэтами!*). Затем прием *мой* в салоне Ал<ександры> Вас<асильвны> – княгини Гагариной, княжны Трубецкой, Mme de Roberti (знаешь социолога), Кикиной и т.д. (Кстати, *напиши*, что знаешь об Анненковой-Бернар: она в меня влюбилась странно, и мы вчера завтракали в buvette библиотеки, и она слушала меня и говорила, что видит во мне *нового человека*, которому многое открыто, что не открыто другим, и что такие новые появляются, и лице у меня с картины, а не живое, и т.д. Она будет в Glyon, и к ней придет Писарев (актер), и она зовет меня, чтобы ему прочитать драму. От сюжета драмы она в восторге и всё повторяет: это ново. Она сама писала драму, но историческую, теперь работает в библиотеке для 2-й²²¹). Дальше: Вечером, после ужасных приемов (это *мои* приемы по парижским нравам, а Вячеслав, легший в 2 и вставший в 7, будет спокойно дрыхнуть: он, кстати, во второй раз болен крапивной лихорадкой от нервного напряжения) – мы поедем в театр в конце бульваров смотреть последнее представление новой пьесы Metterlink <sic!> (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 76-77).

Причина такой напряженности в жизни понятна. 29 мая Брюсов написал Иванову: «Мережковские только что уехали из Москвы. “Новый путь” будет существовать. Он очень хочет ваших статей (о Дионисе). Будет печатать целиком, даже со всей библиографией» (ЛН. Т. 85. С. 435), и Иванов отвечал на это 10 июня: «Мой курс я не хотел бы представить не убранным опрятно к печати. И потому еще хочу дополнить и обработать его. Но едва ли смогу сделать из него резюмирующую статью. Итак, “Новый путь” должен располагать листами пятнадцатую, по крайней мере, для напечатания моей “Греческой религии страдающего бога”. Притом, я принужден настаивать на скорейшем напечатании курса...» и так далее (Там же. С. 436). Разнообразные планы, связанные с лекциями, и предчувствие их значения для мировой филологии чувствуется в письме, которое 12 июня Зиновьева-Аннибал отправила В.К. Шварсалон, а через нее – и всем детям: «Милые детки, завтра Вячеслав кончает последнюю лекцию. Затем он остается недели 4, т.е. до середины или даже конца Июля, чтобы отделать лекции к печати, работать будет в библиотеке. Может быть, даже будет печатать по-французски или по-английски. Тогда это произведет большой переполох в филоло-

уже готовой в первой редакции» (ЛН. Т. 85. С. 436).

²²⁰ Система больших парижских магазинов, существующая до настоящего времени.

²²¹ Нина Павловна Анненкова-Бернар (1859 или 1864-1933), актриса и литератор, автор исторической пьесы о Жанне д'Арк «Дочь народа» (СПб., 1903). Была гражданской женой упоминаемого в письме актера Модеста Ивановича Писарева (1844-1905). С ней и ее вторым мужем С.А. Борисовым Ивановы дружили до смерти Зиновьевой-Аннибал.

гии, потому что он утверждает совершенно новые и самостоятельные вещи и происхождении религии Диониса и трагедии. Это большой и страстный спор в филологии, и все образованные люди тоже им заинтересованы. Теперь, что касается меня, я, конечно, желала бы остаться с Вячеславом. 1) он работает чрезмерно (ложится даже в 4 утра и часто в два и встает всегда рано) и поэтому его здоровье требует бдительного и любовного надзора. Пока я была в Лондоне, он уже захворал. 2) на него находит легко тоска в одиночестве, а Гольштейны (это между нами семейный секрет) имеют на него тяжелое, тоскливое влияние. <...> Итак, если у вас все благополучно, я останусь по возможности до конца или почти до конца с Вяч<еславом>» (Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 11об – 12об).

На следующий день закончился курс, что было отмечено частным праздником, и закончился семестр в Школе, что отмечалось уже совместным праздником всех преподавателей. Зиновьева-Аннибал описала это Замятниной: «Сегодня утром Вяч<еслав> встал в 4 ½ часа, чтобы закончить свою заключительную лекцию. Он ведь *почти не работает* к лекциям. Здесь время так уходит. Но он работал много в библиотеке для наборки массы фактов, что ставит всё очень научно. В 11 мы были в школе на лекции Роберти. Так как конец лекции была беседа, то я предложила ему рассказать нам об схемах анархизма. И после лекции ко мне подошли студенты и вели оживленную беседу со мной об анархизме. В 12 ¼ – последняя лекция с очень, по-моему, удачным общим обобщением смысла дионисизма и его роли по наше время. Много хлопали наши *fidèles*²²², которых числом не много, но которые, по словам Ковалевского, *sont l'élite* студентов. Потом с двумя еще поэтами и несколькими другими знакомыми пошли вместе завтракать в артистический кабачок, после завтрака Вяч<еслав> говорил стоя <?>, и те поэты – милый товарищеский тон. Сговорились на ужин все еще на буд<ущей> недели <так!>. Теперь мы дома. Вяч<еслав> читает, я пишу тебе, сейчас выходим обедать, потом на “закрытие” школы вечером. Не знаю, чем кончится торжество. Будут лекции» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 78об – 79).

Из письма Иванова к Замятниной от 5 июля мы узнаем также, что в этот день он «...поссорился и *разорвал* с Александрой Васильевной» (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 28об). С чем была связана ссора, мы, к сожалению, не знаем. Разрыв не был полным, но все-таки серьезно омрачил отношения (которые, правда, и до того вовсе не были идиллическими).

Но с 13 июня мы не получаем практически никаких сведений об интересующих нас темах. Очевидно, что Иванов погрузился в серьезную библиотечную работу, а Зиновьева-Аннибал, вероятно, продолжала заниматься «Кольцами». Только 5 июля, о чем мы уже упоминали, Иванов оправил в Женеву письмо, начинающееся упреками, по большей части относящимися к событиям довольно давнего времени: «Дорогой друг, я бесконечно давно не имел с вами общения, и мне даже стыдно, что не писал вам так давно – но, к сожалению, вы не позволяете питать цельных чувств этого порядка, потому что непрестанно заставляете давить в своей душе приют и им противоположным чувствам. Например, –

---

²²² Приверженцы (фр.).

и это только *пример* – отчего вы оставляете меня без нужнейших сообщений, без книжек “Нов<ого> пути”, без хроники “М<ира> Иск<усства>”, без газет, без *рецензии на мою книгу в “Ежемес<ячных> Сочинениях”*? Отчего все меня интересующее я узнаю со стороны и случайно? Отчего вы не потрясли за шиворот этого мерзавца – трудолюб<ивого> мужчину²²³? Отчего относительно Котляревских <?> – вчера мы с ними завтракали – вы поставили нас в ложное положение <...> О брате, о Голованове, о Дерюжинских вы оставили меня без нужных мне сообщений... Но довольно, и не соберешь сразу в памяти всех тех бесконечных досад, которые, как мелкие угольки, постоянно потихоньку кипятят в душе хроническое на вас раздражение. Раз вы этого *хотите*, и предпочитаете такое расположение к вам простому и беспримесному дружескому расположению, – не сердитесь и на то, что невольно учишься применять к вам искусство игнорирования. По возможности исключать представления о вас из круга обычных представлений, изгонять из души ваш образ на как можно долгое время, – вот все, что мне остается, так как вы не хотите теплиться в душе неугасимой лампадой перед объединяющими нас святынями» (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 27-29).

Далее мы опускаем подробное изложение проблем с издательством «Лярусс», у которого Иванову (впрочем, не слишком, как видно из текста, старавшемуся) так ничего и не удалось добыть, и отметим, во первых, отзыв о тогдашнем состоянии парижской Национальной библиотеки: «Новые журналы здесь видеть трудно: выложены только последние книжки, а потом переплетаются у какого-то космического переплетчика, который употребляет на переплет целый геологический период. Вообще Bibl<i>i</i>othèque Nationale – гнездо француз<ской> чиновничьей рутины. Все-таки постараюсь все увидеть» (Там же. Л. 28), а также рассказ Иванова о тексте своих лекций: «Первую свою лекцию я вам не прислал потому же, почему я не прислал и остальные одиннадцать. Какая разница между первой и второй?.. Интереснее по общему <I нрзб>, пожалуй, – последняя. Но от первой до последней это – *нечитаемые* наброски, brouillons illégibles, indéchiffrables²²⁴» (Там же. Л. 28 и об).

Надо сказать, что в последнем, конечно, Иванов преувеличивал. В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранились черновики его лекций, которые совсем не похожи на «нечитаемые наброски»²²⁵. Конспекты первых четырех лекций вполне подробны и солидны по объему, и их публикация является одной из насущных задач изучения творчества Иванова (равно как и должным образом осуществленная републикация журнального их текста, а также сохранившихся корректур книги 1917 года).

---

²²³ Имеется в виду сотрудник бюро газетных вырезок, подбиравший рецензии на «Кормчие звезды».

²²⁴ Нечитаемые, нерасшифровываемые черновики (фр.).

²²⁵ ИРЛИ. Ф. 607. № 153.

О тех же рукописях спрашивала по поручению Мережковских Иванова З.А. Венгерова. Ее письмо не датировано, но совершенно очевидно, что относится ко второй половине июня²²⁶ или июлю:

Суббота
6, Rue Alboni

Многоуважаемый

Вячеслав Иванович,

Я очень жалела, что не была дома, когда Вы к нам зашли. Думали увидеть Вас в среду, но наши все разъехались и не пошли, а я одна не решилась предпринять дальнейшее странствование. Все эти дни собиралась заглянуть к Вам, но пришлось сидеть все время дома за срочной работой, которую только сегодня сдала на почту. Очень мне хочется повидать Вас и Вашу супругу, и надеюсь, что Вы не откажете нам, мне и Софье Григорьевне²²⁷, в удовольствии видеть вас у нас в понедельник вечером, часов в 9. Мы с вами почти соседи – так что, надеюсь, вам не трудно будет выбраться. Тогда потолкуем о разных вещах, о которых мне очень хочется побеседовать с Вами.

Сегодня получила письмо от Мережковской, которая очень просит вас на задерживать Диониса и выслать поскорее им в Лугу (Виленский, дача Киселевой). Большое спасибо за «Грифов», которые с благодарностью верну. Нет ли у вас, кстати, и «Северных цветов» (последних). Если да, не дадите ли прочесть.

Итак, надеюсь, до понедельника. Привет Вашей супруге от меня и Софьи Григорьевны, которая ждет вас в понедельник.

Искренно уважающая Вас

Зин. Венгерова (Карт. 14. Ед. хр. 47. Л. 1 и об).

Для обсуждения истории текста «Эллинской религии страдающего бога» немаловажно и второе письмо Венгеровой к Иванову, уже более позднего времени. В письме к Брюсову, написанном 14 ноября, Иванов писал о своем курсе: «Этот последний все ждет своей окончательной обработки для печати. Тем не менее, я едва ли буду думать в ближайшее время об ином, чем “Тантал”» (ЛН. Т. 85. С. 439). Не исключено, что Брюсов известил об этом Мережковских (его письма к ним за этот период не сохранились), и 20 ноября Мережковский послал Иванову отчаянное письмо с просьбой срочно, телеграммой ответить, готов ли он

²²⁶ Гиппиус переехала на дачу в Лугу 27 мая (9 июня) – см. ее письмо к Брюсову от этого числа (Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5-6. С. 300 / Публ. М.В. Толмачева).

²²⁷ Речь идет о С.Г. Балаховской-Пети (1870-1966), общественной деятельнице и переводчице. Письма Мережковских из ее архива см.: Письма к Софье Григорьевне Балаховской-Пети. Зинаида Гиппиус / Публ. Р. Нижинской // Russian Literature. 1995. XXXVIII: 1; Письма Д.С. Мережковского к супругам Пети / Публ. Р. Нижинской // Новое литературное обозрение. 1995. № 12; Ливак Леонид. Ранний период русской эмиграции: По материалам собрания Софьи и Эжена Пети // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes. Stanford, 2006.

печатать «Эллинскую религию...» в «Новом пути»²²⁸. И, видимо, для уверенности Венгеровой снова было поручено выступить посредницей.

СПБ
Разъезжая 30
21.11.903

Многоуважаемый

Вячеслав Иванович (простите, если я ошиблась в Вашем отчестве и назовите мне его!).

Присоединяю к просьбе Дмитрия Сергеевича и свою – прислать «Религию страдающего Бога» для «Нового Пути». Если вся серия глав готова (а мне помнится, что Вы в Париже уже заканчивали переделку лекций для печати) – то чрезвычайно желательно иметь все, если нет, то начало, – *в том виде, как оно у Вас есть*. Чрезвычайно важно начать печатание с первой, январской книжки – а она должна быть готова в декабре.

Вам до сих пор не напоминали о Вашем любезном обещании дать эти статьи в «Н<овом> П<ути>», – потому что судьба журнала была en suspens, – но Вы сами понимаете, как грустно было бы исчезновение «Нового Пути», сразу твердо занявшего свою позицию. Теперь трудности отчасти устранены – и журнал начнет второй год своего существования. Надеемся на светлое будущее – если будет поддержка со стороны единомышленников единственного органа свободной философской и религиозной мысли. Вот к одному из таких сочувствующих, к Вам, обращаемся en premier lieu с просьбой о *немедленной* высылке статьи для первой книжки.

Вашего ответа Дм<итрий> Серг<еевич> ждет с понятным нетерпением – и потому, будьте добры, уведомите *телеграммой* о том, высылаете ли Вы рукопись. Повторяю, этой телеграммы очень ждут.

Пользуюсь случаем послать душевный привет Вам и Вашей жене. С удовольствием видела в объявлениях Скорпиона извещение о скором выходе Вашей второй книжки стихов. Надеюсь скоро иметь удовольствие прочесть ее.

Что роман и что драма Лидии Дмитриевны (кажется, я на этот раз не ошиблась в отчестве – хотя это – *my weak point!*)? Очень интересуюсь их судьбой. Может быть, Л.Д. черкнет мне словечко об этом, чем меня очень обрадует.

С удовольствием вспоминаю о наших встречах в Париже и надеюсь весной или летом опять повидать вас «в Европе».

В ожидании известий

Искренно симпатизирующая Вам

Зин. Венгерова (Карт. 14. Ед. хр. 47. Л. 3-4об).

²²⁸ См.: Переписка Д.С. Мережковского с В.И. Ивановым / Публ. Н.А. Богомолова и М. Цимборской-Лебоды // Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku. Warszawa, 1999. S. 82-83.

Из письма философа В.Н. Ивановского ²²⁹ к Иванову мы узнаем, что они виделись в тот же день 5 июля, когда было отправлено письмо к Замятниной. Ивановский писал: «Дорогой Вячеслав Иванович, к большому сожалению моему, я не смогу прийти завтра в ресторан, как мы сговаривались: мне нездоровится, а между тем приходится готовиться к отъезду и *faire des courses* ²³⁰. Если мы не увидимся до моего отъезда, то прошу у Вас еще раз прощения за прошлое воскресение. Конечно, прежде всего мне не следовало ехать повидать друзей в том состоянии утомления, в каком я был в тот вечер; но «одиночество томит», ищешь людей, – и я вполне ценю правильность Вашего совета – жениться... Однако *sic fata voluerunt* ²³¹, чтобы я до сих пор не был женат» (Карт. 26. Ед. хр. 22. Л. 1 и об; письмо от 9 июля). При той же встрече шел отмеченный О.А. Кузнецовой разговор о желательности для Ивановского перевести стихи Верлена.

На следующий день Зиновьева-Аннибал извещает Замятнину о визите ее друзей – В.В. Пушкиревой-Котляревской и ее мужа, будущего академика Н.А. Котляревского: «Вчера завтракали с Пушкиревой <...> Она очаровательная, глубокая русская женщина, русской красоты и таланта, он – ужасен! Вот сумасшедший брак. Я не знала, что она ночью <?> писала тебе рекомендации Брюс<ову> и Поляк<ову>, и не знала, как достаточно благодарить. Они были в Женеве 1 день. Не обиделась ли она. Она имеет большие связи с художеств<енным> театром» (Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 75об-74). Понятно, что через Котляревских Зиновьева-Аннибал прощупывала возможности постановки своих «Колец» на сцене. Однако сколько-нибудь существенная информация этим и заканчивается. Только 19 июля находим краткое сообщение: «...думаем непременно быть в Среде» (Там же. Л. 89) ²³². В начале двадцатых чисел (не исключено, что действительно 22-го) июля они вернулись в Женеву, где энергично взялись за творческую работу: Иванов начал составлять сборник «Прозрачность», а Зиновьева-Аннибал продолжала работу над «Кольцами». Эти две книги, опубликованные «Скорпионом», окончательно свидетельствовали о том, что пути творчества обоих писателей определились, если не внутренне, то хотя бы внешним образом.

---

²²⁹ Подробнее об их отношениях см.: Кузнецова О.А. Цит. соч. С. 105-107.

²³⁰ Ходить по городу (фр.).

²³¹ Так было угодно судьбе (лат.).

²³² Ср. в письме Иванова к Ал.Н. Чеботаревской от 21 июля: «...не управились с делами вовремя и, не желая уставать, отложили отъезд *на завтра*...» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. С. 256).

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА
В СИМВОЛИСТСКОЙ МОСКВЕ

Весьма важным эпизодом в становлении литературной репутации Иванова стало его четырехмесячное пребывание в Москве и Петербурге (очень недолгое) в марте-июле 1904 года. В замечательной мифологизированной биографии Иванова об этом рассказывается так: «Исполнилось предсказание Владимира Соловьева: Брюсов, Бальмонт, Балтрушайтис встретили автора высоко ими оцененных “Кормчих Звезд” как своего. Вячеслава Иванова чествовали, признали “настоящим”, много пили и все побратались. Сближали этих поэтов их общие резкие отгаликивания как от последних проявлений позитивизма и утилитаризма в литературной критике, так и от меланхолических lamentаций на народную, социальную и личную судьбу в “изящной литературе”. Объединяла их эллинистическая страсть, “александрийская” жадность к усвоению и вкушению всего разнообразно прекрасного во всех веках, у всех народов. Соединяла их и общая им всем подлинная любовь к новым формам родного языка и к разыскиванию жемчужин в старой отечественной поэзии. Они по-новому вместе слушали и понимали Пушкина, вызывали из забвения Тютчева, упивались соловьиной песнею мало замеченного Фета» (I, 71-72).

И дело было не только в этом. Подводя итоги работы журнала «Весы» за первый год, Брюсов писал М.Н. Семенову: «Недостаток работников – это первое, что угнетает “Весы”. При основании их мы рассчитывали на силы шести человек: Бальмонта, Балтрушайтиса, Вас, Серг<ея> Алекс<андровича>, Белого, меня. Но фактически все свелось к работе одного меня, которому немного помогали Серг<ей> Алекс<андрович> и неожиданно подошедший Вяч. Иванов»²³³. Из постороннего, хотя и сочувственного, Иванов превратился в одного из тех, на кого возлагались очень большие надежды как на активного деятеля всех символистских начинаний, сложившихся к тому времени в Москве. Предопределено такое отношение было, по всей видимости, иллюзией его поэтической плодovitости.

На рубеже 1902 и 1903 г. из печати вышли «Кормчие звезды». Уже к осени 1903 г. сложился второй сборник стихов – «Прозрачность» (изданный «Скорпионом» весной 1904 г.). Достаточно быстро писалась

---

²³³ Семенов М.Н. Вах и сирены. М., 2008. С. 507.

предназначенная для «Северных цветов» трагедия «Тантал». А если прибавить к этому также от начала до конца созданное в 1903-1904 гг. исследование «Эллинская религия страдающего бога», целый ряд статей и рецензий на книги как русских, так и иностранных авторов, то, видимо, нужно будет расценить эти два года как один из самых плодотворных периодов творчества Вячеслава Иванова.

Другое дело, что далеко не всегда он был готов работать с такою производительностью. Со временем кунктаторство Иванова стало знаменитым, а его неприиспособленность к лихорадочной журнальной работе – вполне очевидной. Но в тот год, который нас интересует, еще ничто не было предопределено.

Заметим также, что рассказ о московском пребывании Иванова должен быть неотрывен от рассказа о перипетиях первоначальной литературной судьбы Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: супруги представляли собою нерасчленимое, как им казалось, творческое целое. Это была еще одна иллюзия, поскольку ни деятели «Скорпиона» и «Весов», ни Мережковские и другие петербургские символисты не были расположены печатать произведения Зиновьевой-Аннибал, однако им приходилось считаться с волей Иванова, не мыслившего себя отдельно от жены как творческой личности. С другой стороны, эта ситуация дает нам счастливую возможность изнутри взглянуть на события весны и лета 1904 года, поскольку преимущественно именно эпистолярная активность Зиновьевой-Аннибал и сохранила для нас подробности этого эпизода.

В недатированном письме, явно относящемся к январю 1904 года она сообщала их общей с Ивановым приятельнице еще по Парижу Александре Николаевне Чеботаревской²³⁴:

...что касается событий, они таковы: была ужасно больна ожиданием, и все разрешилось печально. Потеряла ребенка в конце третьего месяца. Была операция, была долгая слабость, еще длится даже последняя, хотя силы прибывают теперь быстро. Было горько, но теперь пользуюсь свободой для работы, которая совсем не шла раньше. Написала цикл (20 пьес) того, что называют «стихотворений <так> в прозе», но мне уж очень отвратительна уродливость и нелогичность этой клички, и думаю назвать их «Impromptus». Не знаю еще, куда устрою их. Они вышли с головой и хвостом, и я сама очень счастлива.

Корректуры первые побывали и отбыли, вторых еще жду, а «Прозрачность» приехала в виде дубликата уже проверенных корректур. Праздники и «Весь» окончательно одурманили «Общество полезных книг», а Брюсов извиняется стократно «мучительною занятостью», и божится, как добрый купец, что к концу Января!? Или самому началу?? Феврала обе книги появятся одновременно²³⁵.

---

²³⁴ Подробнее см.: Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 238-295.

²³⁵ Расположение вопросительных и восклицательных знаков принадлежит Зиновьевой-Аннибал.

Роман стоит еще на очереди. Но лучше о нем не говорить: слишком сложно и не сложено. <...>

Относительно Парижа вот что: Вячеслав надеется, что благодаря Чупрову и Железнову программа школы достаточно полна. Он же совсем задержался, и ему каждая минута дорога, так что прервать текущее дело в настоящую минуту ему невозможно без существеннейших жертвований. Видели ли Вы уже начало статьи его в «Нов<ом> Пути» за Январь? Приготовление этих статей для печати требует, как оказалось, много труда. Вяч<еслав> просит вас кланяться, уверить вас в неизменности своих дружеских чувств и не заключать обратного *ex silentio* (Карт. 24. Ед. хр. 22. Л. 3об-4об, 6об).

Это письмо сразу вводит нас *in medias res* и потому нуждается в нескольких пояснительных словах. После возвращения из Парижа в Женеву в конце июля 1903 г. Иванов и Зиновьева-Аннибал решительно и энергично взялись за работу: Иванов составлял сборник стихов «Прозрачность», Зиновьева-Аннибал продолжала работать над драмой «Кольца» (обе книги действительно вышли почти одновременно в «Скорпионе» весной и осенью 1904 года). «Стихотворения в прозе» после некоторых перипетий были опубликованы в «Северных цветах» 1905 года. Роман «Пламненники» так и не был закончен и напечатан. От лекций в парижской Высшей школе общественных наук (где и состоялось знакомство с Чеботаревской) Иванов в конце концов отказался. В «Новом пути» печатались в обработанном виде лекции предшествующего года – «Эллинская религия страдающего бога». Письмо от Брюсова, о котором здесь говорится, не сохранилось в известных нам материалах, однако есть другое, достаточно сходное²³⁶.

Однако в этом письме не упоминается наиболее существенное для нас обстоятельство: несмотря на занятость, Иванов и Зиновьева-Аннибал по крайней мере с середины декабря 1903 г. всерьез обдумывают возможность скорой поездки в России, и уже не в Петербург, как то чаще всего бывало ранее, а в Москву. Так, 15/28 декабря 1903 г. Иванов пишет Брюсову: «Я собираюсь побывать в Москве в скорейшем времени – хотя, правда, не говорю об этом намерении как о непрременном решении: напишите, пожалуйста, насколько мой приезд желателен теперь же в деловом отношении. С осени же намереваюсь пробыть в Москве несколько месяцев, быть может, – чуть не всю зиму. Вообще мы только и думаем, что о переселении в Россию; это вопрос близкого времени, но покамест, правда, семейные обстоятельства тому препятствуют» (ЛН. Т. 85. С. 443). 16/29 декабря – Ан.Н. Чеботаревской: «Вопрос о поездке в Москву <...> остается также нерешенным»²³⁷. 25 декабря 1903 / 7 января 1904 – снова Брюсову: «Кажется, что моя поездка в Москву, теперь же и на короткое время, не нужна. Можно приехать весной, если будет необходимо. <...> С осени буду в Москве надолго. Пишите мне,

²³⁶ См.: Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 295-296.

²³⁷ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. С. 257.

впрочем, о ходе Ваших приготовлений к изданию и, если хотите, вызовите меня в Москву для организации работы» (Там же. С. 445). 10/23 февраля – ему же: «Завтра или послезавтра думаем выехать в Москву (где были бы уже недели полторы тому назад, если бы я не хворал все это время)» (Там же). Видимо, на основании этого письма Брюсов сообщал М.А. Волошину: «Сегодня должен приехать в Москву Вяч. Иванов» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 312; печатавшие письма К.М. Азадовский и А.В. Лавров датируют письмо: «около 16/29 февраля»).

Однако 8 марта н. ст. Зиновьева-Аннибал посылает открытку М.М. Замятниной вовсе не из Москвы, а из небольшого швейцарского местечка St. Sergues près Nyon: «Дорогая Мару, мы решили остаться до Субботы. Ведем жизнь исключительно сна, еды и сидения с короткими прогулками. Вячеслав приехал с началом крапивн<ицы>. Она разыгралась, но не злобно и без жара» (Карт. 23. Ед. хр. 12. Л. 1). Причины задержки Иванов пояснял опять-таки Брюсову 26 февраля / 10 марта: «Пишу из Юры, куда, проболел всю зиму, мы с женой равно оба принуждены были спасаться, чтобы подышать укрепляющим горным воздухом. Давно были бы в Москве, если бы непрерывающаяся хворость не заставляла всякий раз снова отлагать назначенный отъезд» (ЛН. Т. 85. С. 448)²³⁸. И лишь 18/31 марта Брюсов извещал Волошину: «Здесь Вячеслав Иванов» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 327.).

Хронология поездки восстанавливается по фрагментарно сохранившемуся в Римском архиве Вяч. Иванова дневнику Зиновьевой-Аннибал²³⁹. 11/24 марта они выехали из Женевы²⁴⁰, 12 марта переночевали в Базеле, 13 марта – во Франкфурте.

16/29 марта Ивановы приехали в Москву и остановились по адресу: у Никитских ворот, проезд Тверского бульвара, мебл<ированные> комн<аты> Троицкой, (№ 20). И на следующий день первые впечатления по приезде Зиновьева-Аннибал описывала в подробном письме к Замятниной:

17 Марта

Дорогая моя Мару,

Вчера приехали в 4 часа пополудне <так!>. Собирались сейчас же написать вам; только вымывшись, заехали на ½ часика! к Брюсову²⁴¹.

²³⁸ Тем же днем датировано письмо Зиновьевой-Аннибал к Брюсову: «Вот уже, кажется, месяц, как тороплюсь в Москву — дохнуть соленых брызг на вашем корабле. Вы приглашали меня в Москву, чтобы пожалеть вас, но я жалела вас уже и в Женеве» (Богомолов Н.А. Цит. соч. С. 296. Письмо полностью – РГБ. Ф. 386. Карт. 86. Ед. хр. 58. Л. 3).

²³⁹ См.: Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Из дневника 1904 и 1906 гг. / Публ. Андрея Шишкина // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.; СПб., 2009.

²⁴⁰ Накануне отъезда Зиновьева-Аннибал отправила Брюсову письмо с просьбой отыскать затерявшуюся рукопись «Теней сна» (частично – Богомолов Н.А. Цит. соч. С. 296).

²⁴¹ Мы сохраняем орфографию Зиновьевой-Аннибал, которая пишет фамилию то с одним «с», то с двумя.

Его не застали. Сказали: в «Скорпионе»²⁴². Поехали туда. Там собрание: Бальмонт со «взором каторжника»²⁴³, да еще затравленного и озлобленно-пугливого. Поляков – очень бойкий, любезный, разговорчивый, деловитый, несколько незнакомец и похудевший Поярков²⁴⁴. Последний бросился к нам, как бы родные братья неожиданно явились. Бальмонт был сначала как бы очень рад знакомиться с В<ячеславом> и сказал это. С полчаса присутствовал и слушал беседу, но вдруг совсем как бы омрачился и ушел... Он имеет манеру Умолова²⁴⁵ почти. Со мной поговорил о путешествиях в Палестину и Африку²⁴⁶, но странно, отрывочно и мрачно. Неуютный и непонятный человек. Брюсов был очень радушен и прост. Смотрели новые издания и... обложку с рисунком женщины, рассыпающей звезды, одного совсем молодого художника – для «Прозрачности»²⁴⁷. Есть легкость в рисунке. Недурно. Не портит и не *громоздит* книги. Книгу вот с минуты на минуту (2 часа дня) привезет сам Брюсов и сегодня же отошлет в цензуру. Всё устроилось, кажется, по желанию В<ячеслава>. Спросила Брюсова, читал ли он мои «Гени Сна»²⁴⁸, он ответил: «Нет, буду читать в корректуре». Видишь, уважили без чтения. Странно делаются дела. «Сев<ерные> Цв<еты>» будут набираться летом, выйдут в Сентябре²⁴⁹. Просят *непрерывно* «Гантала». Никто из Грифистов²⁵⁰ не будут, даже Белый и Бальмонт²⁵¹. Посидев часок, все 6 чел<овек> (один незнакомый) пошли в Больш<ой> Моск<овский> Трак-

²⁴² В 1904 году издательство помещалось по адресу: Москва, Театральная пл., д. «Метрополь», кв. 23.

²⁴³ Отсылка к первой строке стихотворения Брюсова «К портрету К.Д. Бальмонта» (1899): «Угрюмый облик, каторжника взор!».

²⁴⁴ Поэт и критик Николай Ефимович Поярков (1877-1918) познакомился с Ивановыми летом 1903 года в Париже, когда слушал лекции Иванова в Высшей школе общественных наук. Несколько подробнее см.: Кузнецова О.А. К истории посвящений в сборнике Вячеслава Иванова «Прозрачность» // Русская литература. 2006. № 3. С. 104-105.

²⁴⁵ Персонаж романа «Пламенники», поэт, прототипом которого послужил отчасти Бальмонт, отчасти С.П. Дягилев.

²⁴⁶ Ивановы были в Палестине на Пасху 1901 года, попутно проездом побывав в Александрии и в Каире. Бальмонт, сколько нам известно, в Палестине не бывал никогда, а в Африке был в 1909 г. (Египет) и во время кругосветного путешествия 1912 года. Разговор, по всей видимости, был связан с планами Бальмонта, о которых он сообщал Брюсову 8 июня 1903 г.: «Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие. Константинополь, Египет, вероятно, Персия, Индия, часть Китая, Япония. На обратном пути Америка» (ЛН. Т. 98, кн. 1. С. 150).

²⁴⁷ Обложку к «Прозрачности» делал близкий к «Скорпиону» художник Николай Петрович Феофилактов (1878-1941).

²⁴⁸ Такое название получили «стихотворения в прозе» Зиновьевой-Аннибал, о которых речь идет выше.

²⁴⁹ Альманах «Северные цветы ассирийские» вышел в свет лишь в начале 1905 года. Издание «Северных цветов» на 1904 год не осуществилось.

²⁵⁰ Имеются в виду участники альманахов и издательства «Гриф», составлявшие некоторую конкуренцию «Скорпиону» и «Северным цветам».

²⁵¹ Вопреки данному утверждению, Бальмонт в «Северных цветах ассирийских» участвовал (драма «Три расцвета»). Андрей Белый действительно в альманахе не печатался.

тир²⁵², и Поляков настоял угостить ужином с обилием вина и ликеров. Вернулись в третьем часу ночи! Вот тебе и письмо домой...<...> Очень было интересно, очень, очень.

Друзья они литературные пока верные и спасительные. Очень интересовались очевидно Вячеславом. Я старалась быть очень умной, чтобы не подумали, что В<ячеслав> из любезности приписал в своих сборниках моей башке <?> цитаты из «Пламенников». Кажется, ничего была. Говорила с Пол<яковым> о языках и о музыке, он очень, кажется, технически образован в музыке и истый лингвист, преславный малый²⁵³. Но, оговорю, глубины не чувствуется у Скорпионских друзей, где ни тронешь, и тонкого истинного артистизма я тоже не замечаю что-то. Говорила, конечно, и о делах. Пол<яков> сказал: «Если бы вы с осени приехали, то мы в две недели набрали бы, а то затруднение на затруднении, спросить некого, ну и откладываешь». Он обещал, если я останусь, то хоть в Марте!?? набрать. А «Пламен<ники>» к осени. Очень может быть, что вернемся с нашим паспортом и еще раз приедем сюда осенью. Но это предположения! и пока ничего не ясно вполне. Да, вот ждем Брюсова: обещал принести и руготню *Буренина* в «Нов<ом> Времени!» на Вячеславу <так!>, но такую, какую никто из Скорпионцев не решался повторить²⁵⁴. Валерий уже печатает ответную ругань в «Весов» <так!>. Хорошо бы, вот круговая порука. Ругань на стихотвор<ение> из «Нов<ого> Пути» с моим эпиграфом: «Мир – хмель Божества». После Брю<ова> придет наш Поярков, который прямо захлебывается от радости. Какой милый, сердечный человек.

..... 9 веч. Были оба. Брюсов так мил и любезен, что не узнаваем, прямо ухаживает за нами обоими. Поярков уходит.

²⁵² Находился по адресу: Воскресенская пл., д. Карзинкина. Принадлежал С.С. Карзинкину и М.В. Селиванову.

²⁵³ О лингвистических интересах Полякова см. во вступительной статье Н.В. Котрелева к публикации его переписки с Брюсовым (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 7).

²⁵⁴ Сверху вписано: «10051, 27 февр<аля>». Речь идет о неподписанной заметке в разделе «В журналах и газетах» (Весы. 1904. № 3. С. 73-74). Поскольку до сих пор заметка не атрибутировалась Брюсову и не перепечатывалась в сборниках его произведений, приведем ее полностью: «Новое Время (№ 10051). Жаргон “лакейских” и “распивочных” для Буренина уже давно – привычный стиль. В своих последних фельетонах этот “критик” ставит себе только одну цель: сказать печатно как можно больше “непечатных” ругательств... Впечатление получается, конечно, омерзительное. Но нам стало почти страшно, когда он в пример “идиотской” поэзии выписал стихи Вяч. Иванова “Не извечно, верь, из чаш порфирных...” (из книги “Прозрачность”), которые для нас всегда были образцом чистой и глубокой поэзии, лучшим доказательством, какого сильного поэта имеет русская поэзия в лице их автора... Страшно потому, что почти немислимо допустить, чтобы до такой крайней степени можно было стоять “в разных плоскостях”. Но, впрочем... Вероятно, г. Буренину его фельетоны кажутся осмысленными речами, а мы, положа руку на сердце, клянемся, что почитаем их чистейшим образцом “идиотской” критики и критического тупоумия». В фельетоне В.П. Буренина и заметке Брюсова обсуждается стихотворение Иванова «Хмель» (I, 753) с эпиграфом из «Пламенников» (впервые: Новый путь. 1904. № 2. С. 79).

В<ячеслав> расцвел в... крапивн<ице>. Укладываю его. Целую» (Карт. 23..Ед. хр. 12. Л. 5-9)²⁵⁵.

Еще несколько подробностей об этом дне сохранилось во фрагментах дневника Зиновьевой-Аннибал, который мы уже цитировали выше: «Вчера легли в 3 после угощения Полякова. Были сегодня Брюсов и милый друг Поярков. Он красиво жил до сих пор. Брюсов прямо ухаживает за В<ячеславом> и за мной. “Прозрачность” (он ее принес еще до цензуры) издана прекрасно. Брюсов разбирал почти все стихотворения с В<ячеславом>. Очень было интересно и сладко» (Римский архив Вяч. Иванова)²⁵⁶.

Следующее письмо Зиновьева-Аннибал отправила подруге лишь через неделю. Оно было начато 23 марта (5 апреля) кратким отчетом об издательских делах: «...дело с “Кольцами” сговорено вполне, они должны выйти в начале Мая непременно, и уже в нескольких последних изданиях “Скорпиона” упоминаются как долженствующие появиться в *Апреле*. С Поляковым сговорились во всех подробностях и о “Пламениках”, получила разрешение на сколько страниц хочу, потому что внушила ему доверие сжатостью “Колец”. Он сказал, что из “Колец” можно бы сделать 4 и 5 актов. “Прозрачность” еще в цензуре, *должна* выйти в продажу еще на страстной, но, увы, не выйдет, пожалуй, благодаря Благовещенью в продажу раньше пасхальной. Мы же имеем ее уже давно. Она прямо прекрасно издана, и “Кормчие Звезды” кажутся совсем уж скромным изданием» (Карт. 23. Ед. хр. 12. Л. 12 и об). Однако следом за этим шел рассказ о примечательном эпизоде, запомнившемся многим, имевшим к нему отношение. Так, 29 марта/11 апреля Брюсов писал Волошину: «Бальмонт, который три месяца был образцом воздержанности – последние недели опять “предается оргиазму”. В один из вечеров, промежуточный между двумя болезнями И.М.²⁵⁷, мы с ним и с Вяч. Ивановым даже совсем неприлично посетили в полночь Грифа, избидели его гостей etc. Андрей Белый соблазнен Грифихой, т.е. Ниной Петровской, и услан матерью, спастись, в Нижний Новгород» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 331). Зиновьева-Аннибал была гораздо более подробна, начав с общей характеристики Москвы, как Москвы-города, так и специфически символистской Москвы, с которой они столкнулись и остались в ошеломлении. Это размышление датировано тем же 23 марта: «Милая, что сказать тебе о наших переживаниях и приключениях. Можно исписать листы и не высказать половины. Москва раскрывает свою безумную утробу и пышет из нее и ароматами, и зловоньями, жизнью и смертью, русской азиатчиной, арабской дикостью и русской несказанной тонкостью духовной и нервной. Хаос ощущений до дикости

²⁵⁵ Небольшой фрагмент этого письма процитирован в комментарии К.М. Азадовского и А.В. Лаврова к переписке Брюсова с Володиным (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 313). В конце следовала приписка Иванова: «Дорогая Марусенька, нежно обнимаю и поздравляю вас. Будьте счастливы, как вы умеете быть счастливой. Любящий вас Вячеслав» (Л. 10об).

²⁵⁶ См. также: Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Из дневника 1904 и 1906 гг. С. 788.

²⁵⁷ Иоанна Матвеевна Брюсова (1876-1965), жена В.Я.

невероятных, райских до слез умиления, и грязных, и смешных, и уродливых характеризовалось бы <так!> описанием одного момента, но, увы, описывать его невозможно, разве рассказать...» (Карт. 23. Ед. хр. 12. Л. 13 и об).

Однако продолжение, собственно и содержащее подробный рассказ, было написано уже на следующий день, 24 марта (6 апреля):

24 М<арта>. Среда. Оторвал от письма приход Брюссова. Видимся каждый день. Но вернусь к Субботе. Мы попали в «Скорпион» по приглашению Брюс<ова>. Пришел часов в 7 Бальмонт, посидели, пошли с Бальмонтом в трактир обедать. Здесь и началось несказанное. Очень быстро оба опьянели, т.е. Бр<юсов> и Бальм<онт> (мы, конечно, нимало). Еще до пьянства Бальм<онт> говорил мне всякие восторженные вещи, вроде что знает, что я всё без слов пойму, что довольно взглянуть в глаза, чтобы видеть, что я имею силу *всё* высказать и что всё это он понял, когда увидел на моем затылке завиток, которого я сама не знаю... и много еще совсем безумных и *невозможных* вещей, которые усиливались по мере вина. Он не позволял мне говорить с другими и всё жаловался, что нет цветов, и не выпито вино, и что перегородки между людьми и он один. Объяснялся жарко в любви то мне, то Вячеславу, то Брюссову и весь дрожал каким-то иступленным желанием порвать перегородки между всеми нами. Что касается Брюссова, то он пил мало, но внезапно побледнел и иступился по-своему мрачно и трагично, неопишимо. Он сказал мне о себе такие страшные признания, до того безвыходно трагичные, что я не смею верить в их действительность, и пришел в экстатическое помешательство на идее поклона в грязную землю Раскольникова. Но он был вмняем еще и даже незаметно пьян, мы трое пытались всеми силами утащить Бальмонта из трактира к Соколову²⁵⁸ в «Гриф», куда нас звали к 9-ти вечера. Трудно было. Брюссов умолял меня «на коленях», как выразился, взять Бальмонта с собой на извозчика, потому что с нами <так!> он не поедет. В 12 ½ домчались до «Грифа», Бальмонт вел с собой со мной <так!> совершенно пристойно, хотя всё время продолжал объяснения в вере к моему таланту <так!> и в любви к каждому волосу на моей голове. В «Гриф», т.е. у Соколова и его жены Нины Петровской застали нескольких грифистов, и здесь-то началось совсем неопишемое. Это был не театр, а сон, и то кошмар, то сладкий восторг. Бальмонт говорил речь о «слове», слово – всё, слово прекрасно, слово жизнь, но нет, нет, не нужно слова, нужны облака, тающие, проплывающие, исчезающие, нужные облака...

Говори<л> Брюссов о том, что он идет на поклон, лбом в грязную землю... были негодования слушателей, один господин плюнул в книгу и полез под стол (трезвый), всё было еще в кабинете. В столовой же Брюссов пригласил Вячеслава стать на колени перед Бальмонтом. Вячеслав сказал, что не стыдится стать на колени перед Богом в Бальмонте,

---

²⁵⁸ Сергей Алексеевич Соколов (псевд. Сергей Кречетов, 1878-1936), поэт, издатель, владелец книгоиздательства «Гриф», впоследствии редактор журналов «Искусство», «Золотое руно», «Перевал».

но Бог мгновенен, и уже Бальмонт не тот, что был за минуту, и поэтому теперь он не встанет, и что тот же Бог и в нем, и в Брюссове, и во всяком художнике, и никто не знает, кто высший, если я сегодня, ты завтра, может быть. Тогда Брюссов стал на колени, и Бальмонт тоже, и стали целоваться друг с другом. Да, забыла, что в трактире они придумали 4-х поэтов России: Вяч<еслав> Ив<анов>, Вал<ерий> Бр<юсов>, Конст<антин> Бальм<онт> и Андрей Белый, и всё время Брюссов и Бальмонт прокламировали это, на что Вяч<еслав> и отвечал, что не согласен, ибо неизвестно, где и когда и в ком открывается Бог. Бальмонт говорил мне: «Знаете, вы знаете, ваш муж гений, он гений, да, он гений», и еще: «Знаете, я люблю Валерия, Валерий великий поэт, но я отдам всю его поэзию за два ваших слова!» – «Каких?» – «Кольца и Пламенники», потом, уже на улице, целовал мне руки и говорил: «Ну вот, теперь хорошо!» – и я: «Ну конечно, очень хорошо, ну и успокойтесь». Или жмет руки: «Я вас уважаю, я так уважаю, что не решаюсь поцеловать ваши холодные руки». Он так в «Гриффе» командует: «Валерий, встань! Валерий, приди!», а Валерий: «Бальмонту покорствую!» И смех, и удивление, и граница шутовства, и... ну, «Паяц и Гений соприкасаются» Умолова. О, Умолов, Умолов, твой автор правда геньялен. Валерий причащал избранных сыром, требуя, умоляя нас всем святым принять от него священный кусочек, и всё время они оба глубоко мучились и бились. Валерий сказал в «Гриффе» мне речь вроде: «Я читал только первую главу “Плам<енников>”, простите, простите! но я поэт, поэт видит глазами духа, и я знаю вас: *вы царь*, мы ваши рабы, мы: Валерий Брюссов и Сергей Поляков. Что бы вы ни велели, мы должны печатать, не рассуждая» и т.д. Уйти из «Грифа» было трудно, Валерий удрал раньше, а Соколовы умоляли нас, т.е. Вяч<еслава>, меня и Пояркова вести совсем опьяневшего Бальмонта. Ведь он начал вечер со мной с того, что он корректный англичанин!! Ну я его и стыдила, и умоляла, и сердилась, – не уходит да и всё. Часам к 3-м утащила его с лестницы под руку и силой <?> и пошли по городу, он удирал со мной и не позволял оглядываться, а то станет и начинает объясняться в любви Вячеславу – гению! Бегали мы бегали, боясь покинуть этого несчастного человека. Время от времени он вдруг, плача, говорил мне: «Вы оставьте меня, я буду один, один, один». Что было дальше, во всех подробностях трудно <?> *рассказать. Напишу* же только, что около пяти я их покинула и поехала домой, а Вячеслав еще утром в 10 час<ов>, рассказывая о том, как билась о препоны несчастная одинокая душа Бальмонта, – плакал. Часов в 6 утра Поярков покинул их, и Вячеслав странствовал вдвоем с Б<альмонтом>. Были они у нем<ецкого> поэта Бахмана²⁵⁹, ритмического и поэтического человека, друга любимого Бал<ьмонт>та. Были на рынке и приобрели 2 кумачовых платка соленой рыбы и кулек клюквы, причем Б<альмон>т гнал Вяч<еслава> усиленно, и так к<ак> Вяч<еслав> задумал привести его и сдать Брюссову и не уходил, то Б<альмонт> жаловался на рынке собирающимся вокруг них торговцам: «Вот иностранец привязался», или:

²⁵⁹ Георг (Егор Егорович) Бахман (1852-1907), поэт, писавший по-немецки, преподаватель немецкого языка в московских гимназиях, друживший со многими символистами.

«Это сумасшедший за мной увязался, возьмите его». Он требовал, чтобы Вяч<слав> нес ему клюкву, а когда Вяч<слав> отказался, то он разбросал сол<еную> рыбу и клюкву на все стороны... Со всеми трудами мира удалось усадить его на извозчика, где он то толкался и ругался, то приглашал к завтраку и говорил, что любит, и привести его к Брюсовым, но здесь уже в передней Бальм<онт> улучил минуту невнимания, сорвал<ся> со скрипучих ступенек и скрылся за ворота.

24 Марта

2) Милая, было исписано еще 4 листа, и... не послано. Немного терпения, моя любимая, и мы будем вместе, прочитаем тебе те листы и всё до конца расскажем. Нельзя теперь: виденное, пережитое слишком безумно и сложно. Да, райские были ароматы и зловония, но нет, лучше и это не считай сказанным. Общее прекрасно, и мы счастливы бездонно. Я как в волшебном сне любви Вяч<слава>, признания и уважения и больше того гораздо со стороны кружка. Нас так носят на руках, что всё кажется сном. Даст Бог, скоро свидимся, сестра. Всех целуем, папочку, <нрзб> деток.

Лидия (Там же. Л. 13об-21об).

Этот обширный фрагмент требует столь же обширных комментариев. Подводя итоги 1904-05 года в своей жизни, Брюсов записывал в дневнике: «Для меня это был год бури, водоворота. Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Большая часть переживаний воплощена в стихах моей книги “Stephanos”. Кое-что вошло и в роман “Огненный Ангел”. Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова. Литературно я почти не существовал за этот год, если разумеешь литературу в Верлэнзовском смысле. Почти не работал: “Земля” напечатана с черновика. Почти со всеми порвал сношения, в том числе с Бальмонтом и Мережковскими. Нигде не появлялся. Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов. Я его вызвал на дуэль, но дело устроилось: он извинился»²⁶⁰. Ивановы присутствовали при начале этого «водоворота»: 9/23 марта, всего за два дня до выезда Ивановых из Женевы, у Брюсовых второй раз (впервые – в 1901 г.) родился мертвый ребенок. По крайней мере до мая месяца Иоанна Матвеевна была серьезно больна. Однако ни следа разговоров об этом в переписке Ивановых мы не находим: очевидно, от них Брюсов таил происходящее, хотя сообщал даже не самому близкому к нему человеку – М.А. Волошину.

Но, безусловно, следы этого тяжелого переживания усматриваются в том «исступлении», с которым Брюсов рассказывал Ивановым о себе, и в его желании покаяться, как Раскольников. На это накладывалось пребывание в Москве Бальмонта, который регулярно создавал вокруг себя атмосферу скандала и пьяного дебоша, поддерживаемого его бли-

²⁶⁰ Брюсов Валерий. Дневники. М., 1927. С. 136. Последняя фраза восстановлена по рукописи.

жайшим окружением, прежде всего «скорпионами». Но даже и для привычных ко всему москвичей ночь с 20 на 21 марта 1904 года запомнилась надолго. Так, двадцать лет спустя ее описала (приводя ряд подробностей, отсутствующих у Зиновьевой-Аннибал) хозяйка вечера в «Гриф», Н.И. Петровская:

На Страстной неделе, несмотря на все мои протесты, С. Кречетов пожелал устроить вечер, может быть, последний в сезоне. К тому же в Москву приехал Вячеслав Иванов с женой, захотелось, как называется, перед ним блеснуть.

Приглашен был В. Брюсов, конечно, Бальмонт, аргонавты. <...>

Длинный длинный ужин тянулся, как бесконечный кошмар. Ужасно много пили в тот вечер, и дело не обошлось без неприятного инцидента.

Эллис очень почтительно разговаривал с превращающимся уже в чудовище Бальмонтом, который, очевидно, заранее лил какую-то скверную «пулю». Эллис разыскивал не помню какую редкую английскую книгу и спрашивал Бальмонта, где ее можно достать.

- Она у меня есть, – сказал с непонятым вызовом Бальмонт.

- Да? Так Вы мне, может быть, ее одолжите дня на три?

Чудовище высокомерно прищурилось и зловеще прошипело:

- Нет! Вы можете просмотреть ее у меня в доме.

- Почему?

- Потому что иначе... Вы...

- Что?

- Вы можете ее присвоить!!

С грохотом опрокинулся стул, Эллис бросился с кулаками на Бальмонта. Их разнимали, как в кабаке.

Покойная Зиновьева-Аннибал наблюдала эту сцену через лорнет. Вячеслав Иванов мирил, но не примирил и, наконец, увел с собой Бальмонта.

Но, новичок в таком деле, заплатился всем остатком ночи, и Бальмонт до изнеможения таскал его по ночным притонам, а под утро привел на рынок к Сухаревой башне, купил копченого сига, фунт мороженой клюквы и пригласил пройти с утренним визитом к В. Брюсову.

Наученный горьким опытом, Брюсов его не пустил. С проклятием швырнув у двери подарки, Бальмонт скрылся в «пространствах» на три дня.²⁶¹

Если Зиновьева-Аннибал только составляла для Замятниной контекст будущего устного рассказа, и нам неизвестно, каков он был, то Иванов такой устный рассказ сохранил надолго, и его передала читателям О. Дешарт:

²⁶¹ Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. [Paris, 1989]. [Т.] 8. С. 52-53.

Брюсов, честолюбивый до безумия, до одержания, <...> раньше чем запервенствовать охотно выступал в роли пророка, им же, обязательно им провозглашенного бога. Он решил собрание сенакля посвятить прославлению Бальмонта. Распорядился, чтобы сперва все молча выслушали стихи поэта, которые сам автор читал, растягивая и подчеркивая каждый ритмически важный слог, вызывая кидая в слушателя свои певучие строки, сильно в нос ударяя последние, рифмующие слова. Потом он провозгласил Бальмонта первым поэтом и увенчал его лавровым венком. Наконец, потребовал, чтобы все стали на колени перед прославленным певцом. В.И. наотрез отказался: «Я глубоко уважаю и люблю творчество Константина Бальмонта, я даже, пожалуй, готов в данный час признать его первым поэтом, но выражать свои мнения коленопреклонением считаю просто *mauvais goût*²⁶²».

Много пили. Приближалась минута, когда совершенно пьяный Бальмонт, как это всегда с ним случалось, вдруг вскочит и убежит в холл, в ночь, неизвестно куда. На сей раз поручили приезжему гостю, новичку <...> догнать лавроносного беглеца и водворить его домой.

Мороз трескучий. В.И. был в длинной шубе, меховой шапке и теплых ботах. Быстро двигаться ему было тяжело. Бальмонт выскочил без пальто и бежал с привычной пьяной легкостью. Все же В.И. ухитрялся за ним поспевать. Но вдруг на каком-то перекрестке Бальмонт, увидев городского, со всех ног к нему разлетелся, за него спрятался и вызывающе ему бросил: «Избавьте меня, пожалуйста, от этого иностранца; он меня преследует». Городовой обомлел, увидев перед собою важного барина без шубы, с лавровым венком вместо шапки, и только руками развел; тем он невольно преградил путь поспешавшему В.И. А тут, откуда ни возьмись, оказался извозчик, на которого Бальмонт во мгновение ока вскочил и так повелительно крикнул: «Гони!»; что тот помчался во всю мочь. Когда на других санях В.И. прилетел в дом беглеца и вошел через не запертую пьяным хозяином наружную дверь, он увидел Бальмонта в столовой спокойно и деловито подходящего к каким-то бутылкам. Но тот, сразу учув погоню, с кошачьей ловкостью выскочил в окно. В.И. бросился за ним через дверь, в ужасе, готовясь к страшному зрелищу, но тут же и успокоился, ибо вдали разглядел фигуру порученного ему поэта, который как ни в чем не бывало мчался прочь от него вдоль по улице. Убежал. На следующий день его нашли в каком-то притоне крепко спящим. А еще через день он уже заливался новыми песнями (I, 72-73).

Как видим, все три известных нам описания различаются, и довольно значительно. Кажется, ближе всего к истине должен быть рассказ Зиновьевой-Аннибал, поскольку она и наблюдала почти все события собственными глазами, и записывала синхронно. В воспоминаниях Петровской вызывает недоверие краткий портрет Зиновьевой-Аннибал с лорнетом (похоже, что пришедшим с известной картины Бакста, изображающей Зинаиду Гиппиус в пажеских штанах и с лорнетом; позднее этот предмет вообще станет своеобразной ее эмблемой), а также эпизод

---

²⁶² Дурным вкусом (фр.).

с Эллисом. Репутацию человека, небрежно относящегося к книгам, Эллис заслужил значительно позже, в 1909 году, в связи с известной историей о вырывании страниц из книг Румянцевского музея²⁶³. Сомнительным выглядит упоминание именно Сухаревского рынка, поскольку в рассказах Зиновьевой-Аннибал и Иванова существенную роль играет извозчик, на котором едут Иванов и Бальмонт; от Сухаревой башни до дома Брюсовых на Цветном бульваре (на 1-ю Мещанскую они передут позже) извозчика брать было нелепо, так мало расстояние между ними.

В рассказе Дешарт обращает на себя внимание, что многие сравнительно мелкие и смешные подробности (вроде рыбы и клюквы, выбрасываемых Бальмонтом) забылись, окончание действия перенесено со ступеней дома Брюсовых на Цветном бульваре в дом, где жил Бальмонт (видимо, в Брюсовом переулке у жены), прыжок со ступенек заменен подколесинским прыжком в окно (при этом очевидно, что Иванов мысленно помещает это окно не на реальный первый этаж, а значительно выше). Но полностью совпадает воспоминание о коленопреклонении перед Бальмонтом (правда, логическое обоснование отказа, о котором вспоминает Зиновьева-Аннибал, заменено аргументом о *mauvais goût* – вряд ли только-только попавший в круг «скорпионов» Иванов решился бы их в этом обвинить) и о скитаниях по ночной и утренней Москве. Здесь же, пожалуй, стоит вспомнить позднейший рассказ Иванова: «...если в 1904 году (в эпоху «Прозрачности») я писал, что первую пальму и лавр предоставляю Бальмонту, то этим я не хотел отнюдь сказать, что я считаю его выше себя: нет, я как жюри – вне сравнения, он первый среди всех остальных, кроме меня. <...> И так же, как я, думал каждый из нас. И так всегда было. <...> И иначе быть не может. Сознывая себя вторым, я бы умер, не мог бы больше писать»²⁶⁴.

Закончить же затянувшийся комментарий, видимо, следует словами Нины Петровской о грифовских собраниях: «...пошлости не было»²⁶⁵. Кажется, с этим были согласны и герои нашего повествования – Вячеслав Иванов и его жена.

На это косвенно указывает прежде всего то, что воспоминания об этой ночи постоянно проходят через другие письма, и нигде не получают уничижительных оценок. Возможно, потому, что и последующие встречи проходили в сходной обстановке, пусть и не подогретой винными парами. Об этом Зиновьева-Аннибал писала Замятниной в плохо сохранившемся письме, начатом в то же самый день (почему в одном случае 24 марта названо средой, а в другом четвергом, мы можем объяснить только невнимательностью).

²⁶³ Подробно это описано в разделе «Инцидент с Эллисом» мемуаров Андрея Белого (Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 328-335).

²⁶⁴ Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., [1995]. С. 50-51.

²⁶⁵ Минувшее. [Т.] 8. С. 29.

24 Марта. Четверг. 8 веч.

Дорогая Мару,

Сегодня утром отправила тебе открытое письмо и пасхальное семейное поздравление. Но когда почта доведет. Пишу еще пьяная первым «лавром», за который только что пили с моим Вячеславом, проводив гостей. Были: Бальмонт, Брюсов, Балтрушайтис и Поярко. После чтения ими прекраснейших стихов (Валерий изумительный и великий *артист*, а Балтрушайтис брат – поэт духа в чистых, ясных ритмах, Бальмонт стихийный поэт, где всё протекает, и прекрасное, и дурное) – итак, – я сказала экспромтом речь:

– Позвольте мне, прозаику, просить внимания вас, ритмиков стиха, чтобы выслушать немного прозы, в которой я ²⁶⁶ <...> Это величайшие поэты России и чистые, высокие художники слова. Я читала: «Данаиды», «Искушение», «Глаза» и «Пробуждение». Затем обратилась к Брюсову: «Вы не скучали по ритму?» Валерий: «Бальмонту первое слово!» – Бальмонт ²⁶⁷ [Брюсов] Бальмонт ²⁶⁸ под конец сказал мне: «Я буду сегодня писать стихи» и «Я напишу вам стихи!» Я сказала: «Благодарю, я очень счастлива, но не обещайте, не от вас зависит, я же принимаю желание за исполнение». Но ты ведь не знаешь, что у меня с Бальмонтом длился роман самый изумительный с 7 часов вечера в Субботу и до 5 утра в Воскресен<ье>. Об этом и исписала те не отосланные листы. Да, чтобы не забыть: Вячеслав с Валерием и с Юргисом (Балтр<ушайтисом>) по имени зовут друг друга. Балтрушайтис <так!> написал (Карт. 23. Ед. хр. 12. Л. 23-25; текст обрывается).

Письмо было продолжено в пасхальный вторник, то есть 30 марта по старому стилю (12 апреля по новому). В нем повторяется многое из того, что уже было Замятниной сообщено, но сами эти повторения свидетельствуют о важности сообщенного:

Вторник 8 ½ веч.

Здесь Вячеслав совсем сжился с кружком поэтов, зовет Брюсова, Балтрушайтиса и Бальмонта по имени. С Белым еще не видались, до Фоминой его нет в Москве. Было у нас собрание этих 4-х (и Поярко) на страстной. Я сказала речь, прося позволения надоесть стихотворцам прозою, но извиняла себя тем, что стремлюсь сковать свою прозу в неизбежное и неподвижное сочетание слов. Да... это была смелость, ибо бесспорно, если что есть великое в поэзии русской нашего времени, то это те, которые сидели вокруг молча ²⁶⁹. Не нам измерять себя и их, впрочем, а времени. Мои «Тени Сна» имели успех. Балтрушайтис сказал, что это зайчики по стене, карусель красок и образов. Брюсов отмечал «на память» отдельные образы и даже оспаривал правильность *ударения* (так

²⁶⁶ Далее половина листа 24 и об оторвана.

²⁶⁷ Далее текст обрывается.

²⁶⁸ Мы вставляем по смыслу: в оригинале слово оторвано.

²⁶⁹ Возможно, следует читать: меня.

принял ритм моей прозы), Бальмонт сказал, что впечатление имел сильное и выдвигал «на память» отдельные выражения... и в конце концов обещал написать мне стихи, на что я ответила, что принимаю *желание* уже за исполнение и им счастлива и подарила ему прекрасный синий гиацинт в честь его стих<отворения> о Благовещении: «...в руках у всех синенький цветочек» (было Благовещение²⁷⁰). С Бальмонтом у меня было слишком много неожиданного, дикого еще в ту первую ночь, когда мы с ним, Вяч<еславом> и Брюс<овым> сначала ужинали, потом были у Грифа, потом бродили по Москве до 4 ½ утра я с ними, а потом Вяч<еслав> с Бальмонтом вдвоем. Но вот всё это при свидании. В вел<икую> Субботу должны были быть они опять, но под конец оказался один Бальмонт, принесший мне чудесных бел<ых> и красн<ых> гвоздик, и мы втроем от нас поехали бродить по Кремлю, после вечера с несколькими сумасшедшими беседами, полных <так!> большой красоты, проведенного у нас. Бальм<онт> говорил: «Хорошо бы, если бы мы были одни. Изумрудный луг, старый замок. Лес, и вокруг ревут звери – толпа. Мы посылаем <?> ей гимны <?> и умирняем. Сами же хохочем, хохочем. – Да, в ночь на Субботу мы слышали такой звон, которому один только есть равный: звон Океана... А после Кремля мы вдвоем с Вяч<еславом> ходили из церкви в церковь. Вернулись к 3-м часам домой, глубоко счастливые. – (Там же. Л. 29-31).

Не очень понятно, к какому дню относятся следующие воспомина-ния, записанные уже ретроспективно, 3/16 апреля в Петербурге:

Суббота. Петерб. <...> А мы совсем о наших именинах позабыли. Вечером того дня были у Брюсовых. Бальмонт, с которым я особенно нежно подружилась, обещал написать мне предисловие к «Кольцам». Скорпионцы в восторге! <...> ...со всем запасом впечатлений и радости первых несомненных и наиболее ценных признаний нас как истинных художников. Ведь Вячеслава они на руках носят и полюбили, как дети славного товарища. А мне Бальмонт пишет предисловие на веру в мою личность (У меня с ним был уморительный роман). А Брюсов сказал (когда подвыпил и стал наконец нараспашку): «Вы цари!? а мы ваши рабы, Валерий Брюсов и Сергей Поляков, что вы нам велите, то, не читая, – печатать обязаны» и т.д. ....

Благодаря этому тону движения и товарищества я совсем изменилась. Моя тихость пропала. Я очень спокойна и уверена, и Вяч<еслав> говорит, что где бы я ни была – я самая умная!? <...> Ах, рассказов будет много. Ты сохрани письма: будем перечитывать и дополнять (Там же. Л. 31об-33).

Казалось бы, упоминание об именинах должно было позволить датировать эти воспоминания точнее, однако это не так: именины Иванова были отпразднованы еще в Женеве 4/17 марта, а именины Зиновьевой-

²⁷⁰ Парафраз строки из стихотворения К.Д. Бальмонта «Благовещенье в Москве»: «И на улицах – у всех / Синие цветочки» (Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л., 1969. С. 281).

Аннибал – 23 марта / 5 апреля. Вероятнее всего, Замятнина поздравляла Лидию Дмитриевну с именинами ее собственными и именинами дочери, тоже Лидии.

У нас нет сведений, в какой именно день Ивановы уехали в Петербург. Вероятнее всего, это было в день 30 марта / 12 апреля – иначе Иванов не успел бы до субботы трижды посетить Мережковских, что упоминается в письме. К сожалению, впечатления, записанные Зиновьевой-Аннибал, достаточно беглы, но все же позволяют понять, почему в этот приезд Москва показалась Ивановым значительно более благоприятным местом пребывания, чем Петербург.

Вполне естественно, что первым делом Иванов счел нужным нанести визит именно Мережковским. Он уже стал постоянным автором «Нового пути», находился в переписке с Мережковским, видел в нем своего литературного союзника. Однако общение оказалось во многом разочаровывающим:

Здесь дух иной. Нет глубокой солидарности, нет детской ласки по-этов, но есть упорная и яростная борьба, чтобы получить Вячеслава в Петербург из Москвы. Вчера вечером была у Гиппиус и Мережковского. Вячеслав видел их дважды до меня (я лежала по необходимости, хотя очень мало), и по его рассказам (хотя он и ёрвис ее красотой) она мне казалась более вульгарной и неприятной, чем по личному впечатлению. Она была проста и *очень* со мной мила и любезна до ласковости. У них были Сологуб, Чулков, Философов, мы привели неразлучного нашего братишку Пояркова, который в страшные минуты (когда Гиппиус ругала его) искал моего взгляда и ободряющей улыбки. Холодный догматизм прикрывается словами мертвого огня, и ни они нас, ни мы их обречь не можем. Теперь я дома, Вячеслав у Венгеровой²⁷¹. Вечером идем к Беляевскому, где будет и Сологуб – плешивый старичок, бормочущий в нос как чиновник петербургский – свои стихи. <...>

Воскресенье 3-е Апрель²⁷².

<...> Вчера были у Беляевских (были в первый вечер). Был Сологуб. Кажется, очень им понравился. Читал. Мне он очень не нравится: кажется завистливым и никого не любящим. Но, быть может, ошибаюсь. Был Володя²⁷³, поглупевший, кажется. Читал Вячеслав мало. Читала я 4 стихотворения из «Тени Сна». Но *никто* и *ничего* не понял!! абсолютно. Это меня поразило, но не обеспокоило. Петербург ужасен – это душная смерть. <...>

Сегодня утром <...> Вдруг явление: Анненкова-Бернар²⁷⁴. Вот уже 6 часов, а я не завтракала. Вячеслав пошел с визитами, а Анненкова-Бернар только что вышла. Мне галушки в рот: она умо-

²⁷¹ Имеется в виду критик и переводчица З.А. Венгерова. См. о ней и ее отношениях с Ивановыми в предыдущей главе.

²⁷² Описка Зиновьевой-Аннибал: воскресенье приходилось на 4 апреля.

²⁷³ Муж О.А. Беляевской.

²⁷⁴ О Н.П. Анненковой-Бернар см. в предыдущей главе.

ляет подождать здесь до Среда и обедать у нее: кроме Котляревских будет Попов – режиссер театра твоей Ком<м>иссаржевской²⁷⁵. Ком<м>ис<саржевская> большой друг Анненковой, и последняя хочет непременно, чтобы Ком<м>ис<саржевская> играла мою драму. Зимой Ком<миссаржевская> ставит ее «Иоанну д'Арк!» <...>

Да, Мережковский подарил книгу Вяч<еславу> с надписью: «В<ячеславу> Ив<ановичу> от поклонника его музыки». Сегодня вечером к Мереж<ков>ским, потом вместе к Микве²⁷⁶... <...>

Понедельн<ик>.

Всё, что писала о Сологубе, неправда. Он удивительный человек! (Там же. Л. 33-37об).

Еще некоторое количество воспоминаний об этом визите (и даже не столько конкретных воспоминаний, сколько размышлений о совместности различных типов художественного и идеологического творчества, представленных Ивановыми и Мережковскими) находим в уже цитировавшихся фрагментах дневника Зиновьевой-Аннибал под 22 мая: «Петербург – прекрасный, грозный и призрачный. Люди там тоскливо-безнадежные и догматично верующие узко и затонно <?>, и всегда горделивые, – таковы (всё вместе) Мережковские. Злы, злы там люди и кроют извращение философией – таков, думаю, Сологуб. Мы как-то тоскливо устыивали <так!> и тосковали там. Пробыли десять дней. Мережковские очень ревновали нас к Москве, и не кончались упрямые споры, в которых спорящие слушают лишь себя. Мереж<ков>ский скалил зубы и вращал белки против “оргазма” вне Христа и требовал крепкие четыре ставни вокруг “как”, чтобы прежде *всего* было “что”. Гиппиус поддерживает его и изловчается в допросах придирчивых и не мудрых, но не производит впечатление самостоятельно дошедшей до их странной христианской веры, эзотерику которой она нам не пожелала раскрыть как людям “не хорошей воли”. Их интимный, нагой человеческий облик так и остался нам скрытым. Всё возможно, и худшее: бездна тщеславия Новой Главы Церкви и извращенность черных месс и пороков, следующих из слов Мер<ежковского>, что по принятию Христа всё вновь становится приемлемо, и любовь, и страсть... Возможно и то, что он человек истинно зажаждавшийся. Москва прямее, яснее...»²⁷⁷.

Далее в дневнике идет развернутое почти итоговое на тот момент мнение Зиновьевой-Аннибал о Брюсове и Бальмонте. Однако в настоящее время этот дневник в полном объеме приготовлен для публикации А.Б. Шишкиным, почему мы воздержимся от подробной цитации.

Как мы только что имели возможность прочитать, Ивановы побыли в Петербурге десять дней и, следовательно, вернулись обратно в Мо-

²⁷⁵ Николай Александрович Попов (1871-1949), режиссер театра В.Ф. Комиссаржевской.

²⁷⁶ Имеется в виду В.В. Розанов, печатавший в «Новом пути» (1903. № 7-12) большую работу «Юдаизм», где значительное место было отведено истолкованию значения в иудаизме миквы – небольшого водоема для женских омовений.

²⁷⁷ Римский архив Вячеслава Иванова. См. также: Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Из дневника 1904 и 1906 гг. С. 789.

скву около 10/23 апреля. Через месяц, о событиях во время которого у нас сведений нет, Зиновьева-Аннибал рассказывала Замятиной (письмо от 10/23 мая):

Конечно, выгоды большие от такого долгого пребывания в России. Видно стало ясно, что Вячеслав может здесь хорошо зарабатывать: всякой строчкой его все очень дорожат, и он быстро делает себя имя как в поэзии (его книга продается недурно: уже 100 с лишком экземпляров²⁷⁸), так и в essays и в критических статьях. В Майском номере «Весов» будут две большие статьи его и рецензии. Вот и теперь сидит и пишет, страшно торопясь, а я сейчас понесу в типографию.

Вчера принимали в «Скорпионе» приехавших на несколько дней Мережковских, и Поляков просил меня разливать чай в виде хозяйки. Были Брюсов, Поляков, мы двое и они двое и их *attaché* – поэт Леон<ид> Семенов²⁷⁹, и были споры яростные Петербурга и Москвы. Наши держались твердо вместе, а по уходе гостей в час ночи мы остались допивать вино и осуждать ближних. Брюсов смешно потирал руки, а я смеялась: «Жарко было!» Нас Мережк<овские> обвиняли в том, что мы «Академию устроили с раздачей призов», вот Брюсов и смеется (когда мы остались одни): «*Четыре* нас академика!» Видите, как меня оскорпионили еще всё в кредит. Брюсов проводил нас чуть не до дому, всё не желая расстаться. Если бы мы поселились в Москве (чудесные здесь есть сады с садиками, тихие и тепленькие), то Вячеслав вошел бы в «Скорпион» как член правления (Брюсов хочет скоро отдохнуть) и как редактор «Весов». Некому здесь работать, кроме Брюсова и Вячеслава. Это была бы гарантия на заработок и *свой* журнал. Теперь уже повторять украинские шпионами почтовыми рассказы не стоит: сами скоро, Бог даст, расскажем» (Карт. 23. Ед. хр. 12. Л. 38об-40об).

Как видно из последней фразы, Зиновьева-Аннибал (и, видимо, Иванов) подозревали, что их корреспонденция перлюстрируется и уничтожается. Прямых свидетельств этому у нас нет, если не считать таковыми фразу из хранящегося в Риме дневника Зиновьевой-Аннибал: «Почти рада, что не записывала и даже что пропало письмо в 32 страницы к Марусе», – но действительно серьезный перерыв в обмене письмами делает подобную гипотезу вполне вероятной. Отметим, что здесь впервые говорится о плане Брюсова сделать Иванова деятельнейшим сотрудником «Скорпиона» и особенно «Весов». Именно в этот момент, судя по всему, Иванов и сделал выбор, на некоторое время определивший его судьбу и творческие планы. Вряд ли возможно сказать с максимальной точностью, были ли уже тогда у Мережковских какие-либо конкретные планы перестройки деятельности «Нового пути»²⁸⁰, но само

---

²⁷⁸ Имеется в виду сборник «Прозрачность».

²⁷⁹ Основные материалы о жизни и творчестве Леонида Дмитриевича Семенова-Тян-Шанского (1880-1917) ныне собраны: Семенов Леонид. Стихотворения. Проза / Изд. подготовил В.С. Баевский. М., 2007.

²⁸⁰ В наиболее тщательном на сегодняшний день исследовании первые зафиксированные

то обстоятельство, что Иванов в апреле-мае ведет продолжительные беседы как с главными практическими руководителями «Весов», так и с идейными вдохновителями «Нового пути», свидетельствует о его широкой осведомленности в положении на арене журнальных сражений.

Можно предположить, что Мережковские были готовы принять его в число ближайших соратников, не обещая, однако, никаких мирских благ, прежде всего систематических гонораров, на которые можно было бы существовать немалому семейству. Зато «Весы» давали, говоря словами Зиновьевой-Аннибал, «гарантию на заработок и *свой* журнал». Для Иванова не могло быть вполне безразличным и то, что Мережковские претендовали на идеологическое руководство своим изданием, а Брюсов был готов выпускать журнал вполне плюралистический, где Иванов получал бы широкие права на высказывание своих собственных мнений, не подвергающихся редакционной цензуре. С осторожностью выскажем и еще одно предположение: достаточно определенная вражда Мережковских к Иванову была вызвана и его уклонением от потенциального активного участия в фактически умиравшем «Новом пути».

Во всяком случае, фразы Брюсова в письме к Иванову от 15/28 сентября, после известия о соединении журнала Мережковских с «идеалистами»: «Можно считать “Новый путь” покойным. Тем больше причин продолжать “Весы”...» (ЛН. Т. 85. С. 460.) – довольно отчетливо несут в себе второй смысл, примерно такой: возможность участия в «Новом пути» отныне закрыта, приходите в «Весы» и участвуйте. Иванов реагировал на это в ряде больших и весьма содержательных писем к Брюсову, которые уже давно опубликованы и стали предметом анализа, почему мы более о них и не говорим.

С 22 по 26 мая (с 5 по 9 июня) Зиновьева-Аннибал ездила в Петербург по семейным делам, но сохранившиеся в ее дневнике оценки в общем соответствуют той раскладке, которую мы только что описали.

С наступлением июня старого стиля московское пребывание Ивановых стало все более определенно клониться к завершению. В негативированном письме к Замятниной, московский штемпель на котором нам разобрать не удалось, но женевакский вполне отчетлив: 21.VI.1904 (а это значит, что из Москвы письмо ушло 3-4 июня: 13 дней разницы в стилях и 4-5 дней на доставку) Зиновьева-Аннибал сообщала: «Сегодня вечером идем с Поляковым прощаться в трактир. Брюсов уехал. Всего у меня с ним было. Ворохи расскажу. Бальмонт в Испании. Ах, чего не было у нас с ним: и слез, и смеху, и любовных объяснений, и горького разочарования в конце концов. Изводит меня несчастная, глупая Чеботаревская» (Там же. Л. 46 и об).

В качестве пояснения скажем, что Поляков собирался в Швейцарию, где его сестра, жена М.Н. Семенова, была на сносях ²⁸¹; имеющаяся

сведения относятся к июлю 1904 года, август был отведен на раздумья, а уже в начале сентября «Новый путь» фактически перешел в руки «идеалистов» (см.: Колеров М.А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» 1902-1909. СПб., 1996. С. 69-89).

²⁸¹ На деле все оказалось сложнее: Поляков сперва был вынужден уехать в Омск, о чем Брюсов сообщал Ф. Сологубу: «Он уехал на Дальний Восток, провожает свою родствен-

здесь в виду Чеботаревская – Александра Николаевна. Бальмонт уехал из Москвы 6/19 мая (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 338), но довольно надолго задержался в Париже и отбыл в Испанию лишь 21 июня / 4 июля (Там же. С. 339). Брюсов же уехал в Антоновку под Тарусой, где проводила лето его семья, и усиленно звал туда Ивановых. Еще к 29 мая относится пригласительная открытка, написанная карандашом

Дорогой Вячеслав!

Посылаю Л.Д. два портрета ее племянника из «Р<усских> В<едомостей>» и «Н<овостей> Д<ня>» (в закрытом конверте).

Я забыл дать Вам указания, как проехать к нам, если б Вы собрались.

Ехать до станции *Тарусская* (4 часа пути) и оттуда взять лошадей в Антоновку (1 ½ – 2 часа пути, 1 р. 75 к., 2 р., 2 р. 50, смотря по лошадям).

Может быть, решитесь на такое путешествие. Все-таки у нас хорошо

– Ваша Ока, лес, налимы, молоко, деревня...

Ваш

Валерий Брюсов (Карт. 13. Ед. хр. 84. Л. 7).

1 июня Зиновьева-Аннибал пишет отцу письмо, которое, несмотря на некоторое лукавство, без которого она почти что никогда не обходилась со стариком, все-таки позволяет понять то состояние, в котором Ивановы находились перед отъездом: «Устали оба. Оба мы мечтаем скорее, скорее отдохнуть дома. Дорогой мой, ты знаешь, что не для удовольствия здесь сидим, сердце истосковалось. Просто беда, как нужна нам стала Россия. Вот благодаря ей я замыслила новую драму. Нужна всякому писателю его родина. Здесь я читала драму Евгению Алекс. Ферсману в большом обществе, она произвела впечатление “высокого литературного достоинства”. Ах, даст Бог, и ты увидишь, что не напрасны были все мои усилия и что я сделаюсь настоящим и нужным писателем. Много нужно терпения и смелости для этого. Вот сейчас еду к своему издателю, там увижусь с одним режиссером театра: он поговорит со мною, может ли поставить мою драму на сцене зимой» (Карт. 24. Ед. хр. 3. Л. 57об – 58об).

Еще через несколько дней (женевский штемпель – 25.VI.1904; но в тексте есть более точная примета: вторник был 8 июня, и, стало быть, письмо относится к 7 числу), где о прощальном вечере с Поляковым рассказывается подробнее: «С Поляковым провели вечер до 2 ½ ночи в “Эрмитаже”. Многого насмотрелись. С ним подружились ближе. Он прелестнейший человек: мягкий, прямой, добрый, чуткий, смелый, но

ницу, которая едет к мужу – в армию» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 207. Л. 1), что произошло не позднее 11/24 июля, и только 28 июля / 10 августа вернулся в Москву, тут же отправив Брюсову телеграмму: «Если можно приезжайте субботу, понедельник еду Женеву» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 92). Этот понедельник приходился на 3/16 августа. Однако уехал он лишь на следующий день (см.: ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 344).

увы – нигилист душой, Данаидова бочка²⁸², как и Бальмонт, и маленький Поярок. Ну вот, он сказал, что если критика и не займется пока “Кольцами”, то публика разделится на два лагеря: “Одни будут поклонниками, другие сжимать в большинстве кулаки”. Да, а предисловие Вячеслава окончательно рассвирепит господ гасильников. Ну всё равно, рука об руку мы выступаем в широкое море литературы. А зимою уда-ры еще: “Ниобея”, “Христофор” (дай Бог), “Тени Сна”, “Пламенники”, “Никлис” <?>... Но молчу» (Карт. 23. Ед. хр. 12. Л. 48об-49).

Упоминаемые здесь произведения – трагедия Иванова «Ниобея» (так и оставшаяся незаконченной), стихотворения в прозе «Тени сна» и роман «Пламенники» Зиновьевой-Аннибал; о «Христофоре» и произведении с плохо разобранным названием нам собрать материала не удалось. Еще одно упоминание в письме заслуживает внимания. Это предисловие Иванова к драме «Кольца», получившее название «Новые маски». О нем идет речь в том же письме: «Должны были вчера уже ехать в Звенигород поглядеть на жизнь вокруг монастырской ограды и в провинциальном городе при монастыре. Это для новой драмы, которую буду писать тотчас заодно с отделкой романа. Всё к этой зиме. Но вчера лил дождь, и Вяч<слав> занялся писанием вступительной к «Кольцам» статьи. Она будет необыкновенно важна и содержательна, так как включает весь его идеал театра. Она будет иметь стран<иц> б, и поместить ее хотя в «Весы» в крупный шрифт как отдельный essay, вторично как предисловие к «Кольцам». Но «Весы» уже набираются. Чтобы успеть к крупному шрифту, нужно печатать тотчас. Вот видишь, приходится отложить и на сегодня поездку. Едем завтра, во Вторник, если он закончит в день и в ночь статью» (Там же. Л. 47 и об). Все получилось так, как супруги и планировали. Действительно, слегка опережая отдельное издание «Колес» (появившееся в сентябре), «Новые маски» были напечатаны в седьмом номере «Весов» за 1904 год (С. 1-10; цензурное разрешение – 23 июня).

Казалось бы, к середине июня все дела были закончены, однако Ивановы все не уезжали, несколько даже раздражая этим своих московских приятелей. Так, 21 июня Брюсов, на краткое время приехавший из Антоновки в Москву, писал жене: «Ивановы уезжают во вторник, а пожалуй и во вторник не уедут»²⁸³, а 27 июня – С.А. Полякову: «Пишу Вам “стилографом”, который подарила мне Лидия Дмитриевна. Отбыли ли, наконец, они, многомедлющие, к твоим женевским пенатам?» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 90).

Если Поляков еще был в Москве, то должен был ответить: «Отбыли». 22 июня (с опиской в названии месяца – июля) Зиновьева-Аннибал извещала Замятнину: «...билеты взяты на послезавтра, т.е. на Четверг через Вену. В Вене будем в Воскр<есенье> в 6 утра. Проведем день: Вяч<слав> обещал написать отчет о выставке Венских сессеционистах <так!> в “Весы”²⁸⁴. Затем домой» (Карт. 23. Ед. хр. 12. Л. 50).

²⁸² Имеется в виду способность неограниченного поглощения алкогольных напитков.

²⁸³ РГБ. Ф. 386. Карт. 69. Ед. хр. 4. Л. 29.

²⁸⁴ Такой отчет написан не был.

Иванов еще толком не успел приехать в Москву, как получил письмо от Брюсова, датированное 30 июня / 13 июля. И содержание этого письма показывает, что пребывание Ивановых в Москве заставило Брюсова поверить в то, что он нашел ближайшего сотрудника для работы в «Весакх». Поскольку письмо уже опубликовано, напомним только главное в нем:

Дорогой Вячеслав!

Да будет это моим первым приветом тебе в твоей villa Java. Неужели войстину, приехав вновь в Москву, мне нельзя будет взбежать по лестнице у Никитских ворот и постучать в дверь, где № 20? <...> Живо ли в тебе это чувство общности с нами? Если живо, ты вернешься. А мне сейчас кажется, что если вынуть тебя из нашего круга, – все распадется. Ты должен был прийти к нам, это было так необходимо или, как я говорю, «неизбежно», что всем показалось естественным и ожидаемым. Ты именно тот недостававший луч, которые сделал гармонию из того ряда случайных красок, какими мы были до тебя. <...> Вынь себя опять, и все опять вернется в хаос, но горший, потому что слишком будет уличать сравнение с недавним прошлым. Ты – *должен* быть с нами, и я верю, что ты себя чувствуешь лишь во временной отлучке (ЛН. Т. 85. С. 449-450).

И какое-то время Ивановы имели все основания продолжать себя чувствовать все еще пребывающими в Москве. Начнем с того, что не упоминалось при рассказе о московских временах: у Зиновьевой-Аннибал появились сочувственницы в лице сестры и жены Брюсова, Надежды Яковлевны и Иоанны Матвеевны. От их общения сохранилось немного, но привести это немногое стоит. Первое письмо можно датировать лишь по женевскому штемпелю: оно пришло 30 июля и, стало быть, отправилось из Тарусы около 10 июля по старому стилю.

Дорогая Лидия Дмитриевна, привет Вам в Швейцарии. Наконец Вы снова дома, вероятно, снова вернулись к Вашим работам. А я, северная жительница, знаю, что наше лето дано нам ненадолго, и даже не пытаюсь начинать летом какие-нибудь работы. Я знаю, что у нас будет еще длинная зима, и лето посвящаю только самому лету.

Помните стихи Тютчева:

Весь день в бездействии глубоко
Весенний, свежий воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить.

А на небе в этом году так много любопытного – большие тучи, грозы, смерчи. В соседнем с нами лесу повалены целые ряды деревьев.

Недавно было тоже очень любопытно туча спустилась к нам на землю, кругом был густой туман, шел дождь, а сквозь туман было видно голубое небо. Это было рано утром, мы с Иоанной смотрели, а брат, конечно, еще спал.

Теперь, летом, так жалко утренние часы тратить на сон. Так же жалко то, что мы не видим первых часов после восхода солнца, как то, что мы раннюю весну живем в городе. Но на следующую весну я хочу воспользоваться моей новой свободой, так же, как и теперь я хочу до поздней осени не уезжать в Москву, останусь жить здесь одна.

Надеюсь, что зимой мы увидимся. Если даже вы не приедете к нам совсем, то, вероятно, захотите хоть на время приехать, увидеть Москву.

Н. Брюсова

Иоанна благодарит вас за письмо, просит передать, что скоро напишет вам.

(Карт. 14. Ед. хр. 3. Л. 1-2).

Такой ранний сигнал-напоминание о себе может свидетельствовать о двух вещах: то ли Н.Я. Брюсова действительно ощущала в себе тоску по только что уехавшей знакомой, то ли письмо было инициировано братом, заставившим напомнить, что и Зиновьева-Аннибал не оставлена вниманием (напомним, что сам он относился к жене Иванова резко отрицательно и письма ей писал только в исключительных случаях). И то, и другое примечательно, хотя и в разных отношениях. Первое может быть использовано историками феминизма, поскольку Н.Я. Брюсова (как, впрочем, и Зиновьева-Аннибал) были его теоретическими приверженницами. Для полноты картины приведем и второе письмо, хотя оно написано значительно позже – 8/21 декабря, но отправлено только 11 декабря (по штемпелю). В нем интересно известие о посещении дома Брюсовых Александром Добролюбовым.

Дорогая Лидия Дмитриевна,

Через четыре дня Вы будете справлять Рождество. Мы с Надеей по христианскому обычаю поздравляем Вас. Мы надеялись, что в этом году Рождество будем проводить вместе с вами. Да и теперь не теряем надежды встретиться вместе 1906 г.; времени еще много, до нашего Рождества еще далеко. У нас есть обычай встречать новый год непременно дома и одним. В этом году мы затеяли устроить маленькую елку. Соучастниками такого детского праздника из всех наших знакомых и московских и чужестранных могли бы быть только Вы с Вячеславом Ивановичем, и только Вы. Ведь Вы не раздумали увидеть Москву этой зимой? Так пусть наша затея ускорит Ваш приезд на несколько дней. Искренно были бы рады увидеть Вас.

Н. Брюсова

Иоанна Брюсова

Поздравление наше запоздало очень. Мы написали письмо, утром надо было его отправить, но в этот день нас посетил Добролюбов. Вы знаете о Добролюбове? В нашей жизни его посещение – всегда событие. Когда увидимся, расскажем вам, если хотите, об этом человеке, сколько сумеем (Карт. 14. Ед. хр. 1. Л. 1-2об)²⁸⁵.

²⁸⁵ Ср. также запись в аукционном каталоге: «Иванов Вячеслав. Автограф: “Дорогой Надежде Яковлевне Брюсовой с дружеским чувством Вяч. Иванов”. Автограф выполнен

Начало августа явно прошло для Иванова под знаком «Весов» и «Скорпиона». Около 29 июля / 11 августа М.А. Волошин сообщил своей приятельнице А.М. Петровой: «...я сижу в пустой квартире Гловых в Женеве. Пишу, читаю. По вечерам езжу к Вячеславу Иванову. <...> Жду приезда Полякова – «Скорпиона» (главного), который должен явиться на днях в Женеву. Иногда встречаюсь с Семеновым – переводчиком Пшибышевского в кафе Ландольта. Словом, в Женеве оказывается импровизированный съезд скорпионщиков. Интереснее всего для меня Вячеслав Иванов...»²⁸⁶. Чуть больше, чем через месяц, почти ту же характеристику женевского времяпрепровождения повторил и Поляков: «Вечером собираемся в кафе Ландольта, куда часто приходят Ивановы и другие женевские обитатели, бывал там постоянно и Волошин. Много рассуждали о ведении и распространении “Весов”; результатом одного из таких заседаний явилась статья Иванова о индивидуализме <...> Таким образом, и вечера более напоминают о Москве, чем о Женеве» (Письмо от 6/19 сентября 1904 // ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 96; упоминаемая статья – «Копье Афины»).

Играть самую существенную роль в делах «Весов» и «Скорпиона» Иванов был готов, несмотря даже на то, что еще в Москве почувствовал сомнения в отношении того, насколько он желанен всем приверженцам этого дела. До приезда Полякова в Женеву он писал Брюсову: «Мною ты можешь располагать, и я был бы по твоему зову на месте, если бы мне не приходилось считаться с фактом явно высказанного Сергеем Александровичем убеждения в ненужности моего ближайшего и, так сказать, органического участия в вашем деле. <...> Не думай, что я его упрекаю. Я не знаю его мотивов, но предполагаю возможным, что ему и нельзя поступать иначе, чтобы не изменить союзу вас двоих...» (Письмо от 4 августа / 22 июля 1904 // ЛН. Т. 85. С. 453-454). После этого следуют подробно расписанные планы Брюсова относительно руководства «Весами» и даже предупредительное объяснение: «Может быть, твой отказ войти более органически в состав редакции “Весов” обусловлен был не только подмеченным тобою (я этого никогда не замечал) нежеланием Сергея Александровича, а и чисто житейскими причинами, делавшими для тебя неудобной жизни в Москве?» (Письмо от 20 сентября / 3 октября // Там же. С. 462).

Тем временем случилось существенное событие: 14/27 сентября умер отец Зиновьевой-Аннибал Д.В. Зиновьев, для поддержки которого семья и поселилась в Женеве. Теперь их там ничего не удерживало. 28 сентября / 11 октября Иванов написал Брюсову: «...теперь переселение в Россию – вопрос решенный <...> Я намереваюсь быть в Москве сравнительно скоро: в конце ноября или даже ранее» (Там же). 7/20 октября уже Зиновьева-Аннибал написала Ал.Н. Чеботаревской: «Теперь планы

орешковыми чернилами на авантитуле книги: Иванов Вячеслав. Эрос. СПб.: Оры, 1907. – 1 500 000 (есть воспроизведение автографа)» (Зимний аукцион книг: М., 1996. 2. III. / Предприятие "Акция". Сезонные аукционы книг. Составители: П.А.Дружинин и А.Л.Соболев. Аукцион девятый. С. 41-42).

²⁸⁶ Волошин Максимилиан. Из литературного наследия. [Т.] I. СПб., 1991. С. 167 / Публ. В.П. Купченко.

сложились так: через недель шесть надеемся приехать я с Вячеславом в Москву для дел литературных. Семья же доживет здесь до конца школьного года, т.е. до Июля 05 года» (Карт. 24. Ед. хр. 22. Л. 9-8об). На деле переселение отложилось на довольно долгое время, до весны 1905 года, и получилось не совсем таким, как представлялось Ивановым. Но это уже будет предметом нашего исследования в дальнейших частях.

ПЕРВЫЙ ГОД «БАШНИ»

1

«Башня» Вячеслава Иванова давно превратилась в один из известнейших культурных символов того, что до сих пор часто называется «серебряным веком». После во многом справедливых сомнений, высказанных О. Роненом относительно адекватности этого термина применительно к эпохе конца XIX и начала XX веков в России, можно было бы, пожалуй, сказать, что судьбы этих двух понятий во многом параллельны. Мифология «серебряного века» отражается в мифологии «Башни», и наоборот. Между тем реальная история как «Башни», так и русской культуры интересующего нас времени написаны далеко не полностью. Нашей задачей в данной работе является восстановление реальной исторической канвы жизни Иванова и Зиновьевой-Аннибал в первый год после возвращения в Россию из-за границы.

Напомним ситуацию, в которой Ивановы оказались и о которой мы уже подробно писали в предыдущих частях нашей «хроники», самым сжатым образом. В сентябре 1904 года оборвалась последняя нить, связывавшая их к Женеве: 14/27 сентября скончался Дмитрий Васильевич Зиновьев, отец Зиновьевой-Аннибал. Дочерние обязанности перестали приковывать ее к постоянному месту, а полученный еще в 1899 г. развод с первым мужем открыл дорогу в Россию. Однако большой семье, обремененной не только четырьмя детьми, но и разнообразными обстоятельствами (необходимостью детей доучивать за границей, ибо нострификация достигнутого уровня была непростой; далеко не идеальными материальными условиями; накопившимся почти за три года жевневской жизни движимым и недвижимым имуществом), стронуться с места было не так-то просто. С едва ли не исчерпывающей ясностью Иванов написал об этом Брюсову: «...теперь переселение в Россию – вопрос решенный. До такой степени, что Михаил Николаевич <Семенов> едва не опустошил нашей villa Java захватом почти всего скарба на свое парижское новоселье. Впрочем, мы вовремя опомнились и, наведя справки о стоимости перевоза, решили взять все почти здешнее достояние с собой. Тем не менее, семье спешить не следует, и, быть может, пройдет много времени, прежде чем l'exode состоится. <...> Авангардом будем я и Лидия Дмитриевна. Я намереваюсь быть в Москве сравнительно скоро: в конце ноября или даже ранее» (ЛН. С. 462; письмо от 28 сентября / 11 октября 1904). 19 октября / 1 ноября следует краткое уведомление: «Мы будем в Москве еще не скоро – не раньше, чем через

месяц» (Там же. С. 464). 3/16 января 1905 года: «Так и не пришлось встречать с вами новый год» (Там же. С. 470). 14/27 января: «Надеюсь на скорое свидание...» (Там же. С. 471). 4/17 февраля: «Я душою с тобою и скоро-скоро наденю увидеть моего одинокого Овидия» (Там же. С. 472). 24 февраля / 9 марта: «Очень собираюсь в путь, но не раньше как после 10 марта (русского)» (Там же. С. 474).

Все это время Иванов внутренне занят делами «Весов» и «Северных цветов», отчасти «Вопросов жизни» и «Грифа», то есть почти полностью поглощен перипетиями развития русского символизма. Он и сам много пишет²⁸⁷, и откликается в письмах на новые номера журналов и выпуски альманахов, и строит планы сотрудничества, и привлекает к журналу других авторов²⁸⁸. Кажется, что как только спадут оковы внешних препятствий и он окажется в Москве, так сразу же все разрешится лихорадочной активностью в строительстве величественного здания видевшегося ему литературного (и не только литературного, конечно) течения. Да и редакция «Весов» с нетерпением ждет его приезда. Однако все вышло по-другому.

К сожалению, у нас немного сведений о том, что происходило с Ивановыми весной, сразу по приезде в Москву. Как свидетельствует дневник Зиновьевой-Аннибал 1906 года (сохранившийся лишь в сравнительно небольших фрагментах), они выехали из Женевы в Москву 20 марта (видимо, старого стиля) 1905 года. «Но в Москве все было не то. Отвратительно. Брюсов изолгался вконец в словах, в чувствах, в стихах, в авантюрах. Пошлость Апраксина рынка, одетая в бутафорское величие. Андрей Белый злой и выдохшийся. Поляков в бегах. Атмосфера злой сплетни, беззубой грязи какой-то»²⁸⁹.

Что же произошло? Достоверно, повторимся, мы знать этого не можем, но строить догадки вполне в состоянии. Прежде всего, это было связано с кризисом в «Весах», пришедшимся на это время. Исследова-

²⁸⁷ Перечислим только публикации в «Весах» с № 10 за 1904 по № 5 за 1905 год: статьи «Копье Афины» (1904, № 10), «О Моммзене» (1904, № 11), «Вагнер и Дионисово действо» (1905, № 2), «О “красном смехе” и “правом безумии”» (1905, № 3), «О нисхождении» (1905, № 5), отчет «Второй международный философский конгресс» (1904, № 10; совместно с Зиновьевой-Аннибал), рецензии на книги Т. де Визана (1904, № 10), А. Блока и Ивана Странника (1904, № 11), П. Верлена (1904, № 12).

²⁸⁸ За то же время «Весь» опубликовали явно по инспирации Иванова большую статью Зиновьевой-Аннибал «В раю отчаяния» (1904, № 10), рецензию М.М. Зямтиной на книгу Ж.Гюисманса «Три примитива» (1904, № 12) и «Письмо из Женевы» Ф. Остроги (1905, № 4).

²⁸⁹ Римский архив Вячеслава Иванова. См. также: Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Из дневника 1904 и 1906 гг. С. 792. Отметим, что, как кажется, эти записи дополняют утверждение А.Б. Шишкина: «В России Вяч. Иванов и Л. Зиновьева оказались весной 1905 г. Первоначально они не знали, какую из двух столиц избрать. Апрель и первую половину мая они прожили в Петербурге в отеле “Сан Ремо” на Невском, 90, а 15 мая отправились в Москву» (Шишкин А.Б. Симпозион на петербургской Башне в 1905-1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 274). Несомненным свидетельством пребывания Ивановых в Петербурге является известное «жертвоприношение» 2 мая 1905, о котором см.: «Так жили поэты...» / Публ. Л.А. Ильиной // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1989. С. 178-180.

тели истории журнала пишут: «В первой половине 1905 г., когда в России стремительно нарастает революция, отчуждение “Весов” от читателей достигает апогея»²⁹⁰. Кажется, фраза про «нарастание революции» не более чем привычная для советского времени идеологическая прокладка, однако на деле она имеет под собой вполне реальное содержание.

Сейчас уже довольно хорошо известно, что на протяжении долгих лет с самой молодости Иванов в своих политических воззрениях был весьма консервативен. В студенческие годы он сотрудничал в «Московских ведомостях» и «Новом времени»; издатели его переписки с И.М. Гревсом справедливо констатируют их расхождение на почве политики; после выхода «Кормчих звезд» А.В. Гольштейн писала ему: «Я не думаю, что Ваш сборник встретил эстетическую враждебность. Она должна быть скорее политическая и относится скорее к Вашему политическому миросозерцанию»²⁹¹; мы имели случай констатировать, что сотрудничество Иванова с Высшей школой общественных наук в Париже прекратилось отчасти и из-за неудовлетворенности лектора революционаризмом как слушателей, так и преподавателей²⁹², обостренной еще и его патриотической позицией во время Русско-японской войны. Однако события 1905 года постепенно меняли отношение Иванова к происходящему на родине, тогда как Брюсов был вполне тверд в консервативных убеждениях. В своем дневнике он записал: «Не скажу, что бы наша революция не затронула меня. Конечно, затронула. Но я не мог выносить той обязательности восхищаться ею и негодовать на правительство, с какой обращались ко мне мои сотоварищи (кроме очень немногих). Я вообще не выношу predetermined суждений. И у меня выходили очень серьезные столкновения со многими. В конце концов, я прослыл правым, а у иных и “черносотенником”. <...> После восстания, вскоре, ездил в Петербург. Там было ultra-революционное настроение; и мы с Вяч. Ивановым на этой почве почти рассорились»²⁹³. Мы еще будем иметь возможность вернуться к этой теме более подробно, сейчас же отметим лишь разность позиций Иванова и Брюсова по отношению к важнейшей проблеме современности.

На это накладывались личные обстоятельства. Еще в письме от 28 ноября / 11 декабря 1904 г., послав Иванову стихотворение «Опять душа моя расколота...», Брюсов писал: «Мои стихи, вероятно, объясняют тебе, почему я не пишу писем» (ЛН. Т. 85. С. 469). В октябре этого года обрел ясные очертания его роман с Н.И. Петровской, который на протяжении без малого года стал определяющим в его жизни. Десять лет назад и Иванов пережил подобное, но повел себя в этой ситуации по-

²⁹⁰ Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» // ЛН. Т. 85. С. 278.

²⁹¹ Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн / Публ., вст. ст. и комм. М. Вахтеля и О.А. Кузнецовой // Studia Slavica Hungarica. Budapest, 1996. Vol. 41. С. 364 (письмо от 15 февраля 1903).

²⁹² См. вторую главу настоящей книги.

²⁹³ Брюсов Валерий. Дневники 1891-1910. М., 1927. С. 136-137; вторая часть записи в издание не вошла и цитируется по рукописи (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16/2. Л. 3).

другому: как только определилась его страстная увлеченность Лидией Дмитриевной Шварсалон (еще не Зиновьевой-Аннибал), почти тут же он объяснился с женой и расстался с нею. По крайней мере частично к этой ситуации относятся цитированные нами выше слова: «Брюсов изолгался вконец в словах, в чувствах, в стихах, в авантюрах». К тому же в конце мая он с Петровской и вообще уехал из Москвы, оставив Иванова без наиболее ценного тем общения.

Именно к этой поре относятся немногие сохранившиеся сведения о пребывании Ивановых в Москве. Самое раннее известие – письмо Зиновьевой-Аннибал к Замятниной от 28 мая ²⁹⁴.

Конечно, такие частности, как открытие плохих фресок на стене в Женеве не может интересовать «Весы», но ты можешь присылать рецензии или более общие и важные статьи. Дело с «Весами» устроилось так: Вячеслав – соредактором будет, начиная с Июльской книжки. Делит труд Брюсова пополам. Получает соответствующее постоянное вознаграждение и право равного Брюсову голоса. «Весы» будут преобразованы: будут стихи и несколько страниц беллетристики. Предполагается драконовская строгость, и в случае неимения своего, – переводы редких или неизданных вещей. Затем: отдел обозрения русских журналов и хронике <так!> русских идей. Это сделает журнал живым и актуальным, а без беллетристики публика не желает обходиться. Все это связывает Вячеслава на лето и осень. Зимой увидим, как пойдет. <...>

Вячеслав только что отделал хорошую большую статью о Шиллере в «Вопр<осы> Жизни». Теперь правит коррект<уры> «Дионис<ийской> Религии». Были два раза в Сокольниках 1) с Брюс<овым>. 2) с Ивановск<им>, и один раз в Петровском парке. А то все время в Москве. Была я на очень интересном соц<иал>-дем<ократическом> реферате. Большая сила и умный оппортунизм чувствуется. Ал<ександра> Никол<аевна> Чеботаревская совсем изменилась: стала славная, здоровая, спокойная. Отношения прекрасные. Очень удобны две комнаты. Я не выхожу к Бр<юсову> и Бел<ому>. Впрочем, сегодня ждем Брюсова проводить на месяц отъезда. Уезжает один. Хочет совсем перемениться и начать новую хорошую жизнь по возвращению. В добрый час. Печальная драма – жизнь его жены. Он то мерзок, то добр и красив и дитя (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 8об-11об).

Это письмо требует некоторых комментариев. Проще всего обстоит дело с публикациями: статья для журнала «Вопросы жизни» так и называлась – «О Шиллере» (1905, № 6), а «Дионисийская религия» – продолжение «Эллинской религии страдающего бога», печатавшаяся в тех же «Вопросах жизни» под заглавием «Религия Диониса: Ее происхождение и влияние» (1905, № 6-7). Несколько подробнее следует сказать о судьбе «Весов» и планах совместного редакторства. Формально с просьбой о разрешении ввести в «Весы» беллетристический отдел С.А.

²⁹⁴ Начиная с этой даты документы датируются только по старому стилю (если они не были обозначены двойными датами самими авторами).

Поляков обратился в Главное управление по делам печати только через месяц, 21 июня 1905 г., а само разрешение было получено и вовсе 7 октября²⁹⁵, так что обещания были пока что ни на чем конкретном не основаны. И никаких документов о соредакторстве Брюсова и Иванова до настоящего времени не известно. Видимо, это были не более чем устные договоренности, сравнительно скоро утратившие (в глазах Иванова, во всяком случае) какую бы то ни было силу. Во всяком случае, уже 31 июля он писал Брюсову: «Не думаю, чтобы мое присутствие в Москве было надобно “Весам” вообще» (ЛН. Т. 85. С. 476). А 1 сентября Брюсов пояснил Иванову причины разрушения предполагавшегося плана: «Я ждал, что приедешь *ты*, что приедет Михаил Николаевич <Семенов>, и все изменится само собой. Но после того, как Сергей Александрович <Поляков> отверг Михаила Николаевича и отверг тебя как соредакторов, мне не осталось больше надеяться ни на что» (Там же. С. 481). Подробнее с этим сюжетом мы еще столкнемся далее. Попутно скажем также, что слова «уезжает один» действительности не соответствовали: Брюсов уезжал вместе с Н.И. Петровской, чтобы провести месяц в Финляндии.

Через несколько дней, 4 июня последовало еще одно письмо Зиновьевой-Аннибал к Замятниной:

До Сентября наши планы ясны: 1) Вяч<еслав> сидит в Петерб<урге> и издает у Жуковского²⁹⁶ (Издатель «Вопр<осов> Ж<изни>») свою книгу «Дионис», 2) Я жду ввода во владение наследства и заготавливаю «Пламенники». После Сентября все темно. Правда, со «Скорпионом» Вяч<еслав> сговорился, что он будет соредактором вместе с Брюсовым, начиная с осенних месяцев, будет иметь голос и вознаграждение²⁹⁷. Но... будет ли можно работать с людьми, коих весь пафос жизни и творчества иной – неизвестно²⁹⁸. И неизвестны также вдохновения Вячеслава к осени, не будут ли они его толкать на уединение для труда над большими своими замыслами. Открываются в этой области все новые и новые перспективы... Итак, будет ли Россия нам желанна на зиму, все еще неизвестно вполне, хоть и кажется, что правильное и плодотворнее не расставаться более с ней и ту работу делать, какую <так!> ею укажется.

²⁹⁵ Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Цит. соч. С. 278.

²⁹⁶ Приписка Иванова в квадратных скобках: «заплатит, друг, по 50 р<ублей> за лист». – Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1868-1943), издатель, впоследствии муж поэтессы А.К. Герцык.

²⁹⁷ Приписка Иванова между строк: «С июньской книжки (которая печатается) начинаю статьи “Из области современных настроений”. В них хочу вводить в журнал общественность». Имеется в виду статья «Из области современных настроений. I. Апокалиптики и общественность» (Весы. 1905. № 6).

²⁹⁸ Вписано Ивановым между строк: «Все же провел – конечно, пока не реализовал – свою программу: 1) введение беллетристики с увеличением объема книжки 2) введение рубрик: а) соврем<енные> настроения, б) русская журналистика (*я же*), в) иностранная журналистика (Брюсов), г) уменьшение дорогих рисунков, д) раздел функций, е) приглашение новых сотрудников и – last not least – ж) коллективная редакция».

Я здесь опять влюбилась в очаровательного Сергея Андреевича ²⁹⁹, хотя он на куски рвется и слишком мечется. Собирается писать о «Кольцах» ³⁰⁰. Ивановский ³⁰¹ большой друг. Каждый день почти видаемся, с Вячеславом на ты. Со мной чуть что не обнимается при встречах. Он необыкновенно умная голова, Сократовская, с блеском глубоких и новых освещений и мнений, но все это топится в какой-то душевной лени (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 1-2об, 7, 5об).

Некоторые подробности жизни Ивановых в Москве и их общения с «Весами» и «Скорпионом» сохранились в семейной переписке Брюсовых. Так, в недатированном, но явно написанном еще в конце мая (вероятно, 30-го) письме И.М. Брюсова сообщала мужу: «Когда ты уехал, Ивановы к нам не поехали, как хотели. Должно быть, мы с Надеей не сумели их позвать. Были они на следующий день. Она пела. Поет она, как артистка в опере, – сильно. Вячеслав Ив<анович> беседовал с Надеей об опечатках в Добролюбове. Он, Вячесл<ав>, берется их корректуровать и, таким образом, Надя может уехать в четверг» ³⁰². 11 июня ему же написала в своеобразном отчете о делах «Скорпиона» сестра И.М. – Бронислава Матвеевна Рунт: «Вячеслав Иванович до сегодняшнего дня хворал крапивной лихорадкой. Сегодня же появился, привез рецензию о “Венском Сецессионе” и спросил у С.А. “немного денег, так рублей сто, из тех, что числятся за мной, там должно быть гораздо больше”... Причем вид имел почти угрожающий, а крапивно-лихорадочное лицо было совсем алым. С.А. сказал «конечно, конечно», но денег пока не дал» ³⁰³.

В тот же день М.М. Замятниной написала ее сестра, Ю.М. Корш: «Я только что вернулась из Москвы от твоих дорогих друзей. Любовь к ним у меня доходит положительно до какого-то обожания. И только теперь я начинаю вполне их оценивать и любить. Только теперь я тебя понимаю, дорогая, что ты ухватилась с жадностью и любовью за их души. Ездила я в Москву на четыре дня, чтобы повидаться с Лидией Дмитриевной и Вячеслав Ивановичем. И каждый раз, когда я их вижу, – те струны моей души, кот<орые> спят, не находя отклика среди большинства, – когда я их вижу, откликаются и звенят прекрасной мелодией в моей душе. <...> Ты знаешь ли, <...> кто заставил меня почувствовать

²⁹⁹ С.А. Котляревский (1873-1939), видный кадет, депутат I Государственной думы, историк и правовед.

³⁰⁰ Драма Зиновьевой-Аннибал, вышедшая отдельным изданием в «Скорпионе» в 1904 году. Рецензии С.А. Котляревского на нее мы не знаем.

³⁰¹ Владимир Николаевич Ивановский (1867-1939), философ, поэт-дилетант, соученик Иванова по гимназии и Московскому университету.

³⁰² РГБ. Ф. 386. Карт. 69. Ед. хр. 11. Л. 25. Надя – Надежда Яковлевна Брюсова, сестра В.Я. Добролюбов – имеется в виду книга: Добролюбов Александр. Из книги невидимой. М.: Скорпион, 1905.

³⁰³ Там же. Карт. 109. Ед. хр. 9а. Л. 6 и об. Цитируется также в: ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 106. «Рецензия о “Венском Сецессионе”» – статья «Письмо из Вены. Художественные выставки» (Весы. 1905, № 6. С. 46-50; подп.: The Twins, т.е. Иванов и Зиновьева-Аннибал).

тебя. Это Владимир Николаевич Ивановский и Лидия Дм<итриевна> с Вячеслав Ивановичем. Сейчас объясню тебе все ясно. Когда я была в Москве, я, к моему огромному счастью, познакомилась у Лидии Дм<итриевны> с Ивановским. Как-то раз мы с ним разговорились, и он мне сказал, что находит у нас с тобой большое сходство. Я была крайне поражена и не согласна, и когда я его спросила, в чем именно, он, долго подумав, сказал: “В обращении”, – но, видимо, сам не отдавая вполне отчета, прав ли он. Затем как-то в разговоре Вячеслав Иванович и Лидия Дмитриевна характеризовали тебя и сказали, что у тебя в душе есть поэзия. И вот из всего этого я в тебе узнала себя» (Карт. 27. Ед. хр. 70. Л. 41-43).

12 июня И.М. Брюсова написала мужу, что Ивановы не откликнулись на ее приглашение приехать на дачу под Тарусу. И, наконец, из письма Б.М. Рунт к Брюсову от 19 июня мы узнаем, когда Ивановы покинули Москву (хотя и не с точностью до дня): «Вячеслав выехал из Москвы. В книге личных счетов значится, что ему выдано 65 рублей»³⁰⁴. И на месяц Ивановы скрываются из глаз исследователей. В цитированном выше дневнике Зиновьева-Аннибал записала: «Лето провели в Петербурге. Отдохнули в пустой квартире Замятниной, где шторы не подымали и глядели с любопытством на таинственные предметы, окутанные полотном, как пеленами. Поняла поэзию и тишину чехлов. Все интриги и планы Семенова и Брюсова по захвату Вячеслава в свои руки не удались, и он отказался от дуумвирата в Москве ради... свободы и, как оказалось, первенства в Петербурге» (Римский архив Вяч. Иванова).

2

Прежде чем начать повествование собственно об истории «Башни», следует сказать несколько слов об источниках наших сведений и о состоянии изученности проблемы.

Зиновьева-Аннибал в уже цитированном нами дневнике говорила, что вполне описала первый сезон «Башни» в письмах к родным в Женеву. Это действительно так. Именно ее (и значительно реже – Иванова) письма к М.М. Замятниной, иногда – к В.К. Шварсалон, являются основным источником для любого исследователя. Так или иначе их использовали все, кто имел возможность обращаться к московскому архиву Вячеслава Иванова (РГБ. Ф. 109). Однако до сих пор никто не поставил себе задачей создать на основании этих писем и дополнительных сведений последовательную хронику событий, во многом определивших интеллектуальный и творческий климат России в эти годы.

³⁰⁴ РГБ. Ф. 386. Карт. 109. Ед. хр. 9а. Л. 4. Цитируется также в: ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 107. По всей видимости, Иванов уехал 15 июня: 14-го он писал А.М. Ремизову: «Завтра уезжаю сам в Петербург» (Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 88 / Публ. А.М. Грачевой и О.А. Кузнецовой).

Впервые сколько-нибудь последовательный рассказ о «Башне» и ее значении для литературы начала XX века оставил Н.А. Бердяев³⁰⁵. При всей живости воспоминаний современника, ближайшим образом участвовавшего в башенном действе, статья эта была ограничена как размером, так и задачей: создать лишь общее впечатление, не слишком активно вдаваясь в подробности.

Много лет спустя, в конце 1990-х годов цикл работ о «Башне», долженствующих создать общую картину ее существования на основе документальных материалов (в первую очередь вышеупомянутых писем) и воспоминаний современников, опубликовал А.Б. Шишкин³⁰⁶. Однако его работы также не претендуют на исчерпание всего материала, относящегося к теме, содержащегося в письмах Зиновьевой-Аннибал и других корреспондентов. Богатый материал, относящийся к интересующей нас теме, собран в книге, основанной на докладах, произнесенных на научной конференции, посвященной столетию «Башни»³⁰⁷.

Значительные фрагменты писем были опубликованы в связи с изучением жизни и творчества А. Блока (ЛН. Т. 92, кн. 3), М. Кузмина³⁰⁸ и Вс. Мейерхольда³⁰⁹. И все же, как нам представляется, в нашем распоряжении находится достаточно материала, нового для читателей и даже для исследователей, который мы решаемся предложить их вниманию.

Итак, в середине июня 1905 года Ивановы перебираются из Москвы в Петербург, живут там весьма укромно, определяя возможности для будущего существования. Через месяц после отъезда, 17 июля Зиновьева-Аннибал отправляет в Женеву открытку, где кратко фиксирует состояние дел: «Дорогие, скоро напишу письмо с некоторыми просветами в будущее наше. Но еще все не верно. В общих чертах все-таки: Вячеслав будет занят изданием книги (и, быть может, к стати напечатает и Берлинск<ую> диссертацию) не менее 5-ти месяцев. *Затем неизвестно*, будут ли существовать “Весы”, т.к., кажется, Поляков женится. И неизвестно, что будет в России. Значит, ни Москва, ни Петерб<ург> ни даже Россия или заграница для нас не ясны» (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 19). Упомянутая здесь книга – конечно, «Эллинская религия страдающего бога» (возможно, под каким-либо измененным заглавием), перерабо-

³⁰⁵ Бердяев Н.А. «Ивановские среды» // Русская литература XX века 1890-1910 / Под ред. С.А. Венгерова. В 3 т. М., 1916. Т. III, вып. 8. С. 97-100. Ср. также раздел «Среды Вячеслава Иванова» в кн.: Немировская О., Вольпе Ц. Судьба Блока: По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, статьям и другим материалам. Л., 1930. С. 92-107.

³⁰⁶ См.: Shishkin Andrej. Le banquet platonicien et soufi à la «Tour» Pétersbourgeoise: Berdjaev et Vjačeslav Ivanov // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV. № 1-2. P. 15-80; Шишкин Андрей. История Башни Вячеслава Иванова. Roma, 1996; Он же. Симпозион на петербургской Башне в 1905-1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 273-252. Обещанная в последней из публикаций «готовящаяся монография» пока в свет не вывилась.

³⁰⁷ Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. СПб., 2006.

³⁰⁸ Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Исследования и материалы. М., 1995. С. 67-98.

³⁰⁹ Галанина Ю.Е. В.Э. Мейерхольд на Башне Вяч. Иванова // Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. С. 187-205.

танная, чтобы устранить следы спешки, и дополненная основательными примечаниями, над которыми Иванов работал долгое время, но так и не довел дело до конца. Перспективы сотрудничества с «Весами» выглядят по этому письму очень неопределенными, что не могло не сказаться на интенсивности сотрудничества Иванова с журналом: в 6-м номере он публикует статью и совместный с Зиновьевой-Аннибал обзор венских художественных выставок, в 7-м – краткий отклик на обидевшую его статью Андрея Белого «Химеры» и рецензию на стихи Метерлинка в переводе Г. Чулкова, а потом до конца года – ни единой строчки за своей подписью.

Это, конечно, вовсе не значило, что отношения с журналом были прерваны. Вовсе нет. Но то, что интенсивность их в значительной степени ослабела, а постепенно и едва стала теплиться, – очевидно. Стало быть, должно было что-то случиться, что оправдало бы существование Иванова в России не менее основательно, чем ближайшее участие в главном символистском журнале. И таким делом стала «Башня», появившаяся сперва просто как несколько экзотическая квартира.

В письме, датирующемся по почтовому штемпелю 25 июля 1905 г., Зиновьева-Аннибал извещала дочь: «Мы наняли удивительную квартиру, которая хотя и имеет лишь 4 комнаты, но так поместительна, что вы все могли бы поместиться! Она находится на 6-м этаже в башне дома на углу Тверской и Таврической. Из ее окон кажется, что живешь в самом парке и расстилается весь город, и Нева, и дали, а внизу совсем крыша нашего бывшего домика. И все стены в ней полукруглые. С 25 июля поселимся в ней» (Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 33 об). А 1 августа над письмом к Замятниной уже появился точный новый адрес, который будет действовать до весны 1912 года (а для оставшейся в квартире Замятниной – и дольше): Таврическая 25/1 кв. 24.

В этом письме читаем: «Уже 3-й день на новой квартире. Единственная квартира во всем Петербурге. Что-то дико фантастическое и прекрасное. 6-й этаж, из кухни ход на крышу и прогулка по крышам самого высокого дома города с видом на все четыре стороны города и боров в синих даях. Сама квартира: огромная передняя. Прямо вход в огромную, глубокую комнату, к концу ее обращенной в свод и с единственным суживающимся кнаружи <так!> окном. Что-то готическое. Из нее вход в большую, составляющей <так!> круглый угол дома (Тверской и Таврической). Она разделена перегородками (стенками внутренними) на три комнаты, и они представляют странную форму благодаря башне. Все комнаты очень просторны.

Утро. Вчера, пока писала, Вячеслав разбирал у кладовой твою библиотеку. Больше половины отобрал себе. (Кстати, ты ни слова не пишешь о том, что я взяла твою мебель. Или тебе неприятно!? Мне же кажется, что в складе нечего платить. Выгоднее, чтобы стояла у нас, уже не говоря о радости иметь это общение с тобою, эту память первых дней нашей дорогой близости)» (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 21об-23).

В тот же день Замятниной написал и Иванов, начертив план первоначальной квартиры (который мы воспроизвести не беремся):

1 Авг. <1905>

Маруся милая, целую. Пользуюсь и наслаждаюсь Вашими *dépouilles*³¹⁰. Обогащен добычей. Все говорит о Вас, – точнее, говорит Вас. Сажу за вашим бюро у окна *a*, любуюсь отражением деревьев в зеленом озере Таврич<еского> парка. Прекрасное окно забрызгано дождем. Исаакий в светлой мгле. Что-то таит на своем дне Ваша чернильница? Ваша серебр<яная? истая?> ванна хранит орудия писателя. Ваша мягкая мебель украшает прекрасный полукруглый кабинет мой. О, вдохновительные виды на все стороны! От Лидии, из окон *d* и *e* раскрывается Россия будущего. Фабрики дымят на фоне боров. По Неве проходят пароходы. Но у меня больше Хариты, Дриады и Няяды, – и храмы, но всюду великолепие монументального Петрограда. А Валерий пишет, что уходит и передает мне редакторство. *Timeo Danaos*³¹¹. Вчера с Жуковским мы делали тур по крыше, вокруг нашего купола. Можно брать деньги за посещение *Aussichtsthurm*'а³¹². Оба полукружия оклеены обоями цвета терракоты с веночками (*empire*). Это гармонирует с высокими коричневыми нишами. Все залило солнце. – Ваш Астролог.

Катерине Павловне нежный привет.

Детей-друзей целую.

В. (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 30; план – на л. 30 об).

И еще раз, уже в конце месяца сам Иванов описал свою квартиру в письме к Брюсову: «Живем (вдвоем с Лидией Дмитриевной) на верху круглой башни над Таврическим парком с его лебединым озером. За парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час, когда тебе пишу, ухают пушки, возвещая подъем воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем желтые листья парка, стонет и стучится в мою башню» (ЛН. Т. 85. С. 479). Все это хорошо известно, описано краеведами³¹³, зарисовано и сфотографировано³¹⁴, зафиксировано мемуаристами, поэтому мы позволим себе далее на описаниях дома и квартиры Ивановых не останавливаться, заметив только, что жизнь там была далека от роскошной: по стенам проступала плесень, мебели (особенно на первых порах) не хватало, устраивать вечера приходилось часто вскладчину, и все держалось на энтузиазме хозяев и посетителей и на их артистизме.

³¹⁰ Букв.: вещи, оставшиеся после умершего (фр.). Здесь речь явно идет о книгах, отобранных Ивановым из библиотеки Замятниной.

³¹¹ Бойся Данайцев (лат.). Часть поговорки «Бойся Данайцев, дары приносящих».

³¹² Смотровой башни (нем.).

³¹³ См., напр.: Кобак А., Северюхин Д. Студия у Таврического // Смена (Л.), 1986, 22 мая; Они же. «Башня» на Таврической: Биография дома // Декоративное искусство СССР. 1987, № 1. С. 35-39; Боград Г.Л. Дом с «башней» // Дома рассказывают. Л., 1991. С. 164-187; Шишкин А.Б. Симпозион на петербургской Башне. С. 275-279.

³¹⁴ См. качественные фотографии в кн.: Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. Между с. 192 и 193.

Ивановы очутились в Петербурге в мертвый сезон, и это предоставило им некоторую свободу действий, они не должны были сразу войти в литературную жизнь столицы, так что это дало возможность Иванову сперва выснить свои отношения с «Весами». Дело в том, что в июле-августе Брюсов сообщал многим своим корреспондентам, о своем возможном отходе от дел, связанных с журналом. Иванов отвечал ему письмом, в котором упрекал его ни много ни мало – в дезертирстве (см.: ЛН. Т. 85. С. 477). Но из различных писем того времени становится ясным, что его самого далеко не устраивало возможное собственное положение среди авторов журнала. 1 августа он с обидой писал Брюсову: «Я похож на посвящаемого в мистерии: меня держат в потемках, и до меня долетают только отрывочные устрашающие и непонятные восклицания или шепоты...» (ЛН. Т. 85. С. 477). 9 августа Зиновьева-Аннибал пишет Замятниной об общих планах, но конкретизирует их в судьбе отношений с «Весами»: «Но, конечно, наши собственные <планы> не вполне тверды, т.е. до Января не выясняется вполне, остаемся ли в *России*. Москва уже, во всяком случае, *почти* решена отрицательно. Там декаденты слишком бесстыдны, и “Весы” не манят, да и жизнь умственная для писателя как-то теснее» (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 27об-28). 15 августа речь заходит о более конкретном предложении и раздумьях по его поводу: «Из Москвы предложения Вячеславу в редакторы “Весов”, одного отдела: Обществ<енных> настроений, русск<ой> журналистики, истории и искусств (кажется), с безапелляционным <?> правом ведать весь этот отдел. Но и “Вопр<осы> Жизни” заманивают обещанием редакторства. Хотя *существование* “В<опросов> Ж<изни>” под <2 нрзб>. Жуковский истратился и, кроме того, слишком боится беллетристики декадентской, т<ак> что желал бы всякую беллетр<истику> исключить. Но Вяч<еслав> хочет твердо держаться Петербурга, хотя... ничего окончательно в волнах не видно» (Там же. Л. 33об-34).

Время от времени тема «Весов» еще будет появляться в переписке, но уже весьма эпизодически. После того, как в самом конце августа и начале сентября Иванов и Брюсов выяснили дальнейшую судьбу журнала, а особенно после того, как Брюсов вновь самовластно его возглавил, Иванов на какое-то время то ли вообще оставил мысль о близком участии в каком-либо журнале, то ли не высказывал ее письменно. Едва ли не последний раз Зиновьева-Аннибал упоминает о «Весах» 5 сентября: «Вячеслав будет вести автономно отдел совр<еменных> настроений и обзор всей русск<ой> журналистики в “Весах”. Предлагает мне критику “В<опросов> Жизни”. Боюсь, что не справлюсь, но до смерти хочется» (Там же. Л. 40 об).

Новое поприще вырисовалось почти случайно. 29 августа Иванов писал Брюсову: «“Умирание Любви” показал я <...> третьего дня собравшимся у меня знакомым. Были тут Жуковский, Булгаков – и очень хвалил стихи, Рощина-Инсарова, здешняя актриса и твоя поклонница» (ЛН. Т. 85. С. 479). Но в изложении Зиновьевой-Аннибал собрание знакомых превратилось в вечер, хотя и импровизированный. В тот же день, что Иванов Брюсову, она отправила открытку Замятниной, где сообщи-

ла: «У нас вышел в Суб<боту> импровизованный вечер: Нина привезла актрису (красивую и очень талантливую) Рошину-Инсарову³¹⁵. И вдруг пришли вес <так!> “Вопр<осы> Ж<изни>”. Я два раза ставила самовар, но все вышло элегантно и уютно. У меня запас русск<ого> вина и вообще всего, так что иной раз по 10-ти дней не схожу с башни. Вчера были у Сологуба. Он ужасно изящен и умен» (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 56).

Трудно сказать, какими способами распространялся слух про только-только оформлявшийся новый центр художественных предприятий в Петербурге, но достаточно быстро Иванов стал получать разнообразные приглашения. 22 августа ему написал сейчас уже забытый актер и режиссер Н.Н. Вашкевич, о чем Зиновьева-Аннибал тут же известила Замятину: «Великая новость: “Кольца” в программе нового театра эмоций на эту зиму в Москве. Учредитель этого предприятия незнакомый: Вашкевич написал письмо Вячеславу, прося позволения назвать театр “Дионисово Действо”, и сообщил, что они мечтают о культе, театре в духе Религии Диониса» (Там же. Л. 45; письмо Вашкевича – карт. 14. Ед. хр. 33). Ни к каким результатам этот обмен письмами не привел³¹⁶. Значительно серьезнее было предложение В.Э. Мейерхольда, зафиксированное Зиновьевой-Аннибал в письме от 5 сентября: «Вчера получили письмо от Мергольда <так!>, учиняющего в Москве “Театр Студию”, театр идей, новый <так!> исканий и т.д. Зовет нас обоих в члены его бюро. Придется съездить в Москву на днях. Но только съездивши, можно решить, насколько верна и серьезна затея обоих этих новых театров» (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 38 об и 39 об). На тот момент и предприятие Мейерхольда выглядело рухнувшим, но оно впоследствии превратилось в одно из самых важных дел русского театра 1900-х годов – театр В.Ф. Коммиссаржевской.

Когда начались знаменитые башенные «Среды»? В воспоминаниях Вл. Пяста об этом сказано безапелляционно: «...я “не преминул” воспользоваться приглашением. И вместе с <...> философом В.Ф. Эрном был первым гостем на первой “среде”, начавшей 2 или 3 сентября 1905 года серию “исторических” “сред” Вячеслава Иванова на его “башне”»³¹⁷. Однако 2 и 3 сентября 1905 года были отнюдь не средой, а пятницей и субботой. Да и в дневнике А.М. Ремизова (хотя он и включен в состав отчасти преобразованного вымыслом повествования «Кукха», но, когда поддается проверке, ее безусловно выдерживает) под 21 сентября

³¹⁵ Нина – актриса и драматург Нина Павловна Анненкова-Бернар (1859 или 1864-1933), с которой Зиновьева-Аннибал познакомилась в Париже в 1903 г. Екатерина Николаевна Рошина-Инсарова (1883-1970) в то время была актрисой театра Литературно-художественного общества (Суворинского).

³¹⁶ Ответ Иванова (черновой вариант) см.: Карт. 9. Ед. хр. 12. В настоящее время, насколько нам известно, статья об отношениях Иванова и Вашкевича подготовлена Ю.Е. Галаниной.

³¹⁷ Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 46.

значится: «Среды у Вяч. Иванова. Из новых: Гершензон и Эрн»³¹⁸. Вместе с тем очевидно, что говоря про собрание 14 сентября: «...среда день наших приятелей» (ЛН. Т. 85. С. 485), Иванов несомненно имел в виду отнюдь не первое собрание. Таким образом, следует предположить, что первый *jour fixe* у Ивановых был 7 сентября. Действительно ли единственными приглашенными на нем были Пяст и Эрн? Пока что у нас нет материала для безоговорочного ответа.

Зато среда 14 сентября (точнее, ночь с 14 на 15-е) получилась примечательной и потому описанной даже дважды. Иванов сделал это в письме к Брюсову, и поскольку продолжительный рассказ уже опубликован (см.: ЛН. Т. 85. С. 485-486), да к тому же ведется в выдержанно дипломатическом тоне, мы предпочтем описание, сделанное Зиновьевой-Аннибал в письме к Замятниной от 15 сентября.

Как ошеломленная, упала на кушетку твою, Маруся, быть может, как упоенная сильными напрягающими впечатлениями дня. Бальмонт. Бальмонт свалился с неба в 11 ½ вечера вчера на наше сборище! Бальмонт. Когда Вячеслав пошел на звонок открывать дверь и провозгласил в столовую, где сидели Сологуб, Ремизовы, Чулковы и молодой писатель со своеобразно и сильно намечающимся талантом, пришедший в первый раз, Осип Дымов («Солнцеворот»), провозгласил: «Константин Бальмонт», я почувствовала нечто вроде судороги ужаса. Слишком было тяжело видеть, ощущать медленное заочнение трупа в прошлую московскую весну. Вошел Он. Лицем <так!> возмужал как-то, даже почти похорошел, и Вячеслав с ним на *ты*. Оказывается, когда увидел его, то поцеловал и обратился на ты. «А я думал, ты меня ненавидишь», так они в радостной встрече побратались. С первого взгляда я увидела, что Бальмонт воскрес, но еще он был стеснен обществом, смутно враждебен, и все напряжение мое и В<ячеслава> было в уравнивании всех подводно текущих самолюбий. Сологуб и Бальмонт казались себе врагами до сих пор, и действительно, первый тотчас встал и пересел от стола на твою кушетку к пальме и латании (в половине гостиной, а не столовой). Дымов читал новый рассказ (неудачный и довольно-таки длинный), а Бальмонт злился, то ко мне, то к Вяч<есла>ву приставал: зачем вы в Петерб<ур>ге? Неужели вам нравятся мертвые? И это вы так проводите все Среды: слушаете рассказы?

Кончился, однако, благополучно рассказ... Хотя успеха не имел. Нужно было выслушать четыре сказки Сологуба. А Бальмонт: «Неужели вы слушаете каждую Среду сказки? Я хочу с вами поговорить. Расскажите мне про себя. Или вы не живете!»

Прочитались, однако, благополучно сказки, божественно талантливы и юмористичны. Потом новые стихи Блока. Не понравились. Потом

³¹⁸ Ремизов А.М. Собрание сочинений: В 10 т. М., 2002. [Т. 7]. Ахру. С. 45. Выдержки из дневника Ремизова, включенные в его книгу «Кукха», насколько можно их верифицировать, или прямо включены в текст из неизвестного исследователям документа, или вполне адекватно передают его содержание, почему мы опираемся на них как на достоверный источник.

новые стихи Брюсова – понравились. Читал Чулков, в карманах коего всегда редакционные рукописи ³¹⁹. Бальмонт то уводил меня в комнату рядом и все упрекал, то Вячеслава. Его умоляли читать стихи. Не желал. Все трусили и благоговели и меня умоляли умолить. Наконец началось: вынул Бальмонт бумажку из бокового кармана и прочитал *дивно легкое, свирельное* стихотворение Брюсова с припевом «тралала!» ³²⁰ Брюсов сам нам его читал в Москве, но у Бальмонта оно нам впервые понравилось и это были первые ритмы, погнавшие за собой целый прибор и примирившие все аппетиты <так!> и самолюбия. Бальм<онт> стал очаровательным любезен, хвалил с тактом, и все расцвели. Бальмонт читал и читал. Его чтение новое, его стихи новые, лице новое, душа новая, Бальмонт умер и воскрес. Он большой и живет. Глубоко счастливы мы оба. Сидели после последних гостей мы втроем или «с вами вдвоем», как выражался радостно наш преобразившийся, возродившийся друг. Бальмонт пил вино и не пьянел. Сидел до 5 ½ утра и ушел трезвый, радостно вдохновенный, нежный, страстный, и при этом корректный и порядочный. Тронула нас глубоко его верность. С В<ячеславом> он как брат. Со мною нежен, ласков, как было так мало часов между нами в Москве. Весь вечер почти (при гостях еще) сидел со мной, говорил: «Как в угаре кажутся мне воспоминания московские». Я говорю: «Я имею прекрасные: имею наше первое знакомство, вечер в Больш<ом> Моск<овском>» Бальмонт страшно волнуется, боится очевидно, что я сердита за ту знаменитую поездку с ним после «Грифа», и говорит: «О, но там, в ту ночь... это было ужасно...» Я: «Ведь я говорю о Большом Московском, до выхода. А потом помните, как мы с вами проводили Страстную Субботу, встречали Пасху». Он: «Это навсегда радостное воспоминание, и глубоко запомнилось!» – Таким образом вычеркнули все дурное из прошлого, и стало легко. Мне вчера было еще одно радостно: я вижу, что по-прежнему как-то сильно действую на Бальмонта как женщина. И с ним это как-то хорошо и чисто, несмотря на его страстность и на странные слова, которые он нам говорил и вчера: «Я в Москве имел план...» Но не передаю, так не выйдет в письме... Мы не заснули с В<ячеславом> до 7-ми утра. А сегодня он был опять с 2-5. Завтракал: я ему яичницу сделала, стакан подала и груздей (<...>). Опять пил степенно вино. (Ведь первая капля отравляла в Москве) Читал стихи, говорил жарко и близко. Воскрес, воскрес. И такие стихи проникновенные, глубокие, то трагические истинно, то истинно стихийно лирические, то зло бичующие сатирой.

И верится снова, что он велик, что гениален, что священен сосуд, его носящий, и хочется обнять его и целовать бережно и свято. <...> Теперь В<ячеслав> ушел проводить Бальм<онта> на вокзал (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 51-54 об).

³¹⁹ Г.И. Чулков в это время был секретарем редакции журнала «Вопросы жизни».

³²⁰ Речь идет о стихотворении «Крысолов» (впервые опубликовано в сборнике Брюсова «Stephanos. Венок»).

Из рассказа Иванова мы узнаем, что сам Бальмонт читал стихи детские, сатирические и из сферы «старого лиризма», а также о том, что перед прощанием на вокзале признался: «“Ты бы меня не встретил так, если бы знал, что недавно в письме к Валерию я тебя уничтожил в трех строчках”... Дальше – цитата, из которой мне запомнились выражения: “аптекарские весы” и “медоточивый дистиллятор”». Это добавляет некоторые краски к описанию Зиновьевой-Аннибал, но не может, как кажется, отменить главного: неразрывной связи Бальмонта с «Москвой», с теми переживаниями, которые были столь противоречивы, что в конце концов привели к разрыву с «московским» символизмом ³²¹.

Следующее собрание (условно – третье) состоялось 21-22 сентября. Вот его описание, сделанное Зиновьевой-Аннибал:

Ну, вчера была содержательная Середа: 12 чел<овек>. *Мережковские*, *Сологуб*, поэт молодой студент Пестовский – *Пяст* («В<опросы> Ж<изни>»), *Ремизов*, *Чулков*, *Эри* (божественный), *Карташев*, проф<ессор> дух<овной> акад<емии>, молодой, писатель, горящий деятель, тонкий, симпат<ичный>, редактор новой еженед<ельной> газеты, скоро основывающейся, куда В<ячеслав> послал по его просьбе стихи ³²², Анастасия *Чеботаревская* (критик “Правды” и сотрудница “Русского Богатства” ³²³) и ее приятель, московский литератор, критик и историк литературы *Гершензон*, *Щеголев*, филолог, видная личность, журналист (“Наша жизнь” ³²⁴), монографист, *Философов*. Собрание было интересно по высоте тона и тэм бесед, по разнопартийности, централизованной нами, и потому что четверо из этих лиц были у нас впервые и по своему почину. Тон собраний устанавливается изящно-богемный благодаря странности, безумия квартиры, неожиданной красоте вида, изящности трех комнат башни и странного готического, просторного «мансарда» <так!> с низким потолком, где столовая в части у двери из прихожей, и зало – в глубине с финиковой пальмой (довольно большой), латанией и лавром, с освещением 2-х бронзовых канделябров (бабушкины)

³²¹ Подробнее о свиданиях Ивановых с Бальмонтом в Москве предыдущую главу нашей книги.

³²² Речь идет не о газете, а о еженедельном журнале «Вестник жизни», планировавшемся к выпуску под редакцией А.В. Карташева и К.М. Агеева. Проект не осуществился. Подробнее см.: Колеров М.А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» 1902-1909. СПб., 1996. С. 163-172.

³²³ Ан. Н. Чеботаревская (1876-1921), сестра Ал.Н. Чеботаревской, впоследствии жена Ф. Сологуба, действительно сотрудничала в журналах «Правда» и «Русское богатство». Однако Ивановы знали ее, скорее всего, по Парижу, где она окончила Русскую Высшую школу общественных наук и была личным секретарем М.М. Ковалевского. По возвращении в Россию осенью 1905 г. работала в редакции «Журнала для всех». Подробнее см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вст. ст., публ. и комм. А.В. Лаврова // Незданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290-302.

³²⁴ Павел Елисеевич Щеголев (1877-1931), историк и литературовед, близкий знакомый А.М. Ремизова по вологодской ссылке. «Наша жизнь» – ежедневная бесцензурная петербургская газета (1904-1906), издававшаяся Л.В. Ходским. Закрыта по приговору Петербургской судебной палаты.

6-ти свечные и твоей лампы на скульптурной бронзовой ножке под твоим зеленым <...> тем абажуром на твоём высоком консоле³²⁵. Удаётся, кажется, против обычая холодного, неритмического Петербурга> завести обычай чтения стихов. Пяст, застенчивый, почтительный, красивый, как будто со сдерживаемым пламенем человек читал *наизусть* прелестно (нечто между поэтического и актерского чтения) стихи Бальмонта, Белого, Сологуба и Вяч. Иванова и свои, где чувствуется стиль и желание что-то сказать из глубины. Вячеслав за чаем занимал остроумными схемами (Дон Кихот и Гамлет³²⁶) Зиночку и Философова, и к ним примыкал верх стола, где у самовара Анюта³²⁷, представленная гостям, разливала чай, а внизу сидела я, Дм<итрий> Серг<еевич>, Карташев, братишка дорогой Володя Эрн (глядящий ежеминутно на меня любовно-братскими глубокими очами), Гершензон... Я занималась тем, что била метко по Мережковскому, и Дм<итрий> Серг<еевич> пошел, думаю. Я была воистину в ударе, и Вячеслав вечером и утром пел дифирамб моей "гениальности". Нас в доме так уважают (дай Бог не сглазить), что без нашей просьбы швейцар держит электричество до 3, когда ушел последний гость Щеголев. <...>

В «Нашей Жизни» была статья сегодня о театре-«Студии» Мейергольда, где мы члены бюро и в программе поставлен «Тантал»³²⁸. Вячеслав был болен *influenza*. Лежал воскр<есенье> и понед<ельник>, а во вторник уже вдруг все наши узнали, и были, Сологуб с В<асильевского> О<строва> узнавать о здравии (сидел долго), Эрн, Чулков, который потащил сейчас новое стихотв<орение>, написанное накануне Вяч<есла>вом «Тихая Воля» (вдохновение на мечту о земельном коллективизме), чтобы если еще поспеет, втиснуть в «В<опросы> Ж<изни>»³²⁹.

Вот вышло солнышко, истинной улыбкой зажгло терракотовые обои кабинета, а то все было пасмурно, но не у нас. А «Искусство», *неодекадентский* новоявленный журнал ругает меня и Вячеслава...³³⁰

А Гиппиус вчера мне сказала: «Я *никогда* не уехала бы с вашей квартиры». (Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 57об-60об).

Некоторое дополнение мы находим в воспоминаниях Пяста: «Была еще такая "среда", в самом начале сезона, когда в присутствии большого количества наиболее избранных гостей я решил, как бы сказать,

³²⁵ Сверху вписано с непонятым отнесением: «с тремя группами разл<ичной> мебели (твоя кушетка и 3 кресла, бабушкина и моя перебитая зеленая из Финляндии)».

³²⁶ По наблюдению А.Б. Шишкина (Русские пиры. С. 292), данное соотнесение легло в основу статьи Иванова «Шекспир и Сервантес», оконченной в 1916 году (IV, 101-108).

³²⁷ Анна Николаевна Шустова, «кума» – одна из «девушек», воспитанниц Зиновьевой-Аннибал. В это время уже жила в Петербурге отдельно.

³²⁸ См.: Ремизов А. Театр «Студия» // Наша жизнь. 1905. 22 сентября (5 октября), № 278.

³²⁹ Стихотворение опубликовано: Вопросы жизни. 1905. № 10/11. С. 321.

³³⁰ См.: Нарцисс. [Рец. на] Северные цветы ассирийские. М., 1905 // Искусство. 1905. № 5-6-7. С. 165. По предположению Иванова (ЛН. Т. 85. С. 479), автором рецензии был С.А. Соколов.

“поднести” каждому из бывших там поэтов – “самого его”. Я произнес по несколько стихотворений каждого. Присутствовавшие поэты одобрили. На некоторых впечатление было произведено сильное. Дамы, вроде Анненковой Бернар, отдавая должное эмоциональной стороне, начали говорить, однако, что-то о технических недочетах...»³³¹

Повествование о следующих двух Средах – 28 сентября и 5 октября содержится в одном письме, которое для удобства чтения следует разделить на две части. Дело в том, что Среды эти вышли совершенно различными по своему характеру: если первая (четвертая) по-прежнему была ориентирована на тесный круг единомышленников, то вторая (пятая) послужила началом неожиданного кратковременного соединения в одном кругу «модернистов» и «реалистов». Но пока что представим описание первой из этих двух сред, сделанное в письме от 12 октября, накануне следующего собрания.

Вячеслав все болен. Какие-то лихорадки, какие-то невралгии. А Петербург весь в гнилом сумраке. Мороза еще не было. Вяч<еслав> то в постеле <так!> проваливается, то побродит по комнатам. Но после похорон Писарева не выпускала³³². Он на них и простудился. Мы выехали тогда в 11 ½ утра и протолкались по визитам (были даже у архимандрита, цензора «Вопр<осов> жизни», и плавали у него в сиропе сладчайших любезностей, кончившихся обещанием все пропустить, что бы мы ни написали), не евши до 8 ½ вечера, когда я забежала в лавку купила баранины, в одно мгновение растопила плиту и сжарила. Каша была готова с утра. И к 9-ти мы уже сидели за столом и обедали. Но расскажу тебе о Средах. На позапрошлой было собрание небольшое: Розанов с падчерицей³³³, Ремизовы, Дымов. Розанов был в ударе и свежо рассказывал анекдоты из области любовных переживаний его супруги... Но ушли около часу. Тогда остальные и мы сели за спирит<ический> сеанс (Дымов объявил себя новоявленным медиумом). Но ничего не вышло. Потом я поставила еще

³³¹ Пяст В. Цит. соч. С. 71.

³³² Речь идет об известном актере Модесте Ивановиче Писареве (1844-1905). Не раз упоминаемая в письмах Н.П. Анненкова-Бернар одно время была его гражданской женой, почему, видимо, Ивановы и отправились на похороны. Описание этих похорон (и других действий Ивановых эти дни) содержится в том же письме: «Затем шла неделя тяжелая. Умер Писарев. Были на В<асильевском> О<строве> на панихидах. Воскресенье в 2 час. панихида, потом ехали к Гревсу (исчез, и прислуга не знает куда, но не арестован) и Шляпкину (переехал), к Сологубу и снова к Писареву, и вечер у Нины, а ночь у Сологуба снова, где были все наши и Ал. Блок, очень симпатичный и красивый. Много стихов читалось им, Солог<убом>, Вяч<еславам>, были еще несколько мол<одых> поэтов (Пяст, Кондратьев, Чулков и еще, не знаю имени). В понедельник Вяч<еслав> пошел к Чулкову с Алек<сандрой> Ник<олаевной> Чеботаревской, которая очень мила (она здесь 2 недели), но очень глупа. Я же легла в постель. Во вторник похороны; Далматов (с ним познакомились у Нины) говорил речь, вернее, рыдал речь, кончившуюся перекатными криками: “Прощай, товарищ, – нет, не прощай: до свидания. Скоро. Скоро до свидания, дорогой Модест!” И ему вторили дикие крики Марии Модестовны: “Прощай, отец! Спасибо!” Актер был весь правда. Она же – вся ложь. Так казалось» (Л. 60б-7).

³³³ Падчерица В.В. Розанова – Александра Михайловна Бутягина (ок. 1882-1920).

раз самовар, и пили вторично чай, вели чисто профессиональные беседы, со сплетнями, полезно для опыта, но тоскливо. Дымов набросал наши карикатуры. Вячеслава старым носатым с острыми сверлящими глазами... Меня ужасной волчицей с оскаленной огромной челюстью и большими белками, в которых остро торчит маленький зрачок. Похоже, но кошмарно, и вечер навел на нас (ушли в 3) тоску подавляющую. Очень неприятный человек Ремизов. Вечный фигляр, врун такой, что ничему нельзя верить. Умен и зол на язык... головокружительно! А жена его ³³⁴ великая королева, подруга Гиппиус, глуповата, недобра, фанатична и самовлюбленна. Разговаривает только о себе и улыбается сладкой нелепой во всю расплывшуюся розовую харю – улыбкой (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 5-6) ³³⁵.

После похорон М.А. Писарева и состоялась договоренность относительно Среды, посвященной «реалистам». Характерно, что посредниками выступили сестры Чеботаревские – это освещает их роль как своего рода промежуточных фигур между двумя литературными лагерями, временами казавшимися непримиримыми. Однако нельзя не присоединиться к А.Б. Шишкину, обратившему особое внимание на слова Зиновьевой-Аннибал о том, что «душно, душно, душно в кружке», и увидевшему в двух «реалистических» собраниях вполне определенное проявление устремлений Ивановых «из уединения к соборности» ³³⁶. Другое дело, что, видимо, именно эти совместные собрания и некоторые последующие помогли Ивановым лучше понять, что «реалисты» представляют собою не единый кружок, где все авторы и произведения имеют одинаковую или примерно одинаковую ценность, а весьма сложное образование, в котором Горький, Леонид Андреев или Бунин стоят неизмеримо выше Арцыбашева, Ан. Каменского и Скитальца. Именно это обстоятельство заставило Иванова неоднократно писать об Андрееве, включать произведения Бунина в сборник «Факелы», а с Горьким длить отношения на протяжении весьма значительного времени ³³⁷. Итак, вот

³³⁴ Жена А.М. Ремизова – Серафима Павловна, урожд. Довгелло (1876-1943). О ее дружбе с З.Н. Гиппиус см.: Lampf H. Zinaida Hippus an S.P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1978. Bd. 14. S. 155-194. Об отношениях Иванова и Ремизова см.: Переписка В.И. Иванова и А.М. Ремизова / Публ. А.М. Грачевой и О.А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 72-118.

³³⁵ Дневниковая запись Ремизова об этом собрании – Собр. соч. Т. 7. С. 47.

³³⁶ См.: Русские пиры. С. 293-298. Однако материал цитируемых далее нами писем в его исследовании использован весьма выборочно.

³³⁷ См., напр.: Иезуитова Л.А. Устойчивая архетипическая формула «восхождение – нисхождение – восхождение» в творчестве Вяч. И. Иванова и Л.Н. Андреева // Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. С. 149-160.; Корецкая И.В. Горький и Вяч. Иванов // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 169-184; Она же Вяч. Иванов и Максим Горький // V. Ivanov, russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Heidelberg, 1993. С. 250-261 (перепеч.: Корецкая И. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 143-154); Котрелев Н. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: К истории журнала «Беседа» // Europa Orientalis. 1995. Vol. XIV, № 2. С. 183-280.

описание первой «реалистической» Среды 5 октября, на которой читался и обсуждался рассказ М.П. Арцыбашева «Тени утра»:

Тут же подошла Настя и Ал<ександра> Ник<олаевна> Чеботар<евские> и попросили позволения кружку «Реалистов» (Юшкевич, Арцыбашев, Скиталец, Башкин и пр. и пр.) *собраться в Среду у нас!!* для прочтения Арцыбашевым своей новой повести. Вот чудеса-то! Наши враги и ругатели протягивают руку! Мы рады, потому что душно, душно, душно в кружке. И вот Среда – монстр! Анютина сестра вздумала рожать, и я одна! Да еще весь *день* гости: Жуковский наш милый только что вернулся с юга, и Генр<иетта> Егоровна Пабст откуда-то трогательно свалилась между двумя далекими поездками. Ну, что делать! Вячеслав «декоратором» устраивал комнаты, 1-ую и 2-ую. Я бегала покупать ситники и колбасы. Затопила плиту, поставила куб и намазала 80 бутербродов <так!>. Затем начали приходиться. Была и Оленька Бел<яевская> (А Юльки нет. Она переехала на Пески с мужем, но не является. Верю, им обоим стыдно. Оба они бездельники и развратники в конце концов прежде, нежели люди). Оленька хотя и вела себя богоделкой <так!> и на всех фыркала, но помогла мне разлить первый залп чаю. Потом пошло с помощью Шуры, брата Анюты, героя дня, бастовавшего «политически» наборщика. Первыми пришли Скиталец и Юшкевич. Тотчас завязали разговор о взаимном недоверии и нужде примириться. Юшкевич кажется неглуп, и речист задорно и бестолково. Скиталец верзила, ломающий руки, славный <?>, крестьянином молчалив. Потом привалило еще всяких в блузах, в армяках, в сапожищах. Пришли и наши: Чулков, Ремизов, Жуковский, Сологуб. Были Скирмунт (милейший), Овсяннико-Куликовский. Арцыбашев глух и безголовосен. За него читал бас – Жилкин. 30 человек всего. Уместились незаметно, т<ак> что комната была еще пустая посреди. Чтение длилось долго. После чтения Вячеслав настоял на организованных прениях (Впервые в их кружке, где, по признанию Чеботар<евских>, было всегда грубо и скучно). Юшкевич председательствовал шумно и эгоистически, но все же многим удалось высказаться. Были с их стороны резкие нападения на рассказ: история падения (с откров<енной> порнографией), самоубийство и неудачное террорист<ическое> покушение – каких-то бессильных к вере и к действию, но вождедующих к лучшему личностей. Овсян<ико>-Кул<иковский> нашел автора пессимистом, и сказал, что он сам, хотя и не пессимист <так!>, но любит, когда искусство рисует жизнь с пессем<истических> *высот*. Вяч<еслав> паразитально хорошо говорил. Он сказал, что, не вдаваясь в то, верно ли автор изобразил молодежь и современное движение объективно, – субъективно автор их изобразил гамлетами, должныствующими свершить подвиги Дон Кихотов, но не могущих и гибнущих за недостатком веры, и что они подходят близко к богоисканию... здесь Вяч<еслав> стал говорить о богоискании, боготворчестве, и вне всяких форм даже, присущей <так!> духу чел<овека>, и умно выставил программу внутреннюю <?> «Вопр<осов> Жизни». До этого «божественного» момента всё слушало, открывши рты. Но здесь вдруг, как при речи ап<остола> Павла Эллинам, в момент провозглашения о *Воскр<есении>* Христа, все перестали слушать и поднялся спор. Юшкевич глупо подта-

совал слова Вячесл<ава> и стал вдруг на защиту движений со-
врем<енных>. Многие стали защищать Вячеслава, и появились умные
люди. Стало очень интересно. Вячеслав приставал ко мне, чтобы я гово-
рила. Я еще ждала. Кто защищал молодежь, кто говорил, что герои стра-
дают оттого, что ушли с лоно природы, кто обвинял автора за пристав-
ленность «бомб», не вытекающих органически из повести. «Отчего бом-
бы, отчего не дыни <?>?». Наконец я спросила, можно ли мне говорить.
И, получив разрешение, при гробовом молчании сказала медленно и
очень отчетливо: «Я хотела возразить против мнения Дмитрия Николае-
вич<а> (Овсяник<о>-Кул<иковский>, очень меня не любящий за Дарью
Михайловну, и очень глупый, *позитивист à outrance* ³³⁸). Он сказал, что
автор трактует мир с *высот* пессемизма. Я же думаю, что пессемизм
действительно находится на высоте и с высоты мерит жизнь, осуждает
жизнь и отвергает ее, как власть имеющий, но автор “Теней Утра” ни на
какие высоты не взбирался. Он просто с *большим терпением* и *очень
долго* рассказал нам несколько *эпизодических* приключений из жизни
несколки<х> бессильных душ!» Вот и все. И длилось гробовое молча-
ние. Потом все встали. Принялись за пиво и вино. А потом мне сказала
Анаст<асия> Ник<олаевна>, что поэт Башкин (задорн<о> обругавший
«Сев<ерные> Цв<еты>») и «Тантала» неприлично, но приславший Вяче-
славу свой сборничек для отзыва!) сказал: «Самое значительное, что бы-
ло сказано, сказала г-жа Иванова». Не то чтобы значительно, но, как го-
ворит Вячеслав, «вершително», как крышкой захлопнуло повесть и все
дальнейшие толкования ее.

Поднялись беседы жаркие и веселые, все расхрабрились. Чай при-
носился подносами из кухни мною и Шуркой. Выпили 5 бут<ылок> вина
и 3 пива, съели 70 тартинок! И уходя в 2 часа, были довольны, и Скиталец,
ломая руку мою, спросил: «Всегда у вас так весело?», а я: «Это вы
все принесли такое оживление». Все собирались еще заходить по Сре-
дам. Скиталец принесет стихов. Не сам ли Максим придет? Чеботарев-
ские, Ремизов (все-таки совсем свой брат), Скирмунт и Шура остались
до 3-х. Утром было дружно... (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 7-11об) ³³⁹.

По этому письму мы вполне можем себе представить противостоя-
щие лагеря: со стороны «модернистов» были Г.И. Чулков, А.М. Ремизов,
Д.Е. Жуковский, Ф. Сологуб и сами Ивановы; со стороны «реали-
стов» – М.П. Арцыбашев, Скиталец, С.С. Юшкевич, В.В. Башкин, изда-
тель С.А. Скирмунт, литературовед Д.Н. Овсянико-Куликовский и пуб-
лицист И.В. Жилкин, сестры Чеботаревские. Хотя это примерно поло-
вина всех присутствовавших, все же представление о собрании соста-

³³⁸ До крайности (фр.).

³³⁹ Мелкие комментарии к тексту. Г.Е. Пабст, «старушка», как ее обычно называет Зиновьева-Аннибал, была ее давней знакомой, однако собрать о ней сколько-нибудь значи-
мых сведений нам не удалось. Ольга Александровна Беляевская – детская поэтесса, близ-
кая знакомая Ивановых и Замятниной. Юлька – Ю.М. Корш, сестра Замятниной. Дарья
Михайловна – первая жена Иванова, жившая в Харькове (видимо, оттуда ее и знал Д.Н.
Овсянико-Куликовский). Ср. также: Ремизов А. Собр. соч. Т. 7. С. 49.

вить можно. Доминировали на нем явно «реалисты», поскольку, судя по рассказу, аргументы Иванова от «программы “Вопросов жизни”» оказались мало приспособленными к восприятию собравшихся, и разговор перешел на жизненную реальность, отразившуюся в повести. Именно поэтому реплика Зиновьевой-Аннибал, открыто провозгласившей автора натуралистом, была воспринята как окончательное решение, после которого споры уже бессмысленны.

О Средах 12 и 19 октября мы знаем только по кратким дневниковым записям Ремизова. Для сегодняшнего читателя эти даты мало заметны, но достаточно вспомнить, что 13 октября началась всеобщая забастовка, а 17-го был подписан знаменитый манифест, чтобы понять нерв этих собраний, – политические новости. О первом (шестом) собрании Ремизов записал: «Коновод Аничков. И бесчисленное количество новых. Разговор о событиях. Еще бы!»; о втором (седьмом): «Новые: два старца – В.С. Миролубов (“Журнал для Всех”) и И.И. Ясинский (“Беседа”). Это будут повыше Юшкевича со Скитальцем. И Арцыбашев»³⁴⁰.

26 октября (восьмая среда) известна нам лишь по «анонсу» в письме Зиновьевой-Аннибал к Замятниной: «В<ячеслав> тоже заболел вчера крапивкой и страшным бронхитом, а сегодня Среда! и будут Минские, твои мерзавцы филистеры Котляревские (консерваторы: прот<ив> всеобщего голосования) и т.п. <1 нрзб> люди» (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 19; крапивка – крапивная лихорадка, т.е. аллергия). Далеко не исключено, что из-за болезни Иванова она и не состоялась.

В среду 9 ноября Зиновьева-Аннибал подробно описала встречу, бывшую неделю назад, т.е. в ночь со 2 на 3 ноября. Из письма не очень ясно, что же такого экстраординарного произошло, что послужило причиной столь серьезной размолвки между двумя группами писателей, после которой, судя по всему, попытки свести их воедино практически сошли на нет. На этом вечере читался прославленный впоследствии рассказ А.П. Каменского «Четыре». Так как сам автор читать отказался, то его обязанности выполнял Вл. Пяст и оставил об этом выразительные воспоминания, к которым и отсылаем читателей³⁴¹. Помнящим этот рассказ (или небольшую повесть) и представляющим себе границы дозволенных в начале века описаний чувственной любви должно быть понятно, что именно вызвало такой глубокий кризис. Напомнив привходящие обстоятельства, перейдем к письму Зиновьевой-Аннибал:

После того вечера с чтением описанного мною в старом прилагаемом письме, было еще такое же собрание «кружка литературы». Читал молодой автор Каменский. Что-то есть в рассказе, но чисто внешнее. Вечер был тем интересен, что соединил действительно несоединимое. Были с этими «реалистами» Арцебашевым <так!> и К^о Мережковский с Зиночкой, Розанов, Сологуб, Философов, Максям Белинский (это уж

³⁴⁰ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 7. С. 50-51.

³⁴¹ См.: Пяст В. Цит. соч. С. 51-52.

их)³⁴², Миролюбов («Журнал для Всех»), Чулков, Ремизов, Жуковский, Бердяев, словом, весь литер<атурный> Петербург, исключая <?> Горького, Андреева, но москвич <?> и Куприна. Ведь Каменский из «Мира Божия». Но в результате оказалось, что невозможно дружеское собеседование даже на почве литературы. Мережковский всех напугал и обидел резкою критикою против пошлости и безнравственности самой темы³⁴³. Я же сказала, что нет пошлых тэм, есть только художественная и антихудожественная трактовка. Художественность всякую тэму утончает до пронцаемости глазу за нее. И некоторую художественность в рассказе я вижу. Но Мережковского нельзя больше обидеть, как восхвалив искусство. Бедный, чего мы уже не можем – то мы презираем. Мне возражал Карташев (прелестная, тонкая, но мучительно бьющаяся <?> в поисках себя поэтическая душа. Он боится формы, боится, что поклонение ей не свято). Розанов, все время злившийся на то, что читают вообще, а не разговаривают, с рассказа перевел обвинение на автора и заявил, что он просто неопытный и неудачливый ловелас. А Вячеслав председателем был выбран и потому говорил последним, сказал, что автор пытался изобразить одну из разновидностей Дон Жуана. Но не могу описать ничего сносно. Скучно все это. Скучны и почти бездарны «реалисты». Невыносимо постыдны наши буржуйные идеалисты в своих удобных вуаяжах с Куковским билетом за Богом. Ах, опротивели мне все. Одну минуту я верила в чудо. Теперь вижу впереди серую конституцию и пошлое политиканство. Еще безумно хватаюсь за С.Д. и их армию. У них есть одно, чего ни у кого нет.³⁴⁴ Свобода от собственности, от государства даже. Если они и кричат о матерьялизме, то это не правда, это 1) оттого, что они должны все силы собрать для земной борьбы за земную жизнь, и 2) оттого, что мерзость политической религии с нагайкой и гнусным буржуем слишком оскорбила душу истинного человека.

Среды наши тянутся своим чередом. А вот «Вопросы Жизни» умирают³⁴⁵. Нужно изыскать капитал от 10 до 30 тысяч. Пораскинь умом. Сибирякова?? Думаю, завтра придется нам ехать в Москву к Андреевой, но ожидаем известия, там ли она (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 15об-18)³⁴⁶.

³⁴² Максим Белинский – общеизвестный псевдоним И.И. Ясинского.

³⁴³ Ср. описание этого вечера в письме Мережковского к Л.Н. Вилькиной от 20 октября 1905: «Все-таки был у Вячеслава. Там была отвратительная скука. Читали дурацкую повесть какого-то Каменского под названием “Четверо”, и происходили еще более дурацкие прения. В такие дни – хамство русской интеллигенции непостижимо» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 229 / Публ. В.Н. Быстрова).

³⁴⁴ Вставка синим карандашом: «Об С.Д. у меня *свое*, иное мнение. В.».

³⁴⁵ О кризисе в журнале «Вопросы жизни» см.: Колеров М.А. Цит. соч. С. 111-119; Взыскующие Града: Хроника частной жизни русских философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 88 (письмо С.Н. Булгакова А.С. Глинке-Волжскому от 11 ноября 1905).

³⁴⁶ Еще один раз группа «реалистов» побывала у Ивановых 19 декабря. См. в письме Зиновьевой-Аннибал: «Вчера на нас неожиданно нагрянул “кружок литературы” (Арцыбашев и комп<ания>) без предупреждения (вышел беспорядок у них, т.к. секретарь Наст. Чеботаревская в Москве). Читалась какая-то дрянь. Я кое-как пошла чаем. Вяч. сбежал за пивом и колбасой. Люди славные, простые, теплые, но уж до печали бесталанные! Скуш-

Итак, положение Ивановых казалось весьма критическим: «Весь» практически отпал; «Вопросы жизни» были на грани закрытия (а к концу ноября и вообще было решено, что они закроются), контакта с «реалистами» (а значит, и с финансово мощным товариществом «Знание») не получилось. Но почти сразу же по возвращении из Москвы выяснилось, что открываются (несмотря на очень тяжелое политическое положение) новые возможности. Главной для Ивановых казались «Факелы».

История этого предприятия уже была несколько раз изложена, поэтому ограничимся лишь сообщением малоизвестных подробностей. После того, как определилось, что «Вопросы жизни» прекращаются, Г.И. Чулков оказывался без заработка, и именно его энергия стала стимулом для всех движений (как писал Ремизов, «это все Г.И. Чулков мудрует»³⁴⁷). Сперва он задумал сборник под названием «Огни», но замысел довольно быстро трансформировался в план издания журнала и организации театра под одинаковым названием «Факелы». 2 декабря Зиновьева-Аннибал сообщила Замятниной: «Итак <...> образовался новый журнал с ближ<айшим> участием Леон<ида> Андреева: “Факелы”. О редакции и участии Вячеслава еще не говорю, ибо идут большие препирательства и борьба на этой почве. <...> В понедельник было собрание “Факельщиков” у нас (писала). Были и художники Сомов и Лансере (Бакст и Бенуа за границей). (Причем только что узнали, что Сомов хочет почему-то писать мой портрет. Не знаю, несколько серьезно). Были Бунин, драматург Рафалович, “Река Идет”, Осип Дымов, пол<ит>эк<оном> и поэт Габрилович (Галич), Сологуб, Чулков и еще кое-кто, человек 15. Сошло очень оживленно, прения были интересны. Вяч<еслав> пытался никого не обидеть и производил “Факелы” от трех родоначальников: Декадентов, “Знания” и “Мира Искусства”. Идея анархического журнала и его profession de foi составлена ловко Чулковым на почве идей “Кризиса Индивидуализма”» (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 28 и об).

Имена Леонида Андреева и Бунина явно должны были привлечь внимание «Знания», почему Иванов так и выстроил свою речь. А анархические идеи, пусть и в мистическом преломлении, должны были, согласно «левым» трактовкам Чулкова, соответствовать настроением момента – напомним, накануне московского декабрьского восстания. Об этом вполне отчетливо говорит продолжение того же письма Зиновьевой-Аннибал, которое писалось очень долго. Фрагмент, который мы процитируем более полно, чем уже использовавшая его Ю.Е. Галанина, был написан 4 декабря:

Сегодня был Белый. Все эти вечера Вяч<еслав> возвращается к 2-м часам ночи, потом беседует до 4-х. Он закручен вихрями рождения «Факелов» и умирания «Воп<росов> Ж<изни>». (Я больна и не выхожу). Был и Чулков сегодня по моей просьбе, чтобы при моем посредничестве

но» (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 59). Ср. также далее.

³⁴⁷ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 7. С. 55.

окончательно сговориться. Вячеслава нужно было уладить с ним. Кажется, сговорились на том, что 1) Вяч<еслав> и Мейерхольд получают редакторство Театрального отдела, что несказанно важно, т.к. помимо рецензий есть и *свой театр* Факелы, и Вячесл<ав> может наконец не только развивать свои программы возрождения театра, но и учиться практикой, как нужно и как не нужно писать драмы самому. Кроме того, Вяч<еслав> 2) в коллек<ивной> редакции и 3) соредактор с Габриловичем философского отдела. Еще Чулков просит помогать ему готовить и судить рукописи по беллетристике, и за эти функции 100 р. в месяц, *кроме* гонорара за статьи и рецензии. Кроме того, Чулков, кот<орый> настаивает твердо на своем юридическом диктаторстве в беллетристич<еском> отделе, согласен дружески подчиняться veto Вячеслава и в этом отделе в случае принципиального несогласия, это уже по дружбе и всецело между ними двумя, а вообще у каждого редактора есть право останавливать своим veto любую статью в любом отделе и доводить до суда собрания редакционного совета. На таких основаниях можно работать с чувством, что журнал действительно свой. И он так свеж и так широк своей духовно-анархической, а в политике сощялистической программой! (Там же. Л. 31-32).

Еще более радикальным выглядел фрагмент, написанный на следующий день, 5 декабря.

Теперь совершается великая переоценка ценностей. Горький сказал кому-то мудрое слово про себя, Андреева, Куприна и пр.: «Все мы пойдем насмарку. Будет другая литература, не буржуазная, а пролетарская душою. Новый писатель родится для родившегося нового читателя, и еще останутся крупнейшие из декадентов». Душа меняется, и всякое действие, и всякий уклад жизни кидаешь на весы и говоришь: что это, жизнь *свободного* человека (пролетария), или жизнь позорного *раба* буржуа? И есть буржуа по доходам, но еще больше буржуа по качественным расходам. Все, утверждаю, все буржуа по расходам. Я это узнала теперь. И недаром моя дикая, вольнолюбивая душа с таким отвращением входила в уклад вашего уюта, который развратил Вячеслава и Веру. Поэтому что было что-то вольное в них обоих до Villa Java – тюрьмы душам. Вячеслав неузнаваем, даже походка изменилась, ступает легко, как на цыпочках, за все благодарен, часто не обедает даже, когда устанем и поздно вернемся. Попьет чаю, поблагодарит Бога и радостно идет работать на ночь. Есть что-то неуловимое, несказанное, что улегает душу, освобождает тело в отметании старого человека. О, все мое детство, вся моя молодость теперь осуществляется (Там же. Л. 34об-35об).

Конечно, утопичность всех этих проектов и размышлений была довольно очевидной. Пролетарская литература, вопреки Горькому, а тем более символистам (которые тоже в какие-то моменты были готовы ее поддержать), вовсе не желала отметить ветхого человека, а вполне была готова принять рамки литературы прежней. Переоценки ценностей также не свершилось, потому что практически все возможности как литературы модернизма, так и литературы реализма к тому времени были

уже реализованы, оставалось только развивать их. Но сама утопичность также была привлекательна, особенно если сулила постоянный рост известности и влияния. Не зря Зиновьева-Аннибал так быстро переключилась на эту тему:

О нас скажу так: Вячеслав действительно (это видно по отношению к нему людей) становится во все более широких кругах известностью. К нему большое уважение. Даже Буренин ругал с уважением. Ругали вообще несчетно и с пеной у рта. Но узнавали от других и у других, насопро прочитывали. А в союз писателей его неожиданно вводят Анненский³⁴⁸ и Семевский <?>!! Вчера у Розанова его окружили, слушали, уже разнесся слух³⁴⁹, что он и Брюсов будут вести какой-то «политический» театр³⁵⁰ (кстати, «Весы», слава Богу, оставлены <?> в стороне). Словом, лучшие люди всех направлений за ним следят. В «Русск<ом> Богатстве» упрекали «Вопр<осы> Ж<изни>» за то, что не Вяч<еслав> во главе лит<ературного> отдела...³⁵¹ Напротив, мое положение очень опасно. Я выступила с тяжелой артиллерией, вся моя личность вольно-невольнo имеет вид какой-то (говорят) вызывающий серьезностью, строгостью, парадоксами и злыми нападками. Но мою драму *никто* не читал, мои статьи пугают теми же свойствами, как моя личность, мои «Тени Сна» не могут подвергнуться осмеянию. И это все злит всех и все ждут. Я должна или сейчас же сделать что-нибудь очень крупное, не в пример другим «талантливым беллетристам» с их легкими красотоми рассказов, или скажут: «Ну конечно, все это была ошибка, просто одна дугая наглость» (Там же. Л. 36-37).

Вопрос о «Факелах» еще не раз будет обсуждаться в публикуемых письмах, но не менее, а, пожалуй, и более существенным для Иванова оказалось другое предприятие, возникавшее и определявшееся в те же самые дни. Первое известие, которое нам удалось о нем обнаружить,

³⁴⁸ Сверху карандашом вписано: «Русск<ое> Бог<атство>». Речь идет, конечно, об Н.Ф. Анненском, видном публицисте-народнике.

³⁴⁹ Сверху карандашом вписано: «В Мал<ом> театре>». Имеется в виду упоминавшийся выше Театр Литературно-художественного общества (Суворинский).

³⁵⁰ Слух этот был основан на действительности. В письме осени 1905 г. (датировано просто: 1905) Брюсов писал Г.И. Чулкову: «Осколки труппы театра “Студия” в единении со мной затевают “политический театр”» (Чулков Георгий. Годы странствий. М., 1999. С. 344).

³⁵¹ Такого утверждения в журнале нам обнаружить не удалось. Единственный материал, в котором упоминается Вяч. Иванов, – неподписанная (как и все аналогичные материалы) рецензия на «Северные цветы ассирийские»: «Гвардия декаданства умирает, но не сдаётся. <...> Бальмонт выпаливает “политическим” стихотворением, Вячеслав Иванов восклицает нечто мало вразумительное, но злободневное о Цусиме, поэтический декаданс механически соединяется под обложкой общего журнала с боевой публицистикой; однако при этом публицисты с жаром отдаются “вопросам жизни”, а цимбаллисты по-прежнему увлечены вопросами жизни нездешней, – если, впрочем, оставить в стороне ту настойчивость, с которой они хвалят друг друга» (Русское богатство. 1905. № 8. С. 53 3-й пагинации).

относится к середине октября, когда художник Н.Я. Тароватый писал К.А. Сюннербергу (Конст. Эрбергу): «“Искусство” как таковое более не существует, и вышедший 8-ой номер является последним. Но из “Искусства” возник новый журнал “Золотое Руно”, каковой предполагается выпускать ежемесячно, начиная с января 1906 г. Состав сотрудников, за немногими добавлениями, как Вы увидите из прилагаемого проспекта, тот же, что и в “Искусстве”, я же приглашен заведовать в нем художественным отделом»³⁵². Но политические события затормозили активность будущего издателя и его сотрудников, и следующее известие, дошедшее до нас, относится к 30 ноября, когда Ремизов записал в дневнике: «Собрание “Золотого Руна”. С.А. Соколов-Кречетов (“Гриф”), Тароватый (“Искусство”) – это главные. А проч. – Блок, Сологуб, Мережковский, Кондратьев, Дымов и Бакст. Издатель же Н.П. Рябушинский, но его не было»³⁵³.

В тот же день Соколов и Тароватый были отдельно и у Иванова. 5 декабря все в том же длинном дневниковом письме Зиновьева-Аннибал так описала этот визит и его последствия:

1 ч. дня. Вяч<еслав> встал, выпив в постели кофе, проглядев газеты, прослушав ваше письмо и мое к вам, над которым расплакался. Сейчас поставила самовар твой, Маруся, попьем чаю с чайн<ой> колбасой и – на почтайт. А пишу, чтобы рассказать о «Зол<отом> Руне». Приезжал Гриф и Тароватый к Вяч<есла>ву приглашать его сотрудничать в нов<ом> затеваемом каким-то миллионером³⁵⁴ журнале вроде «Мира Искусств<ва>», но еще роскошнее, по-русски и по-французски, обещая Вяч<есла>ву прекрасную плату за статьи и стихи. Заманивал. Интересно, что этот Гриф в «Искусстве» обругал «Гантала» (как и мои «Тени Сна»). Из-за этой критики на «Гантала» Андрей Белый (считающий «Гантала» высшим произведением декадентства) послал письмо в «Весы» о своем выходе из «Искусства» на основании того, что обругал «Гантала». Тогда Гриф вызвал его на дуэль! *если* письмо будет напечатано. Белый не напечатал, но вышел из сотрудников. В письме было сказано, что Андр<ей> Бел<ый> сам находит, что «Гант<ал>» высокое произведение, но что все декад<ентские> органы должны относиться к нему прямо с благоговением, т.к. это самое высшее произвед<ение>, которое предоставила новая школа.

Узнал все это Вяч<еслав> в Москве и поэтому ответил Грифу вопросом, будет ли Белый сотрудничать у них (Гриф и Таров<атый>, бывшие ред<актор> и изд<атель> «Искусства» – теперь оба единственные редакторы «Зол<отого> Руна») и на их ответ, что они его ценят и рады

³⁵² ИРЛИ. Ф. 474. № 258. Л. 13 – 14 об. Не полностью – в предисловии С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова к публикации: Эрберг Конст. (К.А. Сюннерберг). Воспоминания // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 102. Основания для датировки дает то, что данное письмо является ответом на письмо Сюннерберга от 14 октября 1905.

³⁵³ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 7. С. 56.

³⁵⁴ Вписано: Рябушинский.

были бы, но приглашать сами не могут по личным причинам. [и на отрицат<ельный> ответ объявил, что не может сотрудничать, если и Белый не в числе сотрудников.] Но Вяч<еслав> обусловил свое участие его участием. Для этого с Грифом послано было в Москву письмо Вяч<еслава>ва и Мережк<овско>ва <так!> Белому с убеждением присоединиться к «Зол<отому> Руну» как к новому самостоят<ельному> журналу. Тем временем Белый оказался в Петерб<урге> и по совету Вяч<еслава> и Мер<ежковского> послал телеграмму Грифу, что высылает статью. Вяч<еслав> в свою очередь заявил телеграммой о своем оконч<ательном> присоединении к «Руну».

Так<им> обр<азом>, «Искусство», зан<имавшее> вражд<ебное> положение по отн<ошению> к Вяч<еславу>, капитулировало. Ко мне держатся <?> (не пригласив). Я оч<ень> вражд<ебно> держала себя в Москве относ<ительно> Грифа и его жены – неприличной женщины Нины Петровской (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 38-39 об).

Не задерживаясь особенно на истории с письмом Белого ³⁵⁵, отметим, что письма, уговаривающие его все-таки войти в число сотрудников «Золотого руна» были действительно написаны как Мережковским ³⁵⁶, так и Ивановым (фрагменты – ЛН. Т. 85. С. 489), и этот шаг уже свидетельствует о том, какое важное место будет занимать Иванов во всей истории этого важного для истории русской литературы журнала.

О Средах этого времени мы знаем только то, что бегло сообщила все в том же письме (во фрагменте, написанном 2 декабря) Зиновьева-Аннибал: «Затем Среды две после Москвы, прошли приятно. На первой были Розанов и несколько поэтов, читались стихи. Интересен был длинный диспут Роз<анова> с Борисовым ³⁵⁷ о поле» (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 29). Таким образом устанавливаются их даты (23 и 30 ноября), но практически ничего не удается узнать об их содержании.

Зато Среда 7 декабря оказалась едва ли не самой популярной в современной литературе о «Башне». Текст письма Замятниной был в значительной части опубликован (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 233), а потом А.Б. Шишкин (добавив еще несколько фрагментов, купированных «Литературным наследством») рассмотрел именно эту ночную беседу как едва ли не архетипический образец всех вообще башенных Сред. Однако в нашем контексте представляется, указав на важность события (осознанную, видимо, и самой Зиновьевой-Аннибал), дать текст данного письма полностью и с небольшими коррективами. Сперва, однако, приведем ту

³⁵⁵ О ней специально см.: ЛН. Т. 85. С. 389 (комм. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова). Об ответе Соколова Белому (с цитированием полного текста его письма) см.: Кобринский Александр. Дуэльные истории серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 250-253.

³⁵⁶ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому / Вст. ст., публ. и комм. А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 167-168 (с приблизительной датировкой и неверным комментарием).

³⁵⁷ Сергей Александрович Борисов, согласно воспоминаниям Пяста, «бывший профессор». Впоследствии муж Н.П. Анненковой-Бернар.

его часть, которая была написана ранее, вечером 9 декабря, поскольку она касается судьбы «Факелов»: «Чулков и Вяч<еслав> поехали в союз писателей (но полиция охраняла закрытые двери и не пускала), оттуда в совещание “Факелов”. “Факелы” будут, увы, немножко слишком, кажется, строго С.Д.-ский журнал, в *пол<итическом> отделе* это очень неизбежно, ибо другой научн<ой> партии нет, но дух-то анархический в художеств<енном> отделе. Вячесл<ав> же хотел бы больше независимости в их социализме. Не хватает им еще немного денег» (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 43об)³⁵⁸.

Теперь можно перейти и к самой записи:

11 Дек<абря>. 12 ч. дня. Теперь о Среде. Она была в некотором роде замечательной. Были: Розанов с падчерицей, Мме Бердяева (он хотел, но не смог <?>), Ремизов, Габрилович, Чулков, Кондратьев, Пяст, мол<одой> поэт (Мережковские не приехали, задержанные в последнюю минуту), Блок, Белый, Яша, еще какая-то София Юльевна (верно, нелегальная) с еврейскими глазами и с любопытством нас рассматривавшая (ее привела Бердяева), писат<ель> Лундберг, Нина и Борис<ов> и математичка, – кажется, все. Поздно, часов в 12, Вяч<еслав> предложил устроить по примеру «Пира»³⁵⁹ – собеседование о Любви. Ах да, самое неожиданное: был Павел Влад<имиров>ич Безобразов и председательствовал, скажи Мар<ии> Серг<еевне>.

Блок первый прочитал прекрасные стихи о «Влюбленности»³⁶⁰. Говорил Белый о мировой душе, отблеск которой мужчина ищет в любимой женщине, из этого как-то рождается лик Христа, потом все обращается в церковь и в Жену, обличенную <так!> солнцем по апокалипсису. Все это в смутных, цветисто облачных образах и *длинно*. Общее мнение – что оч<ень> красиво. По моему, нет. Вячеслав говорил раньше, и все, сказанное Белым, языком арбатского апокалипсиса (мое мнение) было (по словам Блока) продолжением, добавлением к словам Вяч<есла>ва. Вяч<еслав> напишет статью о любви³⁶¹. Здесь его теория о матери-дочери-сестре, отце-брате-сыне, соединенных в одно зерно в любви между мужчиной и женщиной, и дальше о бросании колец совершенной любви двух в пурпуровые моря божественной соборности. Роз<ано>ву и Блоку не понравилось. Габрилович говорил о невозможности соединиться всецело ни в страсти, ни в *amitié amoureuse*, ни в общественности, о

³⁵⁸ См. также фрагмент письма от 14 декабря: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 234. А 26 декабря Зиновьева-Аннибал писала Замятинной: «...должна через ½ часа ехать к брату для того, чтоб решительно выяснить, будет ли у меня что-нибудь определенное. Дело в том, что вчера Вяч. вернулся в 3 часа с собрания Факельщиков с известиями такими, что денег у “Факелов” не стало и все обращается в диллетантскую попытку выпустить 1-й №, на что нет у нас охоты. А Мейерхольд так без денег и без прак<ического> ума, т<ак> что театр рискован» (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 68 и об).

³⁵⁹ Диалог Платона.

³⁶⁰ Имеется в виду стихотворение «Влюбленность» («Королевна жила на высокой горе...»).

³⁶¹ Такая статья написана не была.

вечном одиночестве, о разрешении в одиноком творчестве, закончил красивым, пышным своим стихотворением. Потом я сказала, что могу говорить только о реальности и поэтому отвечаю Габриловичу: признаю, что любовь есть высшая *разлука*, ибо пока человек томится в своей одиночной тюрьме, у него есть окошечко тоски, но когда двое одиноких соединятся, они заколачивают свое окошечко от всего мира и уже безнадежно отъединены. Но не в отказе от страсти и любви спасенье, а в обращении порока нашего в добродетель. В любви двоих – пороке против соборности – есть искупление, это самая сущность любви, ибо любовь есть *то, что не прощает*. Любовь ищет свое и без жалости отменяет все, что не подходит под ее глухое искание: отсюда измены, холодные казни некогда любимых существ, но не ответивших бессознательным алканиям любви. И вот любовь идет, карая, бестелесно, без прощения, и святым нездешним днем пепелит все то, что хочет навеки запечатлеть себя в несовершенной эмпирии <так!>. *То, что не прощает – добродетель любви, но всякое кольцо <так!>, сомкнутое на земле любовью, – порок любви.* Но это я напишу на днях небольшую повесть для «Факелов». Председатель был возмущен: как! любовь не прощает? Она все прощает... А Розанов говорил: «Умница какая!» Он говорил, что я геркулесова дочь. Потом Борисов-позитивист. Сначала очень красивую и глубокую Египетскую легенду, но гора мышь родила, и после великой легенды пошла позитивистическая психология всяких преимуществ влюбленного состояния. Закончила диспут Mme Бердяева красивой сказочкой, ею придуманной (мне не нравится). Божество бросило на землю четыре розы: белую, розовую, алую и черную. Люди подбирали, и каждый подобранный любил сообразно с цветом своей розы. Счастлив, подобранный себе весь букет! (буро-серый) (Там же. Л. 47-49)³⁶².

В качестве дополнения следует привести еще фрагмент из сравнительно мало известных воспоминаний Андрея Белого:

...помню я, что о любви говорили: Иванов, Бердяев, я, Л.Ю. Бердяева; говорил ли Д.С. Мережковский – не помню; молчал В.В. Розанов; этот последний ко мне подошел после речи моей (кажется, я говорил о трех фазах любви: любви к Богу, к Ней, к людям; и называл эти фазы – любовью по чину *один, два и три*); подошел В.В. Розанов и спросил:

– «А скажите, – наверное, не переживали того, о чем только что говорили».

Спросил его:

³⁶² Запись А.М. Ремизова об этой Среде – Собр. соч. Т. С. 57. Воспоминания Андрея Белого – Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 348. Сведения о малоизвестных лицах, упоминаемых в тексте: *Mme Бердяева* – Лидия Юдифовна, урожд. Рапп (1889-1945); предположение комментаторов ЛН о том, что *Яша* – «возможно, Я.В. Годин», неверно: из следующих писем мы узнаем, что с 13 декабря Яша был в Москве, а 14 декабря Годин присутствовал на Среде; *София Юльевна* – неустановленное лицо; *Нина* – Н.П. Анненкова-Бернар; *П.В. Безобразов* (1859-1918) – историк-византист; *Мария Сергеевна* – М.С. Безобразова (урожд. Соловьева, 1863—1919) – жена П.В. Безобразова, сестра В.С. Соловьева.

– «Почему вы так думаете?»

Он – настаивал:

– «Если бы вы пережили хоть часть из того, что сказали, вы были бы – гений...»

И приговаривал он, поплеывая словами:

– «Не переживали, конечно...»

– «Признайтесь?»

А.А. <Блок> сидел в дальнем углу, прислонив свою голову к стенке, откинувшись, очень внимательно слушая, с полуулыбкой; когда обратились к нему, чтоб и он нам сказал что-нибудь, он ответил, что говорить не умеет, но что охотно он прочитает свое стихотворение: и прочел он «Влюбленность»; он был в этот вечер в ударе; уверенно, громко, с высоко закинутой головою бросал в нас строками...³⁶³

Следующая среда, 14 декабря, оказалась примечательной прежде всего тем, что пришла на самый разгар событий в Москве, очень затронувших Ивановых. К сожалению, «истинной глубины бесед» по записи Зиновьевой-Аннибал понять не удастся, однако отметим, что на собрании впервые фиксируется присутствие К.А. Сомова, М.В. Добужинского и Н.А. Бердяева (что явно противоречит его утверждению о том, что он «кажется, не пропустил ни одной “среды” и был несменяемым председателем на всех происходивших собеседованиях»³⁶⁴), были также малоизвестные поэты В. Корин (В.И. Корехин), Александр Степанович Рославлев (1883-1920)³⁶⁵ и Яков Владимирович (Вульфович) Годин (1887-1954), впоследствии прославившийся скандальной статьей «Оргиасть», посвященной карикатурному описанию Сред³⁶⁶.

16 Дек. 11 ½ утра. <...> Третьего дня была Среда. Она вышла поразительно, могу сказать – блистательно по истинной глубине своих бесед. Тема была «Одиночество и Анархизм». Так вотировали за это соединение. Председатель – Бердяев идеально. Присутствовали Ремизов, Сологуб, Габрилович, Чулковы, Нина, Борис<ов> и 2 девочки, Сомов и Добужинский (изв<естный> карикатурист и художник), Сюнерберг, Корин (плох<ой> поэт), Рославлев (поэт-реалист в поддевке) и из их же кружка с талантом молоденький Годин. Кажется, все. Начался диспут тем, что я прочитала свою «Тоску Смертельную»³⁶⁷, сказала, что из тоски одиночества и безвыходности ее нужно сделать добродетель крайнего индивидуализма в анархизме и, доведя индивидуум до высшей силы, надеяться, что совершится какой-то крах (сострила о теории С.Д., доводя-

³⁶³ Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 200.

³⁶⁴ Бердяев Н.А. «Ивановские среды». С. 97.

³⁶⁵ Довольно существенно, учитывая популярность Рославлева в массовых изданиях, что в это время он предстал в облике «поэта-реалиста в поддевке», тогда как позже – «поэта-декадента».

³⁶⁶ Подробнее см.: Азадовский Константин. Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 116-121. Ср. далее описание среды 21 декабря.

³⁶⁷ «Стихотворение в прозе» из цикла «Тени сна».

щей до высшего расц<в>ета капитала и высшего напряжения его борьбу с трудом, чтобы в одном крахе совершилось падение капитала и социграфист<ическое> распрел<еление>), в доказательство прочитала эпиграф свой и из «Корм<чих> Звезд» «И будет мир Духов»³⁶⁸. Все это интересно и глубоко поставило вопрос. Говорилось многое многими весьма важное, Вяч<слав> очень сердечно и лично рассказал целый цикл развития своей муки над проблемой одиночества и иллюстрир<овал> их отрывками, начиная с «Покорность», кончая «Гостем»... Обрываю и отсылаю письмо (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 51 и об).

Письмо от 20 декабря примечательно несколькими разнообразными сведениями. Во-первых, оно фиксирует дату написания дифирамба Иванова «Факелы»³⁶⁹; во-вторых, дает сведения о немаловажных визитах: 16 декабря «...мы были в мастерской Сомова. Он нам показывал многое. Он истинный художник в смысле французском, влюбленный в свою “кривую”, в форму. Это отрадно, потому что это первые “художники” в России» (Там же. Л. 56 и об.), а 18 декабря – к Н.П. Анненковой-Бернар и к Ф. Сологубу, где интересен фрагмент, относящийся к последнему: «Увы, вернулись в 4 часа! И дома говорили до 6-ти. Обсуждали коренные и мучительные вопросы нашего устройства. Сологуб читал чудесный рождеств<енский> рассказ, смешанный из Сологубовской фантастики и реализма рабочей революции. Критиковали. Я напала порядочно против всех остальных, хваливших за несколько лишних слов там и сям, особенно в чертовщине» (Там же. Л. 54); наконец, весьма существен пассаж, позволяющий хотя бы отчасти восстановить не сохранившееся в архиве Иванова письмо Брюсова. В этом письме был сообщен меморандум, известный под заглавием «Предполагаемая организация “Весов”» (опубликован – ЛН. Т. 85. С. 280-281), а также сведения о судьбах московских знакомых в дни восстания. И то, и другое вызвало у Зиновьевой-Аннибал резкий протест:

Пока Петерб<ург> единственный безопасный город. Да, наш прекрасный, просто героический Яша с 13-го числа в Москве! Получила «священное» письмо из огня <?> пушек. Он санитар. Но Красный Крест объявлен был *мятежным* и в санитаров сильно стреляли. С 14-го не имею писем. Жив ли? Это не подлый ломака Брюсов, кот<орый> присылает письмо Вяч<сла>ву с нарочным, начинающееся вроде как так: «Я жив, хотя и хожу под выстрелами, любопытствую (гадина!), ни к какой партии не принадлежу (гниль купеческая!). К.Д. (Бальм<онт>!) жив (я не сомневалась!), С.А. Гриф жив (жаль для блага людей, что этот клан декадентский не раздавлен), все *наши* (!) живы». У меня нет наших в московских декадентах-купцах. Затем следует предложение конституции

³⁶⁸ Речь идет об эпиграфе к стихотворению Иванова «Пламенники», взятом из одноименного романа Зиновьевой-Аннибал: «Будет мир, подобный миру светлых духов, ликующих каждый своим отдельным ярим порывом» (I, 548).

³⁶⁹ Запись процитирована Ю.Е. Галаниной: Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. С. 192-193.

«Весов», названное Вяч<есла>вом «курьезным аппаратом для снимания сливок с подойников музы»³⁷⁰. 300 рубл<ей> 4-м редактором *и сотрудничать* за редакторство и *писания*, с условием *все* написанное представлять в «Скорпион». Он<и> же, т.е. 4 редактора (Вяч<еслав>, Брюс<ов>, Бальм<онт>, Белый) плюс Поляков и Семенов будут отвергать им неподходящее и разрешать печатать *отверженное* ими, где писателям заблагорассудится. Смех! но еще больше непостижимый курьез!» (Там же. Л. 54об-55об).

21 декабря была следующая Среда. В преддверии ее Зиновьева-Аннибал писала Замятниной: «А сегодня Среда, и Анюты не будет, т.к. бани усиленно работают перед праздником. А я *так* устала. И так тяжело говорить. Предполагается окончание темы об одиночестве и анархизме, а мне хочется рыдать и рыдать. Что человек: зверь или Бог, подлец или герой?» (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 59 и об). Из описания же ее (в письме от 24 декабря) не очень понятно, действительно ли тема была продолжена или как-то спонтанно трансформировалась:

Среда была сумасшедшая. Человек 30, отовсюду, даже поразительный оратор студент Гидони С.Д., кем-то приведенный. Он так блистательно говорил, что опьянил нас на мгновение. Через верблюда и льва (мы в стадии льва) придет к ребенку, с легкостью сбросим тяжесть жизни и кончим Творящим Странником (удивительная концепция!), тогда уже не нужно будет искусства, мы сами станем творцом и творением, и все вступим в блистающую стену Творящих Странников! О, блестящий Люцифер социал-демократической безбожности. Мне чуется большая пустота... Но где полно?

Были Поликсен<a> Соловьева, Манасейна, Андр<ей> Бел<ый> с невралгией все время грозил говорить, но к счастью для меня мне удалось отбить затянувшийся диспут Мережк<овского> с Вяч<есла>вом, призвав председ<ателя> Берд<яе>ва к порядку дня. Тогда говорил Сюнерберг свои глубоко трагические мысли о борьбе с насилием природы – времени, пространства, и Бога – как начала начальствующего; против чего Вяч<есла>в противопоставляет Бога как страдающего в мире с нами. Ну, толком не пишу. Читал стихи Рославлев. Были из «кружка литературы», между проч<им>, один мальчик 18 лет Годин. Он пришел и вчера почитать стихи, чтобы узнать критику Вяч<есла>ва, еврей, талантлив глубоко, сын фельдшера, родился в Петропавловской крепости. Дома – ад, и мальчика спасет только талант. Бредит самоубийством, а пишет так, что я ушла рыдать к себе. 18 лет! И весь мир передумал, а образования никакого! даже гимназии! И ни гроша денег. Ну вот. Больше не могу (Там же. Л. 64-65).

³⁷⁰ Точная цитата из письма Иванова к Брюсову от 17 декабря, где рассуждение о мемурандуме начинается со слов: «Для меня подобная дистилляция моих писаний неприемлема» (ЛН. Т. 85. С. 488). Следующее письмо Иванов написал Брюсову только через месяц, да и то как ответ на присылку посвященного ему сборника «Stephanos».

Из вновь отмеченных участников отметим на этом собрании Александра Иосифовича Гидони (1885-не ранее 1932)³⁷¹, а также неразлучную пару детских писательниц – П.С. Соловьеву (Allegro) и Н.И. Манасеину. Скажем также и о том, что в другом месте того же письма Зиновьева-Аннибал упоминает о чтении на Среде дифирамба Иванова «Факелы» (или, как определяет автор письма, «Вячеславовой новой драматической пьесы в роде Орфея»): «Он читал ее на Среде и (хотя в Среду никто не оценивал ее художественно, т.к. была она читана к теме «анархия» и возбудила тотчас огневую перестрелку: были дико драчливые догматики-теократы Мережковские, взывавшие: “Вы сами светлый и белый, но учение ваше соблазняет!”) оказывается, что она привела в восторг факельщиков (Сомова, Сюннерберга, Чулкова и пр.)» (Там же. Л. 62).

Собрание у К.А. Сюннерберга 23 декабря описано в приведенной Ю.Е. Галаниной цитате из все того же письма³⁷², но в ней опущена любопытная подробность: «Вчера у Вяч<еслава> была коллизия: пригласил Филос<офов> на чтение своей статьи об отношении Розан<о>ва к Христу. Был тесный кружок догматич<еских> мистиков – Мер<ежковск>ие, Роз<ан>ов, Бердяевы, Карташев, Франк (кадет), еще один, Филос<офов>. Вяч<еслав> заехал перед “Факелами” извиниться и был проклят Зиной. Но не ittévocablement³⁷³. Если покается в “демонических” “Факелах” и вернется в лоно “Троицы Иоанновой”, будет помилован. Какие бездарности!» (Там же. Л. 63об – 64).

Но, несомненно, самой легендарной стала Среда 28 декабря, последняя в 1905 году. Приведем только одно печатное свидетельство. Под рубрикой «Вести отовсюду» в первом номере «Золотого руна» была напечатана заметка: «Нам сообщают, что в Петербурге, в ночь на 29 декабря в квартиру нашего сотрудника г. Вячеслава Иванова, в то время, когда у последнего собрались обычные посетители его литературных “сред”: Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Ф. Сологуб, Д. Философов, Л. Вилькина и проч., явился полицейский пристав в сопровождении десятка городовых и произвел обыск, оказавшийся для полиции безрезультатным. Задержанная по подозрению, возбужденномуграничным паспортом, г-жа Волошина, только что приехавшая из Парижа, была освобождена по удостоверении личности. Более ощутительные результаты испытал на себе присутствовавший на вечере Д.С. Мережковский, так как шапка его, в числе пяти других, куда-то бесследно исчезла из передней г. В. Иванова после обыска» (С. 133)³⁷⁴. Полный текст

³⁷¹ Наиболее подробная биографическая справка о нем – Пяст В. Цит. соч. С. 307.

³⁷² См.: Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. С. 193. Отметим неточное прочтение первого слова цитаты: не «Приходил неожиданно Мейерхольд со своей труппой», а «прикатил», т.е. приехал в Петербург.

³⁷³ Бесповоротно (фр.).

³⁷⁴ Более подробная библиография печатных откликов приведена в комментарии С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова к воспоминаниям К.А. Сюннерберга (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 133). Ср. также ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 236, и некоторые дополнения Ю.Е. Галаниной (Башня Вячеслава Иванова и культура серебря-

письма Зиновьевой-Аннибал, относящийся к этому примечательному эпизоду, как кажется, давно заслуживает опубликования.

Четверг 29-го Дек.

Но чтобы вернуться к нашей оскорбленной квартире и опустошенному моему столу, скажу, что вчера был у нас обыск от 11 веч<ера> – 4 утра, произведенный *вооруженной толпой* полиции. Солдаты полицейские стояли со штыками ружей наготове во всех дверях и у стен на часах. Была Среда, назначено было говорить о границах Религии и Мистики. Собралось блестящее (ровно 30 чел<овек>) и, как всегда, отчасти неожиданное общество: Мережк<овски>е, Соловьева, Филос<офо>ов, Вилькина-Минская, Венгерова (позвонили, бедные, обе уже после прихода полиции и были захвачены насильственно в нашу компанию), Нувель, Добужинский, Сюнерберг, Бакст, был и Арцыбашев, но ушел до полиции, Годин, Пяст, Мейерхольд с женой, актер и актриса Мунд, Щеголев с женой (ученый и изд<атель> журн<ала> «Былое», сотрудн<ик> «Наш<ей> Жизни»), Габрилович, Бердяевы, Чулковы (Ремизовых нет, а Розанов собирался, но к сожалению! не пришел), Сологуб с сестрой, мать Волошина, милая дама в шароварах, сестра Гиппиус-художница, и еще не припомню. Удивительно, что все приехали к нам первыми, даже без приглашения, и что и старым мы не делаем визитов. Аннота и Васюня! были. В 11 часов дикий звонок. Я иду, ворча, кто это так настойчиво звонит, но незапертая дверь сама раскидывается и вваливается с устремлением вперед и ружьями на отвес орда полиции человек в 20, 30. Я оборачиваюсь в столовую и кричу: «Господа! полиция!» Тишина. Вскакивает свирепо пристав, по-оперному протягивает жестом руку и возвещает: «Никто не сдвигается с места!» Мгновенно в каждой двери вырастают по два вооруженных ружьями со штыками полицейских, ведь полиция теперь преобразена в солдат, и в комнату проникает еще один к окну у стены вооруженный. В передней ряды солдат со штыками вытянуты, кухня заполнена, моя спальня охраняется в темноте вооруженными часовыми с ружьями впереди. Я бегу спасать свои аметисты в свою спальню, из темноты кричит солдат: «Нельзя сюда!» – «Мне нужно в мою комнату!» – «Иди прочь». – «Вы что грубите здесь!» – «Сама виновата!» – Этот аргумент поразил меня неожиданностью своего философского смысла. Иду к гостям и говорю: – И Достоевский сказал: всякий за все и передо всеми виноват.

Общество старалось отнестись легко и с шуткой, пили чай, смеялись, читали стихи.

Полиция принялась с *моего* стола. Вытащила все письма, в кучу смешала рукописи и «Великий Колокол». Я завопила: «Это срочная рукопись! Оставьте мне мою работу!» – «А вы думаете, я не работаю? Думаете, я люблю свою работу?» – «Тем более оставьте мне мою работу, которую я люблю. И почему же это вы делаете работу, которую не лю-

---

ного века. С. 195-196). Цитируемое нами далее письмо в значительной его части также приведено в ее статье.

бите? Жизнь вам *один* раз дается, а вы ее как употребили? Не безумно ли вы поступаете, употребляя так скверно вашу жизнь? Умрете, и все кончено. А могли бы честнее жить». – (Потом я «Колокол» отстояла) и Вячеславу не дали его переписку из его стола, только *мою*, и остальные *мои* рукописи (кроме «Пламенников», которых каким-то чудом не нашли) увезли в Охранное Отделение. Затем, после *моих* бумаг начался *личный* обыск, обшаривание карманов. Нас, женщин, обыскивала жена швейцара, притащенная полицией, безграмотная, напуганная. Гоняли нас из комнаты в комнату, оцепляя ружьями. Сначала полиция имела такой вид, что ожидала вооруженного сопротивления и была разъярена и испугана. Потом понемногу успокаивалась. Начался обыск квартиры. Боже мой, разворошили все твои сундуки и ящики, Маруся, все комоды и шкапы, всю кухню, печи, чердак и особенно тщательно ящик с провизией, где вынимались все банки с грибами и квашеная капуста. В одном шкапу нашли крем в жестянке выжимной, двое околоточных с уморительным страхом осторожно разворачивали, разрывали внешнюю бумажку, передавая друг другу, отворачивали тихонько крышечку, я хохотала над ними, а они говорят: «Да, видели мы жестяночки с кремом. Тожэ научены! Слава Богу, что у вас тихо встретили нас, а то встречали пулями!» Печальное отродие.³⁷⁵ Длилась гнусность до 4-х часов. Часовые все время не выпускали. Составили протокол подробный, где именно было: что при обыске ничего не нашли, кроме 3-х № «Революционной России» прошлого года, органа С.Р., случайно давно ко мне попавшего и еще не прочитанного. Но к концу вдруг сюрприз ужасный: уводят под арест мать Макса Вол<оши>на. Бедная, седая голова этой сильной <?>, энергичной честной женщины с басом и в шароварах (крымская помещица) подернулась в первую минуту судорогой, она заплакала среди полицейских, потом оправилась тотчас, взяла немножко денег, взяла книгу и отправилась под конвоем вниз по лестнице. Оказалось, нашли в ее пальто не отданный ею заграничный паспорт, а при ней здешний. Это случается. Но они объявили нам, что получили от Дедюлина по докладу о результате<ата> обыска приказ арестовать ее. Но закончилась тяжелая ночь. Затем выпустили всех и ушли сами. Интересно, что Вячеславу и всем гостям отдали под расписку все конфискованные бумаги и письма, а *мои* все увезли, кроме «Колокола», кот<орый> пристав просмотрел лист за листом. И на бумаге было написано: кв<арти>ра г. Ивановой, хотя <1 нрзб> и пристав отвергал это Вячеславу.³⁷⁶

Когда настала тишина и, поставив самовар, мы сели вдвоем, весь дух заговорил. Не могу сказать, что за мысли и за подсознательные откровения происходят в такие минуты. Когда жизнь реальная, низкая, злая, как голый стальной штык, промелькнет перед человеком. Москва! Москва! Дикая смелость, безумие стрелять револьверами в этих вооруженных людей и подставлять беззащитную грудь под озверелый штык. И здесь, говорят, только что накрыли компанию С.Р. с планами вооруженного восстания, и всем грозит казнь. Кстати, господа в штатском из полиции

³⁷⁵ Далее 5 с половиной строк густо зачеркнуты.

³⁷⁶ Далее 2 с половиной строки густо зачеркнуты.

пытались делать допрос о «Кружке литературы», кот<орый> «во вторник собирался у вас». Там были рабочие. Это горьковские подражатели в блузах. И еще сказал агент Вячеславу: «У вас все знакомые С.Р.!» Вчера встал еще раз вопрос с вызывающей силой: признаю ли *борьбу* в мире или признаю только *преображение* в духе? Если первое, то мне стыдно, что солдатам и проклятым опричникам нечего делать в моей квартире и что я не встречаю их револьверными пулями. Ибо в мире для меня нет *среднего*, и болото худшая опасность для мира. Но в духе полное отречение не только от насилия, но от всякого внешнего строительства. Преобразим души, и мир построится сам в тот миг божественно, ибо *как может человек позорить землю и свою свободу на ней?*

Это наивно кажется, но это именно самая глубокая и последняя постановка вопроса. Но против пути духа говорят 1) рассудок, ибо захотят ли все? и когда? и если *не* все, то *никогда*. 2) Есть ли простое, жаркое, кровью возмущения быющее и кровью жалости обливающееся *сердце* в отказе от непосредственного, простого, человеческого и героического вмешательства? Но всякое вмешательство невольно насилие и убийство и принимающий мир хотя бы на один волос *принимает убийство*, вот это факт, на который подло и трусливо закрывать глаза!...

Сейчас встал Вячеслав. Спешу одеться и ехать по делам: прежде всего в охранное отделение узнать о судьбе Елены Отгобальдовны Волошиной. Потом съездить на Петербургскую к ее хозяйке. Заеду к маме твоей. Но теперь 3 часа, я встала в 11, а легла в 7 (Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 70-76).

3

То, что происходило в доме на Таврической в первые дни января, известно достаточно хорошо: в новогоднюю ночь дамы (Зиновьева-Аннибал, сестры О.М. Мейерхольд и Е.М. Мунт, Н.Г. Чулкова, Е.О. Волошина с А.И. Орловой, художница Е.Н. Давиденко, О.А. Беляевская) сидели за столом, а Иванов, Мейерхольд и Чулков выработывали программу для ответственной встречи с М. Горьким, от которой во многом зависело, станут ли «Факелы» солидно поставленным предприятием или же придется обходиться случайными деньгами. Следующие два дня были заняты новыми совещаниями и хлопотами о разрешении собраний, чтобы гарантировать себя от повторения обысков³⁷⁷. Третьего января состоялось собрание деятелей «Факелов» (театра и журнала) и сатирического журнала «Жупел» с участием М. Горького и Ж.Ф. Андреевой. Ныне опубликованы довольно многочисленные описания этого собрания, так что резонно отослать читателей к ним³⁷⁸.

³⁷⁷ Зиновьева-Аннибал для этой цели воспользовалась помощью своего брата, который был петербургским гражданским губернатором.

³⁷⁸ Речь идет о следующих документах: Письмо Мейерхольда к Брюсову от 6 января (Мейерхольд В.Э. Переписка 1896-1939. М., 1976. С. 59), письмо Иванова к Замятниной (Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 69) и письмо Зиновьевой-

Первая в новом году Среда состоялась 4 января и оказалась отражена в двух посланиях Зиновьевой-Аннибал. Первое – чрезвычайно неразборчивая открытка от 5 января, где, видимо, специально было написано о знакомых Замятниной – приятельнице по Высшим женским курсам актрисе В.В. Пушкиревой-Котляревской и ее муже, литературоведе и будущем академике Н.А. Котляревском: «Вчера разошлись поздно. Были Котл<яревск>ие, и поднял он тему-допрос: почему декаденты льнут к революции. Обсуждали долго, Вяч<еслав> закончил блистательным доказательством неизбежной “крайности” у декадента, т.е. у художника-бунтаря. Но Котл<яревский> не убедился и ему сказал дерзость, что при пожаре дек<адентско>м утаскивают имущество» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 9). На этом кончается тот текст, который нам удалось прочитать. Но 9 января, уже в обычном письме, о Среде было сказано еще несколько слов, в основном об участниках: «В прошлую Среду явилось <?>, что кроме литературных (всегда балансирующих <?>, как канатные плясуны) знакомцев, у нас образуется кружок, связанный с нами по-человечески сердечно. Наприм<ер>, Волошина, которая даже к сыну не ехала 8 дней лишних, чтобы с нами встретить год и еще одну Среду провести. И с нею милая учительница Орлова, художница из Парижа Давыденко, две милые и жадные к знанию и красоте девушки-курсистки Шиховы (Нина Павловна), молодой поэт бедняжка Годин, Поликсена Соловьева и Манассеина, Беляевские...» (Там же. Л. 10).

В том же письме содержались и сведения о задуманной серии из трех литературных и литературно-музыкальных вечеров, предназначенных для сбора средств на организацию театра «Факелов»³⁷⁹. Но активность исканий вокруг этого так толком и не состоявшегося кружка практически прекратилась после неудачной попытки переговоров с Горьким 14 января в Финляндии, куда ездили только Чулков и Мейерхольд³⁸⁰. А Среды тем временем продолжались. 11 января прошла следующая, о которой Зиновьева-Аннибал написала Замятниной через день, 13 января: «Среда вышла блестящая в смысле совершенно нового прилива лиц. “Жупел” был в лице своего представителя Гржебина, и

Аннибал к ней же (Галанина Ю.Е. Цит. соч. С. 197). Все эти материалы собраны воедино в статье Ю.Е. Галаниной, равно как и фрагменты писем более ранних чисел, на основании которых мы излагали факты.

³⁷⁹ См.: Галанина Ю.Е. Цит. соч. С. 200.

³⁸⁰ Немногие сведения об этой поездке и о дальнейшей судьбе театра «Факелов» см.: Галанина Ю.Е. Цит. соч. Т. 5. С. 202-205. Об отношениях же с Горьким следует, пожалуй, добавить лишь одну фразу из письма от 16-17 января: «Да: Максим Горький заказывает художественный перевод из Флобера Вяч<есла>ву» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 22). В конце января относительно перевода «Саламбо» Иванову писал сам Горький (Горький М. Полн. собр. соч. Письма. М., 1999. Т. 5. С. 135-137). 11 февраля сведения несколько конкретизируются: «Затем о Вячеславе. Он положительно делает карьеру с легкостью и удачно, ничего нища и не домогаясь. С переводом “Salambô”, кажется, наладится по 100 р. за лист. Пятицкий лобезно принял даже не в свой час, но уверяет, что такая цена для “Знания” новость и решит это с Горьким» (Карт. 23. Ед. хр. 16. Л. 7об-8). Похоже, что именно здесь следует искать истоки еще не описанной работы Иванова в сфере перевода Флобера: консультации Б. Зайцева при переводе «Искушения св. Антония» и сотрудничество с Ал.Н. Чеботаревской в переводе «Госпожи Бовари».

художники (Билибин тоже) принесли листы не изданного №. Политическая сатира в рисунках подняла новое искусство в России. <...> Беседа была по собранию: “О декадентстве как философски-идейном движении”. Очень мн<ого> было скрыто, потому что все было разъяснительно и мало художественно. Вяч<еслав> говорил просто, ясно и свел все концы блистательно к общему синтезу: набросал историю декадентства и общий дух во всех разнообразиях ярких индивидуальностей» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 13об, 14об-15).

Вероятно, следует добавить и еще одно описание – крещенского вечера у Ремизовых. Конечно, прямого отношения к Башне оно не имеет, но вместе с тем обстановка рисуется чрезвычайно колоритно, и для дальнейших отношений двух писательских семей чрезвычайно показательная. Отчасти из этого письма можно понять, почему Ремизовы все-таки не были допущены в самые интимные кружки башенного времени.

...в 8 ½ явилась Юлаша с гаденьким супругом, защитником жел<езно>дорожных делишек. <...> Холодное самообладание и лживость, как в Женеве после разрыва со мной. Всё же мы взяли ее к Ремизовым, чтобы сделать ей возможным участвовать (если сойдутся) в труппе “Факелов”. Он ни за что не пошел (верно, стыдится). У Ремизовых же было странно и глупо весело. Ели кутью с медом и узваром, потом Ремизов надел маску козла и окутал пояс и спину козлиной шкурой. Он прыгал, падал, ворожил <?>, озорничал и чесался и был художественно великолепен. Потом каждый из нас написал три предсказания, бумажки свернули в трубочки и смешали. Козел подходил по вдохновению к кому-нибудь и с разными ворожбами <?> и штучками вынимал, и из-под маски прочитывал судьбу. Мне вышло: 1) Совершить чудо. 2) Упоительное бракосочетание! (вот судьба <?>: очевидно, Бердяев: он шутник в этом духе) 3) Молю тебя Господи, дабы мне не быть таким захудалым чертом. Всё подходит. Я еще захудалый черт. Упоительно бракосочетанна и жду Чуда, иначе давно покончила бы с жизнью. После чаю решили гадать с <1 нрзб>. Мужчины решили выбрать женщину и выбрали меня. Поса<дили> меня на стул в полутемной комнате, накрыли толстой серой шалью. <...> Когда все вошли в комнату, то зашептали: как страшно, и мне стало страшно. Подходили сзади на цыпочках, прикладывали палец к моей голове. От нажатия происходил какой-то магнетический ток, и я впадала во что-то очень похожее на транс и говорила трудно с перерывами странные слова. Угадывала некоторых. Хотя бы наприм<ер>: сказала раз: “Ты сильный человек... но на тебя ляжет рука... тяжело... придавит... <2 нрзб>... но будет помощь <?>... думаю, что встанешь... не знаю... больше я ничего не знаю”. Потом подход<ит> еще человек: “Это душа близкого той, которая отошла”. Оказалось, что это были две сестры. Я же не знала их и не знала даже, что есть сестры в комнате. А таинственному мрачному Зонову, кот<орый> интересуется моими произведениями, я напроорочила: “ты будешь любить... прошлый год умер... всё умерло... ты будешь любить... умерло... ничего больше не знаю...” Ремизов говорил Вяч<есла>ву: “Вот угадала! вот угадала!” А Зонов, оказывается, в прошлом году женился... кажется, неудачно. И был сумасшедшим! – Вяч<есла>ву напроорочила: “Этот год будет зерка-

лом и ты угадаешь себя... и казнишь себя... иногда найдешь себя...” – Бердяеву: “Ничего не выходит. Ничего... ничего... Разве если умрешь... не знаю, воскреснешь ли. Может быть. Но тогда должен отвергнуть всё, до конца отрешиться от всего...Больше ничего не знаю” (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 10об-12об).

То, что Среда 18 января стала одним из наиболее запомнившихся событий этого времени, вышло наверняка случайно. Однако внимательное чтение писем показывает, что каким-то образом, словно невольное, подготовка к ней началась заранее. 16 и 17 января Зиновьева-Аннибал описывала следующим образом: «В понеде<ельник> мы обязательно должны были до вечера вернуться из-за концерта Соврем<енной> музыки, куда нас звали все наши музыканты и художники-меломаны, и обидятся, если не будем (т.е. Вячеслав пойдет, а у меня нога, т.е. нога у меня ничего себе, а вот “Вел<икий> Колокол” захватил; так до его окончания будет *болеть нога: невралгия!!!*). И еще после концерта будет собрание “святош” у Бердяева. Это я называю так сей мало талантливый или выдохшийся талантами кружок Мережко-Бердяев-Булгаково-Волжско-Розановский. Там же будут показаны знаменитости: Петр Струве, Франк и С°. Я их называю “серыми дьяволами серединности”. Это кадеты, социалисты.. Но на земле, как я и сказала Булгакову, может быть только крайнее, только оно *делает*, остальное квасится. <...> 17-го утро. <...> Брюсов должен приехать сегодня. Ждем с утра. <...> Вячеслав> вчера вернулся поздно со страшной скуки. Недаром ему не хотелось ехать. Он в полоне лирич<еских> стихов. Трет<ьего> дня ночью написал три стихотв<орения>. У него готов 3-й сборник. Будем издавать до весны. Мечтаем о нем: “Cor Ardens”» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 19об, 21об-21).

Примечательно в этом письме сразу несколько пунктов, но генетически они могут быть сведены к одному противопоставлению – философия vs поэзия. Если в начале описываемого нами периода философия и поэзия не только в сознании Иванова, но и в программе Сред, как бы стихийно она ни складывалась, существовали параллельно (отсюда и сделанное одним из лейтмотивов работы А.Б. Шишкина воспоминание Пяста: «Вячеслав раздвоился: с Эрном был философ, со мной – поэт»³⁸¹), то в данный момент на первый план решительно выдвигается поэзия. И дело не только в «серединности», т.е. недостаточной радикальности кружка выдающихся мыслителей, но и вообще в стремлении отказаться от философического размышления в пользу практического действия, то есть, в случае Иванова, для поэзии.

Хотя приводимая нами цитата почти в полном объеме хорошо известна (опубликована: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 235), все же для удобства обсуждения ее имеет смысл воспроизвести еще раз. Написано письмо 19 января.

³⁸¹ Пяст В. Встречи. С. 47.

Четверг. 3 ½ дня

Вчера была среда – страда. 40 чел<овек>, кроме нас и Анюты. Спирок прилагаю. Вышло разнообразие невольное. Поговорив группами часов до 11 ½, принялись по предложению В<ячесла>ва за «тему». Поставлена, нако<нец>, прерванная еще тогда полицией тема Религия и Мистика! В<ячесла>в сказал вступление по моему совету, тут же высказанному, о том, насколько ³⁸² эта тема соприкасается непосредственно с конкретными опытами художественными, с литературными и философскими интересами. (Но я плохо слушала, так что не могу точно передать). Потом, увы! стал говорить и *читать* реферат Габрилович, этот «утонченный эстет социал-демократии!» (см. письмо к Витте Мер<ежовско>го). От Адама философии и религии и что-то еще и т.д. Бунт! бунт! Выхожу в переднюю: взбунтовавшиеся художники: Сомов, Добужинский, еще кто-то. «Что это, Л<идия> Д<митриевна>, так нельзя. Нужно живой обмен мнений, а не лекция!» – «Отвратительно. Как же быть?» – «Да прекратить». – «Но – как?» – «Давайте сорвем <нрзб>!». – Выходит Бердяев (Аничков председательствовал фельетонно хлестко и фельетонно элегантно). Я: «Ник<олай> Алекс<андрович>, давайте сменим председателя и референта и водворим вас!» – «Нет, нет, я боюсь!» – «Ну давайте же бунтовать!». – «Пойдем снимать слушателей». Я иду к двери, вызываю шепотом, машу красными рукавами. Выходят один за другим. Передняя наполняется. Выскакивает Вячеслав, бранит нас, но мы непоколебимо бунтуем. Брюсов с нами. Наконец я предлагаю устроить параллельное, но поэтическое заседание. Закрываемся в спальню Вяч<есла>ва, где висит тусклый желтый фонарь и стоит кровать его, покрытая персидской шалью. Сначала мы, женщины – забираемся на кровать, потом я, видя человек 15 бунтарей мужского пола без седалищ, ибо стульев *давно* уже не хватало и вся мебель стульей породы была стащена давно в столовую, – соскочила и села на пол по-турецки. Образовался кружок на полу, и началось заседание. Но все «не так, как у *них*!», без председателя, т.е. Ремизов самозванно сделал себя председателем, но за ним было признано лишь право кричать: «Тише!». Постановлено было, что ни одно слово не допустимо, кроме бунта или ритма! Начали читать поэты. Их было много, и они все прибывали, ибо делегаты от *нас* несколько раз ходили к *ним* «снимать». Читали из больших: Сологуб, Блок, Брюсов и молодые. Тем временем там ораторы мистики и метафизики остались без слушателей и, возразив каждый самому себе, освободили председателя и себя и с восторгом присоединились к нам в наше полусветлое убежище с аркой-окном. Аничков тоже сел на пол... Когда он уходил, я подошла и сказала: «Ну что, Евг<ений> Вас<ильевич>! Не ожидали?» – «Чего?» – «Что сядете на пол...» – «Нет, отчего, это ужасно весело!» Да, было «ужасно» весело и поэтически. Были прочтены поистине хорошие стихи также и младшими. Читал Вяч<есла>в свои совсем новые три мистич<еских> в средневеков<ом> стиле сонета. Потом дурачились, дразнили друг друга, шутили, потом пошли частью в столовую,

³⁸² В оригинале: «поскольку».

где кто-то разыскал в буфете 3 *четвертных* вина (я покупаю Бекетовское вино четвертями, по 35 к. обходится бутылка, и премилое винце), съедали весь ситник и черный хлеб, всю колбасу чайную и ветчину... всю скромную дрянь на столе с восторгом и аппетитом, разливали себе чай из колосса-самовара, присланного мамочкой твоей с денщиком. Мыли стаканы и делали всё, что хотели. Вяч<еслав> говорит, что я спасла вечер своим бунтовством и находчивостью. Габриловича я ругала: «Что же это читать нам лекции? Я и в жизни не умела понять ни одной лекции! Лучше скажите нам стихи!» И он читал эффектные свои, но пустые стихи и был очень доволен. Читала его подруга – сестра Лохвицкой – Теффи. Она была всего один раз при Горьком тогда, и снова вчера, и вдруг, уходя, просит: «Можно вас поцеловать!» и мы нежно обнимаемся. <...>

А сегодня только что получила и уже ответила на письмо Гиппиус, в котором она (по поводу одного грубого (нечаянно) слова со стороны Ремизовой о наших Средах Вячеславу) высказывает свое мнение о не-правильности нашей «соборности», т.е. о том, что наши Среды слишком «доступны публике», и это неверная «тактика» для достижения истинного общения с людьми³⁸³. Я ответила, что я инстинктивна, но не *рационалистична* (sic) и не имею пафоса проповеднического, Среды же не устраивались мною или В<ячеслав>ом, но сами сложились. Люди приходят – значит им нужно. А если им нужно, то и на меня их приход накладывает радостную обязанность давать им то, что им годно, из открытой души и открытого сердца. Ибо я не своя и не одна, но всех и Божья, и т.д. Назвала ее «милая и всё же близкая душа». Я всё-таки ее люблю, как и она меня. Она *лучше* мужа гораздо. Дно ее души хорошее. (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 22об-26об).

Сохранился сделанный Ивановым список посетителей этой среды, расклассифицированный по категориям (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 236), и очень характерно, что начинается он с «молодых поэтов» (Л.И. Андрусон, В.В. Башкин, С.М. Городецкий, В. Пяст, М.А. Кузмин, А.А. Кондратьев, А.С. Рославлев, Д.М. Цензор). Они действительно по большей части молодые, плохо известные хозяевам (поэтому, скажем, фамилия Кузмина пишется с мягким знаком в середине), но уже сразу около имени Городецкого появляется слово «талантлив». Затем следуют композиторы (и тоже с пометой «молодые»), художники, актеры, и только вслед за ними «литераторы и ученые», куда попадают в равной степени Брюсов, Блок, Сологуб, Ремизов – и Бердяев, Аничков, Ивановский, Фило-софов, Эрберг...

И во всех описаниях этой среды, нам известных, на первый план выдвигаются поэты, причем очень часто поэты молодые. Вот дневник Кузмина: «Габрилович читал длиннейший и скучнейший реферат о “религии и мистике”, профессора возражали, а поэты и дамы куда-то исчезали <...> Я несколько скучал, пока меня не вызвал Сомов в другую, “бунтующую” комнату, где за отсутствием стульев все сидели на полу,

³⁸³ Данное письмо неизвестно.

читали стихи, кто-то про липу, очень хорошо. Просили и меня, но мне казалось, что я ничего не помню, и я отказался»³⁸⁴. Вот письмо И.М. Брюсовой к Н.Я. Брюсовой (почтовый штемпель 31.1.06): «“На среде” мы были. Замучу вас до конца и расскажу про среду. Было 44 человек<века> самых разных людей. Некто Габрилович С.Д. читал реферат, опять приплетал к учению социал-дем<ократическому> мистический анарх<изм>. Было скучно, длинно. Люди, затосковав, уходили, убегали в переднюю. Валя <В.Я. Брюсов> очень демонстративно вышел один из первых. Все ушедшие собрались в комнате, где не было стульев, уселись в круг на пол и стали читать стихи³⁸⁵. Круг все более и более увеличивался, а другая комната пустела. Говорили, что читающий сам себе возражал. Было интересно видеть стольких знаменитостей. На следующий день мы были у Сомова. Расскажу, когда увидимся, ведь мы скоро увидимся»³⁸⁶. Описывающий явно ту же (или следующую) Среду В. Пяст также выдвигает на передний план чтение стихов, а особенно успех С.М. Городецкого³⁸⁷. Нет сомнения, что отчасти такая настроенность была спровоцирована визитом Брюсова и тем, что его важнейшей задачей того времени была агитация (особенно «молодых») за участие в обновленных, т.е. снабженных беллетристическим отделом, «Весакх». Сам он описания этой Среды не оставил, но о целях явно свидетельствует письмо следующего дня к С.А. Полякову: «Поиски “молодых” и “новых” идут очень успешно» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 108-109), и далее следует перечисление некоторых из этих потенциальных авторов – Городецкий, Ю.Н. Верховский, Кузмин, Пяст, Н. Хомяков (на Среде не присутствовавший и нам неизвестный).

---

³⁸⁴ Кузмин М. Дневник 1905-1907. СПб., 2000. С. 102. Ср. запись гораздо более позднего времени (видимо, сверенную с ранним дневником): «Кто-то, вроде Эрн и Аничкова, читал доклад. Публика понемногу переходила в соседнюю комнату, где за неимением стульев сидели на полу и читали стихи. Блок чит<ал> “Балаганчик” и “В голубой далекой спальне”, Городецкий про “липу”. Я ничего не помнил и не читал» (Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб., 2007. С. 73). Воспоминания о самом Кузмине во время этого первого посещения им Сред находим в некрологе, написанном А.А. Кондратьевым: «Впервые я увидел Кузмина на одной из многолюдных сред Вячеслава Иванова. Автор “Курантов Любви” носил еще тогда черную поддевку (в которой походил несколько на цыгана) и, несмотря на некоторый шум, произведенный его повестью “Крылья”, держал себя весьма скромно и незаметно. Помню, однажды наш гостеприимный хозяин обратил внимание всех собравшихся на “Александрийские Песни” начинающего писателя, бывшего, впрочем, лет на пять старше меня. До выступления на литературном поприще Михаил Алексеевич занимался музыкой, собиранием старых икон и путешествиями. Вот все, что удалось мне узнать относительно его жизни по окончании той же 8-ой петербургской гимназии, в которой учился и я. Но там мы с ним хотя и встречались, но, находясь в разных классах, знакомы не были, а потому и не помнили друг друга» (Кондратьев Александр. Из литературных воспоминаний: М.А. Кузмин († 3.III.1936 г.) // Наше время. 1936. 12 апреля, № 85 (цитируется по интернет-публикации П.М. Лавринца: http://www.russianresources.lt/archive/Kndr/Kndr_11.html).

³⁸⁵ В черновике: «Было, пожалуй, интересно. Но я убедилась, что ни Лидию, ни Иванову не уважают их гости, хотя приходят к ним люди интересные».

³⁸⁶ РГБ. Ф. 386. Карг. 145. Ед. хр. 34. Л. 34. Ср. также: ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 197.

³⁸⁷ Пяст В. Встречи. С. 69-74.

Был Брюсов и на следующей Среде, 25 января. О ней, правда, мы знаем очень мало, но и то, что знаем, свидетельствует все о той же настроенности на стихи в первую очередь. 28 января Зиновьева-Аннибал писала Замятниной: «Вчера провожали Брюсова. Да, Среда была живая, остался-таки Брюсов к ней. Читались стихи часа три. Были новые и из прежних гостей. Были Добровольские мать и дочь³⁸⁸. Обе очаровательны и в *восторге*, а стихами В<ячесла>ва прямо не нахвалятся. <...> Я ухаживала за “критиком” Аничковым, премилый толстяк, и во второй раз пришел без визита В<ячесла>ва» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 35)³⁸⁹.

Вообще деятельность Брюсова в этот его приезд и отношения с Ивановыми заслуживают специального обсуждения. Мы знаем далеко не все, но и то, что знаем, выглядит чрезвычайно существенным для истории не только «Весов», но и русской литературы вообще. В Петербурге он провел не так много времени (приехал, видимо, 17 января, а уехал 27-го), но за это время успел провести массу переговоров. В цитированном письме к С.А. Полякову он извещал мецената «Весов» и «Скорпиона»: «Я передал 350 р. Вяч. Иванову, который, однако, относительно расценки “Тантала” остался *при особом мнении*, соглашаясь, впрочем, подчиниться воле редакции. Участвовать в “Весях” он, конечно, согласен, будет, и даст для февраля стихи и статью. Подробнее о нем расскажу лично» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 108). Вместо этого личного рассказа Брюсова приведем свидетельство из писем Зиновьевой-Аннибал к Замятниной. 20 января: «Брюсов вчера не был. Будет сегодня вечером. Умоляет В<ячесла>ва писать в “Весы”, где все осталось по-прежнему, т.е. “сам и молодец”. Говорит, что меня напечатал сотрудником на <19>06 г. Буду давать рассказы в беллетрист<ический> отдел». 21 января: «От них <Н.И. Манасиной и П.С. Соловьевой> летели на свиданье к 10 час<ам> в “Сев<ерную> Гост<иницу>” к Брюсову. Пили много вина с сыром в их ресторане и говорили важные вещи теоретически и практически литературные. Напряжение несказанное, потому что с Брюсовым каждое слово взвесить необходимо, иначе клевета или ненависть. Выяснилось, что “Весы” на прежнем положении и Вяч<еслав> так же желанен. Я тоже приглашена как *нужный* сотрудник во все отделение». 22 января: «В Воскр<есенье> была опять лавина. Брюсов пришел в час к В<ячеславу>. Я поила чаем и ветчиной. Разговоры: стихи и политика. Брю<юсов> участвует в “Слове”. Ненавидит *побежденную!* революцию, очень гнусен он, и В<ячеслав> с ним все время на краю разры-

³⁸⁸ М.Э. Добровольская – женщина-врач, услугами которой Ивановы пользовались как в Женеве, так и в Петербурге.

³⁸⁹ На какой-то из этих Сред произошел известный эпизод, описанный К.А. Сюннербергом (ошибочно отнесшим его к концу 1905 г., когда Брюсов в Петербург не приезжал): «В тот же приезд (1905) Брюсов на одной из сред Вячеслава Иванова читал свои стихи и среди них нашумевшее тогда в литературных кругах символистов стихотворение “Приходи путем знакомым” (зов умершей, обращенный к своему любовнику). На обращение кого-то из присутствовавших к Сологубу: “А у Вас, Федор Кузьмич, не найдется ли подобных стихов?” – Сологуб сухо и коротко, но во всеуслышание ответил: “Нет, не имею опыта”» (Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. [СПб., 2004]. С. 207).

ва. Это странная дружба чисто на почве художественной. Брюсов большой *художник*, но не *поэт*, по-моему. <...> Пришел Чулков весь в неисполняющихся проектах. Ушел Брюсов, ушла Инна <Блок>, остался Чулков посоветоваться о стихах перевода своего и тоже ушел. <...> А в 11 выехала к Сологубу. Там слушала его рассказ “Чудо отрока Лина”. Стиль равный Флоберу, глубина и пафос Сологубовские. Красота и сила такого совершенства, что слезы капали, круглые и полные слезы блаженства, радости. Рассказ блистательно оправдал жестокого “Змея-Дракона”, Солнце, распяляющего кровь убийц на убийство и ..... ярким зноем мертвых убитых. Подобного проклятия убийства еще не было и не будет. После него читал Брюсов фантазмагорию без юмора и скудного воображения из будущих времен, где люди бездушные манекены движутся на колесиках, как сам Валерий. Провал. И ожесточен же Брюсов Петербургом». 24 января: «5 час<ов> дня. Только что нежно жала руку Валерию. Кудесник этот человек! Чарует в нем художник и дикая, вольная личность! Но не слишком вольная. *Кунец* связал его вольность. Ну, как бы то ни было. Он приехал на три дня, но останется даже и на эту Среду! Что-то таинственное и, верю, светлое, создает в нем дружбу к Вяч<есла>ву. Вяч<еслав> еще в постели прочитал мне великолепное новое стихотворение “На 1906 год”» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 27, 33об-33, 28-29об).

Но едва ли не самый серьезный инцидент произошел 20 января, и не столько между самим поэтами, сколько между их женами. В начале статьи мы приводили запись из дневника Брюсова о революционаризме в Петербурге: «...мы с Вяч. Ивановым на этой почве почти рассорились»³⁹⁰. Эта «почти ссора» была связана с обстоятельствами, выясняющимися из писем Зиновьевой-Аннибал (беглого) и И.М. Брюсовой (подробного). Начнем с беглого. 21 января Зиновьева-Аннибал сообщила Замятниной: «...пришла Брюсова и стала говорить, что она и прочие “обыватели” Москвы благодарны Дубасову³⁹¹ и что лучше ей слушать пристава, нежели еврея. Я ругалась, а В<ячеслав> сказал, что в своем доме не допустит больше ни одного слова, оправдывающего расстрелы (удалилась в слезах злая бедная дурочка)» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 31 об и 33). В цитированном нами по другим поводам письме к Н.Я. Брюсовой от 28 января (отослано 31-го) содержится другой вариант истории (сохранился и черновик письма; в случаях, когда в нем содержатся существенные дополнения, мы их приводим в примечаниях).

Как ни грустно, а в Петербурге я поссорилась с Ивановыми. Повод – мои черносотенные убеждения³⁹², но уже когда я приехала, то заметила странное обращение Лидии со мной. Нелепое восклицание, как только я вошла: «Как, и вы приехали, мы вас не ждали, мы вас не ждали», и раз-

³⁹⁰ РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16/2. Л. 3.

³⁹¹ Федор Васильевич Дубасов (1845-1912), московский генерал-губернатор в 1905-1906 гг.

³⁹² В черновике: «...мои будто бы черносотенные убеждения, это вздор».

очарование в голосе ³⁹³. Когда я стала о чем-то говорить с Лидией (Вал<ерий>, Чулк<ов> и Ив<анов> были в соседней комнате), вместо ответа она попросила переждать говорить, а то в другой комнате очень интересно беседуют, она хочет слушать ³⁹⁴. Я удивилась ее нелюбезности и пошла в другую комнату к беседующим. Чулков и Вяч<еслав> разъясняли Вале, что такое мистический анархизм ³⁹⁵. Это такая *idée fixe*, индого, по их понятию в мире нет выхода. На этом м<истическом> ан<архизме> построено <так!> целый ряд «Факелов» – журнал, театр, издательство. Но «Факелы» не загорятся – нет денег. Валя им, факельщикам, не очень сочувствует, а они не находят у В<али> «неприятия мира» и повиновения им. Понятно, что В<аля> не будет в школе ни Чулкова ни даже Вяч<еслава>. И так, прослушав идеи «Факелов», мы стали уходить. Нас пригласили на среду. Вы, наверное, слышали – у них собираются разные люди. Я почему-то спросила о Мте Блок, Лидия заявила, что она у них не бывает, что вообще она причисляет ее к категории злюк, к которой причисляет еще вас, Зиночку и меня, после этого я решила, что г-жа Блок – хороший человек. <...>

Утром в пятницу я была одна у Ивановых. Заранее было условлено, что я могу приходить в день и час, когда захочу, но только что я открыла дверь, Лидия оглушила меня возгласом: «Так и знала, что сегодня целый день к нам будут приходить, это так всегда, стоит одному явиться» (у ней сидела невестка). Я поспешила заявить, что сейчас же уйду, что я, мол, только их пригласить пришла к нам. Невестка тоже, сказав два-три слова, стала уходить. Наблюдения г-жи Ивановой оказались верными, т.к. пришел Мейерхольд с юным актером.

Иванов еще только вставал.

Еще при невестке Лидия говорила о Дубасове всякие ужасы, о звзрях-солдатах, я ей что-то возражала. Ничего ужасного я не говорила, а так, обычные слова, вроде что бы стали говорить революционеры про зверей-солдат, если бы они к ним присоединились и т.д. Когда ушла невестка, Иванов, проводив ее, накинулся на меня, что он не позволит, чтоб в его доме защищали убийц, так же, как и Валерий не позволяет, чтобы в его доме осуждали Толстого. Конечно, это была давно затаенная месть. Когда-то действительно Вал<я> такие слова говорил Лидии. Но,

³⁹³ В черновике: «Не хотите ли *холодного* чая».

³⁹⁴ В черновике: «пождать говорить: “Погодите, голубчик, они там о чем-то очень интересно рассуждают”».

³⁹⁵ В черновике: «...на котором они помешались. Этот мист<ический> анарх<изм> я бы объяснила так: [они хотят быть вместе с революционерами, но сознают, что нашли совсем] Чулков взял Мережковского и Вяч. Иванова, смешал их произведения и прибавил “освободительного движения”, а Вяч<еслав> стал сочувство<вать> этой смеси и разработал в подробностях как что. Валю как-то они не очень принимают, потому что [они хотят создать свою школу] и, кроме того, нужно, во-первых, “неприятие мира”, а во-вторых нужно сделать их учеником, так как они хотят создать свою школу. Явно, что Валя не будет в их школе, к тому же ни у Чулкова ни даже Иванова. Но у них нет денег для осуществления *Факелов*. Просили они у Горького, он обещал, но не дал. [Если бы у них были деньги, то они издали бы журнал и альманах “Факелы” и основали бы театр “Факелы” с Меерхольдом <так!> во главе]».

видит Бог, я не виновата, что Валя может наговорить грубостей. Я была поражена, стала ругаться, напр<имер>, я сказала, что я бы не говорила этих слов в доме какого-нибудь присяжного повер<енного>, инженера или доктора, п<о>т<ому> что знала бы, что они будут встречены так, как он их встретил, но все-таки я не сумела говорить, слезы выступили на глаза, и я ушла.

Ив<анов>, проводив меня вниз, уговаривал не обижаться, но я все-таки рассердилась очень. Пришла домой. Вале ничего не сказала и боялась, он бы их заел. В этот вечер я с ними не разговаривала почти совсем. В воскресенье они (у Сологуба) сторонились меня. Тут Валя уже знал о моей ссоре. Он говорил удивительно противоречивые вещи. Иванов только слегка защищался. Лидия очень глупо осуждала Валин рассказ, который он прочел вслух <...> Смотрю, в письме все о Петербурге, а теперь я уже забыла о нем. С Ивановыми несколько помирились, т. е. есть они были очень милы, я к ним еще раз съездила на «среду» и уехали мы, но Валя теперь их будет преследовать.

Вчера Броня передавала Вал<ин> разговор с С<ергеем> Ал<ександровичем> Поляковым>: «Иванов и Лидия Дм<итриевна> очень согласны сотрудничать, но, я думаю, их надо держать в черном теле»³⁹⁶.

Видимо, эта размолвка сказала в том, что Иванов, отдав небольшую дань «Весам» (всего в 1906 году он опубликовал там цикл стихов «Северное солнце», явно нежеланную Брюсову полемическую статью «О “факельщиках” и о других именах собирательных» и две рецензии – на книги стихов Н. Пояркова и И. фон Гюнтера), все больше и больше стал ориентироваться на «Золотое руно». Несомненно, несколько позже на это наложились еще и то обстоятельство, что «Весы» отказались называть в списках сотрудников имя Зиновьевой-Аннибал. Еще 27 января она писала Замятниной: «Нужно для “Весов” написать на днях повесть, нужно избавиться на днях от обязанности перед “Тропинкой” и от пристающих по поводу этого рассказа “Глухая Даша” – мыслей. <...> В Среду утром начала, но больше не писала до вчерашнего, потому что Вяч<еслав> составлял со мною 2 цикла стихов для “Вес<ов>” и “Руна”» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 34 об, 36). Но с этого времени упоминания о Брюсовском журнале из писем практически пропадают, и все надежды возлагаются на «Золотое руно». Еще 10 января С.А. Соколов написал Иванову письмо:

Глубокоуважаемый

Вячеслав Иванович!

“Руно” усиленно работает над выпуском I №, который выйдет в пределах января, в последних его днях. Одновременно формируются и последующие №№. Мы очень надеемся, что Вы не откажетесь дать “Ру-

³⁹⁶ РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 34. Л. 33-35об. Черновик находится в той же единице хранения на л. 51-52. Фрагмент об Л.Д. Блок опубликован: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 236. Броня – Бронислава Матвеевна Рунт (1885-1983), сестра И.М., в 1905-1906 гг. активно помогавшая в редактировании «Весов».

ну» статью и несколько Ваших стихотворений (не политического оттенка).

По поводу желательных размеров статей у нас еще не выяснилось твердой точки зрения, т.к. взаимное соотношение отделов (в смысле количественном) определится точнее лишь когда весь № будет сверстан.

Пока же приходится руководиться общими соображениями о тех 200 страницах (коих половина — французский текст), в пределах которых пока установился объем журнала.

Прошу принять мои приветствия по поводу Нового Года и выражения твердой надежды видеть Ваше имя на страницах «Золотого Руна».

Преданный Вам совершенно

Сергей Соколов (Карт. 34. Ед. хр. 54. Л. 2).

Но еще до реального начала участия журнал стал оказывать ему homage'и разного рода. Так, 1 февраля Зиновьева-Аннибал написала своей confidentке: «Не успела описать, как и с чем вернулся Вяч<еслав> от Сюннерберга в ночь на Воскр<есенье>. Ему показали статью Венгерова, кот<орую> он списал вам: сохрани ее для нас. К нему подошел Сомов и сказал: “Я прошу вашего разрешения написать ваше прекрасное лице! <так!» Это ему поручил Рябушинск<ий> для “Руна”. Нужно сказать, что Сомов однажды говорил: “Странно, но обыкновенно те лица, которые я нахожу красивыми, люди за таковые не признают!” Во всяком случае, он говорил, что очень счастлив будет работать над Вяч<еслав>ом, но что предупреждает, что будет его мучить долго, ибо таков его обычай» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 41 и об). И чуть позже в том же письме, как добавление: «Была получена телегр<амма>, что в “Зол<отом> Руне” пьют здоровье петерб<ургских> сотрудников по поводу выхода 1-й книжки» (Там же. Л. 42). О содержании этой телеграммы мы узнаем из письма Л.С. Бакста к К.А. Сомову:

1 февраля 1906

Дорогой Костя,

Вчера ночью получил такую депешу: «Празднуй выход первого номера “Золотого Руна”, пьем здоровье ваше, Сомова, Лансере, Добужинского – Н. Рябушинский, Тароватый, Гриф».

Ты не рассердишься на меня, что я позволил себе, не спрашивая предварительно тебя (ввиду сокращения времени) послать ответную депешу такую:

«Приветствуем выход “Золотого Руна” да здравствует искусство. Сомов, Лансере, Добужинский, Бакст». <...>³⁹⁷

Неудивительно, что уже 2 февраля Зиновьева-Аннибал сообщала Замятниной: «С утра, т.е. с часу пришел вдруг парижский знакомый журналист и писатель, еврей Поляков. Интересный сионист Моисеевского типа. Ушел. Готова ванна Вячеславу, но он бегаёт по комнате, отдавшись мыслям о двух статьях для “Руна”...» (Карт. 23. Ед. хр. 7. Л.

³⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4.

44 об). И тут же, в том же письме: «Еще последняя приписка, через силу, но чтобы закончить: Вяч<еслав> уже в ванне, а на столе планы обеих статей в “Руно”» (Там же. Л. 45 об).

Вообще это письмо весьма содержательно. Оно писалось с 31 января по 2 февраля, и по ходу Замятина успела сообщить несколько колоритных эпизодов. Так, 31-м датируется рассказ о предшествующих днях (видимо, 29 и 30 января): «Вяч<еслав> и Берд<яев> до полного моего головокружения говорили о свободе Воли, реализме и идеализме Богосканий, Логосе и т.п., но у них жесткие мозги и сильные желудки, пищеварение совершалось *quand tême*. Потом В<ячеслав>в поташил-таки меня на Остров к Сологубу. Замаялась: слушала плохую аллегория, наряженную в стильный, блестящий наряд. Были и Мер<ежковск>ие, и еще куча народа. Какой-то порожительный <?> поэт из кружка Случевского Уманов-Каплуновский бегал с альбомчиком, зачатым в ночь на 9 Янв<аря> 05 года, и ко всем писателям приставал вписать ему что-либо на общественную тэму. Все писали. Но я сделала бунтовскую грубость и отвязалась. <...> Вчера В<ячеслав> поехал на Остров к Аничкову и Гревсу, а я была у старухи Корф, а потом у Гиппиус. От 5 до 8 сидела с нею и отчасти Дм<итрием> Серг<еевичем>. Оставили обедать. Гиппиус оказывается единственной женщиной, с которой можно разговаривать с пользой и наслаждением. Сдружились. (Там же. Л. 39об – 40 об). 1 февраля вновь возникает казалась бы пропавшая тема «Факелов»: «“Факелов” окончательно не будет в этом году. Театр будет, может быть, и грандиозный (Дягилев загорелся его внешней, архитектурно-художественной стороной и хочет *строить*), но с февраля <19>07 года» (Там же. Л. 41об).

А в конце письма разорванная на несколько порций информация о Среде 1 февраля (записано на следующий день после нее):

...припишу Среду. Вечер был опять с новыми. Да еще многие не пришли из тех, кто собирался: Гревсы, Аничков, Гуревич Л.Я., «Тропинка»³⁹⁸, Венгеровы, Мережк<овские> и т.д. Очень вышло оживленно. Вечер распался на две половины: литературную и философск<ую> 1) Читался мой «Бред» Вячеславом (ставилось на голосование, читать ли прозу в 200 строк без имени автора) мастерски, вы удивились бы! Как истинный актер, вжившийся в роль! Посылаю вещь вам: пусть Сережа разучит и прочтает! Впечатление «ошеломляющее»: долгое молчание, потом слова; но не умею их передать. Ничего важного, в сущности. «Сила», «Музыка», «Лирика», «Не может быть, чтобы не писали стихи!», «Ново, так ново, что ошеломило» и т.д. Но вот что важно: возмущение еще глухое, но уже яростное революционером: «*Не может ваш герой испытывать психологию революционера и усмирителя*». Из таких неожиданных из нескольких углов нападков я вдруг поняла свою вещь, и... свою душу. Я *анархистка* последней глубины, но нет для революционера худшего и опаснейшего врага, как истинный анархист! О, как я люблю свой «Бред», это великое, гениальное произведение, в нем весь мир и

³⁹⁸ Имеются в виду Н.И. Манасеева и П.С. Соловьева.

весь приговор его. О, какое счастье, какое острое, молниеносное счастье так вдруг постигнуть все, все, все... дойти... не до *последней* ли своей мудрости? <...>

После «Бреда» читали поэты стихи, каждый по два. Председателем был Соколов, Факельщик. И..., представь себе, читала Оля Беляевская прелестные стихотворения «Новогодняя ночь» с «убрусками парчевыми». Что с нею? Она приходит к нам, сидит с людьми, вся в порыве творческом. Даже могла описать могилу Насти (мне одной прочитала эти стихи) и свою скорбь у креста могильного³⁹⁹. <...> Стихотворение Вячеслава «Солнце» (новое) произвело восторг и побило всех поэтов. Если бы ты знала, до чего он теперь стал прекрасно и кристально писать. «Сог Ardens» будет чудо и ближе к моим «Кормчим» Звездам». <...>

А Среда наша закончилась очень интересным и строгим собеседованием на тему... Федор Сологуб! Это остроумно предложил и еще остро и хитроумно ввел Вячеслав, так оборудовав ее, что вышла под этим живым соусом тема Мистика и Религия. Говорилось горячо и очень глубоко. Умы и сердца зияют и горят. Когда кончили, я подошла к председателю Бердяеву и написала на его листе крупно: Мистика есть воление Невозможного. Эта формула была принята собранием. Потом радостные, ласковые и богатые друг от друга все разошлись в 3 часа (Там же. Л. 41об – 45 об).

В. Пяст вспоминал по этому поводу: «Из литературных тем помню предложенную Вячеславом Ивановым беседу «О Федоре Сологубе». Последний, помню, присутствовавший при выборе темы, протестовал, – а в знак протеста и совсем покинул собрание»⁴⁰⁰.

Не исключено, что именно к этому вечеру относится список присутствовавших, карандашом сделанный Ивановым (Там же. Л. 46).

Бердяев
Блок
Сологуб
Габрилович
Байков (проф. Политехникума, юрист <1 нрзб>)
Ю. Верховский (поэт)
Нувель
Гернгросс (поэт)
Ремизов
Ремизова
Рославлев (поэт)
Пащенко (художник)
Годин (поэт)
Макс Ли (балетристка)
Чулкова
Крандиевская (поэтесса)

³⁹⁹ Речь идет о могиле дочери, умершей очень рано.

⁴⁰⁰ Пяст В. Встречи. С. 51.

О.А. Беляевская (бел<летристка> и поэтесса ⁴⁰¹)
 Мирэ (беллетристка)
 Сюннерберг
 Смирнов (филолог)
 Ковальский (беллетрист)
 Борис Зайцев (беллетрист)
 Тэффи (поэтесса)
 Давыденко (художник)
 Мальфетано (скульптор)
 Городецкий (поэт)
 Чапугин <так!> (беллетрист ⁴⁰²)
 Гордин (Наша Жизнь)
 Кондратьев (поэт)
 Андрусон (поэт)
 Соколов (юрист)
 Орлова (учительн<ица>) ⁴⁰³

33.

Прокомментируем некоторые имена. Впервые здесь появляются ставшие впоследствии заведомыми Сред Вальтер Федорович Нувель (1871-1949) – чиновник особых поручений канцелярии Министерства императорского двора, более известный как человек, одушевлявший многие культурные предприятия и друживший едва ли не со всем Петербургом, а также писательница Александра Михайловна Моисеева (1874-1913), пользовавшаяся псевдонимом Мирэ (более подробно Зиновьева-Аннибал пишет о ней в далее печатаемых письмах). Наталья Васильевна Крандиевская (1888-1963) – начинающая поэтесса, впоследствии жена А.Н. Толстого; Александр Александрович Смирнов (1883-1962) – сотрудник журнала «Новый путь», в дальнейшем видный филолог ⁴⁰⁴; Алексей Павлович Чапыгин (1870-1937) – в будущем известный советский прозаик. Байков – возможно, Александр Александрович (1870-1946), известный ученый, но не юрист, а химик и металлург, с 1903 профессор Петербургского Политехнического института.

Богатой на события оказалась масленичная неделя. В недатированном, но явно написанном 7 февраля письме Зиновьева-Аннибал начала ее описание так:

Сейчас должна на блины к Ремизовым (приходила сама умолять), оттуда в универ<итет> в фил<ософское> общество на реферат Мережк<овского> «Достоевский и Революция» ⁴⁰⁵.

⁴⁰¹ Вписано чернилами рукой Зиновьевой-Аннибал.

⁴⁰² Сверху чернилами рукой Зиновьевой-Аннибал: рабочий-слесарь.

⁴⁰³ Вписано рукой Зиновьевой-Аннибал.

⁴⁰⁴ Судя по всему, его имя оказалось в списке по ошибке: из его писем к С. Делоне ясно, что с начала декабря 1905 до января 1907 г. он находился во Франции (мы пользовались текстом писем, приготовленным к печати Дж. Малмстадом и Ж.-К. Маркадэ).

⁴⁰⁵ Речь идет о лекции Д.С. Мережковского под приспособленным для цензуры названием

Вчера был у нас кружок т<ак> наз<ываемых> «маленьких реалистов» с их лидером Арцыбашевым, был Луначарский, Муринов, должен был быть Вейнберг, было целая кучи <так!> молодежи писательской. Человек 28! И я одна пошла и ставила (с помощью Арцыбашева) твоей мамы самовар, увидев его в кухне, Арцыб<ашев> воскликнул: «С таким самоваром вам нужно открывать трактир!» Читал повесть «Кровавое пятно» Арцыб<ашев>. Это лучшая его вещь. Много «силы видения и благородный поступок», как сказал Вяч<еслав>, открывая «обсуждения». Обсуждения затянулись до 4-х часов! Очень уж тема потрясающая: расстрелы в Москве. Ораторствовали много два адвоката: Луначарский и Волькенштейн. 1-й требовал больше подъема на завоевание бессмертного будущего спасенного человечества. Говорил Ивановский очень дельно и живо говорил <так!> о том, что революцию сделал «резонанс», а не вожаки и не со..... деятели», всякие были всякими выставляемы требования, но в конце концов я сделала таки «бунт» (уж смешно, как все меня знают и «раек» всегда «вопреки Олимпу» со мною). Я сказала несколько слов о том, что все мы «бродим вокруг» (на что Вяч<еслав> с председат<ельского> места мне заявил, что это не парламентское и обидное определение, но я не уныла и продолжала), потому что не хотим ремесленно отнестись к рассказу, мы мало <нрзб> и потому мало культурны. Если бы мы разобрали по существу дела, то увидели, что упреки и похвалы (рассказу) относятся не к содержанию, а к его неправильному построению, где не всегда соблюдена перспектива, и если бы Арц<ыбашев> усовершенствовал форму, мы не спорили и толклись бы, как это случилось!». Раек (я лидер Райка) и Муринов очень поддерживали меня. С Луначарским и Арцыб<ашевы>м дружески объяснялась частным образом после. Но бунтовала порядочно в смысле срывания ораторов, т<ак> что Вяч<еслав> после отчаян<ных> и бесплодных звонков однажды сорвался с места председат<ельского> и перебежал всю комнату «усмирять» меня. «Что, досталось?» – спрашивал раек. Ушла в кухню, потом перебежала в другие двери скандалить. Вячеслав закончил собрание словами о Луначарском. Наш критик желает быть пророком, но хуже, что он требует, чтобы и художник был пророком. Арцыб<ашев> же только художн<ик>-историк (Карт 23. Ед. хр. 16. Л. 40б – 50б).

8 февраля состоялась очередная Среда, о которой Зиновьева-Аннибал писала 11-го числа:

Среда была небольшая благодаря игре литераторов на сцене Яворской – «Плодов Просвещения»⁴⁰⁶. Но было уютно. Читались стихи. Изу-

---

«О литературно-общественных идеях Достоевского», основанной на его большой работе «Пророк русской революции». Она состоялась 7 февраля в здании университета на закрытом заседании петербургского философского общества (см. подробнее: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. С. 241 [комм. В.Н. Быстрова]).

⁴⁰⁶ Имеется в виду спектакль в Новом театре «при благосклонном участии Ю.Л. Безродной, барон. Е.А. Била, З.А. Венгеровой, М.К. Куприной, Е.М. Манасеиной, П.С. Соловьевой (Allegro), В.Г. Чириковой, А.А. Черевковой, О.А. Химона, З.Ю. Яковлевой, Л.Б. Яворской, гг. Е.В. Аничкова, К.И. Арабажина, кн. В.В. Барятинского, К.С. Баранцевича, О.И.

мительный, с ног сшибающий талант Городецкого. Пьяный поэт, пьяных слов, пьяных образов, вакхически, хаотически закруживающий вихрь в нервах слушателей... В<ячесла>в прочитал несколько стихов, и одно с безумными, бьющими по сердцу рифмами ⁴⁰⁷. Пришло. Большой эффект <так!> был. Читали еще молодые: Верховский, Фридман <так!> ⁴⁰⁸, Пяст. Противный Чулков удрал, а были два красивых стихотворения. Потом предложили и исполнили тему «О ритме», председ<атель> Бердяев. Был композитор с Вечеров Современной музыки: Коротыгин <так!>. Беседа была глубоко интересная. Городецк<ий> говорил о теории Бюхера и Зеллинского научно, о том, что ритм присущ человеку не только в искусстве, но и в обыкновенной речи и индивидуален. В<ячесла>в – о том, что ритм двоеначален, Аполлон и Дионис, и «очищает» от хаоса... Я протестовала, заявив, что ритм не *сливает* своих двух начал и может губить и разъединять строй, так же, как извлекать лики из хаоса... (Там же. Л. 9 и об).

И в тот же день, потом перескочив в следующий, она ведет рассказ о бурной жизни последних дней масленицы (к этому можно добавить, что 10 февраля Ивановы были на дне рождения или именинах у матери Замятниной ⁴⁰⁹).

11 час. утра. 11-ого Февр<аля>

Вчера обедали у Жуковского с снеговерхими главами Кадетской партии: Струве, Франком, Борман и К°. Жук<овский> передал Вяч<еславу>, что Ростовцев просит свидания с В<ячеслав>ом и очень озабочен ненапечанием Публиканов ⁴¹⁰. Струве и Франк очень просили о статье для «Поляр<ной> Звезды». Кроме того, Жук<овск>ий устроил даровое печатание двух книг: «Религия Стр<адающего> Бога» и сборника напечатанных статей Вячеслава. Придется наладить дело лично. Просили стихов и слушали с «вниманием и уважением», и вообще отношение самое почтительное к В<ячесла>ву. <...>

Воскр<есенье> 12 Февр<аля>

Прервал письмо Чулков с прозками, сметами и выкладками «Факелов». Повесть Андреева даст деньги на издание, хотя сама стоит ог-

Дымова, В.Е. Ермилова, А.М. <так!> Куприна, Л.В. Македонова, В.А. Тихонова, Н.И. Фалеева, Ф.Ф. Фидлера, Ф.Н. Фальковского, В.В. Чехова, Е.Н. Чирикова, А.М. Хирьякова» (Новое время. 1903. 8 (21) февраля, № 10742). Отчет Н. Носкова см.: Биржевые ведомости. 1906. 9 (22) февраля, № 9187. Веч. вып.

⁴⁰⁷ А.Б. Шишкин убедительно показал, что это знаменитое стихотворение, впоследствии названное «Мэнада» (Русские пиры. С. 349-350). Там же замечания Иванова о прошедшей Среде.

⁴⁰⁸ Судя по всему, имеется в виду поэт круга «Нового пути» Дмитрий Наумович Фридберг (1883-1961).

⁴⁰⁹ Карт. 20. Ед. хр. 42. Л. 8 об.

⁴¹⁰ Речь идет о диссертации Иванова на латинском языке, опубликованной лишь в 1910 году.

ромного гонора! Выходит без сомнения и «Прометей», и рвут оба мой «Бред»⁴¹¹. <...>

Кружится голова: 4 издания: 1) «Сог Ardens», к осени заготовлять, и тотчас 2) и 3) «Рел<игия> Диониса» и Дионисические его статьи, 4) Публиканы. Потом новые заказанные по теме статьи в *пять* изданий срочно, и драма «Прометей» дописать и издать осенью в «Скорпионе».

Воскресенье был ужасным днем <так!>. Были у Розанова, кот<орый> пленил нас ласкою и проникновенностью.

Мы с В<ячеслав>ом за последнее время нелепо, но сильно ссоримся из-за государственности, целостности России, славянском союзе и тому подобных святынях «национальных поэтов» вроде Пушкиных, Тютчевых, Никольских (!)⁴¹² и Ивановых.... А Розанов говорил, что у нас всегда медов<ый> месяц, что мы страшно похожи друг на друга и душою можем даже разойтись, мирил нас, благословил и заставил на лестнице поцеловаться, предварительно заявив, что ему смертельная охота поцеловать меня, но делает он это только через 1 ½ или 2 недели (срок выздоровления его жены! это старичок из деликатности душевной). Только уж руку поцеловал! Смех, и трогательно. Уехали в 11 ¾ к Сологубу. Тот читал конец «Мелкого Беса» (слабо и неважно, т.е. не насыщенный хлеб) – до 4-х утра. А после 4-х, до 5 ½ объяснение с В<ячеслав>ом, очень бурное и, увы, в результате которого Сологуб явился мне таким беднячком, бьющимся о свои грани и о свое ненапитанное тщеславие зверьком. Все-таки всеми правдами и неправдами помирила их. А вышло все из-за чертей сплетень и наускиваний, чертей, так обильно обитающих в литерат<урном> болоте. Только В<ячесла>в до сих пор не принял еще к этому болотному душку и разгуливает невинным оборомтом. Хотел В<ячесла>в сделать «доброе» Сологубу, а тот «увидел» себе обиду и оскорбление. Смешно и глупо. Ну, пока еще все устроилось, но, увы, мы оба потеряли истинное уважение к нему и к тому же убедились, что обманывали себя наивно в его чувствах якобы дружбы и любви к нам (Карт. 23. Ед. хр. 16. Л. 8, 13об-14об).

Начавшийся великий пост занятий и заседаний отнюдь не прекратил. Более сорока человек собралось на Среду 15 февраля. Список их опубликован⁴¹³, там же А.Б. Шишкин напечатал и фрагмент письма Зи-

⁴¹¹ В первом альманахе «Факелы» была напечатана повесть Л. Андреева «Так было» и рассказы Зиновьевой-Аннибал «Медвежата», «Помогите вы: Бред красным карандашом», «Пасха» (под общим заглавием «Нет»). Трагедия Иванова «Прометей» была закончена много позднее (опубликована: Русская мысль. 1915. № 1).

⁴¹² Борис Владимирович Никольский (1870-1919), поэт, юрист, историк литературы, переводчик с древних языков. Был крайне правым общественным деятелем.

⁴¹³ Русские пиры. С. 328-329. Из соображения точности добавим, что фамилия Игоря Грабаря подчеркнута дважды, фамилия Эглит (в современной транскрипции Эглитс) передана неверно, фамилия Д. Цензора пропущена, а название пьесы С. Найденова (его фамилия также подчеркнута дважды) у Иванова записана более верно, чем передает его публикатор: не «Ванюшины дети», а «Ванюшина дети» (в оригинале – «Дети Ванюшина»). О связи В. Эглитса с русским модернизмом и Ивановым см.: Sproge Ludmila, Vavere Vera. Latviesu modernisma aizsakumi un krievu literaturas "sudraba laikmets". Riga, 2002 (по указа-

новьевой-Аннибал от 17 февраля, относящийся к Среде. Однако у нас, кажется, есть возможность уточнить некоторые чтения и прочитать оказавшееся неразборчивым для предыдущего комментатора, почему имеет смысл привести эту запись в целостности, тем более, что она и действительно отражает глубокий интерес к проблеме, выдвинутой революционными событиями на передний план.

...Среда вышла колоссальная: 41 чел<овек>, причем многие не пришли из собиравшихся быть. Тема была: Социализм и Искусство на канве лекции в [Рел<игиозном> Общ<естве>] где-то... Аничкова. Он поставлял тезисы и они обсуждались. Ему не позволили повторить лекцию подряд, так как все боялись соскучиться *лекцией* (у нас на Средах мало ewiger Studenten ⁴¹⁴! Вот в чем горе, Мару!). Но вышло, пожалуй, хуже. Плохо довольно, ибо Аничков не сумел ясно формулировать и путанно шли прения. Раек бунтовал. Я поставила предложение: «Не живее ли и не геньальнее ли подойдем к теме, если начнем с *последнего* тезиса, кстати, он тогда окажется парадоксом и будет веселее!» Это было дерзко и не принято Олимпом, но послужило громоотводом на время для страстей райка, и все же поторопило угрозой философ<ов?>. Аничков было рассердился, но я ему потом «приватно» напомнила «Le Prométhée mal enchainé» ⁴¹⁵, и как он читал лекцию при помощи fusées ⁴¹⁶ и photographies неприличных! и сказала я Аничкову: «Радуйтесь, что до второго не дошло, а первое я пустила, чтобы удержать для вас внимание публики!» После прений, во время которых В<ячеслав>у не удалось, т.к. очень торопили председателя бунтовавшие, произнести своих слов, (отчего все и вышло как-то сбивчивее и тусклее обыкновенного) вотирировалось чтение стихов. Вызвал опять одобрение, смешанное с изумлением на странную новизну мелодии (именно больше новизны мелодии, *по-моему*, нежели ритма) Городецкий, и безусловный восторг В<ячесла>в одним еще в Москве написанным стихотворением «Неотлучное». Мережк<овский> принес свою новую книгу «Грядущий Хам» с дружеской (нахальной, *по-моему*) надписью, но в книге оказались полемические красоты непорядочного свойства, направленные на В<ячесла>ва (подлые клеветы притворщика и негодяя Мережк<овско>ого, по-моему). Оба они коварные предатели, и это последнее и окончательное мое мнение, плюс еще, что Гиппиус – циничная девка).

В общем, все-таки сошло пышно и затронуло не одну глубокую струну. Много уже, заметь, новых посетителей и молодежи (Карт. 23. Ед. хр. 16. Л. 19-20).

телю; в приложении – его переводы Иванова на латышский); Котрелев Н.В. Ю. Балтрушайтис и В. Эглитс: Два типа связи с имперской культурой // Научные чтения. 1. 30 мая 1998 г. К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии. Доклады. М., 1999. С. 14-33.

⁴¹⁴ Вечных студентов (нем.).

⁴¹⁵ «Плохо прикованного Прометей» (фр.).

⁴¹⁶ Ракет (фр.).

Отметим здесь упоминание о «Грядущем Хаме» Д.С. Мережковского. 20 февраля Зиновьева-Аннибал написала Замятчиной: «Сидим за твоим самоваром. Вячеслав> перелистывает газету. Оба проснулись в пять часов и оба от навязчивых образов не могли заснуть. Вячеслав> написал прелестные стишки еще о бессоннице и письмо негодяю Мережковскому, нелепо ласковое и великодушно» (Там же. Л. 22). Этого «ласкового и великодушного» письма мы не знаем, но сохранился черновик, выдержанный совсем в иной тональности: «С горестным изучением и сердечною болью прочел я на стр. – Вашей книги [слова], относящиеся ко мне. Несколько дней уже не знаю, как преодолеть душевную смуту, и оттого пишу эти строки. Как? предо мною очевидная наличность преднамеренного и коварного оклеветания, очернения, дискредитирования? <...> Как могли Вы впасть в такое искушение, написать эти недостойные Вас строки? И окончательно обличая преднамеренность Вашего лжесвидетельства, подкреплять его (– невероятнo! –) фальшивою несущест<вующею> цитатою из моих статей...» И хотя завершилось все это формулой: «Я не не могу, как всегда, не почитать и не любить Вас во всей полноте этих слов. Ваш весь <?> сердцем В.И.»⁴¹⁷, все же очевидно, что Иванов был глубоко обижен и раздосадован статьей (непонятно почему не прочитанной в первой публикации самого конца 1905 года). Недаром он отвечал Мережковскому и печатно⁴¹⁸, и устно на следующей среде.

О насыщенной жизни Ивановых на второй неделе поста Зиновьева-Аннибал писала так (для удобства мы соединяем письма от 20-23 и 25 февраля⁴¹⁹):

Описание Понедельника <20 февраля>: дивный концерт на «Вечерах совр<еменной> музыки» – Reger-Abend⁴²⁰. <...> Но горе в том, что перед концертом приходил Габрилович (он же друг и тайный почему-то муж незаконный сестры Лохвицкой, поэтессы Тэффи, которая нам очень симпатична) и умолял нас быть у него хотя бы после концерта. Он же давно замышлял этот вечер. Пришлось быть. Было мило. Но отравляло злое лице несчастного Сологуба. Боюсь прямо, что он не совсем нормален. Хотя и обещал быть у нас и как будто на словах ласков, но ежесекундно вламывается в нелепые обиды. Габрил<ович> дал нам № газеты театральной «Театр и искусство» <...>⁴²¹

⁴¹⁷ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 161-162 / Публ. Г.В. Обатнина.

⁴¹⁸ Иванов Вячеслав. О «факельщиках» и других именах собирательных: По поводу статьи Аврелия // Весы. 1906. № 6. С. 53.

⁴¹⁹ Как и в предыдущем случае, печатаем текст, уже использованный А.Б. Шишкиным (Русские пиры. С. 332-334), с исправлениями и прочтениями неразобранных им мест, а также с опущенными им строками об Андрее Белом.

⁴²⁰ Подробное описание этого вечера см.: В. К[аратыгин]. Вечера современной музыки // Весы. 1906. № 3-4. С. 73-74.

⁴²¹ Мы не приводим размышлений Зиновьевой-Аннибал о статье Габриловича. См. их с исчерпывающим комментарием: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 238.

Было 45 кроме нас, легли в 5 $\frac{3}{4}$ <...>

Среда пришла несколько путанно, но очень оживленно. Темою был поставлен Берд<яев>ым (председ<атель>) «О Черте», и прошло на вотировке. Сначала как-то шутили. Поднялся <?> вечный шут Ремизов и вышел, чтобы демонстрировать себя как экземпляр в руках Черта. Наладил серьезно В<ячесла>в, и довольно злобно поставил в центр книгу «Гряд<ущий> Хам» (писала ли тебе, что там прямо клевета сознательная на В<ячесла>ва, «выше подымайте ваши дифирамбические ноги» – якобы выписка из «Рел<игии> Стр<адающего> Бога»). Вышло как-то, что не черт ли Мереж<ковский>

Он старался верно поставить тему: или говорить о Черте исторически или мистически (тогда черт, идущий от Дост<оевского>, объясненный Мер<ежковск>им как Черт серединности, кот<от>ого В<ячесла>в отрицал, противопоставляется его глубинам сатанинским, вопреки Мер<ежковск>ому, выводящему Антихриста, он же «Грядущий Хам», из черта мещанства и плоскости).

Очень закругленно и интересно сказал Габрил<ович>, выведя черта из Индии. «Мара злой, заткавший покрывало Майи», и свел черта к нашему «главному врагу – Мелкому Бесу». Еще В<ячесла>в говорил, что в его глазах черт есть только Geist der Schwere ⁴²² по Ницше. Я сказала так: «Не знаю, следует ли говорить, потому что выходит, что это у меня слишком радикально: всё существующее Черт, и только Невозможное есть выход из него. Поэтому нет человека, который не волил бы Невозможного, и даже все те, кто думают, что признают возможным будущее счастье на *этой, таковой* земле, думают так по недоразумению. Но я так широко и так убежденно признаю всю вселенную, начиная от ее возникновения из первого яйца и движения от первой причины – *от Черта*, что собственно мне нечего и говорить о нем». Это подняло очень оживленные прения, в кот<орых> постоянно возвращались к высказанному мною ⁴²³. Интересно было, как общество часам к 2-м разделилось: часть хотела определенного продолжения диспутов, часть – стихов. Ставилось на голосования по несколько раз. Прошло стихи незнач<ительным> больш<инств>ом. Ставилось на голос<ование> прочтение трех стих<отворен>ий в прозе: Allegro, мое («Тени») и Гернграсса. Прошли. Читали несколько поэтов, потом Гернграсс. От чтения Allegro и себя я отказалась, ибо было поздно и многие ушли. Я не нашла это тактичным и выгодным. Остались почти до 4-х: Жук<овски>ий, Герцык (говорила ли, что она написала глубочайший филолог<ический>ий и филос<офск>ий разбор «Тантала», многое объяснивший В<ячесла>ву в трагедии своей и показавший без похвал всю многогранность и необъятное значение этой вещи). Герцык – Сири ⁴²⁴ паразитально лицом похожа на В<ячесла>ва (могла бы сойти за

⁴²² Дух тяжести (нем.).

⁴²³ В<ячесла>в согласился со мною по существу в смысле Неприятия Мира, но мир существующий отказывается отождествить с Чертом, видя в нем священную жертву Страд<ающего> Бога. – *Примечание Зиновьевой-Аннибал.*

⁴²⁴ Речь идет о Евгении Казимировне Герцык (1878-1944), писавшей временами под псевдонимом Сири. Оставила воспоминания «Вячеслав Иванов» (Герцык Евгения. Воспоми-

(могла бы сойти за сестру), Чебот<аревск>ая, Иван<ов>ский и еще поэт Цензор – редакт<ор> нецензурного «Прометей». В<ячесла>в читал несколько новых стихотворений. Он их пишет почти каждый день. «Менада» и «Ветер», «непутевый ветер-вай» ужасно понравились. Два стихотв<орения> он дал в «Вопр<осы> Жизни», и также «Тени» наши. В Четверг – vernissage. Вчера написала «За решеткой». Потом был долго Белый. Полу-ребенок, полу-подлец. Не не писатель и никуда не гожд, по моему. Вообще он ошибка кругом. <...>

...сегодня <23 февраля> вечер отдыха, были на vernissage выставки Мира Искусства, куда нам прислали почетный билет (Карт. 23. Ед. Хр. 16. Л. 28 и об, 25, 28об-30об).

На третью неделю поста пришла очень существенная Среда, но начать, пожалуй, следует с более частных впечатлений. 27 февраля Зиновьева-Аннибал писала о текущих новостях петербургской жизни (поводом отчасти служил недолгий визит Д.В. Философова в Женеву, где он виделся с Замятниной):

С Сологубом вроде ссоры. Розанов не принимает пока: увы, его жена очень больна. <...> В<ячесла>в переписывает (наизусть) свою «Ars Mystica» – произведение еще Берл<инск>ого периода, но прекрасной формы, но ценного пафоса и мыслей: история искусств с Греции беглым полетом через века к нам, и призыв к великой Религии, чтобы сделать его вселенским и соборным. В<ячесла>в хочет поместить свою «Ars M<usti>са» в сборник «Свободная Совесть» вместо статьи, которую они от него ждут⁴²⁵. Вообще в нем начался переворот от теории к искусству. Ему невыносимо трудно раскататься на статью, и все сильнее и страстнее захватывает лирика и замыслы художественные... Относит от мелей Мережко-Бугае-Бердяе-Булгако- и пр. плоскословенства в свой изначальный океан. Так да будет! В<ячесла>ву предстоит сделать наконец серию дневных визитов.

Отвратительны, действительно литераторишки кружковые. И твое сообщение о сплетнике <?> Дм. Вл. Фил<ософо>ве (сладким <?> барином я его зову), где он объясняет грубые нападки Сологуба тем, что этот великий писатель лопается от зависти к нашим Средам – на многое непонятное бросает свет: в прошлую *среду* Мер<ежковск>ие нарочно устраивали вечер у себя! Зазывают Блока, Рем<из>ов<а>, Карташева, удерживают Арбатского святошу Белого – это все их *fidèles*. Разве так поступают «друзья»? А В<ячесла>в все еще нежные струны не может обор-

---

нения. М., 1996. С. 115-136), ее письма к Иванову опубликованы: Сестры Герцык. Письма. М., 2002. С. 569-612. В письме от 27 февраля Зиновьева-Аннибал добавляла: «весь день у нас сидит прелестная девушка Герцык, о которой писала уже. В<ячесла>в теперь читает ей начало своей трагедии “Прометей”» (Карт. 23. Ед. хр. 16. Л. 32 об).

⁴²⁵ Большое стихотворение (или маленькая поэма) «Ars Mystica» осталось неопубликованным; в настоящее время оно подготовлено к печати С.Д. Титаренко. См. осуществленную ею публикацию фрагмента: Античность и русская культура Серебряного века. К 85-летию А.А. Тахо-Годи. Предварительные материалы. М., 2008. С. 76-82.

вать. Но я прозрела, хоть поздно, но уже раз навсегда и без жалости. ⁴²⁶
<...>

Понятно, что визит Фил<ософов>а не оставил ничего, кроме кислоты. Он не может любить нас: есть что-то внутри его, что его отталкивает от нас. Я же абсолютно с ним никаких ссор не имела, ибо вообще и дел не имела. (Карт. 23. Ед. хр. 16. Л. 31-32об).

Перечень посетителей Среды 1 марта, как и ее описание, воспроизведены А.Б. Шишкиным ⁴²⁷, но, как и в некоторых других случаях, мы приводим свой вариант прочтения. В списке присутствовавших к записи «Волькенштейн (адвокат)» следует прибавить еще «Волькенштейн (поэт)» ⁴²⁸, также пропущена фамилия Н.В. Крандиевской.

Четверг, 4 часа дня. 2 марта 06

В кабинете В<ячеслав>а пальма, латания, солнце, небо, снег на кровле, и на твоём сине-зеленом кресле – наша кошка La Vampa: белая грудь и лапы, а по спине и бокам в черных и серых пятнах снопы ржаво<?>-огненных лучей... зеленые яркие глаза. Ленивая. Ласковая. Ластящаяся. Очень понравилась вчера художникам. Она пришла дней десять тому назад с чердаков, позвалась к нам и поселилась... Обладает всеми свойствами культурного квартиранта... <...>

Вчера сговорено с Сомовым о начале работы по портрету: Сомов хочет сам приезжать и... по вечерам! Он писать будет карандашами, очень немного цветного. Мне велит чутьем «увеселять Джоконду».

В Москве всё говорят о Средах.

Сошла Среда очень оживленно и плодотворно. По списку состава видишь, какой он был блестящий. (Ради Бога, не растеривай списки, посылает их свято на сохранение. Все письма и списки хочу переплести на память этого горячего, бьющего родниками времени). Тема – искусство будущего. Обострился спор до глубокой духовной враждебности в лице Белого и Вячеслава. Первый (после речи В<ячесла>ва о желательном «хороводе» искусств) в яркой, хотя и через меру малопонятной речи, с большим нахальством формы и аксессуаров (голос, пафос, высказывания <?>) проповедовал и пророчил не только слияние в будущем искусств между собою, но и слияние объекта творчества с субъектом творящим. Т.е. попросту <!> обращение художника в теурга, творчества наружного в творчество внутреннее, смерть искусству в религии. А еще проще: че-

⁴²⁶ Данный абзац ранее опубликован: ЛН. Т. 92, кн. 2. С. 238, со справедливым комментарием: «...резкость Зиновьевой-Аннибал <...> выглядит чрезмерною, так как 25 февраля 1906 г. Мережковские уехали за границу на два с половиной года, и вечер в среду у них был фактически прощанием с друзьями» (Там же. С. 239).

⁴²⁷ Русские пиры. С. 350-351, 334-336.

⁴²⁸ Имеются в виду Михаил Филиппович Волькенштейн (1861-1934) и его сын Владимир Михайлович (1881-1974), начинавший как поэт, но более известный как драматург и теоретик драмы.

рез искусство человечество просветится, а само искусство станет ненужным и пойдет насмарку.

Вячеслав горяче <так!> говорил в защиту искусства. Бог человеку завещал продолжать Его творящую работу, и богоискание закончится в творчестве, направленном из человека в природу. Природа должна быть обогащаема, и Ангелы будут художниками. Они будут творить миры, и все, что сотворят, будет не мертвое, а живое. А Белый буддист в эстетике.

Белый заявил, что Вячеслав творит мертвецов, ибо сотворяет глыбы каменные вместо живых, человеческих сердец. Вячеслав <ав> сказал, что человек в камень вдыхает жизнь и творчество: жив Парфенон, Гамлет и т.д., и здесь (а не в начале) сказал об ангелах. И еще о том, что пафос его – пафос Пигмалиона.

Забавно, что я в *райке* просила одного слова «кстати», но Берд<я>ев не дал, а записал меня в порядок ораторов. Я же тогда соседям шепнула: «Белый подпадает искушению своего псевдонима: семицветный луч сливает в белый. Это самоуничтожение искусства. Это буддизм». Слово в слово почти то же возражает Белому Вяч<есла>в с Олимпа в первой речи своей, возражающей Белому, и я глупо кричу на всю залу: «А... а!» Все хохочут надо мной. Уж очень хорошо, умно говорил Нувель в защиту l'art pour l'art в самом плодотворном для честно-го великого искусства смысле. Но под конец говорило много мямлящих или прихорашивающихся болтунов (кроме еще разве Осипа Дымова и, конечно, Бердяева ⁴²⁹), стало скучнее, Белый разболтался, отвечая всем, и атмосфера бунта в райке назревала... Тогда я (всегда жду этого срока) сбегала в свою комнату, нацепила красный хитон свой на палку из-под ваших рисунков (Кстати: рисунки покажу спокойно Сомову. Вчера было нельзя: теснота и поздно: художники пришли к 12-ти! и еще кстати для картины: я была в белом хитоне <?>) и принялась махать и вертеть этим длинным и широким красным флагом из-за дверей передней. Смех и волнение. Председатель осведомляется: «Чего требует красный флаг?» – «Очевидно, ниспровержения существующего строя!» Стали требовать стихов. Стали записываться поэты: провалился бедный Ив<анов>ский своим стихотворением о 9-ом января, очень стали теперь строги к форме. Плохо прошло еще одно стихотворение, читанное Леманом, – Анненковой. Очень мило было горное эхо – стих<отворени>е Волькенштейна. Потом с блеском сошел Городецкий своими сильными самобытными мифологическими мазками. Потом пропел на цыпочках и с выкриками Белый. Общий восторг. Стихи некоторые недурны. Одно – художественно. Но я испытывала и допускала в себе удовольствие несправедливости и все время ненавидела и его, и его стихи. А соседям говорила, что «и подошва в сметане хороша». Дрянь он все-таки и шарлатан несомнен-

⁴²⁹ Реплика Бердяева приведена в приписке наверху листа: «Бердяев говорил, что собственно народ никакого искусства, кроме классического по направлению, то есть объективирующего, а романтизм только приготвление к теургическому искусству, которое приводит к снятию (Aufhebung) искусства в его обособленности». После слова «объективирующего» Зиновьева-Аннибал явно пропустила какое-то слово с отрицательной частицей. А.Б. Шишкин делает конъектуру «не творит»; мы бы предпочли «не знает».

ный. Потом просили В<ячесла>ва. Прочел два маленьких очень изящных стих<отворен>ий <так!>. «Ветер» попросили для «Адской Почты», но он уже отдан в «Тропинку». Он уже в корректуре. Allegro сделала смешной, милый рисунок. Тянулась Среда до 4-х часов четвергового утра... Ушли. И с ними La Vampa – Билибин снизу принес ее обратно (Карт. 23. Ед. xp. 17. Л. 1об-3об, 5 и об).

С этого момента в жизни Ивановых снова выделяется несколько отдельных течений. В центре, конечно, по-прежнему остаются Среды, но рядом с ними возникает альманах (пришедший на смену журналу) «Факелы», а также рядовое для постороннего наблюдателя, но для них самих чрезвычайно важное дело – позирование К.А. Сомову для портрета, заказанного «Золотым руном». Кажется, что и Иванов и Зиновьева-Аннибал воспринимали это как символическое действие, доверенное чрезвычайно близкому по духу художнику. Об этом свидетельствует целый ряд записей, которые стоит привести, объединив в более или менее целостное повествование. Они же окажутся связаны и с изданием «Факелов».

Описания были начаты в письме, которое в равной степени писали Зиновьева-Аннибал и Иванов. Судя по той части, которая принадлежит Иванову, Зиновьева-Аннибал принялась за него 13 марта, а потом переступила свою очередь:

Дорогие мои, и сегодня даже не знаю, что удастся написать. Это была не неделя, а пожарная скачка⁴³⁰. Сажу в зале в уголке. У окна по обе стороны стола с красным сукном сидят В<ячесла>в и Сомов друг против друга. В<ячесла>в <1 нрзб> к окну так, что падает мягкий, но яркий свет из небольшого высокого окна в глубокой готической амбразуре на одну половину лица, освещая и второй глаз. Сомов пишет карандашом черным голову и часть бюста с рукой. Потом будет *слегка* расцветивать цветными карандашами. Он приезжает, начиная с субботы, ежедневно от часу до 4-х и дольше... Вот уже много раз отрывалась для беседы бесконечно тонкой, изящной и интересной с этим тонким, изящным, детски гениальным художником... Вот только что позвонила Allegro и читает с В<ячеславо>м свое стихотворение рядом в кабинете, Сомов что-то устраивает в своем рисунке и рассуждает со мною о моей привычке писать лежа с (твоей) <1 нрзб> в руке, опершейся о локоть... Сомов на днях сказал: «Мне хотелось бы просить у вас позволения написать дуэт вас масляными красками. Л<идию> Дм<итриевн>ну вот в этом прекрасном красном хитоне. Только мне хотелось бы оранжевую шаль!» Мы, конечно, были очень счастливы, но боимся, что при его ужасной занятости несколькими заказами здесь и из Германии он не найдет времени... Но оранжевая идея меня воспламенила, и вчера урвала час (кстати, там же у Гост<иного> двора сделала позорно запущенный визит) и разыскала оранжевого, горящего кашемира. Сегодня солнце и зимнее сверка-

⁴³⁰ Отметим появление Иванова 12 марта на вечере поэтов у В.П. Авенариуса (см.: Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения. М., 2008. С. 433).

ние. Светла Сомова в светлый кабинет с его двумя арками-окнами и накинула на себя красную – оранжевую ткань. Он пришел в судорожный восторг, от этого смещения <?> прямо спазмы были с ним. Примерялся так и иначе, нашел, что цвет тела зеленый от этого оранжевого, велел отрезать кусок ткани так, чтобы спадая через спину и перевесив локти, она достигала двумя змеями оранжевыми полу.

17.III.

Дорогой друг, Маруся!

Лидия не успела продолжать этого уже четыре дня тому назад начатого письма; посылаем листок как есть. Знаю, что письменное поздравление не удовлетворит Вас. Вам уже нужно теперь живое общение. Все же заочно обнимаю Вас и целую Ваши ручки. Поздравляю и желаю Вам здоровья и счастья. Ибо счастливой Вы можете быть. Редкое в наши дни свойство. Так вот, чтобы Вы были в себе очень счастливой – Вам желаю, как люблю Вас, гармоническая душа во всей своей эмпирической дисгармонии и шершавости, нехорошая «оптимистка», святая Маруся! –

Только что был юноша v. Günther и читал мне ряд переводов на немецкий из моей лирики. Красивый и талантливый юноша. Он же перевел «Тени Сна». И своих стихов уже выпустил книжечку. Сомову нравятся его стихи и переводы. Представьте, я получил повестку, уполномочивающую меня подать выборный голос. Непременно воспользуюсь, в пользу К-Д. (ибо более левые не выставляют кандидатов). Но *индивидуальный* бойкот, по-моему, не имеет смысла. Ваш всем сердцем Вячеслав.

Дорогим друзьям домашним привет сердечный.

Только что получил любезное письмо от Гиппиус из St Raphaël как ни в чем не бывало.

Получены ли Вопр<осы> Жизни XII и Весы, *февраль*? (там 14 моих ст<ихотворений>, в «Золот<ом>» Руне, II) – два.)

Нравится ли Лидии «Ветер» в измененном мною виде? «Гимн Свободе» пока не написан. Прилагаю стихотворение, посвященное Ольге Ал<ексан>др<овне> Беляевской, и другое для сборника, протестующего против смертной казни (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 35-36об; рука Иванова – с даты 17.III и до конца письма).

15 марта Зиновьева-Аннибал пишет Замятниной на открытке: «Вчера в 4 ½ ушел Сомов, я подавала ранний обед и в 6 час. ушел В<ячесла>в с визитами Дягилеву и Нувелю (Дягилев говорил В<ячесла>ву, что он оч<ень> сочувствует идеям В<ячесла>ва о театре, и мы надеемся, что, может быть, будет содействовать его осуществлению)» (Карт. 23. Ед. хр. 17. Л. 10). Потом начался довольно боольшой перерыв, когда писем писать было некогда, и 21-22 марта последовала еще одна запись о работе над портретом и тем, что с этим было связано.

Сегодня, о смелость моя! угощала обедом Сомова. В 4 часа побегала за провизией, т.к. на сеансе сидел Günther и читал свои музыкальные стихи и переводы, растопив плиту, а в 5 сели за стол! Hors d'oeuvres sardines, макарони по-итальянски, телячий рулет и жар<еный> картоф<ель> с мочен<ой> брусникой, битые сливки с яблочным пюре (испекла яблоки и протерла) и кофе турецкий. Сомов очаровательный собе-

седник, умница, утонченник, само изящество. Был при нем два раза Hans v. Günther, совсем юный балтийский немец дворянин, кажется, паразитально даровитый поэт из Modernes Dichter Кружка Steph. George. В<ячесла>в говорит: напиши, что он страшно хорошенкий. Издавать собирается 25 томов!! с переводами нов<ых> русск<их> поэтов. (Напр<имер>, «Тантал» – отдельн<ый> томик, «К<ормчие> Звезды» и «Прозр<ачность>» в одном). Перевел, кажется, великолепно, много стихов В<ячесла>ва. Также все мои «Тени Сна» (второй их перевод на нем<ецкий> язык). Был в первый его приход и один писатель из рабочих Чапыгин с талантом, но недостаточно ярким, он пришел ко мне прочитать мне одну свою сказку (очень недурную) для «Тропинки» и, таким образом, вокруг нашей Джоконды образовалась академия искусств, чем Сомов был очень доволен и говорил, что моя оранжевая шаль даст тон всей академии. Он придумал мне три костюма и принес книги из Эрмитажа... <...>

Мережк<овск>ие уперли не простившись, а какнув в Хаме (вот словечки одно к одному), и вдруг сладкое письмо и<з> St. Raphaël Гиппиус к нам обоим. <...>

Ну, принимаюсь за работу, а то В<ячесла>в проснется, а потом Сомов, а потом наша ужасная Среда, как лавина. Зовет: Лиля, Лиля! сонным голосом. Finita la mia matinata!

4 часа. Ушел Сомов, сегодня торжественно заявил в присутствии Чулкова по поводу обложки «Факелов», что оранжевый цвет он хочет сохранить для *моего портрета осенью*. Вяч<есла>в вернулся вчера в два ночи с корректурами, которые и так правил и день до 4-х, и совершенно прекрасной обложкой «Факелов» Лансере: на темном пурпуре матовым серебром дивные огни факелов и венки (Там же. Л. 15-17 об).

В каком-то смысле «академия искусств», видимо, должна была служить противовесом Средам, все более и более клонившимся к философским диспутам, несмотря на усилия «райка». Председательство Бердяева этому, конечно, только способствовало. Сомов же, успешно создававший атмосферу «чистого искусства», задавал тон во время сеансов, и посещения И. фон Гюнтера (оставившего об этом времени воспоминания в своих мемуарах ⁴³¹), утверждавшего «что самые тонкие и передовые люди Европы вот здесь, вот – мы, ибо Запад еще декаден<т>ствует в своих вершинах, а мы уже перевалили» (Там же. Л. 25-26), должны были не только льстить Иванову, но и утверждать его в верности избираемого и формируемого пути.

26 марта Зиновьева-Аннибал сообщает Замятниной ⁴³²: «Решено было, раз мы “правительство” и “первые люди”, с осени начать “преображать” костюмы и нравы, устроив ядро истинной красоты при помощи наших художников. Сомов, бывший очень робким и несколько исклю-

⁴³¹ Guenther Johannes von. Ein Leben im Ostwind: Zwischen Petersburg und München: Erinnerungen. Mn., [1969].

⁴³² Предшествующую часть письма см.: Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. С. 68.

чительным в своих идеалах 18-го века, теперь совершенно соблазнен моими хитонами и нашими жаркими проповедями. С ним установились отношения любовные, сильнейшего взаимного заражения, и я написала ему на своих «Кольцах» то, о чем мы с Вячеславом говорили: «Чистому художнику, дорогому вдохновителю, милому мне Константину Андреевичу Сомову». Сомов называет каждый сеанс у нас сказкой Шехеразады и не спешит кончать свой делающийся, кажется, совершенно замечательным портрет. В Вячеславе ему нравится его многосторонность и всеотзывчивость. Да, ведь Сомов подарил нам дивный альбом своих произведений с надписью: «Глубокоуважаемым и дорогим мне В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал». А в день именин еще пришла телеграмма от Осипа Дымова: «Сердечный привет, доброе поздравление женщине, чья белая душа укутана в красный хитон». Кстати, поздравляли еще две сестры Гиппиус (непонятные) художница и скульптор, и еще поздравлял письменно Успенский⁴³³» (Там же. Л. 26об, 28 и об).

Конечно, из идеи «преображения» костюмов и нравов ничего получиться не могло (это могло быть реализовано только в рамках тесного кружка, «Гафиза» или «Фиаса»), но сама идея выглядит чрезвычайно характерной. Здесь речь ведь шла уже не только о привычном к тому времени символистском жизнетворчестве, которое в известных им образах (Брюсов, Бальмонт, Белый, Мережковские) Ивановы воспринимали скептически, а явно о большем, – о самой широкой переделке реальности в разнообразных ее аспектах. Еще раз подчеркнем, что это делалось внутри «Башни», но помимо Сред, занятых иными проблемами.

В письме от 30 марта, кроме рассказа о прошедшей Среде (этот рассказ мы приведем далее), читаем и об отношениях с Сомовым, и о «Факелах», и о других примечательных событиях:

Ночью на Среду Вячеслав буквально импровизацией написал стихотворение Allegro шутовское, хотя высоким стилем с большими утверждениями о нас как *trésoriers de l'avenir*⁴³⁴ для «тощих» фараоновских годов (в ответ на стихотворный вопрос Allegro-фараона, присланный ему по почте по поводу пьесы Осипа Дымова – Юсуфа, не разгадавшего сон фараона)⁴³⁵. И два *P.S.* шутовских, легких и очаровательных в защиту, с некоторой тонкой иронией, Дымова. Также великолепные длинные терцины Сомову, глубокий и изящный портрет художника и души – пессимиста, влюбленного в ушедшую красоту, в потерянное счастье. Терцины вышли, по-моему, безупречными. Сомову ужасно нравятся и он их счи-

⁴³³ Имеются в виду Татьяна Николаевна (1877-1957) и Наталья Николаевна (1880-1963) Гиппиус, а также Василий Васильевич Успенский (1876-1930), доцент Петербургской духовной академии (до октября 1905), входивший в эти годы в ближайшее окружение Мережковских, а также сестер Гиппиус.

⁴³⁴ Казначейх будущего (фр.).

⁴³⁵ Речь идет о стихотворении «Сновидение фараона» (II, 328).

тает драгоценным подарком и шедевром. Вяч<еслав> вписал их в Прозрачность – подарок Сомову. <...>

Иду назад в днях – к неописанной Воскресной ночи. В театре на пьесе Дымова ⁴³⁶. Свежая, смелая проповедь жизни, не боящейся прошлого для будущего, не стесняющейся сказать «горе побежденным» на тонах чеховских. Вся зала почти знакомая. Но много и «публики». Чулков и Ремизов слышали в нескольких местах разговоры «публики»: «Сегодня интересный вечер: будут все декаденты, будет Вяч. Иванов!» и «Интересно посмотреть на этого Вяч<есла>ва Иванова!» После 12 поехали к Сологубу. Какая-то удручительная и мрачно бесовская атмосфера. Читал сказку, т.е. рассказ с бесовскими штучками. Ловко, но скверно. И публика очень подозрительная: какие-то плохие поэты сатанинского пошиба. Дома к 4 утра! Во вторник Сомов, вечером ждем к обеду Гюнтера. Не едет. Вяч<еслав> мчится к Ремизовым, где Гюнтер живет, со сценой неправильной ревности. Вечером является Гюнтер, занимавшийся весь день в редакции «Petersburger Zeitung» продажей ста своих стихотворений переводных... Утром я должна по делу спешно к Ремизовым. Возвращаю<сь>: Сомов уже на сеансе и меня ждет. Синилов <так!> говорит о либретто своем, чтобы я писала к будущему году. Образуется академия вокруг Джоконды. Приходит Гюнтер. <...> Приходит Леман со своим «вечером литературным», где мы должны читать. А мне некогда шить костюма. <...>

Прерывала для Чулкова: принес «*Факелы*»! Прелестная книжка. Вышло пока всего 400 экз. Бумаги не хватило. Отправляют все в провинцию. Только после Пасхи выяснится разрешение цензуры... (Там же. Л. 34-36)

И закончить сюжет с собраниями вокруг Сомова, пишущего портрет Иванова, следует, видимо, таким письмом.

Понед<ельник> 3 Апр<еля> 06

Среда описана. Теперь четверг <30 марта>. Писала вам письмо, что-то продумывала из нескольких своих замыслов. Вечером пришел Гюнтер. Потом пошла спать очень усталая. В пятницу Сомов. При нем получаю письмо из Москвы. Да, не сказала, что так как слова Брюсова о том, что имя мое уже им давно напечатано в сотрудниках «Весов», оказались ложью, то я просила его передать редакции, что я из сотрудников ухожу. Вот он и ответил мне, что поручение он исполнил, но впрочем неупоминание имени моего ничего не предreshало, т.к. мое имя достаточно «выдающееся» и подразумевается под *и др.* На это я отослала ему

⁴³⁶ См. в хронике: «Генеральные репетиции пьес передвижного театра П.П. Гайдебурова состоятся в театре гр. Паниной (угол Тамбовской и Прилуцкой). <...> 26-го “Не возвращайтесь” Осипа Дымова. <...> После генеральных репетиций театр уезжает в турне по провинции. В Петербурге спектакли состоятся осенью» (Биржевые ведомости. 1906, 26 марта (7 апреля), № 9224. Веч. вып.). Вряд ли можно сомневаться, что речь идет фактически о премьере, которая не могла быть сыграна официально из-за великого поста.

письмо, все построенное на «And Brutus is a honorable man»⁴³⁷ и переделке в «And Brutus is a naughty, naughty child»⁴³⁸. Все письмо ясно обвиняет его во лжи и в комичной вывертке с «недостаточно выдающимися» после «Колец», «Пламенников», оповещенных ответствен<ных> крупных статей и вступительн<ой> статьи Вяч<слава> к «Кольцам»... И несмотря на все это «Скорпион» не сумел сделать мое имя даже для себя самого достаточно выдающимся. Также имя Александра Блока (разделяющее мою участь) оценено ниже какого-то черносотенного поэтешки Кузьмина... и т.д. And Brut.....

Я на днях вышлю копию с этого письма. В общем <?>, Брюс<ов> еще такого не получал. Кончаю: уверяю вас, что понимаю вас лучше и лучшим, нежели вы поймете об этом из этого мальчишеского письма⁴³⁹.

Все-таки какая паскудная душонка у этого лгунишки, которого жалко и который умеет так детски мило улыбаться и делать неожиданно добрые, лучистые глаза! Но я ничего теперь не боюсь. Проживу и без «Весов». Хочется чистого и ясного в жизни, а также чувствуется какой-то родник творческих сил. Только бы время!.. Пришел Верховский, милейший поэт и привязавшийся к нам еще совсем молодой, хотя очень бородастый человек. Читал свои терцины – поэму. Вячеслав мастерски раскритиковал, и Верх<овский>, хотя и огорченный, но все же был доволен и обогащен. Академия пила чай. Потом ушел Верх<овский> и вскоре Сомов, хотя долго медлил, беседа. Вечером в пятницу оказались у одного молодого композитора, нашего знакомого со Сред – Гнесина. Он играл и пел свое очень мелодичное и с симфоническим аккомпанементом хора для рояля на стихи Бальмонта. Потом пришел поэт Волькенштейн, с которым они вместе мечтают о пластическом творчестве как в музыке, так и в поэзии, и работают над собою как истинные «ремесленники» своего дела. Какова бы ни была мера их дарований, радует видеть серьезное, плодотворное отношение к искусству, так близко напоминающее эпоху Возрождения. <...> Я распорядилась чаем, а милый, горящий Гнесин читал, потом играл и пел часами оперу новую Римск<ого->Корсакова «Китеж». Задумана и местами исполнена совсем в духе и даже стиле мистерии. В чтении частями очаровывала. Легенда разработана почти лубочно и попадают прекрасные слова и сцены. Но музыка расхолаживает оперностью, новостью, прекраснотушанием, вложенным во все народные мотивы ложно понятые. <...>

В Пасху делали визиты. Вечер застряли у Ремизовых, пришел и Сомов. Рем<изов> читал изумительно фантастические свои сказки. <...>

P.S. Сомов сошел с ума. Настаивает портрет подарить В<ячесла>ву, напечатав его в «Руне», а не отдавать Рябушинского <так!>. Мы протестуем. Наша дружба, которую Сомов называет трехугольником (honny soit qui mal у pense) растет, крепнет и все украшается (Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 1-3об).

⁴³⁷ «А Брут достопочтенный человек» (англ.).

⁴³⁸ «А Брут дурной, дурной ребенок» (англ.).

⁴³⁹ Письмо хранится: РГБ. Ф. 386. Карт. 88. Ед. хр. 58. Фрагмент напечатан: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 243. Английская фраза – из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

Закончив с «академией», перейдем к Средам, которые теперь описываются Зиновьевой-Аннибал далеко не всегда так же подробно, как прежде. Так, о встречах 8 и 15 марта рассказано в письме от 21 марта:

Вчера Вяч<слав> ходил в Солян<ой> Городок и опускал свой бюллетень за К.Д., «так как левее нет выборщиков» и «так как индивидуальный бойкот, во всяком случае, бесполезен, даже если корпоративный и оказался бы действительным». <...>

О Средях двух пропущенных отчетами что сказать. Нет сил. Были интересные, полезные и очень почти слишком специальные дебаты на тему «Искусство будущего». Собираемся еще продолжать. Было еще несколько новых лиц. Ораторами были главн<ым> обр<азом> Вяч<слав>, Берд<яев>, Нувель (умница логическая и защитник истинный искусства), и в прошлую Среду очаровательное, умное, гениальное дитя Грабарь, и оч<ень> интересно говорил горящий мой друг Миша Туган<-Барановский>. Грабарь по поводу тошнявой <так!> статьи в «Руне» об индивидуализме в искусстве Бенуа, – говорил, что у нас слишком заботятся об индивидуализме и переходят в отъединенные экстравагантности, в эпохи же могучего творчества (Ренессанс, напри<мер>) никто не боялся быть похожим на другого, наобор<от>, Veronese увидит у Тициана Венеру и Адониса, побежит домой и сделает такую же позу, пытается во всем *подражать*, «плагирировать», и тогда-то и выйдет *именно* Veronese во всей силе индиви<дуальн>ости. «Да здравствует плагиат». Это было так все свежо и богато сказочно. Не передается. В<ячесла>в придает значение этим разговорам о Иск<усств>е, потому что теперь замечается поворот всех новых художников вообще прочь от индивидуализма. (Кризис Индив<идуал>изма). А наши Среды так способствуют выработке нов<ых> идей, что, напри<имер>, Берд<яев> говорит уже о плагиировании.

В прошлую Среду был тюремный редактор «Сигнала» – Чуковский, он 22-ого идет под суд. У него семья и нет денег, издатель подлец его не выручает. Он так нервен, что страшно за него, хотя храбрится ужасно. Остался один после всех до 5 ½ утра. Говорил без конца, очень тонкий, изящный человек, юноша, проживший много лет в Англии и по-русски говорящий с акцентом. Кажется оч<ень> талантлив. Странно было и страшновато за него. Странно и трогательно прильнул он к нам в первое же свое посещение. Он сотруди<нк> «Весов». Очень хвалил «Кольца» и «Тени Сна» (Карт. 23. Ед. хр. 17. Л. 12об-14).

Это письмо требует некоторых комментариев. Статья Александра Бенуа, о которой идет речь, – «Художественные ереси» (Золотое руно. 1906. № 2). «Кризис индивидуализма» – статья Иванова (Вопросы жизни. 1905. № 9). «Сигнал» – сатирический журнал, который издавал (а не был только «тюремным редактором») К.И. Чуковский. Уже в 1960-е годы он рассказал историю журнала и все перипетии, связанные с его судебными преследованиями⁴⁴⁰.

⁴⁴⁰ Чуковский Корней. Собрание сочинений: В 15 т. М., 2002. С. 540-573. См. также в его

Значительно подробнее повествование о Среде, состоявшейся 22 марта (сделано в письме, начатом 24 марта во время сеанса Сомова, но интересующая нас часть записана 26-го). Цветы и подарки связаны с именами Зиновьевой-Аннибал, приходящимися на 23 марта старого стиля.

<...> Говорила ли, что Гюнтер графолог поразительный и тонкий. По почерку моему определил во мне всякие ужасы: холодный огонь, мало темперамента, большая жалостливость, высокий полет мыслей, конструктивность творчества, честолюбие, тщеславие, кокетство, строгость, сильную чувственность... с последним проделывал несказанные церемонии, пока выдал. Я умоляла сказать все, только если это не глупость и не бездарность. <...> Но я очень довольна, и я же себя не знаю. И думаю даже, что это ближе к истине, нежели Александра Вас<ильевна> Гольштейн с моей «добротой». Недаром Гиппиус, глядя мне в глаза, спросила: «Вы умеете любить? Любите ли хоть кого-нибудь? Ну хоть В<ячеслава> И<вановича>?» Я и не хочу любви. Что-то иное нужно. И никогда не писала я столь безумно противоречивых вещей, как именно за это время поисков.

Ну, к Среде. Приходят гости и являются цветы. Понемногу комната обращена в цветник. Это невероятно, безумно в Марте в Петербурге среди снега. Народа наберется 34 чел<овека>. Все со мною так ласковы и почтительны. Гюнтер читает стихи мне и В<ячесла>ву и еще свою песенку... Он поразителен. Ему всего 19 лет! И он так умен и так безумен. Он был в каком-то экстазе в тот вечер. Еще вдвоем с В<ячесла>вом он делал ему признания о себе, и пророчил, и читал прекрасные стихи странным чарующим ритмическим образом... Упоительный, красивый мальчик, и в первый раз мне юноша кажется интересным и муционо. У него есть сестра-консерваторка, с которой он *глубоко* и *нежно* дружен. Они называют друг друга смешными ласковыми именами, и я так ему завидую. <...> Тема была в Среду «О счастья для современной души», но несмотря на все усилия В<ячесла>ва поставить ее на место, она все сдвигалась и беспорядочно *maussadement*⁴⁴¹ вернулась вокруг. Никто не мог так посмотреть на счастье как на упоение мукою и блаженством в трагической среде, т<ак> сказать. Верно, большинство людей голодны и сытого не разумеют. Но где вам голода? Имела ли ты счастье? Нет, святая Маруся, но полна до краев твоя сытая душа. (Странно, что одновременно с предложением В<ячесла>вом этой темы ее же предложил Ос. Дымов, который понимал верно). А мне было стыдно говорить в среду, потому что я боюсь голодных, мне *жалко*. Я же не добрая, но жалостливая. Пишу дальше о теме: Вечер не удался, потому что В<ячесла>в решительно перетончил. Если им трудно уже понять упоение как соединение счастья и трагизма вместе, то совсем невозможным оказалось понять

письме к В.Я. Брюсову от 17 марта: «Был на днях у Вячеслава Иванова. Вечер изобиловал поэтами иудейского вероисповедания, воспевавшими баррикады и забастовки. Много говорили о Вас» (Там же. М., 2008. Т. 14. С. 88).

⁴⁴¹ Утрюмо, хмуру (фр.).

призыв к счастью простому *за* или *по ту сторону* этого упоения. А именно тезис его был. Я много разговаривала с Сомовым (Сомов присутствовал, но, как пойманый школьник, комично молчал даже на вопросы), что счастье люди знали до половины 19-ого века, по мнению Сомова, люди совсем уходят от счастья и человечество ожидает огромный провал, ибо жизнь уже не будет ни красивой, ни счастливой. Вяч<еслав> же утверждает, что счастье, как кажется, действительно умерло, и для соврем<енной> души возможно только упоение-экстаз, кот<орый> соединяет высшую полноту мгновения с острейшим ощущением трагизма жизни. Или же возможно отрешенная солнечность. Но Вяч<еслав> в все же тоскует о прежнем счастье цветка и сравнивает себя с Фаустом, кот<орый>, достигнув всех вершин, зовет Мефист<офеля> для испытания мига, кот<ор>-ому бы он сказал: остановись. На все предлагавшиеся формулы счастья Вяч<еслав> восклицал: «Грустное счастье!» и спрашивал: «Неужели никто не чувствует пафоса Фауста bis?». Еще вставляю для ясности. Сравнение с Фаустом только параллель. Фауст все узнал и все созерцал, и дух макроkozма и микроkozма. Так и соврем<енный> человек<ек> может сказать про себя: я узнал и Диониса и Аполлона, и экстаз и распятие, распятую солнечность и все сочувствия, все страдания и все радования... и ничего лично-человеческого во мне уже не осталось. А все же я хотел бы быть и человеком, и хотел бы не отвернуться и оттого, что только menschliches, *nur menschliches* ⁴⁴². Голубая весенняя даль опять поднимает меня лететь куда-то в то место, где как будто ждет меня мой цветок счастья мига, как и Фауст говорит: «Кто не хотел бы летать весной с журавлями?» и пр., одним словом, слова Вяч<есла>ва были «реакционерны» в смысле реакции против его обычной и энергичной проповеди сверхиндивидуализма, мистического хорового экстаза, религии Стр<адающего> Бога и других отраженностей и солнечностей. Он сам сожалеет, что внес смуту в публику, кот<орую>, как оказалось, нужно трактовать педагогично и которая не может понять поэта в его художнической универсальности. Уже после Среды Вяч<есла>ва упрекнули за его «арелигиозность», которую он будто бы неожиданно проявил. А он решительно испытывает какие-то латентные заражения от Сомова, которого очень любит и чувствует или даже «сверхчувствует» и с которым забавляется романтизмом (читает теперь по его приказанию «Кота Мурра» и автобиограф<афию> Челлини) и носится по его советам с каким-то широко задуманным Abenteuer Roman à la Wilhelm Meister ⁴⁴³ из соврем<енной> жизни (Карт. 23. Ед. хр. 17. Л. 19-22об).

Последнюю мартовскую среду А.Б. Шишкин считает началом нового этапа в развитии предприятия: вместо открытости и широты – интимность и сосредоточенность. Действительно, в описании, сделанном Зиновьевой-Аннибал в письме от 30 марта, мы читаем об этом, но уже сейчас хотим обратить внимание, что сама же она в следующих письмах

⁴⁴² Человеческое, *только* человеческое (нем.). Парафраз названия книги Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое».

⁴⁴³ Романы приключений в роде Вильгельма Майстера (нем., фр.).

скажет о случайности и полной непреднамеренности вечера 29 числа. Малое число посетителей было не достигнуто какими-то усилиями устроителей, а оказалось таким по стечению обстоятельств (возможно, потому, что это была Страстная среда). Следующие собрания у Ивановых опять были такими же многолюдными, как и предшествующие.

Прошла Среда. Было народу мало и стало новое ощущение уютности, интимности. Прения очень интересные: Бердяев, Аничков, Добужинский, Сомов, Ос. Дымов, Дерibas (знакомый Бердяева, банкир, издатель, кажется, испанский, приехавший в Петербург проповедовать открытую им мистику!), композитор Кнезин, еще художник, один именем вроде Сапегин?, Гюнтер, Настя Чеботаревская, Юр. Верховский (в ту Среду было 34, а в это <так!> 12), Чапыгин. Введена была беседа стих<отворением> Вяч<есла>ва, посвященным Сомову (что связывалось с прошлоу темою о счастья) и чтением фрагмента Дерibasа о верности земле. Говорилось о Преображении Земли как лозунге неомистиков и новой фазе христ<ианского> сознания. В конце же беседы опять возвратились к Сомову и романтизму вообще. Все это было оч<ень> живо, широко, непринужденно. Блестящи были Вяч<еслав> и Ос. Дымов. Хотя я *нахожу*, что Вяч. впадает в догматизм вместе с Берд<яе>вым, требуя Христа как пафоса Преображения. А я против этого сильно бунтовала. Имела союзниками молчавших <?> художников и Дымова.

Мне было хорошо, потому что было три мне душевно и телесно приятных человека, и все трое меня товарищески и изысканно любят. Сомов, Осип Дымов и Гюнтер. Был и милый, изящный и очень ласково дружественный Добужинский, который хочет прийти днем с Сомовым писать пейзаж из моего окна. Он художник «в окно и из окна». Из женщин была только хорошенькая кошечка Настя Чеботаревская, заручившаяся вперед согласием христосоваться с Вяч<еслав>ом и с Сомовым. Она прелестная женщина и добронравная гетерка литературная. А мы с Вяч<еслав>ом и Сомовым в часы наших пиршеств за ризотто размышлялись об уничтожении дам и создании гетер – товарищей воистину.

Вчера Аничков отличался, обучившись наконец говорить поистине интересно, *сжато* и остроумно тоном свободно-ограниченного собеседования. Ужасно красиво и истинно говорил о Сомове славный наш Осип Дымов. У Гюнтера, моего Ritter'a (он разносил чай, приносил самовар и следил за всякою помощью мне, т.к. вместо Анюты у меня были помощниками паж и пажница, двое ребетенки <так!> Александры – Таня и Егорушка) – разболелась голова и он ушел до конца вечера. Было страшно удобно бродить по свободной комнате (которую, кстати, мы теперь стали называть hall ⁴⁴⁴). Так жарко беседовали, и еще задержал Аничков, проецируя какой-то грандиозный вечер соединенных искусств с целью сбора, что ушли в 4 часа. Вячеслав уверял, что я была очень красива и одета фантастически прекрасно (Карт. 23. Ед. хр. 17. Л. 32-33).

⁴⁴⁴ Так называлась большая комната в женеvской villa Java.

Третьим апреля датировано небольшое письмо к Ал.Н. Чеботаревской, где Зиновьева-Аннибал сообщила: «Среды процветают. Вячеславу будет печатать “Рел<игию> Стр<адающего> Бога” и свою германскую диссертацию. Я написала серию рассказов. Вышли “*Факелы*”, но еще только 400 экз<емпляров>, оттисков “Тени” нет» (Карт. 24. Ед. хр. 22. Л. 12). Значительно подробнее следующее письмо, помеченное «Среда 5 ½ дня», т.е. 12 апреля, но в этот день было написано только начало, продолжено оно было, как следует из текста, 14 апреля, а окончено и вовсе 15-го. Оно замечательно неразрывным переплетением переживаний «обычных» дней и двух первых апрельских Сред (5 и 12 апреля), поэтому мы не решаемся его членить.

Вот когда впервые с болящею спиной, руками дрожащими и т.д. дорвалась взяться за письмо. Было: 1) <1 нрзб> сеансе Сомова и один обед с ним, 2) Среда безумная, на которой посетила нас Ida Aalberg, финская Дузе⁴⁴⁵, и визит к ней в благодарность за присланный мне дивный букет красной гвоздики, 3) посещение Соловьевой и визит деловой к Озаровскому, актеру и профессору театрального училища, который пригласил Вяч<есла>ва читать лекцию о Греции в пользу бедных учеников театрального училища, т.е. чтобы они могли примкнуть к организуемой Озаровским поездке в Грецию, <...> У меня проект собрать все рассказы из воспоминаний детства (1 ½ еще осталось дописать) в отдельную книжку «Трагический Зверинец», а «Отрывок из письма» составляет первый рассказ к третьей книге «Брак», вторая будет, вероятно, называться «Юность», там будет <так!> все социалистические переживания и трагедия с женою Гудлета и мои романы первые. 4-ая книга будет «Любовь». Напечатается она уже после моей смерти⁴⁴⁶. И насколько три первые книги будут правдивы не *протоколно*, а лишь *художественно*, настолько эта последняя будет сухая протокольная запись событий и переживаний. <...>

Вячеслав завален делами. Юлия Беляевская упростила его читать лекцию в пользу учителей выгнанных. У него на совести 4 или 5 статьи <так!>. Каждый день в газете Булгакова «Народ» печатают о его двух статьях, и они еще не начаты⁴⁴⁷. Нужно приготовить к печати книгу о Рел<игии> Диониса, а ему еще не пришлось приняться, также диссертацию, также хоть начало «Сог Ardens» приготовить к печати. Собственно,

⁴⁴⁵ Об знаменитой финской актрисе Ida Aalberg (1857-1915) см.: Byckling Liisa. A Finnish Nora in St. Petersburg: Ida Aalberg in Ibsen's *A Doll's House* (1882-1902) // Toronto Slavic Quarterly. № 16 (Spring 2006). Элеонора Дузе (1858-1924) – прославленная итальянская актриса.

⁴⁴⁶ План был осуществлен лишь частично. Книга «Трагический зверинец» была написана и издана (СПб., 1907), остальные три остались лишь в проекте. Рассказ «Кошка (отрывок из письма о неблагополучии мироздания)» был напечатан: Адская почта. 1906. № 1. *Трагедия с женою Гудлета* – видимо, имеется в виду ситуация, когда Зиновьева-Аннибал задумала вступить в фиктивный брак с женатым человеком (подробнее см. в ее письме к детям: Новое литературное обозрение. 2008. № 88. С. 120-121).

⁴⁴⁷ О киевской газете «Народ» см.: Колеров М.А. Цит. соч. С. 198-224. Вышло всего 7 ее номеров, Иванов в ней не печатался.

ему не следовало бы уезжать, но, Бог даст, в мае выберемся хоть к концу. <...> Милые, я же давно уже не в *Среду* пишу, а уже в *Пятницу* в 9 утра. Напила кофею и легла писать. Итак, дальше: в *Среду* меня притеснил Сенилов (композитор, талантливый, по словам Нувеля, одного из устроителей Вечеров Совр<еменной> Музыки), «думали ли вы о Стране Солнца?» (помните, либретто для его оперы?). Я сказала, что заканчивала несколько начатых работ, но что если он мне даст срок недели две и придет конспект своего сценария, то я тогда отвечу ему окончательно, могу ли взяться. <...>

Художники наши «Мира Искусства» мои большие друзья и оценщики. Бакст рассказывал мне, что Сомов с ним говорил о моем портрете, а Бакст ему советовал сделать его очень большим, à la David. На днях Сомов напомнил: «Помните, vous êtes engagée! Вы не можете мне отказать!» «Да вы ко мне сами охладаете» «Я не могу. Как я вас тогда увидел у камелии в белом и с оранжевой шалью. Этого нельзя забыть». «Да осенью нет камелий!» «Я достану». <...>

Та *Среда* вышла неожиданно пышная. Я думала, что всем надоели *Среды*, и в 11 час (было всего чел<овек> 12) отослала Аюту. Вдруг принялись валить. И новые по рекомендации прежних. И Ida Aalberg. Самовар мамин кончается. Я проклинаю судьбу, ибо не имею времени ставить при таком сложном обществе, да и лампу одну нужно всегда долить два раза в вечер. Ida Aalberg моет чашки и в то же время просит экзотического репертуара на будущую зиму. Тэму избирают очень серьезную: Романтично ли современное искусство? Прения открывает Вячесла<в> в чтении отрывков из своей статьи в «Руно»⁴⁴⁸. И подымает очень глубокий слой своим плугом. Человек сорок и много дам сидят и слушают ораторов, как публика в театре, терпеливо, благоговейно. Только я (в последний раз, ибо обещала Вячесла<ву> и Бердяеву больше не бунтовать, а самой участвовать в прениях) спросила голос (по совету Нувеля и Сюннерберга), чтобы заявить, что ничего не понимаю. Собственно, тэма поставилась так: Что современное движение – романтизм или пророчествование? Вяч. определял признак<и> того и другого и говорил, что пророчествование наше сводится к подготовке *органической* эпохи, которая должна сменить теперешнюю критическую (Это будет эпоха интеграции в противоположность эпохи дифференциации: термины, за которые я и разбесилась). <...>

В эту *Среду* (Ida Aalberg на 2 недели в Финляндии, поэтому тэма «Актер будущего» отложена) была тэма «Факелы», но литерат<урное> отделение поставлено вперед. Читала жена Щеголева, молоденькая актриса (т.е. теперь она не играет) сначала стихотв<орение> Брюсова «Приходи путем знакомым...» по просьбе Вячеслава на первом месте (по-моему, раззолоченная ложь) очень хорошо, и потом стихотворение Вячесла<ва> «Перед жертвой» («Факелы») так дивно, что я впервые понял<а>, что актер может читать лучше поэта. У меня чуть судороги не

⁴⁴⁸ Имеется в виду статья «Предчувствия и Предвестия: Новая органическая эпоха и театр будущего» (Золотое руно. 1906. № 4). Продолжение статьи печаталось в № 6, но, судя по всему, к моменту *Среды* это продолжение еще не было написано.

сделались от ее ритмики и трепещущей глубокой интерпретации, а также дивного глубокого голоса. Если бы Вера слышала, она поняла бы, что такое актер будущего, и, может быть, он к ней ближе, нежели актер настоящего. Читали потом Сологуб, Городецк<ий>, Вячеслав три новых стихотворения, Волькенштейн и произвела гром рукоплесканий Ольга Беляевская: какой язык богатый русским словом, сиянием <?> простоты, последнее стихотворение посвящено Ремизову «Кикимора». Оправдание Кикиморы. Ремизов был очень доволен, даже кряхтел. Публика просила В<ячесла>ва прочесть еще стих<отворение> Сомову, которое всем чрезвычайн<о> нравится (даже Батюшкову).

Очень живо прошла тэма. Я вела себя хорошо. Говорила первая, что такое «Факелы», хотя сначала и отказалась, объявив, что у меня ум, мозг не культивированный, потому что университета я не прошла. Но потом все же (так как вышла заминка. В<ячесла>в было предложил, чтобы раньше высказались не факельщики) запросила снова и сказала о расколдовывании мира, т.к. всегда в мироздании не все благополучно и т.д.

Субб<ота> 5 часов. Увы, вчера не отослала письма. Пришел Сомов. При нем Лиза Зиновьева и девочки Блок⁴⁴⁹, потом бежали мы трое на обед к Бердяевым и оттуда все на вечер к Манассеиным. Там было общество не обыкновенное их, а изысканное для нас: Ростовцевы, Котляревские, Дымов, Ремизовы, Бердяевы, мы, художник Мурашко. Было весело, даже после ужина пели: Соловьева дивным контролем в темноте без аккомпанемента русск<ие> песни и романсы, потом заставили меня, и я с эффектом и позорно распушенным голосом Habanera, но осветила меня, т.к. я была в красном хитоне с оранжевой шалью. Эффект огромный, прямо фурор. Только Ростовцев и В<ячесла>в божественно серьезны. Комическая штука вышла у Дымова. Он попросил позволение передрознить Вяч<есла>ва, читающего на Среде стихотворение. Встал в позу, поправив пенснэ рукой, прижав его к носу. А я говорю: «Нет, не позволяю, вы плохо передразниваете!» а он вдруг ко мне: «Ты мне своими шашнями отравляешь все Среды!» Хохот невероятный и т.д. Подражал В<ячесла>ву бесподобно, особенно в манерах... (Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 5-11).

18 апреля, во время сеанса Сомова, у Ивановых появился второй раз М. Кузмин. И если первый его визит оставил обе стороны неудовлетворенными, то, по воспоминаниям самого Кузмина, «с первого же моего прихода на Башню во время Сомовского сеанса вопрос о дружбе моей с Вяч. Ив. был решен»⁴⁵⁰. Для довольно многих событий конца весны и лета 1906 года этот визит был весьма значимым.

Сезон Сред был закончен довольно рано, 26 апреля. И снова при описании последних двух собраний Зиновьева-Аннибал не может отделить их от прочих событий собственной жизни, что свидетельствует о том, что слияние казалось бы решительно отделенных друг от друга

⁴⁴⁹ Е.Н. Зиновьева – жена брата Зиновьевой-Аннибал А.Д. Зиновьева. Девочки Блок – близкие знакомых (или даже родственники) Зиновьевых, не имеющие отношения к поэту.

⁴⁵⁰ Кузмин М. Дневник 1934 года. С. 92.

сторон действительности уже произошло; при этом оно начинает осложняться новыми замыслами, как официальными, так и неофициальными. Из действительных издательских дел отметим учреждение нового сатирического журнала «Адская почта» (его вышло всего 3 номера), а из дел сугубо интимных – основание общества «гафизитов», также решенное во время последней среды.

И еще кажется нужным подчеркнуть, что теперь Зиновьева-Аннибал решительно отодвигает в сторону политику и требует от своей эпистолярной собеседницы того же. То, что еще так недавно во многом определяло обстановку Сред, теперь становится пережитком, основные устремления Ивановых и их гостей все более и более удаляются от текущих событий. Письмо, которое мы воспроизводим в наиболее значительной его части, писалось с 24 апреля по 1 мая ⁴⁵¹.

Уже утром отправила картолину. Но это последняя неделя такого ужаса. Последняя Среда. <...> Та Среда: 41 чел. Тема: вновь о «Факелах» и мистическом анархизме. Литературное отделение – стихи: читала Щеголева Верхарна в переводах Брюсова и еще раз «Перед жертвой» (в Понедельник перед той Средой мы ходили к ней с Вячеславом и свезли его стихотворение, написанное им ей в благодарность за прочтение ⁴⁵². Она была так тронута, что говорила, что это счастливый день ее жизни и она как во сне. Она прелестного типа, тонкая, застенчивая, внутренняя женщина. После нее я была у мамы ⁴⁵³ и не застала, и еще у Блоков – поэта с женой <...>). После Щеголевой читал Городецкий и по требованию публики еще раз Вячеслав читал терцины Сомову «О Сомов, чародей...» и «Фейерверк» ему же по поводу его картины на выставке. Потом Белый читал свою карикатурную ⁴⁵⁴ статью «Феникс». Было скучно большинству, но Вячеслав увлекал и пришел в восторг, больше от снова блеснувшей надежды найти нить общую с Белым... Только я порасхолодила их, спросив Белого, не черным ли пуделем чертовским кончат он свою теодицею. В течение этой ночи несколько раз гости лазали на крышу, сначала при звездах, потом к утру, уже при свете. Вид и освещение были фантастичны и совсем невероятны. Мы бродили на семиэтажной башне вдоль карнизов и в месте труб по бесконечной крыше нашего дома-великана. На мне был бледно-лиловый хитон с белой шалью. Это было красиво в утреннем свете. <...>

Четверг 7 час. утра. <...> Апофеоз Сред – наша прощальная Среда. Напрасно считать гостей, их было за пятьдесят. За время прений «В чем состоит Красота Жизни?» посреди hall нашей я втиснула между креслами и стульями ковер, и мы сели на пол: Сомов, Кузьмин <так!>, Чуковский, Настя Чеботаревская, я и еще другие. Нам принесли изумительный букет из больших лилий, роз, гвоздики, гиацинтов, прямо великан,

⁴⁵¹ Небольшие фрагменты его опубликованы: Богомолов Н.А. Михаил Кузьмин: статьи и материалы. С. 70.

⁴⁵² Имеется в виду стихотворение «Самоотчуждение» (II, 330).

⁴⁵³ Речь идет о матери Замятиной – Павле Афанасьевне Замятниной (ум. 1914).

⁴⁵⁴ В оригинале: колитантурную.

как подают любимцам-артистам с <1 нрзб> розовыми лентами, где золотыми буквами отпечатано: «Лидии и Вячеславу Ивановым от друзей Сред». Это было érotant воистину. Также от Ремизовых явился куст ромашки – целая роща, т<ак> что когда его поставили, комната оказалась ромашковым лесом. Лазали на крышу. Там говорились стихи. Потом продолжались прения. Поставил Вячеслав вопрос, к какой красоте мы идем: к красоте ли трагизма больших чувств и катастроф или к холодной мудрости и изящному эпикуреизму. Это то, что все это время занимает меня как проблема душевная и художественная. Много виноваты в столь острой постановке ее во мне – Сомов, Нувель и их друг поразительный александриец поэт и романист Кузьмин – явление совсем необыкновенно<е> и тихим ядом изысканных недосказанностей приготавливающий новое будущее жизни и искусству и всей эротической психике человечества. Есть у нас заговор, о котором никому не говори: устроить персидский, Гафисский кабачок, очень интимный, очень смелый, в костюмах, на коврах, философский, художественный и эротический. На будущей неделе будет первый опыт. Пригласили мы основатели т.е. Вяч<еслав>, Сомов, я и Нувель еще Кузьмина, Городецкого и, увы, Бердяевых (боюсь, что они не подходят, потому что в них нет ни тишины, ни истинного эстетизма). Прощание со Средами было совершенно неожиданно трогательным. Да, после прений читалось еще немало хороших стихов, Щеголева прочитала В<ячесла>ва «Бессонницу» и Брюсова «В публичном доме», читал много Городецкий. Меня Вячеслав заставил председательствовать, что я делала со всяким комизмом и анархизмом, хотя Сомов любовался на мой силуэт на рассветном небе. Ушли около 4 ½ утра. Прощались все так ласково и по-человечески, что не хватало место <так!> на моих руках для поцелуев, а с дамами (обе были впервые – Лукш-Маковская, скульптор венский, и еще кузина Сюннерберга, очень глубокая и, кажется, несчастная девушка) всеми прощалась горячими поцелуями, даже с некоторыми мужчинами, и какая-то несомненная атмосфера любви и растворения одиночества индивидуального существовала в этот вечер. Городецкого мы оставили ночевать. Еще бродили по крыше, я поставила самовар, пили чай. Говорили странно без решеток о любви, он сказал свой роман ⁴⁵⁵. Легли все в 8 утра. В 11 он убежал «с Кольцами в зелень», как написал на записке в кусте ромашковым. Но нельзя написать мало-мальски адекватно истине. Я не умею найти стиль для этих дневников. Даже рябь поверхности не передается, и так многое не могу сказать, потому что показалось бы странным и не тем. Как же сказать черный фон глубины, трагедии, на котором мы ведем свой хороший муз... Ведь 26-ого – Среда была кануном 27-ого! и (sic) ни слова не было сказано о Думе ⁴⁵⁶. – И, ради Бога, не пиши мне о политике. Неужели ты не замечаешь, что я не пишу никогда о ней, ты же наполняешь ею две страницы. Для меня, впрочем, политики не существует и не существ-

⁴⁵⁵ Летом 1906 г. у С.М. Городецкого родилась дочь Ия от женщины по имени Ольга Александровна (возможно, по фамилии Вебель).

⁴⁵⁶ 27 апреля 1906 в Таврическом дворце (т.е. совсем рядом с квартирой Ивановых) начала работу 1-я Государственная Дума.

вовало. Если невозможное 18-го октября осталось навек невозможным, – я молчу, я «посыпала главу пеплом» и молчу. Пусть все совершается, как совершалось всегда и совершится. То я не хочу, то не мое, то не моего Бога. Молчи и ты со мною. – Каждое слово, произнесенное в этой области, ссорит меня с Вячеславом. «Одним Всецелым умирима и безусловной синевою»⁴⁵⁷. Он написал это обо мне, но он же и восстает за это на меня. Моя индивидуальность крепнет, и крепнет новая жизнь, которая не хуже прежней, которая заманчива и хочет быть легкой, легкой, как пляска на туманах утренних над бездною... *Я не мирюсь ни с чем...*

Думаю, что из написанного ничего нельзя понять. Все равно. Хуже, если поймется превратно; лучше уж ничего.

Понедельник 1 Мая. Впрочем, последние три страницы были написаны также сегодня. Что было после той еще Среды 19-ого Апр<еля>? В пятницу обедали у меня Сомов и Нувель. Это интимно эстетический и, скажу, эротический наш кружок. С ними входит атмосфера какого-то глубоко красивого эпикурейства в его истинном смысле с его фоном трагической мудрости, ведающей безнадежность мира. Они оба люди очень добрые и очень честно относящиеся к России. А Сомов еще вдобавок великий художник. Нувель нас прямо полюбил как потребность умственного и душевного общения, почти прибавила бы и физического, если это можно понять очень верно и совершенно, впрочем, в прямом смысле.

В Субботу у меня иной обед: Белый и Аничков. Белый, скользкий холодный угрь <так!>, к которому я была очень ласковою и поста<ра>лась из-за всех сил <так!> отнестись к нему *с нова* <так!>. Он платил мне сто тысячами улыбок и «ах» вежливыми и соответственными и казался очень тронутым, но, увы, не верю в угрей скользких и холодных. Москва враждебна и не симпатична, т.е. Москва нового искусства. Аничков засиделся долго и рассказывал трагедию своей жизни. Мы были очень с ним ласковы. <...>

5 ½ веч. <..> Во вторник было на сеансе Сомова заседание «Адской Почты»: Дымов, Куприн, Гржебин, Чулков (не пришел), Сомов и Вячеслав. Читались рукописи для 1-ого №. Приняли мой «Отрывок из письма о неблагополучии мира», в особенности понравившийся, даже живо <так!> задевший Куприна. Сомов сказал (это сплетничал Вяч<еслав>, потому что я отсутствовала на заседании). Они только попросили меня прочитать им. Это было как-то не очень приятно лично отдаться на суд. Меня «Скорпион» (с которым я поссорилась) все-таки избаловал безусловным приемом всякой моей строчки) Сомов сказал лаконично и веско: «Мне нравится и по форме и по содержанию». (Кстати, «Адская Почта» выходит на днях. Еще не вышла). Они отвергли Арцыбашева, Ремизова, самого Куприна (он не решился прочитать, сказав, что сам находит вещь свою плохую), одну вещь Горького. Другую Горького приняли. Итак, в первый № выйдет из *рассказов* фундаментальных Горький и я. Ужасно мне стало жутко. <...>

Был Чулков и читал стихи свои новые недурные. Когда все ушли, мы с Вяч<есла>вом сели к окну и тихо я прочитала ему роман «Крылья»

⁴⁵⁷ Из стихотворения Иванова «Ты – море» (I, 762-763).

Кузьмина, совершенно тонкая, новая и ядом тончайшей красоты пропитанная вещь ⁴⁵⁸. Это был вечер поэзии. В пятницу мы были вечер у Добужинских <...> В Субботу был у нас троих интимный пир по случаю оконченного портрета. Сомов принес дивный горшок с пятью лилиями В<ячесла>ву и большую гортензию голубую мне. Я ездила в город с утра и купила курочку, закусок, чесноку и масла для салата и 2 бут<ылки> шампанского. Пили, говорили без конца, очень любили друг друга и разошлись к 2-м часам (Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 12-20об).

Отметим, что подробное описание последней официальной Среды сделано в дневнике Кузьмина ⁴⁵⁹. Но своеобразные итоги всего сезона подводились как в печати ⁴⁶⁰, так и в переписке. В несколько шутовском тоне, но оттого не менее серьезно Блок писал В. Пясту: «В деревне буду отдыхать и писать – и мало слышать о “религии и мистике”, чему радуюсь. В последнее время не бывал нигде, но все еще, пройдя экзаменное горнило, чувствую “жар и зной” последних “сред”, на которых, по рассказам, многотысячные толпы алчущих все еще... говорили о “мистическом анархизме”. При этом, ввиду сильного атмосферического давления, многие говорили на крыше, вися над безднами, и с высоты седьмого этажа видели, как за освещенными окнами “думает” новое правительство» ⁴⁶¹. Тому же Пясту сообщал С.М. Городецкий: «Бывал на последних средах, но приходил поздно. Это всего этого как-то отхожу. Темные места сред и тому подобного особенно выделяются. <...> В искусстве несомненно нарастает совсем другое, чем говорится, думается и пишется. Такие факты как Ремизов, новый фазис Бальмонта, пропускаются без внимания... <...> Нужно отметить опять из литературы: 1. Стих<отворение> В. Иванова “Сомову”. Чудесные терцины, дающие полную характеристику, до самых подробностей, почти со зрительными впечатлениями. 2. Стих<отворение> Блока “Незнакомка”» (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 246) ⁴⁶².

С закрытием официального сезона можно было бы ожидать снижения интенсивности встреч, однако по крайней мере еще на месяц затянулись Среды («Среды еще бывают, неофициально», – писал С.М. Городецкий Блоку 3 июня [ЛН. Т. 93, кн. 2. С. 26]), и еще более заняло внимание обитателей «Башни» новое предприятие – кружок «гафизитов». Поскольку практически все материалы, относящиеся к нему, уже обнаружены ⁴⁶³, мы можем обойтись лишь краткой формулировкой той ситуации, которая сложилась на «Башне» в начале мая: редким и не-

⁴⁵⁸ Зиновьева-Аннибал читала роман по рукописи; он был опубликован только в 11-м номере «Весов» за 1906 год.

⁴⁵⁹ Кузьмин М.А. Дневник 1905-1907. СПб., 2000. С. 137.

⁴⁶⁰ См.: Эрберг Конст. Художественная жизнь Петербурга // Золотое руно. 1906. № 4. С. 80-83.

⁴⁶¹ Блок Александр. Собрание сочинений: М.; Л., 1963. Т. 8. С. 154.

⁴⁶² См. также: Андрей Белый о Блоке. С. 229-230.

⁴⁶³ См.: Богомолов Н.А. Михаил Кузьмин: статьи и материалы. С. 67-98. Довольно существенные добавления см.: Кузьмин М. Дневник 1934 года. С. 93, 98-99.

официальным Средам сопутствовали встречи интимного кружка, построенные во многом на отталкивании от обстановки Сред: вместо продуманной и выдерживаемой программы – вольное общение; вместо серьезных философских обсуждений – или вообще отказ от них, или же приход к высоким вопросам через игровые ситуации; вместо почти безгранично широкого круга посетителей – строго ограниченная группа; явно отличались внешность присутствующих (на «Гафизе» было принято переодеваться) и их манеры («Все были на “ты”, как в маскараде, и у всех были имена», – вспоминал Кузмин в 1934 году). Нельзя не упомянуть и сильную гомоэротическую настроенность многих «гафизитов», в том числе – в данное время – и самого Иванова.

Ретроспективно Кузмин писал: «...”Гафиз” закрылся. Всего было собраний семь-восемь с разными промежутками. Влияние его, однако, если посмотреть теперь назад, было более значительно, чем это можно было предполагать, и распространялось далеко за пределы нашего кружка»⁴⁶⁴. Кажется, число встреч было Кузминым преуменьшено, особенно если считать не только те, где собирался кружок в полном составе, но и те, где отсутствовал ряд членов. Во всяком случае, мысли о продолжении или возобновлении «Гафиза» существовали по крайней мере до лета 1907 года. Мы же ограничимся здесь информацией о внегафизических встречах и времяпрепровождении Ивановых до радикально переменившего их жизнь события – отъезда Зиновьевой-Аннибал в Женеву, состоявшегося 8 июля. Башенная жизнь этого времени подробнейшим образом описана Ивановым в письмах к жене, которые фактически представляют собою дневник и предполагаются нами к печати именно в виде дневника Иванова 1906 года. С ее возвращения началась совершенно другая жизнь, которая должна быть представлена уже не с опорой на письма к Замятниной, а на основании других источников.

В недатированном письме Зиновьева-Аннибал описывала первые встречи после завершения официальных Сред. События, о которых идет речь, происходили 30 апреля, 2 и 3 мая.

Что касается продолжения дневника, то я остановилась на вечере в воскресенье у Манасеиных. Там было много выпито и немного слишком шумно. Но в конце вечера, вернее, ночи, когда уже кружок стеснился, что-то прекрасное случилось с Ростовцевым, который все повторял: «Слушайте, я это говорю теперь и больше никогда не скажу», и открыл перед нами глубоко экстатическую душу, призывающую Чудо и живущую только верою в древнюю *живую* Красоту. Потом он характеризовал Куприна и Вячеслава, и всех нас (меня – как написавшую «Кольца»), благословил на наше дело! Он был так прекрасен и говорил так умно и остро-проникновенно, что я была как в прекрасном волшебном сне. И прощаясь, я поцеловала его в губы. А перед тем, как мы дико спорили на тэму «О вражде полов», где были выбраны представителями – я от женщин, Allegro от мужчин. И я велела мужчинам любить мужчин, а женщи-

⁴⁶⁴ Кузмин М. Дневник 1934 года. С. 99.

нам женщин с влюбленностью древнего Эроса, и при встречах страстных между *двумя* полами не скрывать от себя свою вражду.

Пусть так окрепнет каждый пол и вызреет в великий и прекрасный тип, и тогда, быть может, в момент высшей силы через много поколений встретится мужчина и женщина великою встречей *любовного* слияния. Но теперь борьба и, конечно, не за равноправие, а за первенство.

Тут перешел разговор или, вернее, страстные прения на физические доказательства преимущества мужчин как силы активной и потому могущей дать или не дать. На что я, мне кажется, нашла спасение в сообщении, что если зарождение человечества и в руках мужчины, т.е. его воли, зато в воле женщины *рождение*, и не захочет она – все усилия мужчин будут излишни: она умрет, но с собою унесет и человечество. Останутся горы, цветы и звери. Началась беседа с речей в хвалу льда и вина. В<ячесла>в говорил о высшей красоте аполлинической многогранного и кристального льда и *холоде* Красоты и его союзе с огненным Вакхом.

Была очень интересная женщина, феминистка крупного типа – амазонка с секирой, жена одного художника. Она принадлежит к обществу женщин во имя Красоты пляшущих и фехтующих нагими. Но это она сообщала тайно. Впрочем, ее имени не выдаю и прошу этого чужим не читать.

Вернулись в 7 часов.

Во вторник было важное собрание, о котором писать не имею права по общему согласию его членов-друзей ⁴⁶⁵.

Среда все же собрала человек двадцать, более близких. Темы не ставили *принципально*. Прошло с шутками, и ловко передразнивали лиц: Дымов и Аничков. Но чувствовалось, что люди от Среды *требуют* Среды и недовольны, когда она как просто вечер (Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 9-10об).

Несколько подробностей в описание Среды добавляет дневник Кузмина: «...немногочисленность гостей, большая привычка к ним делало более уютности. Аничков представлял всякий вздор, потом Дымов. Вяч<слав> Ив<анович> обиделся на Нувель за вчерашнее <...> Разбирая, кто похож на какое животное, меня сравнили с серной...» ⁴⁶⁶

Еще одна известная нам Среда состоялась 24 мая. Зиновьева-Аннибал писала о ней в недатированном письме так:

Среды стали скромными, хотя прошлая, благодаря душе Гафиза, присутствовавшей на ней (были и Гафисцы <так!>), оживилась. Дурачился Бердяев, его выбрали председателем, мы легли на ковер на пунцовую занавесь, головой на пунцовой <?> (твоей) подушке, к его ноге прикрепили звонок, и так он председательствовал. Тема – «О поле». Сначала Ремизов говорил ужасно забавные и страшно смелые вещи, и стоял хохот, потом В<ячесла>в перевел все на физико-мистико, т. сказать, и стал диспут серьезным очень. Были писатель датчанин и скрипачка датчан-

⁴⁶⁵ Имеется в виду первая встреча «гафизитов», подробно описанная в дневнике Кузмина.

⁴⁶⁶ Кузмин М. Дневник 1905-1907. С. 140.

ка, его подруга, с которой умеющие говорили по-английски. Она играла. Когда ушли не Гафисцы и Бердяев, остался состав Гафиза, и до шести утра, встретив еще в 3 часа солнце, продолжали тему на вопрос о том, что такое поцелуй, диспут шел полу по латыни, ибо уже говорилось все до конца. И было многое сказано хорошо, и много вышло наружу правды. Мы теперь выдаем людей столь разных, что прямо непонятно и прекрасно. Вчера днем была Колмакова, прекрасная, горящая душа, С.Д. и ищущая духа и добрая до полной красоты. Была несчастная талантливая Мирэ, которую я грею, как могу (она была изнасилована 15 лет, 20-ти в политической ссылке, а потом в Париже, брошенная любовником, сделалась моделью), теперь она пишет, и недурно, живет этим впроголодь, уже некрасива, хотя всего ей 32 года. – А вечер провели у Кузьмина, где слушали его песни Александрийские, подарившие мне мир, осязаемый гармонический мир красоты, слитого с душою неразрывно и верно тела, покорного Майе, и мудрого *отречением от познания*. Александрии не исторической, а какой-то «Каковии» тонкого, пьянящего сладостно поэта. Кстати, и красив экзотично Кузьмин, которого я назвала (и все «друзья» приняли) Антиномем. <...>

Вячеслав и Чулков на днях выпускают книжку филос<офских> статей факельных. У Вячеслава тоже сто замыслов. Принялся с жаром за «Прометея», а нужно начать печатать свою большую книгу статей и диссертацию. И хочется писать роман «Северный Гафиз» и т.д. и т.д. (Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 37об – 39 об).

В уже цитированном письме к Блоку С.М. Городецкий также вспомнил именно эту Среду: «Председательствовал Бердяев, лежа на полу, потому что говорили о поле. Все вопросы нерешенные, у Иванова четыре пола, у Бердяева преодоление смерти не родом (с семьей), а замкнутой личностью. Ремизов за детей. Выразился по-ремизовски. У меня два пола и Третий (бог, сущее, экстаз), создаваемый их слиянием. Никто ничего не узнал, а говорили долго» (ЛН. Т. 93, кн. 2. С. 26). Довольно подробен был Кузьмин, в дневнике своем зафисировавший присутствие всех «гафизитов» (в том числе и исключенной Л.Ю. Бердяевой), Ремизовых, Б. Лемана и датского писателя О. Маделунга. Относительно содержания беседы он записал: «Бердяев председательствовал, лежа на полу между свечей, со звонком, привязанным к ноге, и потом отлично говорил. С тем, что говорил Вяч<еслав> Ив<анович>, я не был согласен ни с чем. Ремизов ехидно и коварно шутовался, все говорили враз и потом долго отдельными группами с жаром и с интересом. Датчанка смотрела, будто готовая сойти с ума. Говорил и Городецкий, постепенно как-то по-новому освещающийся для меня. Потом остались одни гафисты и долго еще беседовали о поцелуе, было очень много словесности и мерещковщины, и я был очень рад, когда Сомов сказал, что скорее всего согласен с моим мнением, которое было найдено циничным»⁴⁶⁷.

Это особенность существования «Башни», где разгорались не только словесные обсуждения, но и вполне плотские вожделения, так что

⁴⁶⁷ Там же. С. 155.

Зиновьева-Аннибал была даже вынуждена задуматься, подходят ли они старшему ее сыну. Вообще Сергей Константинович Шварсалон (1887-1940-е?), после блестящего начала школьной жизни доставлял матери и отчиму немало хлопот. В 1905 г. он начал слушать лекции в Женевском университете ⁴⁶⁸, после возвращения в Россию учился в Дерпте, куда попал по протекции Иванова, то и дело попадая в скандальные ситуации. Но еще только обдумывая его возвращение, 19 мая Зиновьева-Аннибал написала Змятниной тревожное письмо: «Как будет жить Сережа. В конце концов случилось, что квартира стала тесна. При таком напряжении всех сил, при таком круге знакомств я *должна, чтобы жить*, иметь свой тихий угол для сна и труда. Вячеслав живет совсем своею жизнью, и здесь жизнь такая страшно неумолимая, что если нарушится равновесие, прямо ужас меня берет, что не выдержит силами и что не совершит намеченного и необходимого круга. Затем образовавшийся совсем тесный круг *друзей* наших такой своеобразный и такой своеобразно-интимный (Сомов, Нувель, Кузьмин, Бакст, Городецкий), что новая, своя жизнь Сережи не должна бы стесняться этою нашею установившеюся своеобразною жизнью. Он должен бы иметь всегда приют умственный и сердечный у нас, но быть свободным от нас и нам оставлять нашу свободу от родительства» (Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 33об-34).

Но пока что, без него, жизнь продолжается своим чередом. 4 и 5 мая мы находим Ивановых в гостях у Кузмина, 8 мая состоялось второе собрание «Гафиза». 10 мая прошло и третье его собрание (без Кузмина, который записал на следующий день: «...говорят, было скучно. Бакст все-таки предлагает некоторую ритуальность и символичность» ⁴⁶⁹). 12 числа Кузьмин приходит к Ивановым в гости. 16 числа Зиновьева-Аннибал сообщает Змятниной: «Только что Вяч<еслав> хворал какой-то желудочной инфлюэнцией. Но при этом все писал свои статьи: Предисловие к книге Чулкова, и в “Руно”, и ответ Брюсову в “Весы” в защиту “Факелов” ⁴⁷⁰. А я вчера написала рассказ: “Тридцать три урда” ⁴⁷¹. Это моя мука высказалась в очень странной форме. Задуман он давно. Только, увы, так как я рассорилась с “Весами” и не в мире с “Руном”, то поместить *такой* рассказ – негде. Ужасно это» (Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 25 об-26).

В тот же день, 16 мая, прошел очередной вечер «Гафиза», описанный в дневнике Кузмина. Но, видимо, после этого Иванов опять почув-

⁴⁶⁸ См.: Богомолов Н.А. Вячеслав Иванов об университетском образовании // Филологические науки. 2007. № 3. С. 28-35.

⁴⁶⁹ Кузьмин М. Дневник 1905-1907. С. 145.

⁴⁷⁰ Речь идет о книге: Чулков Георгий. О мистическом анархизме / Со вступ. статьей Вяч. Иванова «О неприятии мира» (СПб., 1906) и двух статьях: окончания «Предчувствий и предвестий» (Золотое руно. 1906. № 6; устанавливается на основании письма Н.П. Рябушинского к Иванову от 13 мая, где он напоминает о 16 мая как о крайнем сроке присылки [Карт. 33. Ед. хр. 102. Л. 1]) и не раз упоминавшейся «О “факельщиках”...» (Весы. 1906. № 6; 19 мая Брюсов извещал Иванова о ее получении).

⁴⁷¹ Окончательно отделана скандальная повесть была позже: Зиновьева-Аннибал отправила ее Иванову 26 июля (н.ст.), он обсуждал ее в письме к ней от 29-31 июля ст. ст.

ствовал себя больным. 20 мая Ремизов написал В. Пясту: «Вяч. Ив. Иванов захворал...»⁴⁷². Об этом говорит и то, что Кузмину 17 мая заставить Ивановых дома не удалось. 22 мая прошел подробно записанный Кузминым вечер «Гафиза», 23-го Иванов был у него в гостях, 24-го, как мы уже писали, состоялась Среда, после чего на следующий день Ивановы снова были у Кузмина в гостях, долго слушали его песни, потом гуляли. Зиновьева-Аннибал описала этот визит в письме от непонятного числа (сохранился отдельный лист): «Вчера были у Сюннерберга, куда всю зиму я не могла собраться. Каждый вечер как-то проводится проводить с Сомовым, и вчера с ним была интересная беседа. Но вечер был утомителен и неинтересен. До этого еще были мы с В<ячеславом> (я поспала раньше и пришла за Вяч<есла>вом туда к 10 час. веч.) до 11 ½ ночи у Кузьмина. Он играл и пел свои поразительно изящные и неожиданные композиции. Между прочим, и на стихи В<ячесла>ва “Виноградник свой обходит...””, который он написал уже давно. Он человек сложный бесконечно, и вместе с тем цельный как вылитый со своими глазами-звездами и ласковой речью древнего Александрийца. Сегодня устала, устала и устала. Кстати, сильно кашляю. А на дворе жара дикая, в тени 23° Реомюра! Но на башне божественно хорошо. И с В<ячесла>вом политических разговоров нет. Он весь в распланировках и устройствах своих книг» (Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 11 и об).

26 мая, как мы узнаем из дневника Кузмина, большую часть дня и весь вечер у Ивановых был Ю.Н. Верховский. 27 мая у них обедал Кузмин, после обеда Иванов отправился в редакцию «Адской почты», а Кузмин с Зиновьевой-Аннибал – в Таврический сад, что весьма выразительно описал в дневнике. 29 мая прошел очередной «Гафиз» без Сомова и Бердяевых. 31-го состоялась похороны матери Сомова на кладбище Новодевичьего монастыря, а вечером – подробно описанные в дневниках Иванова и Кузмина беседы с Нувелем, Бакстом, Сюннербергом и Кузминым и потом с видными кадетами С.А. Котляревским и П.Б. Струве. Что касается этих последних, то Иванов был хладнокровен; Кузмин с его отвращением к политике – недоволен, Зиновьева-Аннибал же была даже еще более решительна, чем Кузмин, описывая вечер в письме к Змятниной от 4 июня. Впрочем, мы приведем письмо более обширно:

Дорогая, нежно любимая Мару, события вот <?>: Еще Гафиз, но увы без Сомова: у него умерла мать тою же болезнью, как и моя (я ее не знала). Когда я с В<ячеславом> приехали во вторник на панихиду, то он подошел ко мне у гроба и поцеловав мне руку, поцеловал в губы. Это меня до глубины тронуло и навек соединило с ним. Ты не знаешь, что за красота в этом тонком, из дивных противоречий сплетенном художнике, он весь одно произведение искусства, и он не виноват, что Баксту недоступно нервное его лицо, бледное матовою, густою бледностью, к которой так идет зеленый цвет, умный, то нежный, то шаловливый взгляд его темно-карих, почти черных глаз и милая непокорная мальчишеская рас-

⁴⁷² РГАЛИ. Ф. 405. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2.

трепанность непокорных темных волос. Может быть, он не красив. Может быть, мал ростом, несколько полн, но я не желала бы изменить черты и повысить его на дюйм. Его небольшие, недлинные руки с пальцами-змейками (каждый последний сустав легко загибается вверх: это их особенность) я безумно люблю. Это какой-то фетишизм. Я целовала каждый палец, и не могу видеть эти руки возле себя без мучительного желания ласкать их и прижимать к щекам, к губам...

В Среду хоронили в Новодевичьем. Познакомились со всей семьей: отцом, невесткой покойного брата, детьми ее и сестрой Конст<анти>на Андреевича. Вечером была чепуха. Гафиситы, вечно прибегающие теперь к нам, пришли (кроме Konst<антина> Анд<еевича>) и... Струве и Серг<ей> Анд<еевич> Котляревский – два тошнявых кадета, принесшие из «Дворца» в «Башню» свою скуку и свои карканья. «Мы прикованы к тачке долга политического, к тачке скуки!» – и плакали оба о культуре, причем один говорил, что ее не было, другой – что она пропала, но оба говорили, что все же ее носители – кадеты. Один пророчил 5 лет революции и варварства, другой 50 лет!

Пришли они в 12 ½ ночи, а в 2 скатили свои тачки с башни вниз. <...> рояль мой приехал, и в Пятницу и вчера Гафиситы весь вечер, всю ночь пели и играли. Также я. Сомов бы<л> в пятницу. Встречали солнце вместе из моей комнаты, где в одной стене <рисунок> два окна дают мне *последний* красный луч и первый золотой. Ужасно странно: у Сомова оказался теплый, глубокий баритон. Вчера Нувель и Кузьмин (Петроний и Антиной) обедали: ризотто, гулаш венгерский с кр<асным> перцем и апельсины. Состояние мое такое: если бы был огромный талант, то написала бы *великие, вечные* произведения, ибо душа моя большое пустое пространство, где образ за образом отражается чисто и бесцельно, и счастьем полно сердце над разнообразием мира. И не нужно единения («Пламенники»). С В<ячесла>вом заключилась жаркая, безразрывно верная любовь.

Целую. Лидия.

P.S. Хотя никогда мы так ярко не расходились, как теперь (даже буквально ссорились не на шутку). Он утверждает в своем облике пророка и апостола, а я – беспринципного созерцателя (Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 4 – 5 об)

Иванов и впоследствии будет обращать внимание на политические события: роспуск Думы, Выборгское воззвание, слухи о введении чрезвычайной охраны – все это отражается в его дневнике и письмах, в отличие от писем Зиновьевой-Аннибал. Но, собственно говоря, дальнейшее перечисление событий на «Башне» вряд ли имеет смысл, поскольку практически все документы, содержащие сведения о них, уже опубликованы. Это дневник Иванова за 1-17 июня (II, 744-752)⁴⁷³, дневник Кузьмина, письма тех же лиц, а также Сомова. Единственное содержа-

⁴⁷³ В публикации довольно много неточностей, но они не мешают создать общее представление о ходе событий. Напомним, что полностью этот дневник готовится нами к печати по рукописи.

тельное письмо Зиновьевой-Аннибал также было уже ранее опубликовано. Но и то, что мы узнаем из этих писем и дневников, уже в гораздо большей степени является частной жизнью, чем то, о чем мы говорили ранее.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СРЕДЫ У ВЯЧ. ИВАНОВА: ХРОНОЛОГИЯ

1905

- 7 сентября. Первая Среда (?).
- 14 сентября. Чтение стихов и прозы с участием К.Д. Бальмонта.
- 21 сентября. Чтение стихов В. Пястом. Беседа Вяч. Иванова и Мережковского.
- 28 сентября. Без определенной программы.
- 5 октября. Вечер «реалистов». Чтение рассказа М.П. Арцыбашева «Тени утра».
- 12 октября. Беседа о событиях современности.
- 19 октября. Беседа о событиях современности в присутствии «реалистов».
- 26 октября. Неизвестно, состоялась ли.
- 2 ноября. Чтение рассказа А.П. Каменского «Четыре».
- 23 ноября. Чтение стихов.
- 30 ноября. Прения о поле (Вяч. Иванов и В.В. Розанов).
- 7 декабря. Собеседование о любви.
- 14 декабря. «Одиночество и анархизм».
- 21 декабря. Доклад А.И. Гидони, диспут Вяч. Иванова, Мережковского и Сюннерберга.
- 28 декабря. «Религия и мистика». Прервано обыском в квартире Ивановых.

1906

- 4 января. Беседа о событиях современности.
- 11 января. «О декадентстве как философски-идейном движении».
- 18 января. «Религия и мистика» (доклад Л.Е. Габриловича), чтение стихов.
- 25 января. Чтение стихов.
- 1 февраля. Чтение прозы и стихов. Беседа «Федор Сологуб».
- 8 февраля. Чтение стихов. Беседа «О ритме».
- 15 февраля. «Социализм и искусство» (доклад Е.В. Аничкова).
- 22 февраля. «О Черте».
- 1 марта. «Искусство будущего».

- 8 марта. «Искусство будущего» (продолжение).
15 марта. «Искусство будущего» (продолжение).
22 марта. «О счастье для современной души».
29 марта. «Верность земле» (доклад Дерибаса).
5 апреля. «Романтично ли современное искусство?».
12 апреля. Чтение стихов. «Факелы».
19 апреля. Чтение стихов. «Факелы» и «мистический анархизм».
26 апреля. «В чем состоит красота жизни?».
3 мая. Неофициальная Среда без темы.
10 мая. Нет сведений.
17 мая. Нет сведений (видимо, не состоялась).
24 мая. Беседа о поле.

В жизни семейства Ивановых время с конца лета 1906 г. до конца весны 1907-го было чрезвычайно, едва ли не критически напряженным. Прежде всего это относится к личным обстоятельствам.

21 августа 1906 года из Швейцарии вернулась Л.Д. Зиновьева-Аннибал и сразу окунулась в водоворот, закруживший Иванова, пока она отсутствовала, благо в тот же день из летней поездки в Васильсурск возвратился и М. Кузмин, что давало возможность тут же возобновить интимные встречи с участием С.М. Городецкого, в которого Иванов был влюблен. 29 августа Зиновьева-Аннибал сообщила в краткой открытке М.М. Замятниной: «*Ничего* не известно, и какой-то вихрь, все висит в воздухе, кроме нашей любви с В<ячеславом> и нашего тройственного союза, но весь союз в воздухе, а вокруг рушатся судьбы» (Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 20)⁴⁷⁴. Злоязычный временами Кузмин определил ее состояние гораздо проще: «Диотима трепещет, как бы не остаться ни с чем»⁴⁷⁵. Характерно, что и сама Зиновьева-Аннибал могла описывать происходящее с ними в различных тональностях. Так, в недатированном письме к Замятниной господствует тональность трагически-возвышенная: «Дорогая Марусенька, сама знаю, что это ужасно, мое молчание. Непростительно. Но как мне писать, когда с одной стороны напряжено до того, что нельзя себе и вообразить вечным спехом, а с другой стороны жизнь наша так мучительно непрочна, и что создалось вчера – крушится сегодня, и снова восстает, и живем надеждами и отчаянием. Я отдалась течению и сама уже не умею анализировать ни себя, ни свои переживания. Тяжело очень. Но все лучше тихих пристаней застойных и событиям *нашим* (вернее внешнего мира, потому что у нас троих резко разделились миры на внешний и свой) принадлежит» (Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 34 и об), а в письме к ней же, датированном 8 сентября, – дешевый романтизм срывается временами в деловые и едва ли не цинические рассуждения: «...потом по телефону сказали Вячеславу, что из деревни, куда поехал отдохнуть Городецкий – он уехал без вести, потом пришла Ольга Александровна – подруга Городецкого, и все вместе в страхе совещались. Город<ецкий> в страшной невзрачности и являются худшие страхи. Кстати, завелась беседа о необходимости разрыва между ними, чтобы не было второго ребенка. И страшные глубоко трагиче-

---

⁴⁷⁴ Цит. также: Кузмин М. Дневник 1905-1907. СПб., 2000. С. 483.

⁴⁷⁵ Кузмин М. Цит. соч. С. 214. Запись от 31 августа.

ские сцены. Тут же пришли Сомов и Кузьмин к обеду, горела баранина, рыдала и геройствовала Ольга Ал<ександров>на... Ушла. Кое-как уселись к обеду. Примчался брат Гор<одецко>ого. Составляли телеграмму. Явилась вновь Ольга Ал<ександров>на и до 2 часов ночи продолжалось ее закляние <?> и страшная небывалая комбинация нас троих, и ее слова: “Странно, я люблю всех, кто любит Сергея, но вас я боюсь, не Лид<ии> Дм<итриев>ны, а вас. Я не понимаю, почему вы его *так* любите”. И какой-то поединок между нею и Вяч<еслав>ом за обладание человеком. Не жизнь, а романтический ад» (Там же. Л. 32-33).

Однако к середине ноября отношения между четой Ивановых и Городецким претерпевают период явного охлаждения⁴⁷⁶. Но в то же самое время начинается полоса новых бурь: 20 сентября в Петербург приехал М.А. Волошин, тут же пришел на «Башню», а через день договорился с художницей Е.Н. Званцевой, державшей художественную школу этажом ниже, о том, что будет у нее жить с 1 октября (на самом деле он вселился туда несколько позже, после возвращения из Москвы около 10 октября). Но приехал он не один, с женой, Маргаритой Васильевной Сабашниковой-Волошиной⁴⁷⁷. Постепенное вхождение четы Волошиных (довольно скоро М.А. будет из этого круга вытеснен) в жизнь Ивановых, сложные извивы отношений нуждаются в тщательном прослеживании на основании не только мемуаров и дневников (прежде всего «Истории моей души» Волошина), но и сохранившихся писем, что не может быть здесь осуществлено. Скажем только, что некоторое разрежение сгущенной атмосферы произошло после того, как 19 апреля уже 1907 года Сабашникова уехала в Москву к родителям, куда через 10 дней из Коктебеля прибыл и Волошин.

Вероятно, при расставании Ивановы и Сабашникова условились, что летом Ивановы приедут в орловское имение Сабашниковых Богдановщина. Условия этого приезда обсуждались довольно долго. Так, 2 мая Зиновьева-Аннибал писала Сабашниковой: «А мы здесь всё по-прежнему натягиваем все тетивы, и ночи наши для сна по-прежнему сокращены не в меру. Напряжение очень и очень большое и требует действительно стальных мускулов души и тела. Вячеслав вступил в стихию трагедии. Подхватил своего “Прометея”, составил весь остов в голове и ведет дальше хоры и своего Ковача. Это значит, что он весь погружен в работу. Но при этом еще написал твоих четыре сонета. Два психологических и два изобразительных. При этом он вел огромные корректуры как последних листов “Зверинца”, так и “Цветника”, “длженствующего появиться” в конце этой недели. И last not least для твоего вопроса о скорости нашего переезда, – притащил первый ворох пушкинских книг. Всё же до конца Мая не выбраться. Также до этого

---

⁴⁷⁶ См.: Богомолов Н.А. Михаил Кузьмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 75-76.

⁴⁷⁷ События этого времени отлично документированы в фундаментальном труде: Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1877-1916. СПб., 2002. С. 163 и далее. Сабашникова вспоминала, что они приехали «холодным ноябрьским утром» (Волошина Маргарита (М.В. Сабашникова). Зеленая Змея: История одной жизни. М., 1993. С. 145), что очевидно неверно.

срока будут длиться и экзамены Кости. Так что и дети здесь. Как ты устраиваешься с прислужкой?? Кто будет жить лето в Богдановщине? О себе скажу, что я вся в литературе. Ясно и навсегда поняла бесповоротность своего писательства и поэтому решила, что в жизни мне прежде всего необходима веселость. Но веселость во мне самой <...> А ближайшие дела таковы: “Осел” оказался очень ладным. Был вечерок для решения его судьбы: Сомов, Кузьмин, Сюннерберг, и все они были премного ублажены. А Вячеслав, правя корректуры, решил, что он “лучше Евдокии и лучше всего, что я написала”⁴⁷⁸. И в недатированном письме к Волошину также выясняются вполне житейские подробности и даты: «Мы работаем здесь дьявольски. Чувствуем себя просто и жизненно. Что выйдет из будущего – не знаю. Но в настоящем в нашей жизни *нас двоих* бездонная глубина и полнота через края. Просты мы, в конце концов, до элементарности, и здоровы как-то по-звериному, и религиозны, может быть, тоже по-звериному, и всё, что не такое, – временно поэтическое переживание. Давайте все вместе жить простую, художническую жизнь и любить просто как любится. На всё простое и убедительное каждый из нас отзовется убедительно и красиво. *Очень* тоскливо без известий от вас. Напиши и о хозяйстве. Можно ли детей послать с Мар<ией> Михайл<овной> и прислужою в Богдановщину после 20 Мая? Мы приедем в начале Июня. Катя не справится со стиркой на всё товарищество. Нужна или гарантия в *поденщицах* для стирки, или *3-ю прислужу*»⁴⁷⁹.

Много лет спустя Сабашникова вспоминала об этих событиях и планах: «Когда ночная скиталица явилась в добропорядочный родительский дом, она почувствовала себя по чести обязанной объяснить матери обстоятельства своей семейной жизни: она больше не расстанется с Ивановыми, Вячеслав ее любит, а Макс и Лидия согласны. Мама пришла в неописуемый ужас. <...> Я написала Ивановым, они немедленно ответили, что при таких обстоятельствах они, само собой разумеется, в Богдановщину не поедут; они наймут помещение в имении в одной из западных губерний и там всегда будут рады меня видеть»⁴⁸⁰.

Об отношениях Ивановых и Сабашниковой этого времени отличное предатирование дают два ее недатированных письма, которые мы здесь воспроизведем. Вполне объяснимая истеричность этих писем не могла не создавать чрезвычайного нервного напряжения у всех участ-

⁴⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 78. Л. 4-6. Частично (часто с другими, чем у нас, купюрами) опубликовано: Письма М. Волошина к матери 1896-1914 / Публ. и прим. В.П. Купченко и А.В. Лаврова; пред. В.П. Купченко // Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. СПб., 2003. [Т.] III. С. 359-360. «Зверинец» – книга рассказов Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец»; «Цветник» – альманах «Цветник Ор». «Пушкининские книги» необходимы были Иванову для писания статьи о «Цыганах». «Осел» – комедия Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел». Вечер с его чтением состоялся 25 апреля (Кузьмин М. Цит. соч. С. 351).

⁴⁷⁹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 587. Л. 2-3об.

⁴⁸⁰ Волошина Маргарита. Цит. соч. С. 164-165. Ср. также письмо Иванова к Сабашниковой от 17/30 апреля (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 159 / Публ. Г.В. Обатнина).

ников событий, и именно поэтому как можно более ранний отъезд Ивановых на летний отдых был настоятельной необходимостью. Собственно говоря, о том же для себя размышляла и Сабашникова, но ей, не связанной кругом самых разнообразных обязанностей, было несколько проще. Публикуемые письма ссылавшийся на них В.П. Купченко вполне справедливо датировал «Четвертая неделя мая».

1

Дорогой Вячеслав, Макс сказал, что он уезжает теперь же открыто и навсегда, если не будет прежней <так!> жизни у нас, как вначале до «первой ночи». Если он уедет, то в душе у меня будет мертвое, у меня разорвана душа. Я знаю теперь, как мы связаны. И единственное счастливое, светлое и яркое время было то. И ты помнишь, как после моего письма к Анне Руд<ольфовне> ты пришел ко мне и говорил, что великое произошло; даже если бы вы меня оставили, я бы не мог оставить вас; и потом стал говорить, что нам нужно быть с Максом, была о комнате речь <?>. Ты помнишь эту минуту светлую твою и мою счастливую, самую счастливую. Возможно ли для тебя вернуться к этому или нет? Может быть, эта моя надежда безумна. Я возвращаюсь к этой минуте как единственному залого жизни, п<отому> ч<то> иначе это смерть для меня, одиночество. Я не могу быть сатурновым кольцом. И тогда это будет жизнь дома здесь, пока я не смогу работать, чтобы жить одна. Макс сказал маме, что он не поедет в Богдановщину, и нам не дадут дома. М<ожет> б<ыть>, все устроится, если будет как раньше. Не может быть, чтобы любовь порождала такое отчаяние. Или это дурная любовь. Или моя разорванная душа бессильна. Так разорвана жизнь, что меня нет, где я? Я помню твои губы и твои волосы; и это я, и еще помню крест; и кроме того утра помню еще щедрую ночь. Значит, я еще жива. Ты думаешь, что я еще жива. Но ты не можешь любить того, кто болен. Я сама знаю сейчас, что больна душевно. Скрываю от них, но они, кажется, видят.⁴⁸¹ Макс нет; он не хочет этого. Он очень светлый. И ему жаль, что меня нет. Он тебя любит.

Тебе хорошо? И Лидии? Мне, м<ожет> б<ыть>, не следует теперь писать, но нужно вам знать, а у меня путаются мысли в голове. У меня такой бред наяву все время, все время. Вячеслав, мой милый с золотыми волосами.

Твоя Маргарита.

«Русь» прекратилась и не платит Макс; т.ч. у нас нет денег. Это сегодня узналось.

2

Дорогой мой, прости мне мое последнее письмо. Я знаю, что этому имени нет. Я с ума сошла. Бред не прекращается, и все приносимые

---

⁴⁸¹ Зачеркнуто 2 ½ строки.

мною слова я слышу с ужасом. Все не то. С ужасом думаю, что не смею подходить к людям, не имея себя. Черный бред, и все кружится, но всегда святится ваша жизнь; она всегда свята, всегда свята.

Я потеряла сознание и не знаю, то ли я говорю. Забудь, если можешь, предыдущее письмо, а впрочем – я не помню его, но вспоминая, как я его писала, боюсь за него. Оно, м<ожет> б<ыть>, оскорбило вас. Вот мой ужас, что в бреду я могу убивать словами. В тот день или накануне Макс неожиданно, видя, вероятно, невменяемость мою и чувствуя себя ответственным перед моими (они, мама особенно, очень близка с ним, безумно обо мне тревожится и с ним говорит), сказал мне, что не считает возможным обманно успокаивать маму своим присутствием; не хочет петербург<ского> положения и чтобы я сейчас же ответила, могу ли я открыто быть с тобой, п<отому> ч<то> он открыто расстанется со мною навсегда. Он все делает стремительно, ничего не может скрывать и решил сейчас же и навсегда уезжать. А у меня бред уже начался с его приезда, и вот я не могла ничего ему ответить. Я понимаю, что его положение очень тяжело. Но насильственно что-то решать в бреду я не могу. Открыто и внезапно расстаться с ним — это значило не только навсегда с ним расстаться, но убить мою мать и моего отца, соединясь открыто с тобой.

И вот когда я вижу папу и его седую голову и кротость, я знаю, что не могу его старость оскорбить. Не могу видеть его лица.

В моем черном бреде два смертельных страха – за него и за вас. Боюсь кощунства моей разорванной души. Боюсь себя в этом бреде, п<отому> ч<то> потеряла свой свет и свою правду, и так могу предать. Поэтому и с Максом теперь нельзя мне расставаться; я как слепая и как безумная. Вполне потерять сознание было бы легче; но я помню все время, что могу разбить что-то драгоценное, и вижу строгое лицо, от которого каменеет сердце. Чье лицо? Лидии, или мамы, или стража иного? Страшно мне, Вячеслав, теперь. Есть правда, с которой не страшно разбивать и быть разбитой; но я не написала ее и не знаю своего истинного «я» и его истинной воли.

Я писала тебе много раз, и все было таким бредом, что не отсылала; и не знаю, не бред ли и это. Кажется, нет. Сейчас в душе немного прояснило, и я верю, что найду я свою правду и нашу общую правду.

Вот пришел Макс, и тоже прояснило у него в душе, а то было ему очень плохо. Я еще не написала тебе про сонеты. Они волнуют меня первые два, как воспоминания, второй особенно, он такой подлинный, конец его, но четвертый мне дороже всего.

Вячеслав, милый, молись за меня; у меня страшно мало сил, и сейчас за все время первая светлая минута, и как тяжело мне знать, что мое гадкое письмо уже у тебя. Прости меня, забудь его.

Какие грубые слова я написала там о доме; это все неверно, о прости меня.

Лидии напишу в другой раз. Целую вас.

Ваша Маргарита (Карт. 15. Ед. хр. 9. Л. 45-48 об).

Эти письма нуждаются в некотором комментарии. Газета «Русь», в которой Волошин регулярно печатался, перестала выходить только в

августе, а еще в июне его публикации продолжались. Но существеннее всего, что здесь в нашем повествовании появляется Анна Рудольфовна Минцлова, видная оккультистка, которая сначала вошла в жизнь Волошиных (тогда еще неженатых), а потом, отчасти через них, – и в жизнь Ивановых⁴⁸². В первый год знакомства (В.П. Купченко датирует первую встречу Минцловой с Ивановыми 12 ноября 1906 г.) отношения между ними были очень неровными, и хотя временами тесными, но временами – отдаленными. Судя по всему, как раз в конце весны отчужденность очень увеличилась, поскольку Минцлова была по большей части на стороне Сабашниковой и оказывала в связи с этим недопустимое давление на Ивановых. Именно поэтому на протяжении нашей статьи ее имя будет встречаться не слишком часто, что может показаться несколько странным при той общей чрезвычайно значительной роли, которую она сыграла в жизни Иванова.

Первое упоминание будущего местопребывания Ивановых на все лето мы обнаружили в письме Зиновьевой-Аннибал к дочери от 17 мая: «Затем второе важное известие: Лето мы будем проводить в имении Марусиной тети. В Витебской губернии. Там будет в одном смысле лучше, чем в Богдановщине: это семья Елизаветы Афанасиевны, дети ее старшей дочери (мальчики) и Туля. Там есть седла и возможность иногда ездить верхом. Будет своя корова за 3 р. в месяц. Есть большой пруд с лодкой у дома, т. что можно с утра бежать купаться. Недалеко река Березина. Это Белорусские. Крестьяне очень хорошие, но говорят по-белорусски. Думаю, что там будет уютно, и вода очень важно. Может быть, Маргарита В. приедет к нам. Но она, увы, так больна нервами, что пока всё живет у своих родителей» (Карт. 24. Ед. хр. 25. Л. 29 об-31).

Волошиным же она решила написать о перемене планов лишь 21 мая. Письмо это вообще содержит довольно много важных известий разного рода, почему приведем его полностью:

21 Мая

Дорогие Макс и Маргарита, я вдруг побоялась, дошло ли мое письмо (я его послала с девочкой) к вам, где я объясняла молчание Вяч<есла>ва и сообщала, что мы в Богдановщину не едем. Я повторю его. Вяч<есла>в начал было писать, но не вышло, и теперь он говорит, что писать так не может. Он же, прощаясь с Маргаритой, просил доверия и простоты. О чем вы, собственно, пишете? И как отвечать, когда каждое последующее письмо зачеркивает своего предшественника? В Богдановщину мы ехать не можем из-за отношений к родителям Маргариты. У нас устроилось так: Дети уезжают с Мар<ией> Мих<айлов>ной и с прислугой в начале июня в имение тети Марии Михайловны. Мы с Вячеславом не задумываем вперед (смутно предполагаем заехать к детям

⁴⁸² Подробнее о ней и конкретно ее отношениях с Ивановыми и Волошиными см.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 23-112; У истоков русского штейнерианства / Публ. К. Азадовского и В. Купченко // Звезда. 1998. № 6.

на пути в Крым к Г<ер>цыкам⁴⁸³. В<ячесла>в очень тянется в Крым, как ты помнишь, Маргарита). Но теперь отдаемся всецело минуте. Работа буквально кипит. Счета со старым расплачиваются, и с такой энергией, что уже заметны многие семена нового творчества в разнообразных областях. «Перун» на днях заключает собою серию изданий этого года⁴⁸⁴. Издательство по-иному двинулось, когда принялась за секретарство энергичная Мария Мих<айлов>на. На днях готова обложка Сомова к «Сог Argens» и высылается рукопись⁴⁸⁵. О больших делах мечтает Вяч<есла>в. Что касается «настроенный», то их нет. Мы просто «безумно» (общее наше выражение) счастливы один в другом. Вячеслав говорит, что если бы я умерла или оставила его, он иссохнет в одну шелуху. Все идет по ритму и движется сильно и стихийно. Нет ни вчера, ни завтра. Есть «веселие» и творчество. Пока будет *это* во мне, буду жить как живется. Когда опять будет могила, уйду туда, где мне жизнь. В этом имени у М<арии> Мих<айлов>ны есть домик в 4 комнаты. Он наш будет зиму и лето. О нем мечтаем с Вяч<есла>вом для отдыха от людей, и мечтаю я одна в случае скуки здесь.

Отношение В<ячесла>ва к тебе, Маргарита, как я писала тебе, все то же. С тобою он, т<ак> сказать, обручен тем обетом не покидать тебя и близок тебе, как был, и любит, как любил. (Хотя мы с ним никаких «тайнств» не признаем). Все, что пишу, пишу одна рано утром и отсылаю сама. Думаю, что нужно, чтобы вы знали, как мы живем, и всю «терпкость» наших реакций, чтобы лучше знать нас.

Целую вас нежно. По вас не скучаю, оттого что мне с вами страшно и тоскливо. Вы очень сложны и переменчивы для меня. Но верю, что все изменится и станут вещи и события на свои места. Я же радостна и легка опять, как в избытке <Несколько слов нрзб>.

Лидия (Карт. 22. Ед. хр. 24. Л. 1-4об).

Через неделю, 28 мая, М.М. Замятнина сообщала в Женеву В.К. Шварсалон, которая еще заканчивала там процесс обучения: «Теперь Костя и Лидия в Финляндии у Чулковой Надежды Григорьевны, и мы с Лидией большой наслаждаемся этими днями тишины. Тебе мама писала, что на лето мы едем к моей тете Лизе в Загорье, ты, может быть, помнишь, у меня были фотографии большие Загорья. Там мы можем занять или маленький домик в четыре комнаты или большой в 12 комн<ат> – любой, какой будет удобнее нам» (Карт. 20. Ед. хр. 3. Л. 6об – 7). Как видим, к этому времени уже определилось и намерение стар-

⁴⁸³ Сестры А.К. и Е.К. Герцык, а также другие члены их большой семьи, подолгу жившие в Судаке.

⁴⁸⁴ «Перун» – книга стихов С.М. Городецкого, вышедшая в издательстве «Оры». Это же издательство имеется в виду и в следующей фразе. М.М. Замятнина сменила на посту секретаря М.Л. Гофмана. Отметим, однако, что после издания «Перуна» деятельность издательства надолго остановилась.

⁴⁸⁵ Книга стихов Иванова, задуманная еще в 1905 г., но выпущенная издательством «Скорпион» лишь в 1911-1912 г. (в двух томах). В книге был фронтиспис работы К.А. Сомова и обычная шрифтовая обложка.

ших Ивановых ехать вместе со всеми именно туда, а не в Крым. Об этом же свидетельствует и письмо примерно тех же дней (оно не датировано, но явно написано из Богдановщины, откуда М.В. вернулась не позднее 5 июня) от Сабашниковой к Ивановым, где также упоминается их план летнего отдыха как уже вполне определившийся:

Должна сказать, что малодушно тоскую. Не уверена, что справлюсь с этим, п<отому> ч<то> у меня на это лето большие надежды. Я работаю, но мое медлительное сердце не может не оглядываться на то, что могло бы быть. Сегодня благословенный день: приехал неожиданно Любимов, он играл мне V симф<онию> Бетховена и «Тристана и Изольду». 3 года тому назад мы проводили здесь осень и читали вдвоем «Религию страдающего Бога», «Кормчие звезды», говорили о грядущем возрождении, а Макс писал мне сюда письма из Женевы. Мы с Ан<атолием> Львов<ичем> всегда очень друг друга вдохновляем; но на этот раз как-то оба сдержанны, как будто стыдно одних восторгов⁴⁸⁶.

Я поняла, что сдержанные порывы создают силу, что это мой путь; и пусть больно, пусть даже очень больно, но так честнее. С Максом этот месяц было ужасно. Я была дурная, я отравлена и нет оправдания. У Тебя хорошо сказано: «Разве сердце, научившееся предавать, может выбиться из одиночества?» И конечно же, я Макса предала, и теперь надолго одна, совсем одна. А, впрочем, я об этом не хотела писать, не хотела думать.

Мои милые, нежно любимые, я страшно счастлива за вас и вами.

Смотрите не переутомитесь. Поезжайте скорее в деревню. Где это?

Идет ли у тебя, Лидия, «Колокол», нашла ли верный тон? Очень, очень интересно. Как я рада за тебя. Пиши если возможно (Карт. 15. Ед. хр. 9. Л. 10 и об).

Однако сборы в имение, расположенное в Могилевской губернии вблизи знаменитого центра хасидской культуры Любавичи, затянулись почти на месяц. Мы мало знаем о том, что происходило с Ивановыми в этот месяц. Постоянный свидетель их жизни М. Кузмин, на дневник которого часто можно опираться, 26 мая на все лето уехал в Новгородскую губ., в «Истории моей души» М. Волошина перерыв с 11 марта по 12 сентября, писем Ивановых этого времени мы почти не знаем, подробный дневник Зиновьевой-Аннибал, который она начала вести в конце 1906 г., полностью не сохранился, а отдельные известные записи не касаются данного времени. Мы можем привести только дневниковую запись М.М. Зяматиной, посетовав, что эти отдельные записи не становятся единым сколько-нибудь развернутым дневником.

С.П.Б. Таврическая 25. Башня. 15 Июня 1907

Счастливым день сегодня для меня. День, светящий на жизнь. Чувствовала глубокая святая любовь между мною и Вячеславом. Тихим

⁴⁸⁶ А.Л. Любимов (1882-конец 1930-х) – гимназический товарищ брата М.В., А.В. Сабашникова, экономист.

веянием, ласково любили мы. Молюсь горячо за него, моего дорогого мне – любимого всю душою моею, всем существом.

Он говорил, что ему очень трудно, что ему очень много надо над собою работать, чтобы, подымаясь духовно, быть земным – хорошо земле верным.

Говорил о своих предчувствиях, что 20-е годы будут – расцветом, нашел 1928 год. Что все люди <?> тогда сказаться могут. Говорил, что понял, к<a>к ему писать мистерию, что ее всю прочувствовал – ее просто надо, отдельн<ыми> небольш<ими> словами.

«Прометей» же он может лишь ковать, к<a>к из скалы, но не вперед вычертить.

Говорил, что ему надо написать «Христофор», «Прометей», «Ниобею» и потом маленькие слова – горчичные семечки. Тогда он будет себя уважать.

Что ему надо в лирике дойти до пения, но через это он может умереть.

Говорил о великом значении горчичных семечек.

Говорил, что я бываю похожа на Анну Рудольфовну (Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 53-54)

Здесь, пожалуй, стоит обратить внимание на упоминания замыслов, владевших в это время сознанием Иванова, из которых нам известна в законченном виде только трагедия «Прометей»; трагедия «Ниобея» осталась неоконченной. Что такое «Христофор», мы не знаем. Под «маленькими словами», они же «горчичные семечки», скорее всего, имеется в виду цикл небольших статей «Спорады», постепенно складывавшийся в сознании автора. Не была написана и мистерия, хотя, видимо, в это время идея такого произведения захватывала Иванова.

Обратим также внимание на то, что здесь (пусть и мимолетно, через сравнение) упоминается Минцлова, и тогда рассуждения о будущем приобретут отчетливо оккультные коннотации. Дальнейшего развития их в период, ставший предметом нашего рассмотрения, мы практически не найдем (по крайней мере, в свидетельствах самих Ивановых), однако держать в голове, что они вполне отчетливо существовали даже без раздумья над теми словами и письмами, которые вносила в их жизнь Сабашникова, имеет смысл.

Видимо, примерно к тому же времени относится письмо Зиновьевой-Аннибал к Сабашниковой (недатированное и, к сожалению, сохранившееся не полностью), из которого мы узнаем еще дополнительные подробности о душевном состоянии Иванова

Дорогая,

Думали мы, как быть с нашим свиданием. В Крым попадем ли, и когда. Но в деревню едем на днях и пробудем до Сентября. Когда ты окончишь свою работу, как ты писала, в Июле, вместо Крыма не приедешь ли ты к нам? Вячеслав вдруг совсем сломился. Полная расслабленность волевая и телесная. Я ему выхлопотала отпуск до Сент<яб>ря со статьей, и он ждет деревни, как гимназист. Но *условие его существования* почти – это написать «Прометей» до начала Августа. Для этого ему

нужно сильно и мрачно сосредоточиться. Это я уж знаю, и сам он вчера говорил. Поэтому я думаю, что съезжаться *сейчас* не следует. Это отвлечет много чувств и мыслей. Как думаешь ты? Теперь еще мое дело. Кто может ⁴⁸⁷ (Карт. 22. Ед. хр. 22. Л. 11 и об).

Первой в Загорье уехала М.М. Замятнина с двумя детьми – Костей и Лидией (первому было в то время 15 лет, второй – 11). Но уж совсем через недолгое время там оказались и Ивановы, о чем мы узнаем все из тех же дневниковых записей Замятниной.

Загорье. 22 Июня 1907

Вчера приехали Лидия и Вячеслав в Загорье. Дорога их очаровала. Вячеслав чувствовал себя страшно счастливым. Лидия, приехав, разрыдалась от счастья, так ей хорошо было. Пейзаж и вся природа Вячеславу кажутся меланхоличными, и такая близость природы подавила Вячеслава и он был очень нервен – допускал даже, что, может, через два дня уедет, был ветер и холодно сравнительно. Вечером яркий закат.

Сегодня, солнце хотя только проглядывало, но было тепло. Вяч<еслав> и Лидия пошли в рошу и наслаждались. Вячеслав находит, что его нервы уже начали успокаиваться, воздух живителен, по его словам. Провела с Вячеславом хороший час на верхнем башенном балконе. Вячеслав сказал, что теперь понял меня и мои отношения. Я так тем счастлива – и мы тихо любовались архитектурностью березовой роши, струями переливающейся на фоне солнечного заката листвы берез с одной стороны, далями по другую сторону. <...>

Загорье. 23 Июня 1907. Суббота.

Вячеслав переоценивает ценности – все трещит. Поэзия и русская и всеобщая низвергается. Пушкин пережит – невыносимо холоден и искусствен, нет поэтической непосредственности. В русской литер<атуре> есть только гениальные начинающие Достоевск<ий> и Лерм<онтов>. Тютчев <так!> гениальная бездарность. Пушкин всюду скучный моралист. Толстой понял, что литература <пропуск> и отказался от искусства. И литерат<ура> и скульптура – шарлатанство – музыка тоже. Только живописцы должны быть честны.

Искал, что в литературе, в поэзии вечно. Только народная песня – мифотворчество должно быть, или литература погибнет. Позавчера <?> был в бане, был очень доволен – был в перв<ый> раз в деревенской бане. Вечером говорил, что хочет работать, т.к. чудный кабинет тянет к работе в нем (Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 55-56).

Судя по всем ретроспективным письмам, которые мы используем далее, первый месяц, проведенный на природе, Иванов чувствовал себя хорошо и активно работал (прежде всего над «Прометеем»). Однако Зиновьевой-Аннибал приходилось стоять на страже его творческого

⁴⁸⁷ На этом текст обрывается.

подъема, оберегая прежде всего от разнообразных писем Сабашниковой. Первое из них и, судя по всему, представлявшееся всем важным (поскольку специально было послано заказным), было направлено еще в Петербург, но получено уже в деревне. Оно само неизвестно, однако на основании ответного письма Зиновьевой-Аннибал его содержание можно довольно адекватно реконструировать.

23 Июня

Дорогая Маргарита,

получила сию минуту твое заказное письмо, пересланное в Загорье. Оно совершенно невозможно. Отказываться от жизни никто не имеет право <так!>. Случившееся – случилось, и всякое течение – течение. Если я говорила, что, может быть, Вячеслав и я могли бы прожить вдвоем полно и избыточно и без твоей любви, так ведь это имело значение лишь постольку поскольку и твое утверждение, что если бы ты его знала *вне меня*, то могла бы любить всестороннею любовью. Т.е. это значило говорить о том, чего нет. «Puisque le vin est tiré, il faut le boire». Il faut le boire puisque c'est Dieu qui a tiré notre vin. Et voilà tout!⁴⁸⁸

Раз ты любишь и он любит (а любит он нежно и глубоко), вы должны смело стать рядом перед лицом <так!> жизни. И я тебя люблю так достаточно, чтобы каким-либо чудом устроилась жизнь наша втроем. Главное же – это бездонная любовь Вяч<есла>ва ко мне, которую я вполне (и еще вполне ли) могла измерить только теперь. Он часто говорит: «Если бы можно было снова жить *вдвоем*» (как в год до Гор<одец>кого и вас). Но тут же говорит, что искренно, глубоко по тебе тоскует. И это правда. Ты должна приехать сюда, будь что будет. Вот мое совершенно *вещее* мнение. Здесь и только лично мы решим дальнейшую нашу судьбу. Болеть <?> не будет, моя Маргарита.

Теперь второе дело, уже не по существу и все же почти по существу. Что мне делать с твоим письмом этим, обращенным в тексте к нам обоим? Пока взяла на себя неправильность *не* давать его Вячеславу. Я ведь писала тебе, что те письма мои *между мною и тобой*, ибо он не поймет *ужасной* беспощадной откровенности. Ты видишь и знаешь, что нет у меня цели корыстной в передаче тяжелых слов, но одна цель – чтобы все знать и чтобы ты все знала *до конца*, дабы править жизнь в правильный пункт, верне<й>, чтобы найти верный брод через страшную реку нашей жизни. Но если я покажу ему твое письмо с выписанными его словами без моего текста даже и с твоею мучительною реакцией, это может посеять у него недоверие ко мне и обособленное от меня отношение к тебе и от тебя отношение ко мне. При моем же складе душевном – это первый и решительный шаг к полному разрушению нашей с ним жизни. А переживает ли он это? Может быть. Не знаю ничего. Все, что ты говоришь о своей вине передо мною, так почти смешно детски звучит для меня. Кто и в чем может быть виноват передо мною. Катилась жем-

---

⁴⁸⁸ «Поскольку вино налито, надо его выпить». Нужно выпить его, потому что Бог налил нам нашего вина. Вот и все! (фр.).

чужина счастья и скатилась в мою руку, потом дальше и еще, и еще дальше. Кто мы все, чтобы нам что-либо принадлежало? И я-то в частности – вор и грабитель чужих жизней? Не я ли на Весах Божественных даже перед тобою нежданно <?> явлюсь виновенной? Дай устроиться немного жизни здесь и приезжай. Как писала, в Июле – всего лучше. Напиши мне также, что мне делать с твоим письмом, или напиши ему другое письмо с обещанием приехать.

Лично скажешь все.

Лидия (Карт. 22. Ед. хр. 22. Л. 1-4об).

Совершенно очевидно, что письмо Сабашниковой было обращено сразу к обоим супругам, и в нем содержалось очередное признание в любви к Иванову и объяснение невозможности стать разъединяющим звеном в жизни их двоих. Судя по всему, Сабашникова планировала выснить сложившиеся отношения в письмах, тогда как Зиновьева-Аннибал занимала позицию более экзистенциальную, если можно так выразиться. На место «мозгологии» (как в кругу Ивановых называли бесплодные рассуждения) она предлагает поставить решительный поступок, который должен внести хоть какое-то разрешение, чего избежала Сабашникова в апреле, едва ли не бежав из Петербурга. Вместе с тем существенно подчеркнуть, что Зиновьева-Аннибал взяла на себя объяснения с нею, даже не показывая (или показывая не полностью) переписку Иванову. Об этом говорит еще более откровенно письмо, датированное 3 июля:

Дорогая Маргарита,

Если ты хочешь, чтобы я показала Вячеславу всю нашу переписку, то пришли мне тотчас и последующие мои письма, чтобы я могла ему всё разъяснить до конца. Я тебе несколько раз *ясно* писала, что эта переписка «*между нами*». Не пойму, как ты не поняла. Я теперь глубоко себя упрекаю, что завела эту якобы тайну от В<ячесла>ва, с которым ничего не могу хитрить. Совсем с того дня, что отослала первое письмо, больна и грустна. И рада покончить с этим, хотя знаю, что он очень оскорбится. Произошло это, как я уже писала, из моей потребности держать тебя au courant честно с происходящим, чтобы ты могла строить свою душу правильно, от твоей же души зависит вся наша жизнь. Он же все занят был своей фантазией, чтобы ты от него отвыкла и что ты, быть может, и не любишь, и т.п. И когда я хотела что-либо писать откровенное, – зачеркивал из письма. Оставалось или молчать глубоко, оставляя тебя без слова, или писать так, как единственно я люблю, т.е. откровенно и помимо него. Я поступила дурно, но не своекорыстно, ибо знаю, что чашу этих трех наших жизней испить нужно. Ради Бога, вышли письма тотчас.

Твоя Лидия⁴⁸⁹.

И для того, чтобы разрешить сложившуюся ситуацию, и Иванов, и Зиновьева-Аннибал сразу же начали звать Сабашникову к себе в Заго-

⁴⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 32. Л. 19-20об. Черновик – Карт. 22. Ед. хр. 22. Л. 7-8об.

рье. 24 июня Иванов отправил ей стихотворное приглашение, относительно которого мы не можем быть уверены. Среди писем Иванова к Сабашниковой сохранилось единственное, которое могло бы быть этим, но стихи там – гётевские и написаны как эпиграф к нескольким строчкам, так что, возможно, перед нами иное приглашение, отправленное примерно через месяц:

Fühl'es vor: du wirst gesunden
Traue neuem Tagesblick!

Моя любовь *умоляет* тебя приехать, и моя правда *знает*, что так поступить тебе должно.

В.

Ради Бога ответь телеграммой *Да*. Мне кажется, что ты увидишь меня иным и новым ⁴⁹⁰.

25 июня ей написала Зиновьева-Аннибал: «Приезжай. Тебе готова комната. Вчера Вячеслав отослал тебе стихотворное призывание. Получила ли? Здесь преграда в духе Богдановщины, мы часто это думаем. Вячеслав говорит, что ему что-то подозрительно в твоём письме, и он очень желает личного свидания, чтобы все разъяснить и чтобы ты не принимала никаких решений. Словом, напиши, когда приедешь. Телеграфируй за день до приезда Любавичи. Загорье. Ивановым. Тогда вышлем лошадей» (Там же. Л. 50б-60б).

На первых порах Сабашникова всерьез задумалась о том, как было бы можно приехать. 29 июня она написала мужу: «...получила из Загорья письма и стихи, в кот<орых> зовут меня; письма Лидии я не поняла, он любит меня по-прежнему <так!> и тоскует. Все это наполнило было меня радостью; когда впервые произошел разговор с мамой, ужасный. Теперь понимаю, откуда было у тебя в Москве все состояние. Я совсем убита, совсем истерзана. Написала, что не приеду, что ухожу, но все во мне горит и болит.....» ⁴⁹¹. И несколькими днями позже, 3 июля: «“Они” же молчат на все мои. Макс, может быть, по дороге в Крым я на сутки или на двое задержусь. У меня явился план съездить к ним из Орла. Я посмотрела расписание, это вполне возможно. Конечно тайно. Но это вовсе не решено. Для меня необходимо видеться, чтобы дальше жить. И билет не пропадет, а из Орла я послала бы тебе письмо, вложив открытку к нашим, что доехала, чтобы они не беспокоились, или лучше не посылать тебе открытки, ведь может узнать» ⁴⁹². Волошин отвечал (в недатированном письме) вполне решительно: «Относительно Ивановых – конечно, съезди к ним. Но с открыткой через меня – все это не

⁴⁹⁰ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 77. Л. 2. Внизу рукой Зиновьевой-Аннибал (с переходом на оборот листа) приписан адрес в Загорье. Немецкий текст – цитата из второй части «Фауста»; в переводе Б.Л. Пастернака: «Время – лучшее лекарство, / Верь тому, что предстоит».

⁴⁹¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1063. Л. 57.

⁴⁹² Там же. Л. 93 и об.

надо. Не надо ничего прятать. Не нужно ничего сообщать, предупреждать, рассказывать. Но и прятать не нужно. <...> Надо делать открыто, но не предупреждать о своих поступках. И не нужно давать отчетов»⁴⁹³.

Видимо, только после этого размышления и ответа Волошина Сабашникова наконец отправила Ивановым письмо с не просто отказом, но отказом развернутым и полным, что на месяц разрядило обстановку. Два письма и телеграмма составляют неразрывное единство, потому мы приведем их как единое целое.

6 июля

Дорогой мой, Твое призывное стихотворение сделало меня очень счастливой и очень несчастной. Не зови меня. Я не приеду. Ясно я поняла, что жить с вами не могу, для меня в этом ложь. Я обманывала себя и вас, говоря о троих. На самом деле, когда бывала с Тобой, забывала все, только два мира встречались <?>, Твой и мой, и в эти минуты я предавала Лидию. Когда бывала с ней – предавала свое единое чувство, билась во лжи и мучила вас. За эти месяцы мне ясно стало, что вы двое, только двое, что только это свято. Если бы мы нашли жизнь втроем, мы были бы отрезаны от мира; Твоя же миссия, нет – ваша миссия – быть среди людей. Если я ухожу, то потому, что твердо знаю теперь, что в этом есть исход. Беру на себя это. Верно чувствую, и вот не боюсь даже Твоей боли, быть гвоздем Твоего страдания. Когда я узнала это ясно, что мне нужно уйти, я все не хотела верить (это было еще в Москве), и я так мучалась, что думала иногда, что схожу с ума. Точно агония. Вспыхнет и погаснет, и опять вспыхнет. Это продолжалось почти до сих пор. Трудно было умирать; но теперь стало тихо и легко. Только видеть Тебя теперь я бы не могла еще. У меня не так много сил. Зная ужас разлуки, – как бы я уехала. Не зови же меня пока. Говорят, что после смерти близкого не нужно плакать 9 дней, а то душа будет все оглядываться.

Не думай, что я изменилась к Тебе. Ты навсегда красота моей жизни и счастье; Тобой я навсегда радостна и Тобой <1 нрзб>. Не вблизи пока, но с Тобой навсегда, мой Вячеслав; Ты увидишь по моей жизни.

Целую Твою руку, как в первый раз. Твоя рука твердая, и любимая, и святая будет со мной? Ты не возненавидишь меня и не забудешь? Нет, Ты ведь не покинешь меня за то, что я ухожу теперь. И сделаешь так, чтобы Лидия думала обо мне без боли.

У меня совсем нет слов; как я скажу, что ты для меня? Вячеслав, у тебя есть власть над людьми, и мне за тебя страшно. Нет, не страшно за Тебя. Не снимай моего креста. Прости мне, милый, милый.

Твоя Маргарита.

9/VII 1907 (телеграмма)

Приехать не могу. Маргарита.

⁴⁹³ Там же. № 111. Л. 18. В.П. Купченко датирует это письмо 3 (?) августа, добавляя в скобках: «М.б. и 10 августа» (Цит. соч. С. 188). Как кажется, связь с письмом Сабашниковой от 3 июля в письме Волошина очевидна.

10 июля 1907⁴⁹⁴

Дорогие мои, сейчас получила ваше призывное письмо. Боюсь, что вчерашнюю телеграмму отправила с неточным адресом. Теперь приехать я во всяком случае не могу. Кроме той причины, о кот<орой> я писала вам, и моей крайней слабости, есть две важные причины. Мой отъезд теперь был бы ужасом для моей матери. Она мною измучена. И больше терзать ее я не могу. <...> Вторая причина, также очень важная для меня, – это начатые работы.

Бросить работу сейчас я не хочу. Впервые, м<ожет> б<ыть>, сознала я так это höch<s>te Zeit. Только эта работа может дать мне сознание своей свободы во всех отношениях. Я знаю свой путь теперь. То, что я нашла его, говорит мне тишина, кот<орая> после долгого, долгого времени вдруг сошла в мою душу. И весь мир вошел в нее и расцвел.

Нет, я ничего не душу в себе, и если так адски мучилась это время, то главным образом п<отому>, ч<то> пошла не по своему пути. То, что прекрасно и легко в вашей жизни, в моей – мучительный надрыв, а если надрыв – значит, не мое. Отныне буду делать только то, что мне легко и весело делать. <...> На днях мы окончили читать «Эликсир <так!> Сатаны» Гофмана, один из больших и лучших его романов, и я стала рассказывать нашим роман в этом же стиле, но совершенно реальный. Эта мысль до того меня увлекла, что роман мой развивается, и я по ночам, обливаясь слезами, представляю себе все ярче и ярче, и рассказываю на другой день подробнее. <...> Тем, что является у Гофмана «эликсиром сатаны», в моем романе – рассказ о Кришне и Арджуна. Кришна испытывал царевича Арджуну послушанием, и последнее испытание было испытание богоборчеством. Он заставил сперва Арджуну самым подлым и предательским образом убить любимых и близких <так!>, говоря: «Твоя Дхарма выше твоей чести», а под конец потребовал, чтобы Арджуна предал его, Кришну, врагам. Вероятно, Арджуна просил: «Да минует меня чаша сия», – но потом его глаза стали каменными, он связал Кришну и бросил его врагам. Те повесили его, и первую стрелу в него пустил Арджуна. Кришна вывел из ада всех людей и взял их в рай, и Арджуна пошел в ад один за всех.

Другого своего ученика, кот<орый> не осмелился поднять на него руку (раньше; это было лишь испытание) Кришна проклял.

Герои мои – учитель, жена его, ученик и его жена, и девушка (она оказывается дочерью учителя). Ее любят и учитель и ученик. Она является мечтой учителя, и через нее в мир приходит всяческое зло. Через нее осуществляются все его бессознательные <?> желанья. В самом начале она нечаянно отравляет своего жениха <?>, а под конец она становится женой своего отца и умирает. Ученик – художник, учитель не знаю еще кто, драматург и ок<к>ультист, он надеется, что ученик будет сильнее его. Здесь рассказ о жреце у храма на озере Неми, кот<орый> в полнолуние, вооруженный, ждет сильнеешего. Тут храмом Дианы – эта де-

---

⁴⁹⁴ Датируется по почтовому штемпелю.

вушка. Он бы хотел отдать ее – ученику. Но ученик – срывается. Равна по силам учителю только его жена.

Пишет обо всем этот ученик через 2 года в полном одиночестве; он учителя обожает и ненавидит. Видит его во всем то злодеем и преступником, то святым. За всем этим скрывается еще одна фигура, о кот<орой> весьма туманно раза два будет сказано. Это учитель учителя. Но это совсем для невнимательного глаза незаметно. Он ни разу не появится, но раз ученику будет показан портрет.

Живой и действующий учитель, герой моего романа, будет богоборец и восставший на своего учителя, и, совершив свой круг, он становится его братом. Но об этом совершенно намеком в конце. Конец же – смерть его дочери и появление его первой жены, к<a>к матери. Аксессуары – лампы и люди, пущенные учителем вовсю и коптящие под конец вовсю. Над ним и над его дочерью – странный рок – что-то смертоносное – они за собой оставляют пожарище. Ну вот, роман этот родился третьего дня; многое может измениться, хотя я вижу уже все сцены подробно, вплоть до коптящих ламп. В действующей жене учителя будет изображена крестьянка Голубкина, о кот<орой> я, кажется, Лидии рассказывала. Конечно, художник имеет <1 нрзб>. Конечно, бросает жену, но жить не имеет силы <?>. Что лучше – начать писать или все рассказывать; мне скучно одной писать. Но слушатели мои, 2 кузины и зять, очень смущаются.

Главные книги, которые я читаю, – «Фауст» и «Кормчие звезды».

Вячеслав, ты должен чувствовать, как я читаю!

В следующий раз напишу, что мне открылось в молитве «Отче наш».

Мои милые, напишите мне по письмечку: успокойте мою душу, обещайте провести осень вместе в Крыму, а сейчас дайте мне немножко прийти в себя, нужно поправиться и нужно рисовать. Целую вас.

Мargarita (Карт. 15. Ед. хр. 9. Л. 13-18об).

Кажется, после этого отложенного визита напряжение и на самом деле до некоторой степени спало. Идиллическая обстановка, существовавшая в Загорье, настраивала и Иванова, и Зиновьеву-Аннибал на работу. Пожалуй, теперь пришло время увидеть эту обстановку глазами обитателей имения. Отметим, кстати, что в июле из Женева туда приехала еще и В.К. Шварсалон. 24 июля Зиновьева-Аннибал писала В.Ф. Нувелю: «Если выйти из нашего большого дома – терема Билибинского, наполовину отстроенного и покинутого зарвавшимся хозяином и где мы живем вдвоем – и выйти в поле, то увидишь совершенно круглый горизонт, и по всей шири круга – леса, леса, луга и поля... Тишина истинная, и зелень без края, и что-то очень серьезное и растворяющее душу. <...> Постоянно куда-то тянет уходить, бродить или на лодке катать Вячеслава между сонными травами пруда: тогда он начинает жарко мечтать об Италии и о том, чтобы нам туда сбежать, Рим или на море, надолго, на годы. И заражает мою патристическую душу. Литература далека, и все, что казалось чем-то, – стояло в ничто, т.е. все сплетни и канканы круж-

ков. В<ячесла>в пишет “Прометей”, я тоже драму, и страшно мешаем друг другу, каждый говорит о своем...»⁴⁹⁵ Уже в сентябре (письмо не датировано) Загорье и общий тон жизни там только недавно приехавшая в Россию и фактически впервые ее увидевшая В.К. Шварсалон описывала в письме О.Ф. Остроге⁴⁹⁶: «У нас в ближайшей окрестности нет очень больших лесов, но частые рощи, т.е. лески в несколько десятин. Очень красивые, из сосен и берез (они у нас называются: Вячеславья, Лидья, Марусья, Верья, Лидаверья, Мокрый черт (от негодования на его болоты), Нова Сирья (страна в «Имбирии», помнишь?). Описывать пейзаж в общем мне не нужно, так как это обыкновенный русский пейзаж. Только здесь немножко холмисто или, так сказать, земля идет широкими волнами, чуть заметными, но очень красивыми. Первый раз в жизни я увидела совершенно круглый горизонт. Хотя я горам не изменила, и скучаю по ним, в особенности по снежным, я страшно полюбила эту русскую широту, даль и отливы всех цветов на полях. Не помню, описывала ли я уже Нуссбоймам само именье. Здесь три дома стоят на громадном зеленом дворе полукругом, первый у выхода аллеи, которая идет с дороги, наш, большой, новый, «терем» в Билибинском стиле, очень красивый, весь пустой, с громадными комнатами, в котором живем Мама, Вячеслав и я, в среднем доме жила помещица Озмидова и вся их многочисленная семья. Еще есть маленький домик, вроде chalet, где жили Маруся, Костя и Лидия. Наш дом на холмике, а у подножия, между деревьев виден чудный пруд черного цвета (какая-то железная вода) с мостом из белой березы. А с другой стороны дома чудная роща, не дикая, но с длинными аллеями, образуемой <так!> тонкими, высокими березами» (Карт. 37. Ед. хр. 30. Л. 1 и об).

Но если внешняя сторона жизни описывалась более или менее согласно, то внутренняя, творческая ее сторона представляли в письмах разным корреспондентам по-разному. В.Ф. Нувель, письмо к которому мы цитировали выше, был ближайшим участником интимных ивановских собраний, с которым хозяева «Башни» вели довольно сложную игру, потому и рассказ о творчестве почти безмятежен: ему не следовало сообщать о внутренних неурядицах, чтобы не вызывать насмешек. Но младшему другу, М.Л. Гофману (впоследствии известному литературоведу, а в то время студенту, который до возвращения М.М. Замятиной на Пасху был неформальным секретарем издательства «Орь»), Зиновьева-Аннибал писала 26 июля, то есть всего двумя днями позже, чем Нувелю, как кажется, более откровенно, не пряча трудностей: «Солнце благословенное над вами?»⁴⁹⁷ А над нами нескончаемая туча, т.е. это буквально. И до того упорно, что кончилось тем, что Вячеслав

---

⁴⁹⁵ Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. С. 301-302.

⁴⁹⁶ Ольга Федоровна Острога (урожд. Никитина; 1876-1947), одна из «девушек», которых Зиновьева-Аннибал держала в ближайшем своем окружении для помощи по хозяйству. Вышла замуж за композитора, преподавателя Женевской консерватории Феликса (Феликса Валерьяновича) Острогу-Мрочковского, который учил детей Ивановых музыке и был их другом.

⁴⁹⁷ В это время Гофман находился в Крыму.

впал в неврастению, которую лучше всего, по моему докторскому мнению, вылечил бы Феб золотой и жестокий. А пока лечу его суррогатами в виде печки и всякого баловства. Но в глубине у нас на душе строго, и стройно, и полно. Мы оба очень наслаждаемся давно не испытанной близостью, ибо здесь такая зеленая тишина, ширь и полное одиночество. Даже ярко поманила Вячеслава Италия, по воспоминанию нашего многолетнего тихого изгнания в ней. Живем мы вдвоем в большом доме-терему, недостроенном зарвавшимся и сбежавшим хозяином. Под большой террасой черный пруд, дальше дали далекие, зеленые, синие, лесные, лесные. Семья в домике <1 нрзб> через луг, за рекой. Вокруг нас с двух сторон лес, с третьей яблоневый сад. В утомлении нервов Вячеслава виновато столько же утомление и многие разочарования двух лет Петербурга, как и то, что вследствие этого утомления не движется “Прометей” с тех пор, как развернулся в невероятный обхват и зарылся в глубину первоначальных источников *всего*. Это больше, кажется, чем одна трагедия, и несет в себе бесконечные трудности. Нужно со свежей душой приступить. Из друзей никого не имеем с нами. Звали нескольких. Звали Маргариту Васильевну, но она нездорова больше, чем всегда, зовет нас в Крым и приехать не может. В Крым вряд ли попадем. Ужасно ее жалко. Довольно крепко жму вашу ручку. Отсылаю письмо без Вячеслава, т.к. он лежит и лечится» (Карт. 23. Ед. хр. 4. Л. 3-6об).

Судя по всему, в жизни Ивановых снова наступило серьезное внутреннее напряжение, которое не могло разрешиться без выяснения отношений с Сабашниковой. И снова начал обсуждаться вопрос о ее возможном приезде в Загорье. В недатированном письме (не исключено, конечно, что оно относится к первым планам, т.е. к концу июня – началу июля) Зиновьева-Аннибал писала:

Дорогая Маргарита,

Я очень боюсь, что ожидание ответа тебя сильно мучает, поэтому пишу без ведома Вячеслава эти строчки. Постарайся найти силы в себе, дорогая. Он хотел написать тебе хорошее письмо, начинал и не выходило. Напишет. Он помнит и чит свое слово о своей связности с тобою. Это свято и навсегда. Всё, что ты истинно и *твердо* волишь, – всё будет. Но ищи себя *в себе*, а не в *других*.

Мы живем очень полно и в сущности очень счастливы. Ты одна можешь отравить наше счастье, но не любовью своей, а *слабостью душевной*. Если можешь любить его чувственно, то и это меня не ограбит, только тогда вы должны быть *вдвоем* перед миром и богом и мною. А втроем – нет. Но всё и всячески выйдет – только целно. В *Богдановщину* не едем ни в каком случае. Относительно Крыма – свидания там нельзя устроить, потому что Вячеслав не может ехать в Крым. У него нет прямого дела в Крыму, а работы на нем повисло столько, что и сидя здесь не справить всего. И нет денег. Здесь мы пробудем, если будет работать, до Октября, после чего едем в Петербург.

Если ты *решиительно* не можешь приехать сюда, то придется отложить свидание до Петербурга, где тебе всегда будет комната у нас. Сюда

от Красного 20 верст. Если телеграфируешь за два дня, тебе мы вышлем мягкий экипаж и лошадей.

Мы не видим безусловных препятствий к твоему приезду сюда, но следовало бы тебе приехать *minimum* на несколько дней, чтобы прийти к какому-нибудь глубокому результату. Ты можешь поручиться своим, что из этого выйдет одно лишь благо, ибо за одно можем поручиться мы: ни истерической атмосферы, ни сентиментальной тягучести не будет, а лишь серьезные, глубокие, человеческие отношения, и не грозит тебе ни заболеть, ни затянуть пребывание *против* воли разумной – нервною психологией. Вячеслав писал тебе *du wird gesunden traue neuem Tagesblick*. Но если нельзя верить твоих родных, то скажи им (затаив свои следы) о своем посещении лишь как о *fait accompli*. Или же попроси Макса помочь тебе в этом. Ему Вячеслав выражает свои светлые, ласковые приветы и очень жалеет, что выполнить его просьбу и последовать приглашению в Крым не может. Горячо желаю тебе здоровья и сил для жизни себе и другим в благоговение <?>.

Лидия.

Можно увидеться и иначе. Но хорошо ли здесь?

Твоя Лидия⁴⁹⁸.

Но уже точно к этому времени относится еще одно письмо:

Загорье.

Ст. Любавичи. Мог. губ.

3 Авг. 07.

Дорогая Маргарита,

С самого дня получения твоего ответа на наше письмо и телеграмму почтовое дело обстояло так: Вячеслав собирался писать и откладывал, потому что *письменно* не имел, чего тебе сказать. Его мысль ведь было и есть, что жизненный вопрос решается жизнью, а не написанными словами, и эту мысль он вполне выразил в приписке к моему последнему письму. Я ждала его письма к тебе и сама не хотела тебе писать. Но получив твое последнее письмо, где ты пишешь об Орле, он просил меня написать тебе его мнение и его намерения.

Когда он звал тебя сюда, то думал, что ты испытаешь жизнь поновому с ним новым и с нами двумя, т.к. раз и навсегда он понял, что наш с ним брак нерасторжим и что он со мною вкупе. Свидание в Орле не достигло бы главной цели: опыта *жизни*, как ей единственно дано складываться, т.е. нам в союзе тройственном. (Это пока он и я так чувствуем, конечно, прибавляю от себя). Затем невозможно Вячеславу ездить на тайное свидание, которое впервые поставило бы его в ложное положение относительно твоих родителей и вообще противоречит его чувствованию.

⁴⁹⁸ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед. хр. 76. Л. 15-16об, 21 и об.

P.S. Ты поймешь, что пишу я это не для какого-либо влияния на строение твоей жизни, но для того, чтобы ты знала всё, что я думаю, и проверяла и калила себя на истинную и действительную жизнь.

Прости меня, если тебе больно мои слова <так!>, но ты их сама знала, и больше, чем я сказала.

Л⁴⁹⁹

8 августа Сабашникова отправилась из Москвы в Коктебель, к Волошину, однако тайком от родителей (но не от мужа) изменила маршрут и заехала в Загорье. В самый день ее отъезда Зиновьева-Аннибал написала Волошину:

Им. Загорье. Ст. Любавичи.

Могилевская губ.

8 авг. 07.

Дорогой Макс,

посылаю тебе конец своего «Осла». Маргарита говорила, что тебе понравилась 1-ая часть, и она же советовала еще в Петербурге послать тебе всю вещь, чтобы ты ее рекомендовал Станиславскому, т.к., по ее мнению, она ему подходит. Я не разделяю ее мнения и сама не решилась бы послать непрошено своих драм Стан<ислав>скому, но если тебе эта вещь действительно и целиком понравится и ты от чистой совести и охотно можешь советовать Ст<анислав>скому ее ставить, – сделай это. Буду тебе глубоко благодарна. Объясни мне судьбу фельетона о «Зверинце», о нем мне писала Маргарита. Ты уже знаешь, конечно, что мы ее ждем завтра сюда. Вероятно, она решилась приехать вследствие отказа Вячеслава ехать в Орел, как звала она, и невозможности нам быть в Крыму, куда звал нас ты. Спасибо тебе. Вячеслав уже мне поручал в моих письмах к Маргарите передать тебе самый горячий и любовный свой привет и благодарность вместе с объяснением о невозможности ехать. Не знаю, надолго ли едет Маргарита и что несет нам ее приезд. Но до сих пор мы жили так дивно и так глубоко наслаждались строгой тишиной, совершенно вдвоем в большом недостроенном доме в зеленой шире лесов и полей. Все стало стройным и строгим. В<ячесла>в стал новым человеком. Вся смута наносная двух лет Петербурга сошла. Осталось только вечное. Ты его таким не знаешь. И наша с ним любовь оказалась глубже, непобедимее, чем мы знали, и полюсом жизней наших. О, как я желала бы тебе счастья и как боюсь за тебя.

За Маргариту будь спокоен. Вячеслав проникнут одной лишь волей: дать ей душевное здоровье, силы и мир и не отступиться от своего слова – не покидать ее, если она захочет его помощи. Поскольку <так!> я могу за себя утверждать, в этом «романе» Вячеслав ни одного шага не делал раньше ее шага, начиная с ее поселения у нас по своей воле и ее просьбы быть его любящей ученицей. Нужно ли это ей, я не знаю и перед тобою судить не берусь. Что это *не* нужно мне, я знаю, и что это мою

⁴⁹⁹ Там же. Л. 22-24.

жизнь омрачает и тревожит больною психологией, и мешает труду, и убеждена перед тобой *теперь*, после опыта этой разлуки, что *не нужно* Вячеславу. А может быть, я во всем ошибаюсь и представляю в своем понимании Маргариты. Пишу тебе с тою откровенностью, какая установилась между нами. Всякому, кого люблю, хотела бы сказать: только сильнейший ее может без опасности связывать свою жизнь с нею. Макс, и у меня был «роман» с нею, и я ее разлюбила. Верно, и ты за это разлюбил меня.

Твоя сердеч<но>

Лидия (Карт. 22. Ед. хр. 23. Л. 1-3об).

В первом абзаце этого письма речь идет о комедии Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел», первый акт которой был к тому времени уже напечатан в альманахе «Цветник “Ор”», а окончание, видимо, только-только было закончено и осталось неопубликованным до 1993 года⁵⁰⁰. Адрес К.С. Станиславского Сабашникова уже сообщила Зиновьевой-Аннибал в письме от 5 июля (Карт. 15. Ед. хр. 9. Л. 12), но, как видно из этого письма, сама она не решилась послать пьесу и попросила об этом Волошина. Нам неизвестно, говорил ли Волошин со Станиславским, писал ли ему или нет, но очевидно, что пародийная комедия не могла пригодиться Художественному театру. «Зверинец» – недавно вышедший сборник рассказов Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец». Письмо Сабашниковой с сообщением о «фельетоне» нам неизвестно, однако мы знаем, что в июле Волошин писал статью об этой книге, которая осталась незаконченной⁵⁰¹.

О своем визите Сабашникова рассказывала многократно. Один из первых рассказов 12 сентября Волошин так передал в «Истории моей души»: «Меня Вера на вокзале встретила и сказала, картавя: “Я Вера. Я приехала вас встретить”. Потом мы ехали в лунном тумане. Очень долго. Мне казалось, что это сон. И только хотелось не проснуться. Все-таки и во сне встретиться с ним. <...> Потом он был на верху лестницы. И мне казалось, что у меня не хватит сил подняться. Я шла медленно, медленно. Он меня *обнял* и ввел в комнату. “Нам нужно решить, необходимо мы друг другу или нет”. Лидия поцеловала меня с холодным, неприветливым лицом. Потом меня повели в мою комнату. Она была тоже пустая, деревянная. Полотенце висело на полке с красными цветами. И стояла кровать, покрытая моим одеялом. Тем, что у меня с пяти лет. Так что, понимаешь, не могло быть никакого сомнения в том, что это моя комната. И он ко мне совсем по-иному относился – по-отечески. Говорил: “Хочешь, выпишем сюда твою маму или Макса?”. Мы говорили очень долго. Потом Лидия позвала его, и по голосу можно было понять, что она плачет. Она говорила: “Я больше не могу так жить”... Он успокаивал ее. Потом я пошла к ней. Он уже ушел спать... Он говорил Лидии: “Если бы ты могла до конца развенчать Маргариту, то ты убила

⁵⁰⁰ Театр. 1993. № 5. С. 159-191 (публ. Н.А. Богомолова). См. также: Зиновьева-Аннибал Лидия. Тридцать три уroda. М., 1999. С. 319-398.

⁵⁰¹ Рукопись – ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. № 206. См.: Купченко В.П. Цит. соч. С. 187.

бы ее?»⁵⁰². Очень характерно, что это был не первый рассказ Сабашниковой Волошину о поездке и своих впечатлениях. И не менее характерны слова самого Волошина после этой записи: «Я держал ее голову и смотрел на небо. И чувствовал, что теперь все *мое* к Вячеславу кончено. Что в этом больше моей боли не будет, только ее во мне»⁵⁰³.

Фрагментарно впечатления от поездки Сабашникова передала и самому Иванову в письме от 5 сентября 1907 г.: «Раньше, до тех пор, пока я не увидела в тумане наверху лестницы Твоей такой знакомой фигуры, было одно предчувствие, одно томление. Но тогда же совершилось; и я медленно шла, у меня не подымались ноги (я часто вижу во сне, что иду к Тебе и не могу – слабеют ноги). Потом ты обнял меня. Потом за чаем я горела в Твоем пристальном, почти черном взоре. Мне хотелось, чтобы всегда так было. Лидия не улыбалась. И эти оба дня какая печаль и какое блаженство! Дождь, и ветви яблонь, поникшие от тяжести плодов. И Твоя душа, как они. И боль от Твоего прикосновения, приближения, отдаления и разлуки на ночь и потом разлуки. Как было страшно, когда Лидия ушла за грибами, и когда, приближаясь к ней, я не чувствовала той горячей любовной волны, исходящей от нее всегда. Но я не отрывалась от Тебя и была счастлива. И когда знаешь счастье, узнаешь и судьбу, и настоящий страх» (Карт. 15. Ед. хр. 9. Л. 28об-29).

Много лет спустя она в мемуарной книге припоминала события в совсем иной тональности, но с прибавлением немаловажных воспоминаний о конкретных событиях и разговорах, которые в записи Волошина отеснены на задний план, уступая место переживаниям, нередко мистического свойства: «Друзья встретили меня в просторных, солнечных, овеянных ароматами полей комнатах деревенского дома. Я нашла, что они выглядят моложе и свежее, чем в “башне”. Лидия – в серьезном, строгом состоянии духа. Окруженная детьми, она, казалось, покоилась в своей мощи <...> Вячеслав читал свои новые стихи <...> был очень нежен, с оттенком отеческой любви, и это было мне так отраднo! Никогда еще не был он мне ближе, я чувствовала себя вернувшейся на родину. Этот день у Ивановых прошел, как блаженный сон, хотя я чувствовала недоброе отношение к себе со стороны старшей дочери – Веры – и ее воспитательницы <...> Лидия по отношению ко мне была сдержанней, чем раньше. Она не могла понять моей беспомощности. “Настоящая любовь не размышляет, это – категорический императив!” Но последние ее слова были: “Будем жить и доверять жизни!” Они обещали вскоре приехать в Коктебель. Но они не приехали, и все мои письма оставались без ответа»⁵⁰⁴.

Со стороны противоположной, то есть стороны Ивановых, мы знаем только дневниковую запись М.М. Замятниной, которая, конечно, лишь отчасти могла представлять себе тот клубок взаимоотношений,

---

⁵⁰² Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. М., 2006. Т. 7. С. 266-267.

⁵⁰³ Там же. С. 267.

⁵⁰⁴ Волошина Маргарита. Цит. соч. С. 165.

который создан между Ивановыми и Сабашниковой. Но поскольку это свидетельство уникально, приведем и его:

Загорье. 12 Авг. 1907. 6 ч. утра.

Сегодня в 5 ч. утра уехала Маргарита. Приезжала она на два дня – проездом, т.е. заездом из Москвы в Крым. Билет у нее был взят прямой из Москвы в Крым, и срок его не позволял ей дольше пробыть. Дни были пробные для многого. Лидия страдала. Мучался Вячеслав. Сложные чувства. Я старалась разгадать Маргариту и полюбить ее, т.к. что Вячеслав любит, мне не любить невозможно.

Приехала Маргарита ночью, Вера ее встречала, и уехала рано то<же> с Верой. По отъезде ее Вяч<слав> спросил, что думаю я о Маргар<ите> – ответила, что чувства у меня самые сумбурные... Гнев Вячеслава. Умиловление под условием, что я откровенно выскажусь более осмысленно. Трудное условие при немоте моей. Но к<а>к Феб Сивиллу заставил изрекать, так и меня Вячеслав.

Заговорит язык, коли добрые чувства Вячесл<ава> для меня все. Сказала или, вернее, старалась себе самой выяснить, что думаю о Маргарите, что мне выяснилось при такой краткости встречи, ведь я мало сравнительно б<ыла> с нею, хоть Вяч<слав> и дал мне наивозможно в долгий промежуток времени больше возможности ее узнать.

Вообще за эти два дня Вяч<слав> б<ыл> со мной очень ласков и любовен – я, со своей стороны, старалась все сделать, чтобы он мною доволен.

Так вот, что мне чуется относит<ельно> Марг<ариты>.

Она обворожительная Сирена.

Похожа минутами очень на портрет Гейс⁵⁰⁵ (это я ощутила в перв<ый> же вечер).

Лицо изменчивое, от красивого до некрас<ивого>.

Она, мне каж<ется>, актриса.

Поразило то, что отвеч<ает> не сразу, делая вид, что не слышит, – впечат<ление> отсюда некоторой неискр<енности>.

Нехристианка

Если религиозна, то не в Бога верит.

(Сейчас надумала, что она не мистична, а лишь романтична, что не б<удет> упомин<ут> Вяч<слав>).

Рассудочна.

Умна, но не чересур, т.е. не <2 нрзб>.

Может ли глуб<око> чувствов<ать>.

Я хотел<а> сказать – нет.

Не бесхарактерна

Не нервна.

Вяч<слав> сказал, что хотя не подписывается под тем, что я сказала, но за умный ответ ставит мне 5.

---

⁵⁰⁵ Вероятно, слово, из которого нам удалось прочесть только начало, должно быть: «Гейнсборо».

Стал спрашивать относительно Лидии, что я думаю (Лидия лежала на диване). Сам формулировал, что она belle⁵⁰⁶, затем что религиозна, рассудочна. Я согласилась. И затем задал мне вопрос: Христианка ли она. Я затруднилась ответить. Он сказал, что поставит мне +, если отвечу верно – но я так и не могла сказать.

Что она религиозна и в Боге – это положительно ясно, но теперь я надумала и утверждаю, что – да, *Христианка* (она сама сказала, что не знает).

Вячеслав – было установлено, что Христианин своею мужскою стороной.

Потом Вячеслав благодарил за отношения в эти дни и ласково, крепко поцеловал.

Я сказала, что у нас тройная связь любви: что я его люблю, как брата, сына и отца. Перед умственным взором у меня часто рисуется Pietà (Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 69-74)⁵⁰⁷.

Одним словом, стало ясно, что Сабашникова с этого момента для всего семейства Ивановых (включая и Замятнину) стала если не вовсе враждебной, то, во всяком случае, начала восприниматься как что-то постороннее. Кажется, все последующие материалы свидетельствуют об одном: она перестала тревожить воображение и жизнь живущего в Загорье семейства. Если ее и вспоминали в частных беседах, то как что-то, подлежащее хладнокровному и беспощадному суду. Однако сама Сабашникова этого не почувствовала, о чем свидетельствуют ее письма августа-октября, которые мы далее будем цитировать. Фраза из воспоминаний: «...все мои письма оставались без ответа», – была, как увидим, не вполне точна, но верно передавала общее ощущение. Иванов никогда не был особенно щедр на письма, но в случае с Сабашниковой это стало почти оскорбительным.

Первое из писем не датировано, но все содержание, а также то, что оно написано карандашом и взволнованно-несвязно заставляет датировать его ближайшим понедельником после отъезда, т.е. 13 августа, и отнести к категории писем с дороги, где-то между Харьковом и Крымом. Приводим его полностью.

Понедельник

Мой милый, мой любимый. Как Ты чувствуешь себя? Целую Тебя нежно. Ты должен писать мне все. Я все должна знать о Тебе, и не будет больше никогда этих мертвых дней, когда я теряла Тебя и не знала, кто мы друг другу. Я езжаю другой, чем приехала. Вся другая, и Тебе пишу в первый раз, потому и не знаю, как все написать.

⁵⁰⁶ Красива (фр.).

⁵⁰⁷ Фрагмент опубликован: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 161 (комментарий Г.В. Обатнина).

Мне хочется быть с Тобой совсем, прижаться к Тебе, хочу обо всем говорить с Тобой. Мне кажется, что мы еще никогда не говорили. Еще никогда не было так, как теперь. Разве мы так были близки <так!> когда-нибудь? Что бы не <так!> было с моей жизнью потом, но эти два дня были, и я благодарю Бога. Они были наши. Напиши мне о них! Целую Твою голову милую. Ты не кашляешь больше? Пожалуйста, берегись и будь светел. Ты такой печальный. Ты не должен быть таким печальным. Мы сделаем все, чтобы Ты был радостным. Лидию я так ужасно понимаю, так ужасно понимаю. Что мне делать? Но я ни о чем не думаю, и верю, и молюсь о сердце чистом.

Ты со мной и я с Тобой. Обнимаю Тебя крепко, мой Вячеслав. Я решительно не могу писать. Еще раз подняться к Тебе по лестнице и войти с Тобой в Твою комнату, и быть с Тобой опять. Это должно быть опять.

Я буду жить Твоими письмами до нашего свидания. Написала Анне Рудольфовне. Пока до свидания.

Скажи Марии Мих<айловне>, как я тронута ее заботой обо мне, иере. Ты не знаешь, как я их почувствовала, как я все увидела в эти два дня.

Я буду хорошей, я буду хорошей. Боже мой, какой хорошей мне надо было бы быть. И я буду помнить.

Твоя Маргарита.

В Орле все обошлось благополучно. Наш поезд опоздал и пришлось страшно спешить, потому и открытки не успела написать. В Харькове же попала в купэ и в объятия к знакомым и еду с ними. У меня было предчувствие! Еще одна пересадка, трудная <?> ночью в ⁵⁰⁸.

Пришли мне, пожалуйста, <1 нрзб> «Осла» ⁵⁰⁹, перечту еще раз и скажу на слова ⁵¹⁰.

Пришли это стихотворение, кот<орое> написал еще в Петербурге, где все рушится. Оно мне страшно нравится (Карт. 15. Ед. хр. 9. Л. 3-4об).

Первые дни по приезде в Крым (в Коктебель она приехала 13 августа) были у Сабашниковой заняты устройством, и хотя потом мы прочитаем, что она писала Ивановым из Коктебеля, никакого следа этих писем нам обнаружить не удалось. Не исключено, что их и не было. Но как только Сабашникова получила некоторую самостоятельность, отправившись в Судак к сестрам Герцык, как тут же возобновила писание писем к Ивановым. Первое из них В.П. Купченко справедливо датирует «около 22 августа», что следует из начала текста: Сабашникова оказалась в Судакe 21 числа:

Мой дорогой, пишу тебе из Судака, куда мы приехали вчера. Я не могу не звать вас сюда, не желать всеми силами, чтобы вы пожили здесь.

⁵⁰⁸ Зачеркнута строка.

⁵⁰⁹ Полторы строки зачеркнуты.

⁵¹⁰ 2 строчки зачеркнуты.

О том, как вас ждут Герцыки, нечего говорить. Вам готовы две комнаты в отдельном домике, так что вы будете в полной тишине и уединении, поскольку заходите. Мне кажется, что ничто в жизни на меня не производило такого впечатления, как эти места. Это родная красота. Я бы хотела, чтобы ты видел. Мне кажется, что это похоже на Палестину; во всяком случае, это моя мечта о Палестине и о Греции. В Коктебеле слишком бурно и сурово, здесь вам будет хорошо. Мне кажется, необходимо вам приехать.

Ты не знаешь, каким страхом за тебя и какой радостью о тебе я полна. Отчего до сих пор нет весточки? Какое томление, какая постоянная возрастающая тревога, мой милый, милый.

Маргарита.

А<нна> Р<удольфова> с Ньюшей приезжают в сентябре, таким образом мой приезд к вам оказывается невозможным. Здесь мог бы ты работать, здесь все очень заняты. Потом, как здесь хорошо.

Если денежный вопрос, то только для дороги; здесь же избыток всего. Я могу достать вам денег. Хочешь? Вы бы остановились передохнуть в Коктебеле, ты повидался бы с Анной Р<удольфовой> Макс мечтает, что вы погостите у нас, но я боюсь, что в Коктебеле не хорошо; я никак не могу сжиться с ним, мне очень тяжело там; а тут точно на родине.

Скажи «да», приезжайте. Вы будете вдвоем, вам будет хорошо.

Милый мой, я не могу писать, но услышь мою душу, мою тоску, любимый. Если бы ты знал, какая боль для меня твое молчание, ты бы хотя несколько словечек написал.

Боюсь, что вас опять огорчит отзыв в «Весках» о «33 <уродах>». Но ведь ты не уйдешь из «Весов» и не будешь отвечать им на это, не правда ли?

Я не пишу тебе подробно о своей жизни и о Герцыках, <отому> ч<то> надеюсь на свидание и хочу услышать твой голос сначала. Этого положения дальше вынести невозможно ⁵¹¹.

Следующее письмо, которое мы знаем, по штемпелю на конверте датируется 26.8.07. Она написано все еще в доме сестер Герцык в Судаке, почему в нем так много рассуждений о них и сравнений Судака с волошинским Коктебелем.

Пишу из Судака. Пиши мне, что Ты делаешь. Здоров ли Ты? <...> В Тебе, через Тебя я живу, и Лидией, Вячеслав; но Тебя не было в ее письмах; я не узнавала. А я, разве я когда-нибудь обратилась к Тебе за все лето, или к ней? Я не могу писать двум; все эти ненастоящие письма были обращены к отвлеченному, и, уезжая, я сожгла все написанные и неот<осланные> письма к Тебе; был целый костер в лесу. Я могу только на ушко говорить с Тобой. <...> Твоя душа такая большая, в ней столько миров, и они могут не сливаться между собой. В этом нет трагедии. Мы

⁵¹¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1063. Л. 95-96 об. То, что письмо сохранилось среди писем к Волошину, свидетельствует о том, что скорее всего оно не было отправлено.

с ней так непохожи. Она понимает только то, что похоже на нее. Она громадный, замкнутый мир. Она готова все принять и никогда ничего не примет. Ее красота в нерастворимости, неуклонности, негибкости. Это ее сила. Разве я ошибаюсь? И так я люблю ее. Но у Тебя большая душа. Можно мне шепотом говорить с Тобой? <...> Понятна ли я Тебе? Почему Ты спросил, в чем я косвенно признаюсь, когда сказала, что так Тебя недостойна? Ты же видишь, что я такая маленькая, и только оттого, что моя душа так давно раскрылась Тебе, я могу приближаться. Но у меня ужас на дне радости. За что мне сие? М<ожет> б<ыть>, это малодушие, что я до сих пор боялась желать, м<ожет> б<ыть>, настоящее смирение в том, чтобы не бояться жизни и желания; до сих пор я не звала Тебя. Теперь зову. Я боялась приложить к судьбе свою волю. Теперь нет. Приедете ли вы? Вам готовы у Герцыков две комнаты в отдельном доме; вы будете вдвоем и одни по желанию. Красота Судака не может быть чуждой Тебе. С минуты приезда я все признаю и признаю ее родной, так что у меня слезы сжимают горло от этого узнавания. Ничто, никогда не было таким родным. Мне кажется, здесь мечта всего человечества.

Что здесь моя мечта о Палестине, пустынные <1 нрзб> лиловые по вечерам, посыпанные пеплом. И у моря бронзовые плоские горы – как греческие храмы спокойные и сверху вид на море бесконечное с мысами и заливами – греческими. И запах соли, южных деревьев. Здесь много деревьев. А море сверху окаймлено, как раковина, зубчатым белым краем. Приезжай. Мне кажется, это нужно. <...>

Ты будешь работать здесь. Тебе здесь будет хорошо, лучше, чем в Коктебеле. Макс очень огорчается, что я говорю это. Но ведь я бескорыстно это говорю. Коктебель трудно вынести. Мне очень тяжело там, тревожно, неудобно. Здесь все очень работают. Какая любовная и духовная атмосфера. Они мне как сестры. Они удивительные, Вячеслав.

Не знаю, понял ли Ты до конца Евгению. Она здесь моложе; ты видел в ней всю женственность? Любовь, расцветшую до материнства. Я и лицо ее вижу таким. У нее безумные глаза, светлые и безумно печальные, у нее богатая душа, за нее страшно, это правда, что она сестра Тебе. За нее тоже страшно. М<ожет> б<ыть>, в ней даже больше горения и страстности, чем у Адели, у нее не выявлено. Я одинаково, но по-разному близка с ними. Но какая я маленькая и немудрая рядом с ними. Глухота Адели очень мешает мне. Нужно громко говорить. Это испытание. Впрочем, шепот заменяет ее ясновидение. Как они ждут вас.

Я хотела Тебе написать еще о Максе. Помнишь, я говорила, что он поручен мне. Я должна его мучить. Вот моя миссия. Он не хочет быть человеком, он защищается. Я нашла его чуждым, резвым <?>, грубым. Он одичал, стал растением опять; и этого нельзя допускать.

Знаешь ли Ты, что я для него, или Ты, как Лидия, думаешь, что я держу для себя его, как Ты говорил тогда. Мне нужно знать, правда ли Ты думал, как она? У Тебя могло быть большое искушение так думать. <...> Нужно, Вячеслав, чтобы он страдал. Нужно, любя, делать ему очень больно. Если в Москве я «прогнала» его, то п<отому> ч<то> не была для этого достаточно высветлена. Я часто прихожу в отчаяние, у меня надежда часто исчезает, что он вочеловечится, но бывают минуты, когда он не защищен. Его нужно совсем обезоружить. Я вижу теперь,

что я – единственный путь его к жизни. Он очень бунтует, п<отому> ч<то> любит. <...> Не знаю, как в письме звучат эти слова. Ты бы понял меня, если бы я на ухо тебе говорила. <...>

Милый, милый мой, обнимаю, целую Тебя, целую нежную кожу Твоего лба, и золотые волосы, и милые руки.

Люби меня.

Я надеюсь, что статья Гиппиус не смутила Тебя и Ты не покинешь «Весов». Надеюсь в Коктебеле найти письмо (Там же. Л. 20-23об).

Статья Гиппиус, о которой идет речь (она же подразумевается и в предыдущем письме), – «Братская могила» (Весы. 1907, № 7; подп. Антон Крайний), где среди прочих произведений жестокой критике подвергались «Тридцать три уroda» Зиновьевой-Аннибал. Стоит, пожалуй, отметить, что она была написана по прямому наущению Брюсова, писавшего Гиппиус 22 мая: «Неужели вы так и не напишете о “Тридцати трех уrodaх” вместе с “Трагическим зверинцем”? Ну кто же, если не вы?»⁵¹²

Чрезвычайно любопытно, как Зиновьева-Аннибал передает содержание этого письма Сабашниковой только что уехавшей из Загорья в Петербург М.М. Замятниной в письме от 31 августа: «Вячеслав полон любовной нежности к тебе. А вчера сообщал, что ты ему делала объяснения в любви и что ваши отношения в категории его отношений к Анне Рудольфовне. Кстати уже, сейчас расскажу: вчера письмо от М.В. в 8 стр<аниц> Полное подговариваний к чувств<енной> связи, намеков на мою уозсть и недостаточность духовную Вя<чесла>ву, просьб вести “шепотом”, т.е. тайно от меня корреспонд<енц>ию. Вя<чесла>в рассердился. Говорит, что она глупа и совершает поход на свою погибель. Она пишет, что “мучает” Макса, потому что он “огрубел и стал резвым, растительным”, а он ей “поручен”, и она его “путь к жизни” и должна его “вочеловечить мученьями”. Вот кукочка! Вяч<есла>в очень прозревает наконец. Я же бесповоротно знаю, что на пуды она дрянь, и вопрос только в лотах. У Герцогов приготовлен нам отдельный домик. Но пока (верно, чтобы мучать Макса), М<аргари>та поселилась у них! <...> Вечером имела с 7 ½ (часы наши очень exactes⁵¹³) до часу беседу с Вя<чесла>вом, в высшей степени плодотв<орн>ую, о бессмертии, о возможности отделений существа для астральных свиданий, странные, слишком убед<итель>ные вещи, узанные им на таких свиданиях от Ан<ны> Р<удольфов>ны. О моем умирании и ясном разделении души, тела и духовной монады. Душа не знала, будет ли жить и смиренно ждала. Тело знало, что умрет. А монада знала, что она бессмертна, но о ней не знали ни тело, ни психея, и потому эта двойственность и жизни и могилы для всякого сознания. Мы бесконечно близки к Вя<чесла>вом и с тобою» (Карт. 23. Ед. хр. 24. Л. 26-27об)⁵¹⁴. Мы не можем быть на сто

⁵¹² ЛН. Т. 85. С. 697.

⁵¹³ Точны (фр.).

⁵¹⁴ Очень схожие оценки личности Сабашниковой Зиновьева-Аннибал дает в предсмертном дневнике, ведшемся с 20 сентября по 7 октября 1907 (Римский архив Вяч. Иванова). В

процентов уверены, что отношение Иванова к Сабашниковой было именно таким, как его передает Зиновьева-Аннибал, но ее собственная враждебность к ней прослеживается чрезвычайно явственно.

А несколькими днями ранее, между 26 и 29 августа Сабашникова пишет Зиновьевой-Аннибал со всем возможным расположением, уверенная, видимо, что свидание в Загорье дало новые возможности для тройственных отношений:

Дорогая Лидия, не могу сказать Тебе, до какой степени тревожит меня ваше молчание. Пропадают ли письма ваши или мои? Я писала с дороги В<ячесла>ву; 2 письма из Коктебеля, одно – ему, другое – тебе, и еще ему из Судака. Я оставила его совсем больным, и вот больше двух недель нет известий. Приедете ли вы? Совершенно бескорыстно мне кажется, что хорошо ему перед Петербургской работой видеть этот священный край, юг, и солнце, и море. Но ты знаешь, что хорошо ему. И у нас и у Герцыков вы были бы так же независимы, как в Загорье. Мы живем с Максом в его пустом большом доме одни, и только обедать ходим к Ел<ене> От<тобальдовне>. Но я боюсь, что суровость Коктебеля, постоянный ветер, а более всего эти обеды очень негармоничные (хотя кроме нас и англичанки⁵¹⁵ никого нет), и вся эта коктебельская *in  l  gance de la vie*⁵¹⁶ может тяжело на вас действовать. У Герцыков же совсем идеальная тишина и гармония, они очень заняты, вовсе не так экзальтированы, как на башне, мачиха <так!> их хотя и не очень подходит к ним (она бывшая красавица с остатками былого кокетства – невинного и сантиментального), но очень старается быть в их духе, и последние года интересуется их жизнью <?> и не нарушает тона. Есть еще 20-тилетний брат, страшно смешной и милый. Относительно того, что вам ничего не будет стоить жить в Крыму, я уже писала.

Они живут в Крыму роскошно, и такого изобилия плодов земных я давно не видала. Я прожила у них дольше, чем хотела. Сначала мы были отрезаны от Коктебеля дождем и бурей, т.ч. никакого сообщения не было, потом я захворала и пролежала у них несколько дней. Письма посылал мне Макс из Коктебеля. Теперь установилась тихая горячая осень, горы приблизились. Неужели вы не приедете? Впрочем, я верю, что лучше ты знаешь, что нужно.

Лидия, после твоего молчания и после этого краткого свидания, когда я почти тебя не видала, ты все уходила, у меня нет духа говорить с тобой, и я только мечтаю иногда страстно о тех днях, когда мы были вдвоем с тобой на набережной или в Царском. Может ли так быть опять? Вероятно, я сама <виновата>, что ты перестала меня понимать, но я думаю, что только близкая жизнь может уничтожить это отчуждение; разлука все искажает. Я ее ужасно боюсь. Ничего, что я пишу вам отдель-

---

настоящее время этот дневник готовится к печати. Приносим искренно благодарность Г.В. Обатнину за предоставление нам его текста для ознакомления.

⁵¹⁵ Имеется в виду близкая знакомая Волошина ирландская художница Вайолет Харт, гостившая в те дни в Коктебеле.

⁵¹⁶ Неизящность жизни (фр.).

но? я могу обращаться только к одному, п<отому> ч<то> разное у меня к каждому отношение. Только один к другому прямое. И вдвоем мы понимали друг друга. Ты тогда больше чем меня понимала, потому теперь мне так и страшно это отчуждение. Но я о той близости всегда помню, и если во мне причина отчуждения, то я вновь найду себя, чтобы ты <?> нашла меня... Но часто я думаю, что в сущности наших натур лежит то, что только на мгновения мы можем сливаться, а по темпераменту несоместимы⁵¹⁷.

Следующее письмо Сабашниковой уже к Иванову, датированное 1 сентября, также начинается с заботы о то ли не написанных (как и было на самом деле), то ли пропавших по дороге письмах, и потом снова переходит в поток сплошной нежности и не слишком умелых описаний тех переживаний, которые Сабашникова испытывает при воспоминании о прошлом. Характерно, что это ее письмо до некоторой степени ориентировано на оккультные прозрения, которые должны идти поверх текста, – именно так писала А.Р. Минцлова, постоянно оговаривавшаяся: «Я не умею говорить». Конечно, Сабашникова (в то время пробовавшая свои силы в литературе) была значительно более искусна в эпистолярном жанре, но и для нее мечта об «астральном зрении», которое могло бы помочь в оборвавшемся общении, становилась весьма важной составной частью психологии.

Мне никогда не хотелось иметь астрального зрения, мне было довольно моих восприятий, но теперь... О Боже, как я чувствую свою слепоту, свое бессилие перед пространством, отнимающем <так!> Тебя у меня. Иногда, впрочем, Твоя близость так реально ощутима. И чем полнее становится мое одиночество, тем полнее, явственнее эта связь с Тобой. Мне кажется, что никогда ничто не отнимет Тебя у меня. И тревожные сны (я вижу часто во сне, что иду к Тебе, и у меня отнимаются ноги, и Ты уходишь, или что мне нужно переплыть воду, разделяющую нас), детские ужасы сменяются глубоким покоем и уверенностью, что есть области, где мы неразлучимы. Недавно произошло что-то совсем необычайное. Я читала Герцьякам «Гиппу». Ты знаешь, это стихотворение дошло до высшего, оно уже действительно заклин<ание>⁵¹⁸, его нельзя читать неосторожно. В меня вошел Дух, меня физически потряс Дух. Ты не поверишь, нельзя было вздохнуть.

Бог, пощади! Бог, ты нисходишь тяжкий!

Я ли снесу, я ли вмещу

Время твое, твой золотой избыток?

Это было как толчок электричества, сотрясение. <...> Ты уже знал тайну, что Египет близок, что трагическое преодолено, поднято, что близко время жертвы вина и золотые цветы раздвигаются. Что высшее напряжение страсти в священном покое.

⁵¹⁷ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 32. Л. 1-2об.

⁵¹⁸ Возможно, следует читать «заклят<ие>».

Стебель застыл, светлый цветок лелея,
Тих пред тобой прозрачный мир.

Милый, Ты уже ведь знаешь, что в Тебе преодолено трагическое, что мы с Тобой вошли в новый Египет, где кроме древнего священного покоя новая прозрачность. И еще скажу Тебе на ушко, что именно этому-то и улыбался сфинкс.

Вячеслав, не смейся надо мной и не отвергай египетской любви моей. Вот моя вера и моя любовь. Мы пойдем с Тобой в Румянцевский музей, и там ты увидишь брата своего Александра Иванова.

Это и узнаешь в нем, и Христа своего узнаешь там. Потом напишешь мистерию. <...>

Я уже вижу, что вы не приедете. Кстати, получили ли вы письмо от Ел<ены> От<обальдовны Волошиной> и Макса, от Герцыков? они же в Судаче живут в роскоши, в изобилии плодов земных, и у них не нужно стесняться жить; к Коктебелю я все не привыкну, и мне думается, что вам тяжела была бы эта «inélegance de la vie» и вечный ветер. И там, и тут вы могли бы жить вполне независимо, вполне уединенно. Там для вас в отдельном доме готовы две комнаты. Наш дом совершенно пуст, кроме А.Р. <Минцловой>, м<ожет> б<ыть>, никого не будет, п<отому> ч<то> приезд моих сестер не решен.

Но вас не заманишь прозрачным виноградом, розовым и синим, ни тополями, ни мимозами, ни скалами. <...>

Если вы не приедете, я сокращаю осень и еду в Петербург. Мне нужно непременно найти несколько уроков рисования детям. Я делала это и люблю. Макс же, кажется, возможно будет уехать в Париж.

М<ожет> б<ыть>, это и лучше. Страшно прикасаться к этой глыбе. М<ожет> б<ыть>, в этой легкости и нечеловечности его путь и его сила. Мы люди разных миров. <...> (Там же. Л. 25-27об).

В качестве комментария скажем, что упоминаемая в письме «Гиппа» – стихотворение Иванова из книги «Кормчие звезды»⁵¹⁹: обсуждение стихов Иванова в Судаче (и вообще все пребывание там Сабашниковой) выразительно описаны в воспоминаниях Е.К. Герцык⁵²⁰. Письмо Волошина Иванову было написано 15 августа⁵²¹. В 1907 г. в Париже он не был, отправившись туда лишь в мае следующего, 1908 года.

5 сентября (датируется по почтовому штемпелю) Сабашникова пишет и Иванову, и Зиновьевой-Аннибал. Прочитируем из первого письма строки, относящиеся к Волошину и ярко характеризующие отношение Сабашниковой к нему в это время: «Мой милый, я узнала, что Макс послал Тебе телеграмму, я очень жалею об этом. Он сегодня испугался за меня и поехал в город, но я совсем не знала, зачем. Ты не должен тревожиться. И на него не должен также сердиться. Он не понимает Тебя и законов, по кот<орым> Ты живешь. Вообще он ничего не понимает. Но я верю, что Ты делаешь то, что нужно, и только иногда, когда теряю

⁵¹⁹ I. С. 692-693.

⁵²⁰ Герцык Евгения. Воспоминания. М., 1996. С. 143-144.

⁵²¹ См. цитату из него: Купченко В.П. Цит. соч. С. 189.

власть над собой, это прорывается. Это сильнее меня. <...> Про Макса еще. Ты должен знать, мне тяжело было и будет с ним. У него мертвое сердце, “не по-людски и не по-божьи уединенная душа”⁵²². Но если кто-нибудь может тревожить ее, то я одна. И мне нельзя, как хочется иногда в минуты полного отчаяния, оставить его. Пока я волю, он пробуждается, когда я оставляю, он застывает. За лето он совсем изменился ко мне. Ему лень любить. И это во всем проявляется в мелочах. В 9 ч<асов> вечера никакая сила не заставит его бодрствовать. Что бы я не <так!> говорила, что бы ни было, он засыпает. Я не видала ничего подобного. И потом у него оглохла душа. Он ничего не видит, не слышит в других. Это чудовишно. Я не жалею, Ты понимаешь, но жалею его. И потом с таким человеком одиноко» (Там же. Л. 28-29).

10 сентября она пишет ему очередное лирическое письмо, на этот раз очевидно разочарованное отсутствием ответов. Не случайно в нем повторяются, иногда дословно, формулы прежних писем:

Дорогой Вячеслав, пишу тебе относительно книги Макса. Он решил совсем не издавать сборника своих стихов и спрашивает, сколько придется заплатить за набор, если придется?

Он едет на зиму в Париж.

Через 2 дня приезжают мои сестры и до ноября пробудут у нас. Ан<на> Р<удольфовна> едет с ними. Моего письма о тебе с дороги она очевидно не получила. М<ожет> б<ыть>, и ты не получил моего первого письма, посланного одновременно?

Нюшу на зиму посылают в Сицилию. Знаю, что ехать ей не с кем и будут просить меня. Но я буду там, где ты будешь, если ты еще хочешь этого и ничего не изменилось. В «невозможности» вам приехать чудится мне нечто еще более страшное, чем вновь разлука надолго. Ты страшно сказал: разлукой рок дохнул. Я не знала себя. Только теперь вижу, до какой степени я была ребенком в Петербурге. Совсем ребенком, вполне ребенком, непростительным. Почти преступно наивной. Только теперь поняла, почему ты так негодовал на меня иногда и как я тебя мучила. Теперь искупаю это. То, что ты тогда хотел, встало во мне (уже поздно, может быть?). Что-то неведомое, что сильнее меня, перед чем моя душа беззащитна. Я умоляю тебя, напиши мне о ваших намерениях, чтобы не вышло, как с летом, когда я все думала, что мы проведем вторую часть его в Крыму. Герцыки думают, что зимой жить будут «не распаковывая чемоданов». Думают не о журнале, а о сборнике, и вещают, что ты не останешься в Петербурге. (Они по странному совпадению мечтают о Сицилии, ты тоже ведь упоминал о ней).

У меня еще есть надежда, что вы приедете в Крым.

Теперь и в Коктебеле будет хорошо, п<отому> ч<то> мы отделяем от дома Ел<ены> От<обальдовны> и совершенно отдельно своим хозяйством живем у нас в дальнем уединенном и большом доме, где стало

⁵²² Из стихотворения Иванова «Ропот» (II, 370).

уютно. Но в Судак я также нашла бы возможность надолго приехать. Только в Петербурге раньше ноября не буду.

Я очень в живописи сейчас. Очень много открылось.

Если бы только о тебе знать. Если бы надеяться на ваш приезд. <...> Наступила тихая осень. Горы приблизились, ясна каждая трещинка, каждый кустарник вдали. В море отражаются облака.

У нас в доме 12 комнат. Вы были бы совершенно независимы. Аннушка перейдет к нам. Еда будет обильная, вода пресная, – ну я не знаю, чем еще прельстить вас. Зову и думаю, что будет хорошо вам ⁵²³.

Лишь в письме от 22 сентября Сабашникова пишет Иванову о получении письма от него, но письма разочаровывающего: «Так надо, верно, было, чтобы Ты узнал свободу, не желал, был спокоен. И так хорошо. И, верно, надо было также мне узнать другое. Иногда слегка я от боли и не понимала, что иначе писать ко мне Ты уже не можешь. В том, что Ты молчал так долго, нет вины, если Ты не мог писать (хотя как не найти возможности сказать, здоров ли Ты, работаешь ли, светит ли на Тебя солнце, это бесконечно важно мне знать и видеть Твою руку). Мне жаль только, что я нарушала молчание и ждала ответа. <...> Целую Тебя, навсегда любимый. Не жду больше. Живу с Тобой.» (Там же. Л. 32, 33об) ⁵²⁴. Из круга новостей не чисто личных представляют интерес сведения, привезенные Минцловой из Москвы: «А.Р. видалась и много говорила с Андр<еем> Белым и К°. Брюсов – страж морали – это не лишено соли, он почти великолепен хитростью своей. Теперь кажется мне, что ты не преувеличивал ничего и все это имеет более глубокие корни. Здесь бесы. И теперь, м<ожет> б<ыть>, нужна особая чистота, нужно душу настроить на высокий лад, чтобы ни тени не было в ней самолюбия. Тебе и тем, кто с Тобой; ни тени личного озлобления, чтобы правым делом ответить на вопли этих людей; некоторые из них искренни и омрачены. Я вспоминаю Тантала, его опьянение, и расплеканную Протеасом чашу и горлиц» (Там же. Л. 33 и об).

Зиновьева-Аннибал в письмах к Замятниной так комментировала ситуацию: «С М<аргари>той совсем пока разошлись. Он ей написал такие спокойно гармонические строки, что она растерялась, какую бы трагедию выдумать и ответила несколькими описаньями природы. Неизвестно, приедет ли в Пет<ербур>г или в Сицилию, куда он ее хитро спокойно отпустил и куда ей хочется. Он говорит, что видит, что она не любит и что она не та, кот<ор>ую он желал в ней видеть. Она в диапазоне обычной ревниво, банально, любимой женщины и до полной холодности сердечной. А он горел совсем иным идеалом. Ко всякому же узко личному наслаждению он совершенно умер и нисколько к ней

⁵²³ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 33. Л. 1-2об. По недоразумению в хронике В.П. Купченко это письмо цитируется как два разных, датированных 10 и 12 сентября.

⁵²⁴ Письмо Иванова (с припиской Зиновьевой-Аннибал) опубликовано: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 160-161 / Публ. Г.В. Обатнина. Реакция Зиновьевой-Аннибал на получение письма от Сабашниковой зафиксирована в упомянутом ранее предсмертном дневнике.

страсти не испытывает» (Карт. 23. Ед. хр. 24. Л. 47об-48; письмо от 4 октября).

Уже совсем незадолго до трагического завершения той истории, хронику которой мы составляем, Сабашникова написала Иванову два письма, представляющих по сути своей единый текст. Первое было отправлено, судя по штемпелю, 11 октября, а второе – 12-го (мы обозначаем их цифрами 1 и 2 и публикуем полностью).

1

Дорогой Вячеслав, до последней минуты я ждала, что вы приедете, иначе давно была бы в Загорье. Слышу, что вы едете в Москву. Ты пишешь, что я всегда могу прийти к тебе, как к себе. Не вижу этого по твоим поступкам, не могу так почувствовать. Ничто не держало меня в Коктебеле и не держит, кроме сознания, что это неправда. Разве могут быть обеты в любви? Разве мог бы ты написать мне это дипломатическое письмо, если бы по-прежнему любил, разве мог бы не приехать, не позвать и иметь какое-то предчувствие, что мне хорошо теперь, когда я как раненый зверь, когда у меня уже нет защиты от боли, нет силы нести. Вячеслав, знал ли ты, к какому ужасу ты привел меня? И тогда знал ли, к какому ужасу вел? Ты сообщал мне, что ты светел и гармоничен. И мне страшно за тебя. Потому за тебя и страшно, что вся боль чужая, кот<орую> ты брал и берешь на себя, на тебе и вокруг тебя. Ты все светел, должник, ты живешь, как богач; на тебе слишком много, потому мое сердце к тебе рванулось, что это видно, и я была верная вначале. Но оттого, что я была ребенком, и не знала страсти, и не знала жертвы, не была готова, ты не верил мне. Но и не понял меня. Вероятно, в этом я сама виновата, п<отому> ч<то> не знала себя сама. Как ты не понимаешь меня, я вижу по всем твоим словам, кот<орые> ты говорил в Загорье (там я была в чад от счастья твоей непосредственной близости и ничего не видела), и по твоей поздней осторожности и поздней лояльности⁵²⁵. Мне писать очень тяжело, я не вижу тебя, не уверена, что мои слова дойдут до тебя. Но мне надо, чтобы теперь была ясность и правда между нами. Я буду говорить, как перед Богом. Я знаю, что ты объяснял себе мой ужас перед разрывом с родителями, перед болью, кот<орую> я причиняю Лидии, недостатком любви к тебе, трусостью. Ты думаешь, что мне тяжела мысль о разлуке с моими, с Максом (<1 нрзб> портрет). И на это я скажу тебе, что ушла бы за тобой легко и радостно, оставив всех, потому что ты, Вячеслав, дороже всех для меня. Мне никто не нужен. Сколько раз я была готова на все, и каждый раз какое-то темное знание меня останавливало. Летом я была близка <так!> к безумию от тоски по тебе и от того, что не видела пути к тебе, своего пути. Я чувствовала, что всякая боль (а если бы ты знал моих родителей, то для тебя, как для меня, не было бы сомнения, что моя связь с тобой была бы для них ударом смертельным), всякое зло хотя бы косвенно через тебя нанесенное, обернется на тебя. На тебе уже слишком много и довольно слепых и темных

⁵²⁵ Т.е. лояльности.

жертв. Наше свидание в Загорье потрясло меня новым чувством. Я боюсь себя, я готова ослепнуть; иногда тоска моя по тебе так велика; только быть с тобой, быть твоей *во что бы то ни стало*, и это иногда сильнее меня. К какому ужасу ты вел меня. Но темное знание о тебе яснеет, есть минуты, когда твоя жизнь озаряется для меня необычайно. В твоей жизни *ничто* не было неизбежно. Тебе *никто* не нужен. Ты был бы сильнее один. Но, вероятно, уже не теперь. Многие и, м<ожет> б<ыть>, все жизни, в соприкосновение с кот<орыми> ты входил, были в твоей воле. Я вижу, как несколько раз тебя зовет Христос. Однажды это было, когда ты встретил Лидию, когда полюбил, в то время, и Он ждал от тебя жертвы. Еще раз это было, когда ты оставался один в Греции; и еще раз. То, что не позволило тебе страдать, разбило твою душу. Ты этого еще не видишь; я вижу. Мне очень тяжело писать, мне трудно. Я не уверена, что ты слышишь, и слова не идут. Христос и Дионис только на одно мгновение вместе, а ты медлишь. Теперь я знаю, что к Христу нельзя подойти, не узнав другого. Но пути расходятся. На твоих глазах уже нет повязки пурпурной, и тебе довольно слепых, темных (во всем прекрасных) жертв, и тебе пройти через жизнь и смерть бессильным, неразъединенным, подняв боль и страсть. Он ждет жертвы бескровной.

Помнишь, как мы зашли с тобой в церковь в Царском. С тех пор меня не оставляет чувство к твоей матери, м<ожет> б<ыть>, связь.

Я не знаю, как я это все пишу, но чувствую, что ты без слов меня не слышишь. Но эти слова едва ли скажут тебе то великое и неотвратимое, что вошло в мою душу. Как мне тяжело, как я люблю тебя. Ты назвал меня своей женой. Если твоя любовь ко мне не была одним порывом, я твоя жена. Наш брак должен быть тайным, никто не должен от этого страдать, и если Лидия не может принять это, ты не причинишь боли ей, но мне. Ей особенно не можешь ты уже причинить боли. Ты чистым, чистым должен быть от страдания чужого, не за себя. Ты за всех, Вячеслав, должен быть чистым. Но знаю ее великодушной и думаю, что то, что возникло между нами, не будет задушено, думаю, что ты не оставишь меня. Ты дашь мне малое время в году, и мы будем принадлежать друг другу. Так надо. Не надо забывать, не надо уходить. Знаю, что будет это нам страшной болью. Тебе не надо этого бы знать. В мою жизнь боль уже вошла, она неотвратима, тут, я засыпаю с ней и с ней просыпаюсь. Отнимешь ли ты у меня землю? Зажги мой год и мою жизнь. Принимаю всякую боль от тебя и всякое счастье, не отрекаюсь и принимаю. Полной тайны прошу: для моих родителей. И в тайне есть сила. Жить с вами не буду из-за них и из-за того, что ясно вижу, как Лидия принимает меня только в минуты экстаза.

Сегодня она назовет меня святой, завтра плонет в лицо и назовет развратной. Ее боль слишком велика, если возможно было для нее вычеркнуть «вчерашний день». Для меня же этот вчерашний день и то, что однажды возникло между нами, неизгладимо, а моя любовь к ней ничем не затмится. Жизнь строить нельзя на минутах экстаза, но на доверии, кот<орого> у нее ни к кому нет. Для тебя такая жизнь была бы крестом и гибелью для твоей работы. Для моей работы также. Я остаюсь здесь на все время. Насколько возможно – в Коктебеле; когда бури и одиночество станут невмочь, переберусь в Феодосию, где мне, кажется, удалось най-

ти работу, без кот<орой> нечем жить. Возможно, что на нек<оторое> время удасться приехать зимой в Петербург.

Макс же уедет отсюда скоро и будет, м<ожет> б<ыть>, все время в Петербурге, м<ожет> б<ыть>, в Париже. Для меня он остался непроницаем, закрылся совсем. При других он ласков со мной и резв. Когда мы одни, ему не хочется говорить. Он не позволяется <так!> касаться ничего личного, и я не знаю, глухая ли это боль или душевный сон. Он только сказал раз, что не простил бы тебе, если бы твоя любовь ко мне оказалась бы одним порывом. Макс должен остаться один и искать свой путь. Я бы хотела, чтобы вы видались. Меня торопят с письмом, но я хочу еще написать об А.Р. Это единственный близкий мне человек, но я не могу говорить с ней о себе, а о тебе мы не говорим почти. Хотя я чувствую, что она часто, часто думает о тебе.

Однажды она сказала, что самое ужасное было бы для нее, если бы с ней что-нибудь теперь случилось, что она не увидится с тобой. Ей очень плохо. У меня есть причины бояться того, что мы скоро ее потеряем. При других она весела и остроумна; не сводит глаз с Ньюши, болезнь которой считает роковой, ласкает ее, дружит; когда она, А.Р., у себя (я сплю в одной комнате с ней), я вижу, какие ужасы она переживает. Страшен ее путь. За это время она стала еще больше. Какой поверхностный взгляд был у меня летом, когда я вдруг перестала ее видеть. Рядом с ней чувствуешь «небо отверзтым». В ней есть истинное блаженство и тишина, но она измучена и она на краю того, что мы называем гибелью. Ее сила громадна, она одна. Отчего ты не ответил ей? Когда я спросила ее: «Отчего Вы не позовете его, если такое значение придаете этому свиданию?» – она отвечала, что считает, что позвала тебя.

Ты своим молчанием отрезал меня от себя. И я молчу обо всем, что мне приходится видеть. Иногда, когда моя тоска по тебе доходит до пределов, я ощущаю холод чье<го>то присутствия, не знаю, ты ли это или за тебя посланный, но тогда у меня есть возможность заплакать, с детским доверием, и легче. Иногда мне кажется, что если бы мы теперь увидались, это было бы счастьем, кот<орого> не бывает, и я боюсь долгой разлуки. Почти каждую ночь мне снится сон, что я откуда-то издали еду, и ты опять не встречаешь меня; но что ты даже не рад мне, занят какими-то детьми, что меня просят подождать, и я ухожу ни с чем; и с тоской, с какой тоской я просыпаюсь.

Ты прямой, неужели ты бы не сказал, что все кончилось? Но когда я вспоминаю твои слова, напр<имер>, твои гордые слова о том, что я была послана искушением, и ты ответил искушением посланному искушать, я вижу, как нет любви в них! Вячеслав, не пиши мне хитрых писем. Пиши про себя все. Твое бессилие писать я презираю. Ты *не имеешь права* не отвечать. Ты один можешь помочь мне перенести мою боль. Не отходи. Есть ли <так!> тебе нужно нанести мне удар, знай, что боль, кот<орою> ты мне причинишь, не обратится на тебя, п<отому> ч<то> я за тебя, тебе. Я твоя. Ты уже своим существом для меня избыток и полнота. И я за тебя. Какая у меня за тебя тревога. Как я люблю тебя. Я благословляю эту страну. Мне кажется, что здесь я на дне мира. Есть милость в ее суровости. Теперь полнолуние, и при полной тишине

море ярится с ночью; это точно развертываются серебряные ткани; до дна поднимает его, и волны катятся от горизонта.

Днем я вспоминаю Италию. Заливы, как голубой туман, и золотые виноградники.

Я не уеду отсюда. И только когда я одна, я вполне с тобой.

Пусть так будет. Милый, любимый навсегда.

Маргарита.

Помни, что ты больше всего, что ты единственный <?>, что ты еще ничего не сделал.

Это письмо посылаю, не перечитывая. Отвечай.

2

Дорогой Вячеслав, мое прошлое письмо я писала очень наспех, человек, ехавший в Феодосию, стоял над душой, и я не успела много написать. Забыла предупредить, что никто не знает о моем заезде в Загорье. Родителям моим я не сказала и не скажу. А то, чего они не знают, никто не должен знать. Я прошу очень о наших отношениях никому не говорить, даже таким близким друзьям, как Нат<алья> Ив<ановна>⁵²⁶. Эту мою просьбу обращаю к Лидии в особенности. Мои отношения к тебе, Вячеслав, должны быть совершенно разделены от моих отношений к родителям. Была с моей стороны непростительная слепота, что я думала, что они могут их принять. Нужно их беречь и щадить, ты же должен иметь дело со мной одною. Если бы ты знал хрупкость и нежность души моего отца, неспособность его к жизни, и непреклонную убежденность, цельный, почти библейский характер моей матери, ее взгляд на брак и на человеческие отношения, ты понял бы меня. Она прекрасна своей непреклонностью, неумолимостью и страстностью <так!> Она как ее мать. «Мне отмщение и аз воздам», – их вера, мрачная вера. Моя бабушка прокляла Ек<атерину> Ал<ексеевну> за то, что она развела Бальмонта, и прокляла <?> ее девочку⁵²⁷. Мне очень чужда их вера, но я вижу в ней их правду. Эта сторона моей жизни должна остаться тайной для них. У меня есть на это сила. Но ты помоги мне и будь осторожен. Если тебе придется встретиться в Москве маму (я не думаю этого, но на всякий случай прошу), уничтожь в ней всякое беспокойство. Я сделаю то же. А.Р. сказала мне, что в моей любви к тебе мама видит мою гибель, что она на все способна, чтобы спасти меня, и не пощадила бы папы. Я возьму эту ложь на душу со спокойной совестью. Это не ложь. Я бы не взяла на душу и не обременила бы твоей души их горем. Понимаешь ли, что тебе нельзя причинять другим горя, все станет на пути твоём, на кот<ором> медлить тебе губительно.

Еще одно. Я умоляю тебя писать мне. У тебя к письмам отношение как к каким-то юридическим документам, с которыми тебя потащат на суд. Это ложное отношение, а также как к художественной литературе.

⁵²⁶ Видимо, детская поэтесса Н.И. Манасина, подолгу жившая в Крыму.

⁵²⁷ Речь идет о Е.А. Андреевой-Бальмонт, из-за которой поэт развелся со своей первой женой.

Письма совсем особое; это мгновенья, пиши без оглядки, как говоришь, мои письма непременно уничтожай, если хочешь, – буду то же делать с твоими. Ты должен исполнить мою просьбу и уничтожить и уничтожать все мои письма сейчас же по прочтению. Это не документ и не литература. До сих пор не могу без содрогания вспомнить, что ты переписал письмо мое к Анне Руд<ольфовне>, так мне кажется это грубо, в такую-то минуту, чудовищно грубо. Пиши мне то, что стал бы говорить. При твоей неаккуратности в переписке разлука становится могилой. Против этой грубости нет слов. Переписка возможна только чистая и правильная, нужно быть уверенным, что получишь ответ. Иначе я понимаю только полное молчание, заранее установленное. Я приняла бы это, хотя при несовершенстве моей духовной организации мне было бы это страшно тяжело. Но это я принимаю, это возможно при великом доверии.

О доверии: ты сказал, что можно бороться против недоверия, т.е. что я могу победить недоверие ко мне Лидии. Нет, Вячеслав, доверие – всегда милость, дар. Мне одинаково тяжело, когда она говорит, что я святая или когда она говорит, что я развратная. Первое легко, конечно, разрушить, второ<е> невозможно. Если она могла это подумать, она будет думать это всегда. Ведь она видела меня до конца. Моя душа была ей открыта. Если она поняла меня так, то уже все так и будет ей представляться всегда. Я или верю человеку, и тогда верю ему больше, чем он сам верит, или не верю. Ничто, никогда не сотрет в моей душе минут, проведенных с ней, когда я видела все величие ее души. У тебя также есть это недоверие, эта «неверность», когда ты то слепо отдаешься первому впечатлению, то отнимаешь доверие у самого близкого <так!> человека. Для меня это твое недоверие – самая большая скорбь. Несчастливо повернулась моя жизнь, и это именно чуть ли не самый главный уклон <?> ее. Твои слова презрения обо мне навсегда на мне. Меня никто, никогда не может больше оскорбить. Когда я прочла твои слова обо мне в письме Лидии, я, м<ожет> б<ыть>, в первый раз почувствовала себя женщиной и отделенной этой обидой от них всех. Знаешь ли, что с тех пор я не могла смотреть на папу, избегала его, уходила от него, и он думал, что я его разлюбила. Я думаю, что этого ты не можешь даже понять. Но я не об этом хотела писать тебе, но о твоём отношении к людям вообще. Ты не готов быть с ними. Ты швыряешь их, и счастливы равнодушные к вам и нехрупкие. Ты любишь говорить, что испытываешь людей. Право испытывать имеет тот, кто *знает* без испытания; он испытывает для испытываемого, не для себя.

Ты говорил: пускай гибнут слабые; но нежную душу ты можешь смять навсегда.

Ты был уверен, что слова твои не ранят; это еще не правда, это еще не так. И при твоём единственном совершенстве, единственной красоте, силе и власти единственной, малейшее твое уклонение отзовется вокруг великим злом. Не знаю большей красоты, чем твоя, и меня сдает ревность о ней. Как ты должен быть чист. Тревога моя о тебе бесконечна, ты не то, чем мог быть, чем должен быть, что есть.

И это не сон мой о тебе, это самая большая реальность. В минуты самой злой тоски моей о тебе я вспоминаю, что не нужно так тосковать, что, может быть, тебе худо от этого. Милый, если бы ты знал, как я тебя

люблю; как я боюсь за тебя. Я даже не страдания твоего боюсь, хотя бы все отдала, чтобы предотвратить, но есть в твоей жизни нечто страшнее для тебя земной боли, твое счастье страшнее.

М<ожет> б<ыть>, ты сейчас не понимаешь меня. Если ты живешь окруженный той идиллией <так!>, кот<орая> рисуется мне, мои слова, моя боль могут показаться тебе безумием. Я представляю себе, как ты говоришь: «Эта девочка все преувеличивает, эта девочка заражена романтизмом; все так просто». Ты еще будешь с луаяльностью чучела, чумичела, у которого выросла мышьяная голова, говорить о семье в квадрате... Отчего ты, кот<орый> так бесконечно чуток, до ясновидения пронизателен, и тонок, и нежен, так невероятно не понимаешь меня; так слеп, так груб со мной. Я велю сердцу молчать и верю, что однажды тайное станет явным.

Нет романтизма там, где начинается знание, нет романтизма там, где вошла неотвратимая боль.

Прости меня, если сегодня я сделала тебе больно. Целую тебя нежно.

Как бы я хотела знать, что ты пишешь, и есть ли новые стихи. Пришли их мне.

Когда будешь в Москве, пойди непременно в Румянцевский музей посмотри эскизы Иванова⁵²⁸. Если дашь мне московский адрес, я напишу тебе подробно о них, чтобы ты не пропустил лучшие. Сейчас получила вашу телеграмму о том, что до 20-го вы в Загорье. Меня обожгла мысль, что если бы я выехала завтра, то застала бы вас еще дня 4. Но ты бы позвал меня, если бы желал.

Завтра еду в Судак повидаться перед отъездом с Герццками.

Маргарита

Зиму я пробуду здесь. О книге поговори с Максом сам. Вы скоро увидите. Я понимаю и разделяю его убеждение, что ему не надо печататься в «Орах» (Там же. Л. 34-44об).

Эти письма (причем наверняка мы еще обладаем ими не во всей полноте) свидетельствуют о тех бурях и вихрях, которые бушевали в душе Сабашниковой. Но когда она мысленно возвращалась к Загорью, то ей виделась картины мирного и спокойного бытия, лишенного ее собственных ощущений. Как она говорила в письме от 10 сентября, «думаю, что вы не приезжаете, п<отому> ч<то> Вам хорошо. Теперь в Загорье тихо и красиво. Должно быть, пруд очень синий, и яблоки перед Твоими окнами стали розовыми. Как я рада, что знаю Твою комнату, я часто в ней, может быть, постоянно. Я хочу, чтобы для Вас обеих эта осень была золотой и щедрой. Не нужно прерывать, если хорошо. Я не зову вас больше, но было бы ложью сказать, что не жду; каждая коляска на дороге, каждый почтовый день для меня пытка» (Там же. Л. 30 об).

Насколько мы можем судить по письмам, она была права. Ее визит в Загорье, проведенные в ее обществе два дня и расставание позволили

---

⁵²⁸ Имеются в виду эскизы Александра Иванова к «Явлению Христа народу», хранившиеся в то время в Румянцевском музее.

Ивановым обрести внутреннее спокойствие. Замечательный пример этого – очень фрагментарно (почему их легко привести полностью) сохранившиеся дневниковые записи Зиновьевой-Аннибал:

17. Сент<ября> – в княжий лес к лесникам на паре. Кормили.

19. К равнину в Любавичи на паре.

20. Верхом в Любавичи на паре

23. Верхом на Копчике и кобыле

25. В Любавичи вечером на паре. Вернулись в 8 ч. шагом в темноте. Куплено 2 пуда овса и обещано у Манштедтов еще 3 пуда. Было дано Гавриле на покупку 5-ти пудов овса в Любавичах 5 р. Но он вернулся, сказав, что там овса не нашел.

После каждой поездки, начиная с Манштедтов, удерживали лошадей шагом, чтобы прохладить. Добыли второй потник под седло (Карт. 41. Ед. хр. 29. Л. 31 и об)⁵²⁹.

И все остальные документы, находящиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о том же. Вот одно из наиболее подробных писем (возможно, не отправленных, поскольку сохранилось оно в Римском архиве Вяч. Иванова), обращенное к довольно близкой приятельнице, актрисе и сочинительнице пьес Нине Павловне Анненковой-Бернар (упоминаемый в конце письма Сергей Александрович – ее тогдашний муж С.А. Борисов):

Им. Загорье
ст. Любавичи
Могилевская губ.

23 Авг. 07

Дорогая Нина, застанет ли вас это письмо? И последует ли за вами? Только вчера получили «Согггеоно поус». Это оттого, что мы здесь, и письмо ваше пересылалось нам из города. Первые недели тишины, и зелени, и далее так затопили душу глубоким и молчаливым счастьем, что протекли как вода, и я не успела взять за перо, хотя вас постоянно помнила любовно и не хотела нарушать обещания. К горю моему, Вячеслав чувствовал себя хорошо только первое время, а потом стал хворать невротической <так!> – следствием двух лет невероятных напряжений и безвыездно проведенных в Петербурге. И столько горестных утрат, которые вполне осознались нами лишь теперь, в нашем новом уединении. Подсчитывали, оплакивали. Прочь стремились вновь, едва не бежали («В тайник глубокой тишины», как он писал в начале Петербургского периода своей «подруге чистых созерцаний»⁵³⁰). Но выступивши в путь, не оглядываются на полпути, и снова бодрость и мужество возвращаются к нам. Все же длим свое уединение еще с месяц здесь, потом должны ехать в Крым, где несколько истинных друзей ждут с горящим <так!>

⁵²⁹ Более подробные записи об этих днях сохранились в упомянутом выше предсмертном дневнике Зиновьевой-Аннибал.

⁵³⁰ Несколько неточная цитата из стихотворения «Молчание» (II, 262).

нетерпением. Это связано и с большим литературным делом. В Петербурге будем не раньше Октября. В Крым едем Днепром и Черн<ым> Морем <так!>. Здесь живем в большом недостроенном доме, с виду Библинском тереме, над прудом, в яблоневом саду. Вдали леса, леса и леса – Россия мне новая. Работа у меня плохо клеилась, напала лень и жажда движения: брожу часами, плаваю, греблю, сильно похудела и полегчала, чему очень радуюсь, ибо могу бегать с детьми в войну, как девочка. На ваш вопрос в последние секунды перед отходом поезда теперь еще могу добавочно ответить, что до неприличия счастлива и окончательно соединена на жизнь с Вячеславом. Быть может, только теперь оба мы так окончательно это поняли, хотя он и уверяет, что знал это всегда и всегда свидетельствовал в своих стихах. Говорят, что меня постоянно и озлобленно ругают все газеты, в особенности Московские. Нам здесь ничего не приходится и не хочется читать. Не понимаю, почему меня так ненавидят. Это психологически интересует меня. Милая, скажите, куда едете и как у вас на душе. Не оставляйте нас без адреса. Вячеслав не пишет, потому что не жду его, а ждать его – значит все сроки просрочить. В данную минуту, вдобавок, у него зубы болят. Он нежно целует ваши добрые, милые ручки. Наш горячий привет Сергею Александровичу. Неужели вправду не увидимся до весны? Напишите. Сердечно с вами мы оба.

Ваша Л. Зиновьева-Аннибал.

Спешу отослать письмо с первым *случаем* на почту и не показываю Вяч<есла>ву, иначе задержит.

В этом письме существенно упоминание «большого литературного дела», а также маршрута поездки в Крым. Чуть более подробно написала об этом В.К. Шварсалон в Женеву О.Ф. Остроге: «Написала ли тебе мама о том, что они думали в Крым ехать, где им нужно повидаться с знакомыми, которые хотят устроить журнал для Вячеслава (мама еще об этом мне писала, и я тебе читала в Женеве). Одно время они решили не ехать, но теперь к нам приехал литератор Чулков на 2 дня, и они опять решили, что нужно ехать. Это будет очень интересно, тем более, что мы поедем по Днепру, который совсем близко у нас» (Карт. 37. Ед. хр. 30. Л. 8; письмо не датировано). Из того письма Зиновьевой-Аннибал к дочери в Женеву, о котором тут идет речь, сохранился только фрагмент. Написано оно было, видимо, в начале апреля.

...чтобы выдержать то неопишное напряжение тела, мысли, сердца и духа, в каком мы как рыбы в воде, да еще с грозями, громами и ливнями – нужно иметь или сверхчеловеческие силы, или особенные огненные, крылатые темпераменты. Seriously, это невероятно, какая мы исключительная пара. Например, Макс, поживши с нами и очень тесно сердцем с нами сросшийся, все пишет из Крыма о ужасе при мысли повторения подобного опыта и о желании поселиться с Маргаритой поближе к нам, но не под одной кровлей. Правда, что и я сама, и Вячеслав в данный час находимся уже на последнем краю своих сил. Мы пережили нечеловечески много. В особенности я после этой истощившей меня бо-

лезни. Зато я испытала свои силы и знаю, что сгубить меня ничто не может и что со мною Бог.

Замыслы трудовые у нас многочисленные и много добрых намерений. Что-то Бог даст! К Вячеславу обратились сестры Герцык, одну из них ты знаешь, и их подруга, заменившая им сестру и мать, с предложением основать для него журнал, где он проводил бы свои идеи на искусство, жизнь и религию, и призвал бы помощников по выбору. Это очень важно. И Вячеслав очень священно и вдохновенно к этому относится (Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 27-28об).

Этот план (в различных его модификациях) мы в свое время постарались проследить⁵³¹: первоначально журнал задумывался как орган, объединенный исключительно вокруг Вяч. Иванова, проводящий (по выражению Сабашниковой) идеи «нового гуманизма», однако к концу 1908 г. замысел трансформировался в идею теософского журнала. Ни то, ни другое не осуществилось, однако, как видно из писем, обдумывалось вполне серьезно. Как кажется, существенно, что путешествие в Крым должно было совершаться по Днепру: летом 1899 г. именно этим путем (от Гомеля по Сожу, потом по Днепру) Зиновьева-Аннибал совершала паломничество в Киев. В 1900 году (по настоянию Владимира Соловьева) туда же, в Киев, ездили оба супруга. Вряд ли можно предполагать, что, двигаясь по великой реке, они могли бы миновать «мать городов святорусских», не остановившись там хотя бы несколько дней.

Отметим попутно, что поездка в Крым была делом вполне продуманным и едва ли не решенным. Об этом свидетельствует письмо Е.К. Герцык к В.С. Гриневич от 7 октября: «Сегодня, вероятно, Вяч<еслав> выехал, и на днях решится их и наша судьба»⁵³². То, что даже предполагавшиеся хозяева не были своевременно извещены об отказе от поездки, показывает ее определенность.

Приведем еще два фрагмента из недатированных писем В.К. Шварс-салон в Женеву, рисующих жизнь как в самом Загорье, так и в Петербурге. Оба эти письма написаны в сентябре, поэтому мы позволяем себе их соединить воедино.

Я по приезде сюда попала к настоящей русской помещичьей семье. Хотя мы едим отдельно, но мы все-таки постоянно видимся, они очень милые, в особенности старая Озмидова, хозяйка. Крестьяне ее очень любят. Кстати, ты будешь очень удивлена, получив письмо из деревни, но я все еще не уехала в Питер, ибо тут занимаюсь с Вячеславом. Костя с Марусей уехали вокруг 30-ого, т.к. Костя ходит в реальное уч-<илище> Гуревич, он пока там доволен, как пишет Маруся, «и дома очень мил». Несколько дней перед их отъездом приехал Сережа и провел у нас две

⁵³¹ См.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 233-238; Он же. От Пушкина до Кибирова. М., 2004. С. 336-339.

⁵³² Сестры Герцык. Письма. СПб., 2002. С. 507. См. также сводку данных о несостоявшейся крымской поездке в комментарии Г.В. Обатнина (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. С. 160-161).

недели, потом он с Лидьей уехал в П<етер>Б<ург> (а оттуда в Дерпт). Лидья ходит в музыкальную школу и в новую гимназию, около нас, на несколько часов в день. <...> Мама и Вячеслав остаются еще здесь неделю (Вячеслав кончает статью срочную), потом они, вероятно, поедут в Крым к знакомым по делу основы журнала. Вопрос, поеду ли я с ними, пока еще не решен <...>

Здесь я все лето ничего не делала, кроме часового урока с 15-летним лентяем Юрой по-французски <...> потом я еще давала получаковой урок Лидии и некоторое время 7-летнему мальчику, брату Юры, который страшно хотел учиться и умолял меня давать ему урок. Я заработала 15 рублей. <...>

Сама во все лето я только час занималась по Латыни с Вячеславом. Теперь все разъехались, мы совершенно одни, я с некоторого времени стала серьезнее работать, начала греческий язык, диктовки, русскую литературу и т.д., хотя еще приходится часто себя муштровать, чтобы не терять времени и т.д. <...>

У нас почти все время была холодная дождливая погода, так что то, что Вячеслав называл раньше (помнишь, я тебе говорила) зеленым раем, сделался мокрым рай! Вячеслав все время страшно слаб, у него постоянно то лихорадка, то зубы болят, и он может мало работать. Мама же по-прежнему, сильнее гораздо, очень много ходит... (Карт. 37. Ед. хр. 30. Л. 2-5об).

К сожалению, о работе Иванова этим летом мы знаем не так подробно, как хотелось бы. Относительно многое можно понять из анализа литературной ситуации, сложившейся в это время и частично отразившейся в сохранившейся переписке как Иванова, так и третьих лиц. Первое письмо, прямо связанное с литературой, однако, еще находилось вне этих обстоятельств. Иванов отправил его Г.И. Чулкову.

Загорье 12.VII.07

Дорогой

Георгий Иванович,

Простите, что пишу так поздно. Все время поджидал Вас. И первое Ваше письмо внушило мне надежду, что Вы сдержите свое обещание приехать. Собирался ответить Вам новым призывом – как получаю Вашу статью, а затем корректирующие ее письма. Об уместности Вашей статьи предоставляю судить Вам самому. Возражать против нее «публично» не имею никаких оснований. Благодарю Вас за ее сообщение. – Сначала мне здесь хорошо работалось, а потом начали дожди, испортившие сенокос у поселян и поэта. Но, быть может, еще выглянет солнце. Луна же прекрасна. Приезжайте – мне хочется Вас видеть и говорить с Вами. Лидии также. Она Вас зовет, хвалит и приветствует. То есть хвалит Вас в разговорах со мной и не для передачи. За что – не скажу. Притом *не безусловно* хвалит... Надежде Григорьевне наш горячий привет. Также Блоку. И Сологубу – если его увидите. Зову Вас.

Ваш Вяч. Ив.

Дорогой Георгий Иванович, *если в 6 №* «Весов» я не значусь в списке сотрудников, тогда я ничего не имею против упоминания в Вашей статье о моей непринадлежности составу «Весов».

В.И.⁵³³

Довольно очевидно, что речь здесь идет о статье Чулкова «Молодая поэзия»⁵³⁴, наделавшей довольно много шума. В частности, на нее серьезно обиделся М. Кузмин⁵³⁵. Да и тон Иванова явно показывает, что его статья также вовсе не вдохновила.

Однако письма дальнейшие требуют более существенного предварительного комментария. Взаимоотношения между главными символистскими журналами этого времени – «Весами» и «Золотым руном», и всегда бывшие напряженными, в августе 1907 г. достигают пика враждебности. 21 и 22 августа объявляют о своем выходе из числа сотрудников «Золотого руна» Мережковские, В. Брюсов, Ю. Балтрушайтис, М. Кузмин и М. Ликиардопуло, в острой полемике с журналом находился Андрей Белый (сотрудником быть отказавшийся еще ранее)⁵³⁶. После этих бурных событий «Руно» нуждалось в решительной перестройке, тут же и начатой. 30 августа секретарь журнала Г.Э. Тастевен написал Г.И. Чулкову: «Сейчас предложено Вячеславу Иванову вести самостоятельный философский и критический отдел в “Руно” с правом приглашать сотрудников; такие же полномочия, как известно, имеет А. Блок и таким образом состав редакции становится все более определенным»⁵³⁷. 5 сентября Иванову написал Блок: «...я обещал “Золотому Руно” просить Вас очень быть редактором его, т.е. взять весь журнал *внутренно* в свои руки. Внутренно потому, что официального отказа от редактирования Рябушинский ни за что не даст»⁵³⁸, за два дня до этого появилось даже газетное извещение: «А. Блока пригласили редактировать “Золотое Руно”; от приглашения Блок отказался в пользу Вяч. Иванова. Этим последним предложение принято под условием полной автономии журнала от Н. Рябушинского, т.е. лишения его всех прав на просмотр рукописей и на какие бы то ни было непосредственные отношения к сотрудникам»⁵³⁹.

Окончательное выяснение того места, которое займет Иванов в редакции «Золотого руна», произошло только в конце ноября, когда он побывал в Москве, провел переговоры с редактором «Руна» Н.П. Рябушинским, представил ему «меморандум», который был отвергнут⁵⁴⁰, но

⁵³³ РГБ. Ф. 371. Карг. 3. Ед. хр. 35. Л. 6-7об. См. также: Обатнин Г.В. Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица. Биографический альманах. М., СПб., 1993. [Т.] 3. С. 467-480.

⁵³⁴ Товарищ. 1907. 5 августа, № 337.

⁵³⁵ См.: Кузмин М. Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 246-247.

⁵³⁶ Подробнее об этой ситуации см.: Лавров А.В. Русские символисты. М., 2007. С. 470-480; Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова. С. 57-83.

⁵³⁷ Литературное наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 297-298.

⁵³⁸ Блоковский сборник. Тарту, 1972. [Т.] II. С. 373—374 / Публ. Е.Л. Белькинд.

⁵³⁹ Свободные мысли. 1907. 3 (16) сентября. № 17.

⁵⁴⁰ Фрагменты опубликованы: Лавров А.В. Цит. соч. С. 479.

весь сентябрь был посвящен переписке, как по этому поводу, так и относительно рабочих планов и свершений. Собственных писем Иванова этого времени у нас практически нет, но картина выстраивается все-таки достаточно определенная. 11/24 сентября секретарь журнала «Весь» М.Ф. Ликиардопуло сообщал З.Н. Гиппиус новости, относящиеся приблизительно к 8-9 сентября: «Сообщаю, кстати, последнюю сенсацию: образовался для “З<олотого> Руна” редакционный комитет для литер<атурного> отдела. Вошли: Иванов – редактор, члены: Чулков, Блок и Б. Зайцев. Вернулись в “Руно” Л. Андреев, Зайцев, Чулков, из новых сотрудников называют Муйжеля. В общем, ну и компания. Уходит из “Руна” еще Ф. Сологуб»⁵⁴¹. В тот же день Зиновьева-Аннибал пишет Замятниной на почтовой открытке: «В<ячеслав> не думает взять отдел в “Руно”, но в Москву съездить следует из-за всего вообще» (Карт. 23. Ед. хр. 24. Л. 38). В те же дни Г.Э. Тастевен упорно пишет Чулкову о редакционной тактике, в которой Иванов по-прежнему играет важнейшую роль⁵⁴². 18 сентября Зиновьева-Аннибал отправляет очередную открытку Замятниной: «Дорогая Мару, начинаю письмо на балкончике после завтрака. В<ячесла>в и Вера допивают чай и переводят Горация. Пара наша ожидает нас для того, чтобы везти В<ячесла>ва на научную беседу с раввином, а нас на примерку Вер<ино>ого коричневого платья в Любавичи. <...> В<ячесла>в, как дитя счастлив. Ходит по дому и поет во все горло. Отложил немножко “Цыган” и кончает “Ты еси” и “Спорады”. Как только решил ехать в Крым, так и стал сомневаться, и лениться, и мечтать о Пет<ербур>ге для работы. Макс снова телеграфировал: “Не мучай Аморя молчанием”, но письмо В<ячесла>ва было отослано накануне. Он дает ей свободу ехать куда она хочет, и пишет, что он полон гармонии. Ей хочется, кажется, в Сицилию» (Карт. 23. Ед. хр. 24. Л. 39).

Как пояснение скажем, что «Аморя» – домашнее имя М.В. Сабашниковой. «Цыганы» – статья об этой поэме, предназначенная для собрания сочинений Пушкина, редактируемого С.А. Венгеровым⁵⁴³. 15 сентября Иванов писал редактору: «Хотя и неприятно мне заканчивать статью здесь, вдали от Петербурга, <...> все же (раз уже не могу быть на месте ввиду необходимой, как кажется, поездки в Крым) вышлю Вам предисловие к “Цыганам”, как сумею составить его при помощи “портативной” библиотеки, – отсюда, через неделю»⁵⁴⁴. Статья «Ты еси» впервые была напечатана в «Золотом руно» (1907, № 7/9)⁵⁴⁵, а «Спора-

⁵⁴¹ Amherst Center for Russian Culture. Z. Hippus and D. Merezhkovskij Papers. Box. 2. № 74. Листы не нумерованы. За предоставление выписок приносим благодарность М.М. Павловой. Написано в вагоне на пути из Москвы в Лондон (видимо, на территории Германии).

⁵⁴² См., напр., письмо от 12 сентября (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 302).

⁵⁴³ Пушкин. [Сочинения]: В 6 т. / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1908. Т. 2. С. 225-240 (перепечатано под заглавием «О “Цыганах” Пушкина» в книге «По звездам»).

⁵⁴⁴ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 93 (публ. О.А. Кузнецовой).

⁵⁴⁵ Как следует из дневника Зиновьевой-Аннибал, она была окончена 22 сентября и уже на следующий день отослана в Москву.

ды» впервые в полном виде вошли в книгу «По звездам». Телеграмма М.А. Волошина нам неизвестна.

22 сентября (опять-таки на открытке) Зиновьева-Аннибал извещает Замятнину: «...Вяч<слав> сегодня отсылает статью “Ты еси” и “Мелампа” в “Руно”. Матерьялы для “Цыган” набраны. Ты знаешь, как неожиданно быстро он пишет статью, лишь серьезно примется. Он уверяет, что к 25 или 26-ому окончит ее. Я буду убеждать его отослать отсюда корректуры и “Сог Ardens”, но он может предпочитать сделать это в Москве. Тогда 27-ого или 28-ого мы выедем в Москву, где пробудем, быть может, не более недели» (Карт. 23. Ед. хр. 24. Л. 41). И еще через день: «Сегодня Вя<чеслав>в сам написал в “Руно”, что остается здесь дней 10, 12, а может быть, задержится. И после того получает гром от Рост<овце>ва и заказ от Гржебина» (Там же. Л. 44). О получении упомянутого письма, которое нам неизвестно (архив Г.Э. Тастевена, видимо, погиб во время немецких погромов 1914 года) адресат сообщил Г.И. Чулкову 27 сентября: «Только что получил письмо от Вяч. Иванова, где он заявляет, что вопрос об его ближайшем редакционном участии может быть решен только при личном свидании в Москве, где он будет дней через 10. Пока приходится пребывать в очень неопределенном ожидании, тогда как следовало бы действовать энергично. Вяч. Иванов, кроме того, просил меня напечатать опровержение неосновательных газетных слухов на страницах журнала»⁵⁴⁶. 9 октября это опровержение было получено Тастевеном, о чем он известил Чулкова: «Только что получил письмо от Вячеслава Ивановича: он просит поместить *postscriptum* к его статье, из которого видно, что он вовсе не отказывается от своей мистико-анархической концепции, хотя не вполне согласен с истолкованием его взглядов на страницах “Mercure de France” (Вашего имени Вяч. Иванович в примечании не произносит)»⁵⁴⁷.

Вернемся несколько назад, к открытке Зиновьевой-Аннибал, и поясним, что «гром от Ростовцева» относится к печатанию латинской диссертации Иванова, которое он откладывал и откладывал. 4 октября Зиновьева-Аннибал рассказывала Замятниной: «Здесь дела таковы: Вя<чесла>в получил от Рост<овце>ва решение археологической> тип<огра>фии *рассытать* шрифты 4-ого Окт<я>бря. Поэтому он сделал титаническое усилие и отослал корректуру, кроме последнего листа, где сильные переделки. Отослал уже кор<ректур>у “Ты еси». Начал *писать* “Цыган”. Мат<ери>ал собран весь. И так как занят так мучительно, то задерживает корр<екту>ры “Осла”. Вышлем через день или два с дивным предисловием» (Карт. 23. Ед. хр. 24. Л. 47).

Последнее в этом контексте письмо было написано в тот момент, когда Иванов уже не был способен ни на какую работу. Тастевен писал ему:

⁵⁴⁶ РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 69. Л. 8.

⁵⁴⁷ РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 70. Л. 27. Этот постскрипtum прибавлен к статье Иванова «Ты еси» и не вошел в посмертные переиздания статьи (см.: Золотое руно. 1907, № 7/9. С. 102).

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

С нетерпением ожидаю присылки статьи, которую Вы намеревались дать для № 10 журнала, выходящего в самом начале ноября. Если возможно, очень просил бы прислать эту статью до 25 октября.

«Сон Мелампа», к сожалению, не удалось поместить в № 7-9, он пойдет в № 10. Примечание под статьей помещено в исправленной Вами редакции.

Получилось из Петербурга тревожное известие о Вашем нездоровии, благодаря которому задержится Ваш приезд в Москву. Надеемся, что это несерьезно и мы скоро Вас увидим.

Остаюсь с глубоким уважением
и искренней преданностью.

Г.Тастевен.

Москва, 18 / X 1907 г. (Карт. 35. Ед. хр. 22. Л. 1).

Гром грянул внезапно. В ночь с 10 на 11 октября Зиновьева-Аннибал заболела скарлатиной. О.А. Дешарт в своей биографии Иванова, основанной на его рассказах, писала: «В соседней деревушке давно уже бушевала болезнь. Л.Д., верная своей страсти к лошадям, часто объезжала верхом окрестные селенья. Когда в знакомой ей деревне вспыхнула эпидемия, она стала там бывать постоянно, помогая матерям и уча их ухаживать за больными детьми. Она не думала о том, что в детстве у нее не было скарлатины» (I, 119). Нам неизвестны документы того времени, которые подтверждали бы рассказ, но в то же время нет оснований и не верить ему.

Протокольный рассказ о течении болезни читатели найдут в приложении к статье – записях В.К. Шварсалон. Но гораздо более выразительны варианты рассказа, которые уже с самого начала начал складывать сам Иванов. Самый первый относится к 18 октября, следующему дню после смерти. Там, где Зиновьева-Аннибал закончила делать записи в своем предсмертном дневнике, вступил Иванов. Этот текст уже был введен в научный оборот Г.В. Обатниным⁵⁴⁸, но пока что не опубликован и потому нами использован быть не может. Но текст очень выразителен. Затем о его версии тех дней написала А.К. Герцык в письме своей мачехе, которое было начато 25 октября и содержало рассказ о похоронах, а на следующий день продолжено описанием вечера после них: «Вяч<еслав> рассказывал во всех подробностях последние дни и все лето Лидии, читал нам ее дневник, прерванный за день до болезни, ее стихи (и дневник, и стихи полны им), показывал ее карточки. <...> Но сам Вяч<еслав> какой-то не освобожденный смертью от жизни, т.е. почти житейски удрученный, без того горестного подъема, кот<орый> дает смерть, порывая на время все жизненные пути. Не знаю, понятно ли вам, какой он, но в таком состоянии (т. е. когда душа не обрела пафоса или высшего спокойствия, или покорности), конечно, единственное спасение – дело, напряженная работа. И к этому надо его теперь

---

⁵⁴⁸ Благодарим автора за возможность ознакомиться с текстом его до сих пор не опубликованного доклада.

направлять (и Замят<н>ина потихоньку просила нас об этом), но он очень неохотно, без любви думает о “Руне” и о собственном творчестве. Конечно, и это понятно. Сегодня вечером он придет к нам, и будем говорить о деле и уговаривать его не отказываться от “Руна”, тем более, что он сказал, как ему нужны деньги. <...> Он получил телеграмму от Анны Рудольфовны, что она завтра утром придет (*одна*) и остановится прямо у него. Он очень рад этому и со страшным нетерпением ждет ее и ее слов. Верно, ему нужны мистические, верящие слова о том, что случилось. Маргариту Анна Руд<ольфовна>, видимо, отговорила ехать»⁵⁴⁹. Несколько более развернуто первоначальный вариант рассказа о смерти Зиновьевой-Аннибал 23 ноября записал Волошин в дневнике: «Он <Иванов> в последние минуты лег с ней на постель, поднял ее. Она прижимала его, легла на него и на нем умерла. Когда с него сняли ее тело, то думали, что и он лежит без чувств. Но он встал сам, спокойный и радостный. Ее последние слова были: “Возвещаю вам великую радость: Христос родился”»⁵⁵⁰.

Наиболее завершенная версия рассказа, как она сложилась сразу после событий, записана в дневнике Волошина 26 ноября. Несмотря на то, что она довольно хорошо известна, ее следует все же воспроизвести.

Он рассказал мне о смерти Лидии:

«Это было в три часа дня. Не ночью, когда она умерла. А в три часа. Я спросил у доктора: “Нет больше надежды?” Он ответил: “Это агония”. Я тогда отошел и стал молиться Христу:

“Да будет воля твоя”. Пред этим она сказала в бреду: “Возвещаю Вам великую радость: Христос родился”. И я почувствовал великую радость. И вдруг наступило улучшение, и снова пришла надежда. Температура понизилась. Мы послали еще телеграмму новому доктору в город. И снова началось ухудшение. Если бы не было тех минут, его нельзя было бы вынести. И я лег с ней на постель и обнял ее. И так пошли долгие часы. Не знаю, сколько. И Вера была тут. Тут я простился с ней. Взял ее волосы. Дал ей в руки свои. Снял с ее пальца кольцо – вот это, с виноградными листьями, дионисическое, и надел его на свою руку. Она не могла говорить. Горло было сдавлено, распухло. Сказала только слово: благословляю. Смотрела на меня. Но глаза не видели. Верно был паралич. Слепла. Сказала: “Это хорошо”.

Потом надо было уйти. Приехали еще доктора. Стали делать последние попытки. Я попросил Над<ежду> Григ<орьевну> Чулкову дать мне знак в зверях, когда наступят последние минуты, и ждал в соседней комнате. И когда мне она дала знак, я пошел не к ней, а к Христу. В соседней комнате лежало Евангелие, которое она читала, и мне раскрылись те же слов, что она сказала: “Возвещаю Вам великую радость...”

⁵⁴⁹ Сестры Герцык. Письма. С. 71-72. См. также в воспоминаниях Е.К. Герцык (Цит. соч. С. 120).

⁵⁵⁰ Волошин Максимилиан. Цит. соч. С. 282.

Тогда я пошел к ней и лег с ней. И вот тут я и слышал: острый холод и боль по всему позвоночному хребту, с каждым ударом ее сердца. И с каждым ударом знал, что оно может остановиться, и ждал.

Так я с ней обручился. И потом я надел себе на лоб тот венчик, что ей прислали: принял схиму...»⁵⁵¹

И, наконец, окончательный, канонизированный вариант находим в написанной О. Дешарт биографии:

Лидия сгорела на седьмой день – 17-ого октября. Он знал, что она уходит. <...>

Пришел священник с дарами. Умиравшую соборовали. В.И. увидел, как выступила алая капля причастного вина на ее помертвевшие губы. Он обнял жену, в последний раз поцеловал милый рот и выпил священную каплю. <...>

Перед самым концом Лидия пришла в себя и в полном сознании внятно сказала: «Светом светлым повеяло; родился Христос». С этим она ушла...

Понаехало множество друзей и родственников. <...> А через месяц, когда «саваном белым одели землю снега», В.И. и Вера по первопутку повезли тело Лидии в Петербург, чтобы похоронить в Александро-Невской Лавре (I, 119-120).

Не будем специально фиксировать хронологические и прочие неточности, скажем лишь о том, что Дешарт, как ранее Е. Герцык⁵⁵², настаивает на полном единстве поэзии и жизни. На самом деле, как это всегда и бывает, в цикле «Любовь и смерть» действительная жизнь преобразована в поэзию. И мистический план стихов Иванова для исследователя вырисовывается гораздо определеннее в соотнесенности с той реальностью, которую для нас зафиксировали документы.

Делом будущего остается кропотливое собирание телеграмм, которыми обменивался Иванов с родными и друзьями после смерти жены. Так, Волошин сохранил текст, полученный им (вместе с Сабашниковой и А.Р. Минцловой) 20 октября: «Обручился с Лидией ее смертью»⁵⁵³. От С.М. Городецкого сохранилась ответная телеграмма: «Подавлен горем пищи если сможешь» (Карт. 16. Ед. хр. 53. Л. 6). От Ал.Н. Чеботаревской: «Всеми мыслями, всею душою с вами в общем ужасном горе»⁵⁵⁴. Образец почти официального ответа – в телеграмме владельца «Золотого руна» Н.П. Рябушинского: «Глубоко поражен несправедливостью смерти унесшей Лидию Дмитриевну в расцвете творческих сил мы все

⁵⁵¹ Волошин Максимилиан. Цит. соч. С. 286-287.

⁵⁵² См.: «Вячеслав Иванович читал последние страницы ее дневника. Весь трепещ, пересказывал последние ее слова (текстуально внесенные им позднее в ей посвященные канцоны)...» (Герцык Е. Цит. соч. С. 120).

⁵⁵³ Волошин Максимилиан. Цит. соч. С. 280.

⁵⁵⁴ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 252 (в комментарии А.В. Лаврова)

чувствуем тяжесть постигшей Вас утраты разделяем Ваше горе душевно Ваш Николай Рябушинский» (Карт. 33. Ед. хр. 102. Л. 4). Важны телеграммы от А.Р. Мицловой, рисующие перемены в ее настроениях и планах. 21 октября из Феодосии: «Еду маргаритой телеграфируйте куда приехать весть запоздала Минцлова» (Карт. 30. Ед. хр. 1. Л. 15). 24 октября оттуда же: «Приеду пятницу 9 утра Минцлова» (Там же. Л. 27). На следующий день из Москвы: «Приеду к вам субботу утром не здорова осталась день москве Минцлова» (Там же. Л. 26). Наконец, 26 октября, тоже из Москвы: «Буду субботу утром скорым Минцлова» (Там же. Л. 28). Трудно сказать, насколько верны в данном случае воспоминания Сабашниковой: «Моим первым движением было – немедленно ехать к нему! Но Минцлова, которой я безгранично верила, воспротивилась и поехала одна, обещав мне телеграфировать, как только понадобится мой приезд. Но никаких известий от нее я так и не получила. Лишь позднее я узнала, что она обещала моей матери помешать моему возвращению к Ивановым. А кроме того, она сама хотела выступить в роли утешительницы»⁵⁵⁵. Впрочем, как кажется, и сама Сабашникова не слишком стремилась к Иванову: до конца ноября она жила в Коктебеле и Феодосии, потом – в Москве, общаясь с Минцловой, а 11 декабря, так и не встретившись, уехала в Берлин⁵⁵⁶.

О внешней стороне переживаемого и подготовке к похоронам сохранились подробные телеграммы брата Л.Д., А.Д. Зиновьева, который, напомним, был петербургским гражданским губернатором. Уже 19 октября он телеграфировал: «Телеграмма могилевскому губернатору послана озаботьтесь соблюдением установленных правил для умерших от заразных болезней просите разрешения Могилевского губернатора и от себя Зиновьев» (Карт. 21. Ед. хр. 1. Л. 4). На следующий день: «Нашел Лавре хорошее место митрополит обещал выделить достойную <так> цену Когда решите телеграфируйте время прибытия и где отпевание вагон следует взять с передачей на Николаевский вокзал Зиновьев» (Там же. Л. 5). И, наконец, 22 октября: «Здесь все будет приготовлено но для предъявления лавре требуется свидетельство местных священника доктора и открытый лист похлопочите чтобы вагон отправили Николаевской вокзал буду публиковать что вынос оттуда четверг 10 утра Зиновьев» (Там же. Л. 6).

Минуем мы описание похорон, поскольку о них подробно рассказывает не только Шварсалон, но существуют и другие описания; наиболее, кажется, выразительное – в уже цитированном выше письме А.К. Герцык к мачехе и в воспоминаниях ее сестры.

Ограничимся лишь некоторыми наблюдениями о том, как сказалось пережитое летом и осенью 1907 года на жизни и творчестве Иванова.

Самый общий план очевиден: эта смерть послужила основанием для глубинной художественной (и в то же время мистической) трансформации в собственное поэтическое творчество: раздел «Любовь и

---

⁵⁵⁵ Волошина Маргарита. Цит. соч. С. 166.

⁵⁵⁶ См.: Купченко В.П. Цит. соч. С. 192-193.

смерть» книги «Сог ardens» в его сложной композиции мог появиться только после этой смерти.

Достаточно изучено к настоящему времени влияние на Иванова Анны Рудольфовны Минцловой, начавшееся, безусловно, ранее, но обретшее особую важность именно после смерти Л.Д. При этом весьма существенно, что это влияние сказалось не только на жизни Иванова, но и на его творчестве, особенно на творчестве критическом и эссеистическом⁵⁵⁷. Особенно очевидна связь его переживаний с первой статьёй, опубликованной после смерти Зиновьевой-Аннибал, – «Две стихии в современном символизме».

Наконец, последнее, что следует здесь отметить, – история третьего брака Иванова, также зародившаяся буквально над гробом Зиновьевой-Аннибал, о чем свидетельствует недавно опубликованное А.А. Кобринским письмо В.К. Шварсалон к М.М. Замятиной⁵⁵⁸. Узлы, завязанные смертью, должны были найти свое разрешение в будущем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ И ВОСПОМИНАНИЯ В.К. ШВАРСАЛОН О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ И СМЕРТИ МАТЕРИ⁵⁵⁹

Вторник 23 октября 1907 г.

Во вторник 9 октября мама была в последний раз в Любавичах пешком, вместо обыкновенного богомолья⁵⁶⁰, с целью принести булок домой. Она ушла около 8 ½ часов, в ее отсутствие я занималась, как всегда: готовила латинский текст и читала русскую литературу. Около 11 часов Вячеслав проснулся, я ему принесла из кухни, внизу, чая и кусок белой булки, он спросил: «Где Мама, на богомолье ли она?»

---

⁵⁵⁷ Подробнее см.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 23-110; Обатнин Г.В. Вячеслав Иванов и смерть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: концепция реализма // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Helsinki, 1996. С. 145-158 (с изменениями и дополнениями вошло в кн.: Обатнин Геннадий. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907-1919). М., 2000).

⁵⁵⁸ См.: Кобринский Александр. Дуэльные истории серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 339-340.

⁵⁵⁹ РГБ. Ф. 109. Карт. 47. Ед. хр. 2. Л. 1-75 об (оставлены чистыми лл. 6, 23-30). В этой же единице хранения находятся еще два варианта записей о предсмертных минутах Зиновьевой-Аннибал, одна из которых датирована 17 октября 1913 г. (Л. 76-77об), другая, карандашная, не датирована (Л. 78 и об). Это свидетельствует о том, что записи делались разновременно: начавшись еще в Загорье как дневник, они потом становятся воспоминаниями.

⁵⁶⁰ Под этим словом в обиходе семейства Ивановых в Загорье понимались утренние прогулки Зиновьевой-Аннибал по окрестностям.

– я сказала, что да, но что уже должна сейчас вернуться, так как ушла рано и рассчитывала быть к 11 дома. Потом, выйдя от Вячеслава, я вышла на дорогу навстречу к маме, спустилась до моста и, не видя наверху горышки у мельницы ее силуэта, свернула вместе с туда идущей Парфеновской Марфой в сад через калитку. Мы шли с ней по тропинке, и она изумлялась, что Мама любит ходить пешком так далеко и что была в Воскресенье совсем поз<д>но при луне в Любавичах. Дойдя до того места, где Марфа должна была рубить капусту, я обернулась и увидела Маму совсем близко к нам, я побежала к ней и стала ей рассказывать про Вячеслава. Бросив Марфу, мы пошли к нему и там, как всегда, стали разговаривать: Мама полулежа около него на кровати, а я попереки или сидя. Я просила Маму рассказать ее авантюры, как это у нас всегда делалось. Тогда только Вячеслав узнал, что она доходила до самих Любавичах <так!>, и удивился. Приключений особенных у нее на этот раз не было крупных (в воскресенье Мама там узнала об убийстве одного урядника, потом об мужике, убитом пьяным на дороге). На этот раз помню только, что ее встретил какой-то еврей, радостно здоровался и звал к себе отдохнуть, и она никак не могла узнать, кто он. Что было дальше в этот день – не помню. Кажется, в этот день она получила письмо от Соколова⁵⁶¹, которое ее рассердило.

В среду мама себя чувствовала хорошо, настроение было, если не ошибаюсь, светлое, веселое, сейчас не могу припомнить подробностей.

Кажется, утром она ходила к мельничихе, звать ее стирать. И рассказывала с восторгом о прелес<т>ном домике, в котором она живет. Описывала <так!> эти полухаты-полудомики с крылечками, выстроенные Борисом для служащих мельницы. И говорила, что хотела бы вдвоем с Вячеславом на следующий год в таком поместиться, еще описывала старушку-мать и сестру и страх мельницы в темные ночи одинокой у дороги и жалела ее. Вечером как будто корректировали с Вячеславом «Осла» вечером⁵⁶². Мама очень устала и, как с ней часто случалось по вечерам, страшно хотела спать, и плаксиво ныла, и так по-детски трогательно жаловалась, что мы ей пленились.

Я легла, Вячеслав стал работать, как всегда, лежа. Я, улегшись, почитала немножко «Мертвый дом»⁵⁶³ и заснула. Утром проснулась и встала рано, очень была этим рада <так!>, думала о длинном, хорошем дне с большой работой. Оделась и съела хлеба с медом, ожидая Маму, с которой всегда вдвоем пили чай в маленьком кабинете на столо-комоде. Очень проголодалась и, не дождавшись ее, принесла с самоварни чай, потом, так как немножко болела голова, стала, лежа на мамином китайском кресле, пить чай и, не теряя времени, учить лагинскую грамматiku, все ждала, что выйдет Мама и удивится моему положенью и моей прележности <так!>. Потом услышала шум в ванной, но не захотелось

---

⁵⁶¹ Видимо, от С.А. Соколова, редактора журнала «Перевал». Еще в сентябре Зиновьева-Аннибал получила от него предложение отдать в журнал какую-то свою повесть, однако склонялась к тому, чтобы отказать.

⁵⁶² О комедии «Певучий осел» см. выше.

⁵⁶³ Имеются в виду «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского.

встать, все ждала Маму, шум перестал, я удивилась и встала, пошла посмотреть. Тут нужно сказать, что у меня есть одна ужасная привычка воображать как бы назло всякие ужасы: смерть, болезнь и т.д., например, часто позволяю воображению строить всякие страшные картины и нахожу в этом вроде удовольствия. И так случилось, что когда Мама сразу не выходила из ванной, я мечтала: «Она больна, вдруг я вхожу – она лежит на полу без чувств». Тут я, вставая, испугалась, думая о таких вещах, и поэтому была очень поражена, увидя ее действительно полулежащей на полу. Ее тошнило, я и дала мыльной воды, спросила, что с ней, она тяжело начала говорить, что страшно болит голова и сильный жар, и рассказала, что всю ночь её тошнило и слабило и приходилось вставать каждый час и доползать до ванной. Я ее упрекнула, что она меня не разбудила. Она сказала: «А я еще думала, идти в Любавичи» – я сказала: «Какие теперь Любавичи» и подумала по своей привычке: «Может быть, навсегда». Потом я ей помогла дойти до кровати и она легла, Вячеслав проснулся, но она ему сказала, что хочет еще спать, и он лег опять. Мама просила чая, я ей принесла. Через несколько времени я услышала, что встал Вячеслав, он тихо оделся и вышел, он был испуган, но спокоен, и сказал, что нужно послать за доктором. Я сказала, что, может быть, подождать несколько часов, что это желудочное и жар спадет, что мама думает – это от сырой капусты, которую она ела вечером. Мы поставили ей градусник (наш оказался сломанным – взяли Сони) и испугались <так!> очень сильным жаром, мама сама испугалась, тем более, что она все время как-то тяжело спала, как в большой болезни спят, сказала она. Мы решили послать за доктором, хотя мне казалось, что этого не стоит делать, что у мамы гастрическое расстройство, как у нее было недавно вследствие режима. Как раз появился тут брат Хайма (он принес бутылку водки), Вячеславу пришла мысль его сейчас же послать за доктором, он поехал сразу. До приезда доктора я давала маме несколько раз чая, у нее страшно болела голова и она все время была в этом мучительном положении болезненного полусна. За несколько минут до доктора Вячеслав мне сказал: «Займемся немножко», – но вошел доктор почти сразу. Я ожидала любавического типа еврея с большой окладистой бородой, но он очень напомнил мне женевского типа студента-еврея, но чистого, опрятного. Вячеслав ему дал руку, я тоже, как всегда, в смешательстве, он вошел к маме, и несмотря на головную адскую боль она села и поздоровалась с ним, он сказал, что очень рад познакомиться и стал расспрашивать ее, она начала ему отвечать, но с трудом, и Вячеслав сказал: «Я буду говорить за тебя». Он ей <так!> рассказал про режим и доктор сказал: «33 (?)⁵⁶⁴ фунта, да это слишком много за 3 месяца, за год, знаете, это можно». Он посмотрел ее язык, и Мама спросила, не тифозный ли он, он уверил, что нет, и в конце концов решил, что, вероятно, ничего важного нет, просто инфлюенция, но что есть предположение о тифе, хотя весьма невероятное, «все-таки мы будем следовать режиму тифа, т.е. только молоко», – заключил он и посмотрел на грудь, где были красные маленькие пятна, обещаю-

---

⁵⁶⁴ Знак Шварсалон.

щие сыпь. Мама сказала спокойно: «Это от скипидара, у меня всегда, у меня очень чувствительная кожа, я вчера вечером натерлась скипидаром».

Мама последнюю неделю кашляла, она прятала это от Вячеслава и терлась скипидаром потихоньку, она говорила, что хочет предупредить ежегодный осенний мучительный кашель, который страшно мешает Вячеславу. Несколько дней кашель, кажется, уменьшился, но вот в среду она опять намазалась скипидаром. Я слышала, как мама рассказывала Шуру о моем пальце, потом Мама или Вячеслав говорили о том, что он только что приехал, а уже всем известен. Потом Мама настояла на том, чтобы доктор осмотрел Соню, рассказала ему про Антошку. Доктор посмотрел Соню и велел ей ехать завтра же. Мама устроила, чтобы Шур ехал с Соней в тележке в Любавичи (ей нужно было быть в Любавичах ввиду поезда). Доктор согласился ехать с ней, Мама еще распорядилась, чтобы она достала керосина и уже в последнюю минуту крикнула еще, чтобы Соня не забыла купить муки. Доктор и Соня уехали, мне пришлось броситься на кухню утешать детей, они долго плакали, Антон даже вышел на крыльцо, готовясь бежать за матерью. День прошел так: я ходила от кухни к Маме и сделала <так!> завтрак Вячеславу – яиц и картошку, чай в чайнике. Маме грела молоко на спирте, мама все время полуспала, ей было то холодно, то жарко, я ей рассказывала про Антона, в этот день и в следующий я еще входила к ней. Брат Х<аима> обещал зайти к 5 ч. за письмом к доктору, но не зашел. Кажется, доктор в этот вечер не приезжал. Соня привезла лекарства, нужно было маме устроить сильное потенье.⁵⁶⁵

Суббота

День перед приездом Надежды Григорьевны⁵⁶⁶.

В этот день, должно быть, я ездила в Любавичи в тележке, сначала, кажется, отвезла доктора, кот<орый> мне рассказывал, где учился (в Берлине), и проекты на будущее поехать «roug Paris» – когда мы въехали в деревню, стали выбегать из домов еврейки, протягивая руки и ругая его за то, что не идет к ним, и пытаюсь его остановить. Доставали лекарства. Ждала у него долго прихода девушки, кот<орую> он обещал прислать, чтобы нанять, сначала сидела в столовой, в кот<орую> выходили 2 спальни узенькие, с кроватями, набитыми подушками, потом на кухне с его супругой, кот<орая> рассказывала, как висит над ее постелью звоночек, чтобы будить ночью, когда зовут доктора. Посылали старуху несколько раз, наконец, не дождавшись, пошли к Москве за эмалевыми чашками маме для молока. Поехали домой, остановившись у дома, где должна была жить девушка, выбежали их ко мне целых двое с матерями и стали ругаться на жаргоне, к счастью, проходил доктор в эту минуту, <и> указал по-немецки, какую взять. Мы поехали, сидя ря-

⁵⁶⁵ С этого места текст написан другими чернилами (черными вместо лиловых) и другим, более разборчивым почерком; по всей видимости, написано значительно позже.

⁵⁶⁶ Н.Г. Чулкова (урожд. Петрова, в первом браке Степанова; 1874–1961), жена Г.И. Чулкова.

дом, она сказала, что ее зовут Прасковья или Пашка, к<a>к хочу, я ее стала называть Паша.

Приехав, стала варить ужин. Дальше этот день не помню. Было условлено послать вечером за доктором, если будет худо, известная температура и плохое самочувствие. В<ячеслав> написал письмо, прося приехать, хотя температура была не столь высока, но самочувствие очень плохое.

Был вечер, я пошла на мельницу отослать с мужиком. Свет был слепительный от электрического фонаря. На дворе в густой грязи – тине <?> лужи копошились с лошадьми, с трудом прошла внутрь. Оживленная работа и беготня – светло и весело сыплется мука. С трудом отыскала желающего и понимающего из стоящих вокруг мельника. Взял письма и клялся отвезти. Доктор не приехал. Говорил потом, что письмо получил в 2 часа ночи. Мама хрипела и от страшной головной боли стонала, не помню, в этот ли день или на следующий этот стон она вдруг стала переводить в звук, кот<орым> напевают горлом какую-нибудь мелодию, это было так страшно и больно, что В<ячеслав> стал спрашивать ее, зачем она так делает, и говорит: «Не делай так».

Перед сном не знаю, Мама ли ему сказала или он сам решил принять брома, т.к. он был страшно возбужден (не совсем знаю наверное, именно ли в эту ночь это было). Когда он стал его доставать, Мама все ему приказывала: «Возьми бутылку, теперь возьми стакан, налей в стакан» и т.д., еще более подробно, и когда он сказал вроде так: «Лидия, да я сам знаю, что ты мне каждое движение указываешь», – Мама сказала: «Да, и нужно, чтобы ты делал все, к<a>к тебе велят (как монах..?)» – точно слова не помню.

О приезде Н.Г. она знала и передавала через Вячеслава мне, что нужно к ее приезду убрать, украсить комнату «ленточками», говорила она в полубредовом сознании. Третья комната была необитаема, т.к. нельзя было топить и было выбито окно. Я находилась все время в той, соседней с маминой, кот<орая> служила нам и столовой, так стояла одна сломанная кровать, на кот<орой> была навалена куча вещей, другая, на кот<орой> я спала и кот<орую> ночью ставила сначала поперек двери к Маме, чтобы Мама меня могла ночью позвать, когда еще меня к ней пускали, но теперь меня не пускали и закрыли дверь.

Беспорядок был ужасный, этот мой первый опыт хозяйничанья мне показал мою полную неумелость. Помню, я первое время не могла найти полотенцев, и когда доктору нужно было иметь чистые руки, давала ему платки, чтобы вытираться. И как я ни стремилась устроить порядок для Н.Г., так и не успела ничего сделать. Доктор приехал днем, нашел нужным сделать прививку ответственную дифтеритную (если не ошибаюсь, вторую), и находил это очень спешным, но и опасным вследствие чрезвычайно высокой температуры. Решили выписать другого доктора с ближайшей станции Руднева. Оказалось страшно трудным достать лошадей. Наши не были способны. Парфеновские посланы за Н.Г. Решено было, что я поеду с доктором, рядом, верхом к Маншкетам попросить у них лошадей, кроме того, не было и молока и негде было достать. Поехали. В<ячеслав> просил меня скорей вернуться, я обещала, но радовалась возможности освежиться быстрой ездой. У М<анштетов>

все было неудачно, все лошади были заняты. Молока не было. У Хаимкиной жены, кот<орую> встретила на дороге, тоже не было. Поехали в Любавичи, с Моське, встретили незнакомого, старшего брата М<анштета>, возвращающегося домой на рысаках. Казался такой чужой и враждебный, что не решилась его просить отдать лошадей, должно быть, усталых. Во всей деревне лошадей не было, пришлось послать извозца докторовского, который перепрег <так!> одного коня. Я вернулась домой.

Вечером приехала Н.Г., я ее ждала с какой-то глупой надеждой, точно она должна была нас спасти. Страшно ее благодарила. Она была страшно спокойна и хладнокровна и сразу принялась за дела. В холодном кабинете переделась и завязала платок на волосы, хотя спрашивала, не испугается ли Мама, т.к. говорила, что не любит такие платки. Я извинялась за беспорядок, но она в тот же вечер все устроила. Кровать сломанную поставила в третью комнату и принесла второй стол специально для молока. Мама все-таки от неожиданности немного испугалась ее. Потом говорила с ней. Говорила, что не переживет, если я заболела. Вечером я подошла к той двери с коридора и говорила с Мамой, она мне давала распоряженья насчет молока: ходить к Манштедам на ферму каждое утро, когда я сказала, что можно, м<ожет> б<ыть>, послать Петра, сына кухарки, Мама, выговаривая каждое слово с страшным трудом и более <так!>, стала возражать против, что он будет обманывать, по дороге может отпить часть и подлить воды и сказала, что я могу купить зараз на дня 2-3, я сказала, что хорошо, и остановилась, не зная, что ей сказать ласковое и нежное на прощанье, наконец сказала просто «спокойной ночи!», кажется.

Это был последний мой с ней разговор. Но следующее утро я рано, рано пошла, думая сократить путь, краем скошенных черных земель осенних на ферму и вернулась по аллее и по большой дороге, где догнал меня доктор и подвез домой.

Вечером Н.Г. сказала, что не имеет холодной воды (кот<орую> девушка приносила из пруда), а принуждена брать обычную. Оказывается, Паша трусила бегать на пруд, я пошла сама.

Все эти дни я спала в комнате соседней, и только когда Н.Г. нужна была постель, или днем, уходила отдыхать там, или лежала тут же на стульях, слишком меня давило одиночество.

Н.Г. вышколивала доктора, научила его надеть передник, каждую минуту мылась сублимой <сулемой?>.

Мамина температу<ра> все стояла на 40 и выше, но настоящего бреда не было. Пульс был плох.

Я в доме не плакала, кроме еще в самый первый или второй день, когда принес Семен молока, кот<орое> сейчас же свернулось при сварке, и тогда Вячеслав меня ругал Маме и Мама молчала.

Было очень плохо во вторник. Доктор раз приезжал, и опасался за сердце, и сказал, чтобы его вызвали, если поднимется пульс.

Я принесла холодной воды, потом пошла в пустую комнату, и молилась, и рыдала на полу у стула. Услышала, что зовет меня Вячеслав. Я вышла, оправившись, он имел вид расстроенный и сказал, что думает, что нужно сейчас же привезти доктора, т.к. и температура и пульс под-

нялись и, кроме того, начался бред, впервые Мама что-то говорила в бреду не в сонных кошмарах, к<a>к было раньше, но с открытыми глазами. Значит, нужно было не сомневаться и сделать впрыскивание камфарой. Я побежала на кухню заказать лошадей. Мальчикам говоря, спутала Копчик, Орлик и Трофимчик, улыбнувшись сквозь слезы на путаницу, но они смотрели на меня большими серьезными глазами. Одному из Парфеновцев велела сразу пригнать тройку в Любавичи что есть мочи, обещая вознаградить, а сама помчалась на Орлике галопом и карьером. Была уже ночь и тот же густой непроницаемый туман все обступал и колыхался, сдвигался на горизонте.

Когда я выехала из леса, то услышала завывающий, пронзительный голос, кот<орый> звал: «Мамка..... Мамка..a..a...», потом из тумана вынырнула фигура на дороге и спросила меня, не видала ли я бабы на пути. Я сказала, что нет, и фигура опять исчезла и стала звать вдаль – немного дальше на равнине перед Любавичем <так!> раздался опять тот же завывающий зов, но уже женский, и вырисовывающаяся неопределенно сбоку в поле фигура стала спрашивать, не видала ли я парня.

У Моське я оставила лошадь, справилась, где доктор, и сказала еще лошадей на всякий случай. Потом пошла к доктору рядом. Он был дома или сейчас пришел, очень взволнованным голосом сказала ему, сколько температуры и сколько пульс, и что мы умоляем его немедленно приехать. Он сказал, что ему только необходимо сходить к одному больному. Я ждала на стуле – вернувшись, он еще спросил, сколько пульс, и узнал, сделался сумрачным и сказал, что не расслышал прежде (или это было уже по дороге?). Лошади были готовы, я села с ним, тройка поехала назад пустая, но потом пригодилась, а мою лошадь тоже к ним привязали. Потом начались эти ужасные 1 ½ дня *passion*, к<a>к один сплошной круг.

Когда он посмотрел маму, он решил немедленно сделать впрыскивание, но когда он стал искать свою тонкую машинку, оказалось, что она исчезла, выпала, к<a>к он думал, по дороге. Положение было очень тяжелое, ни одной минуты нельзя было терять, «Сердце может каждую минуту не выдержать такую температуру», – говорил Шур.

У него пропала не сама машинка, но тончайшая проволочка, кот<орую> можно было заменить и другой, мы пошли с ним на мельницу и спросили там у Степана, но там ничего не удалось найти, назад возвращаясь, мы встретили извозчика, привезшего нас, и велели ему поехать за ним в Любавичи. Была тоска <?>, туман, дождь и грязь глубокая, доктор боялся провалиться и хотел даже вернуть лошадей, чтобы донести нас домой.

Потом оказалось, что все было у него преспокойно в кармане. В извиненье ему можно сказать, что он был так измучен эпидемией в Любавичах, кот<орая> все расширялась и где он был один, т.к. о земском докторе даже не говорили, такую он имел дурную репутацию. Маме все было хуже и хуже, и опять поднялся вопрос, поднятый уже несколько раз, о том, чтобы вызвать доктора из города. Но теперь сам Шур настаивал на этом и на спешке.

Стали обсуждать, кого быстрее в эту глушь вызвать. Ш<ур> сильно предлагал известного доктора, живущего в Витебске. Он <был> изнурен

и, приходя от Мама, растягивался на постели, притом и он, и Вячеслав были как бы почти лишены возможности соображать и должны были каждую фразу повторить несколько раз, чтобы понять сами, что говорят, так они были истощены. Я соображала яснее всего. Решили вызвать доктора из Витебска. Составили ему телеграмму (говоря о «писательнице» или «жене литератора», не помню). На следующий день должен был выехать за ним Парфен со своей тройкой. Привезли машинку, <сделали> вспрыскивание, но Маме было все хуже. Она бредила, пульс был переборами, что было самым худшим знаком. Мы поужинали, причем не хватило вилок, я даже не сообразила купить вилку лишнюю в Любавичах, так что приходилось по очереди есть. Здесь, в этой бесконечной ночи у меня перепутались все часы. Я знаю только, что дошло до самой последней опасности. Они были там, я сидела в соседней комнате, раз, когда вышел доктор, я встала и уцепилась, к<a>к сумасшедшая, в <так!> его руку, смотря ему в глаз <?>. Он просил меня успокоиться и посадил на стул. Потом опять пошел туда. Потом я помню, я почему-то решила, что чтобы Мама спаслась, нужно мне пролежать, скрестив руки, на полу, на спине, и считать до известного числа, и было очень стыдно лечь, и страшно, что кто-нибудь войдет, но я все-таки легла. Потом Вяч<еслав> рассказывал, что Мама все прогоняла доктора и что-то говорила вообще презрительно по отношению к докторам, что они вообще ничего не понимают, и потом (кажется, тогда же) что-то очень оживленно говорила доктору о Канте, и когда В<ячеслав> уговаривал: «Да Лидия, ведь теперь не время о Канте говорить», она сердилась и говорила: «Да нет же, я хочу сказать».

Она всех прогнала и сказала Вячеславу на ухо .....⁵⁶⁷ (Христос Родился). Потом доктор говорил, что сердце каждую минуту может не выдержать, я рыдала у окна на полу и слышала, как за стеной В<ячеслав> ударялся головой об стену. Девушка пришла убирать со стола. Я ей сказала оставить все и уходить. Через несколько часов кризис спал, была как будто дана отсрочка, доктор сказал, что можно надеяться.

Вяч<еслав> надеялся, но я упрямо нет, и главным образом потому, что мамыны слова мы <так!> говорили обратное. Мы все спали тут же, я на стульях, уходить не хотелось в ту холодную, одинокую комнату. Потом, к утру, впрочем, кажется, пошла, и проснулась довольно поздно. Извозчик так и спал на кухне, а лошади его у нас на дворе. В 3 часа опять настала отчаянная минута, когда я спросила уже так бесполезно: «Какой пульс?» – Доктор сказал: «Никакой». Был вопрос, идти ли мне прощаться. Вяч<еслав> сказал: «Делай как хочешь, но помни, что ты единственное, что мне осталось на свете». Я сказала, что если мама меня спрашивает или в сознании, то я пойду. Она меня не спрашивала, но они сказали, что она, можно было сказать, что в сознании, хотя не может говорить.⁵⁶⁸ Вячеслав просил меня не целовать ее, я вошла и взяла ее руку, у нее был страшно измененный вид, но я в первое время не

⁵⁶⁷ Точки Шварсалон.

⁵⁶⁸ Помета рукой Шварсалон: (1914).

очень хорошо это осознавала, только рот воспаленный и полуоткрытый и хрипящий.⁵⁶⁹

Ночью после 12-ти ей стало лучше, но я не верила в то, что она останется живой, и я решила, что эти слова, шепотом сказанные Вячеславу, «Утро настало, Христос родился», означают, что она уже не будет жить на земле.

Не помню, где и как я спала, кажется, на стульях в столовой. Не помню, как прошло утро следующего дня. Потом к двум ей стало опять совсем плохо, т.е. доктор думал, что это агония. И тут Вячеслав сказал: «Если хочешь, иди к ней, но только помни, что ты единственное, что осталось у меня в жизни». Я сказала, что если она в сознании и поймет, я пойду. Доктор, кажется, сказал, что она, м<ожет> б<ыть>, понимает, только говорить не может. Я вошла, и сразу сердце захолонуло от произошедших изменений на ее лице. Лицо это, я сразу решила, уже не может снова стать прежним маминым лицом. Изменения на нем уже слишком сильны для простой болезни, на нем отпечаток страданий перед смертью. Рот полуоткрыт и ужасный хрип воспаленной гортани. Я схватила ее руку, она как-то очень крепко лежала в ее руке <так!>, и я сказала, кажется: «Мама», а она со страшным трудом полуоткрытым ртом невнятно проговорила: «Мы втроем вместе», и «Вера весь» и «Вячеслав веди Веру вверх» или «Вячеслав веди Вера вверх». Потом я стала у ног постели и все смотрела на это страшно изменившееся лицо, и знала, что все безнадежно, и еще повторяла себе, что с таким лицом больше не живут. Доктор сидел полуосунувшись в кресле и меня злила его бездеятельность и как бы безучастье ко всему. Только он и Надежда Григорьевна что-то поправляли в ногах, прямо вытянутых и беспомощно лежащих, рядом, кажется, они клали к ним теплые бутылки и говорили, что ноги уже холодные. Потом я вышла. Потом и этот приступ отошел, и опять доктор сказал, что стало лучше.

Тогда Вячеслав сказал, чтобы я поехала за священником, хотя очень сомневались, успею ли я приехать вовремя. Я поехала на наших лошадях. Приехала в Любавичи в дом каменного священника (при каменной церкви), и там сказала священнику, что мы его просим к моей умирающей матери. Он сказал, чтобы я посидела и подождала, что сейчас поедет его отец. Я присела в темной зале и ждала довольно долго. В соседней комнате, должно быть, столовой, шумно играли дети, мальчик и девочка, их унимала девочка-няня. Они капризничали, баловались. Один полуоткрыл дверь, посмотрел на меня, потом няня его оттянула, тоже посмотрела на меня, и отошли. Потом пришел старик священник и мы поехали. Было совсем темно, дорога ужасная. Священник все время молчал. Я привыкла к нашей дороге, но мне как-то совестно было перед стариком, и я как-то извинялась. Лужи были такие, что приходилось объезжать их по крутому краю, так что коляска совсем накренилась на один бок.

---

⁵⁶⁹ Далее следуют пустые страницы, потом продолжение лиловыми чернилами, но иным почерком, чем ранее.

Старик все молчал или что-то мычал невнятно. То же, когда я извинилась, что проведу его через кухню (широкую, полуподвальную), так как парадный вход и коридор темны. Мы вошли. Священник приготовился к соборованию. Когда все было готово, доктор вышел. Мы все встали на колени. Это все было очень быстро, я стояла на коленях с наклоненной головой. Мама приняла причастие и проглотила его. Вячеслав причастился с ней с ее губ.

Священник уехал. Мы сидели в столовой. Доктор то входил к нам, то выходил и садился на стул. Он взял перелистывать перевод Байрона и говорил, что в такие минуты страшного утомления бывает очень успокоительно и освежительно для слуха так читать стихи. Еще он и Надежда Григорьевна для той же цели курили папиросы и мне советовали, и я тоже курила, кажется. Вячеслав был в моей комнате, молился и читал Евангелье. У доктора начался какой-то разговор о жизни Байрона и Пушкина, он хвалил за что-то Пушкина в жизни, я стала как-то резко нападать на Пушкина за его карьеризм, что он жалел о том, что он не камергер, а только камер-юнкер, они защищали, я как-то нелепо и страстно нападала, и все это через какой-то туман. Так прошло несколько часов. Кажется, меня мучало, что я лежу и говорю о Пушкине с доктором, когда Мама умирает, но я продолжала. А потом помню только, что из комнаты Маминой вышел доктор или Надежда Григорьевна или оба и сказали позвать Вячеслава, т.к. Мама умирает, и позвали Вячеслава, и мы опять стояли на коленях, и я стояла с наклоненной головой, и Мама раза двадохнула длиннее и глубже и глуше обыкновенно<го>, чуть приподнялась, вытянулась и упала назад, кажется, чуть-чуть набок. Все вынули часы и отметили: было 10 часов и .....⁵⁷⁰ минут. И в эту минуту я не почувствовала особой острой боли, но словно обратно какой-то свет сверкнул, и успокоение, и я в эту минуту не обратила на это особенно внимания, но с Этой Минуты в мою душу влилась Вера. Потом Вячеслав повлек меня в мою комнату и рыдал, стоя, на моей груди, и я чувствовала на себе тяжесть его горя. Но горько было, что в эту минуту я не чувствовала полного единения с ним. Во мне все было сухо и жестко как-то, я не плакала. Потом приехал другой доктор, уже поздно (перед вечером доктор и Надежда Григорьевна хотели послать телеграмму доктору, выписанному из Витебска, чтобы сказать ему не приезжать, т.к. они считали, что все безнадежно, но я противилась этому и не позволила даже говорить об этом с Вячеславом). Потом мы все сели обедать, говорили. Потом доктора поехали. Зашли на минуту в кабинет, в тот огромный прекрасный деревянный зал, такой прекрасный, что Мама, войдя в него первый раз, села и расплакалась. Говорила о Маминых произведениях. Доктор второй (маленький, поляк) подошел к столу. Там лежали «Гридцать Три Урода»⁵⁷¹, я сказала: «Вот, но»⁵⁷²

Он стал ее перелистывать, наклонившись к столу, читал то тут, то там вслух отрывки фраз. «Так нельзя, конечно, сделать себе представ-

---

⁵⁷⁰ Точки Шварсалон.

⁵⁷¹ Повесть Зиновьевой-Аннибал (СПб., 1907).

⁵⁷² Фраза не закончена.

ление...» – сказала я. «Да, конечно... это нужно внимательно прочесть», или что-то в этом роде, и они ушли через широкие темные коридор и переднюю, которые я освещала свечкой. Я неохотно отпустила их и захлопнула за ними дверь. Потом я должна была идти спать с Надеждой Григорьевной в моей комнате. Вячеславу мы устроили в столовой, на стоящей там всегда постели. Мы вошли к маме, уже Надежда Григорьевна с какой-то женщиной (не помню кто – кажется, мать нашей кухарки, девушки Паши) умыли ее [и мне вечером Надежда Григорьевна говорила, что она изумилась красоте и стройности и гармонии ее тела].

Мама, к которой я подошла близко, хотя не должна была целовать ее (постель теперь стояла не у двери, а дальше, ближе к окну) лежала неподвижно с совсем изменившимся лицом, каким-то большим, длинным и широким и с полуулыбкой на губах. Эта улыбка была какой-то «блаженной», как говорят юродивые – блаженные – я помню, меня резануло то, что я могла одну секунду про себя подумать, что улыбка была какая-то «глупая». «Будьте и... как дети»

Жар был такой огромный и длился так долго, что она была еще горячая и вокруг глаз (провал глаз был как бы обожжен и кругом ввалившихся глаз шел широкий темно-красный круг, такие же пятна темно-красные были на затылке и на руках в разных местах.

Вячеслав зарыдал и, приподняв одеяло, стал целовать ноги. Потом Надежда Григорьевна спрашивала меня (но, может быть, это уже было на другой день), как я хочу чтобы были причесаны волосы. Я вспомнила, как Мама, уже совсем больная, на ночь старалась завернуть косички вокруг тесемочек <?>, как она всегда делала, и как она вообще любила свои волосы и говорила, что единственно чем она в себе гордится – это волосами, и попросила ее завить их, сказала, как это нужно сделать.

Мы пошли к себе, получив от Вячеслава обещание, что и он ляжет, причем я еще раз зашла к нему, т.к. мне показалось, что я слышу крик, но он сказал, что это мне показалось.

В комнате Надежда Григорьевна сказала мне, что Мама, когда была сильно больна весной, говорила ей, что хотела бы, если умрет, чтобы ей волосы устроили как всегда. «Но, – прибавила Н.Г. – теперь, наверно, это ей кажется такими пустяками». Эта фраза мне не понравилась почему-то. Сидя в постелях, Н.Г. меня спрашивала о том, что мы собирались делать до Маминой болезни, какие были наши планы на осень, я начала рассказывать, как они собирались ехать в Крым и по Днепру, «а теперь – все кончено...!» И расплакалась в первый раз после ее смерти. Я помню, что даже подумала (рефлексивно, конечно) о некоторой театральности моей фразы и слез за ними <так!>. Н.Г. подошла ко мне и, сказав: «Можно Вас поцеловать?» – как-то, стесняясь, обняла и поцеловала. Потом, плача в постели, я заснула. Что утром было, не помню. Помню, что Вячеслав (кажется) сказал, что часть ночи он тоже спал, что рассказывал, что пережил за ночь, и что в этом было что-то светлое. Я же встала уже верующей, совсем другим человеком, чем была, когда приехала женовским скептиком из Женева. Я знала, ясно, что Мама с нами, я была полна какой-то деловитости и энергии, какой-то сухости даже, и помню, что я, делая разные дела, часто повторяла, докончив что-нибудь: «Вот это дело». Вячеслав сразу занялся собранием <так!> маминых рукописей. Кажется, даже накануне

<так!> маминых рукописей. Кажется, даже накануне первая его мысль была о них, о том, чтобы их всех <!> собрать, чтобы ни одного листка не пропало, и о том, что нужно скорее весь матерьял собрать, устроить и напечатать. (Я вспомнила Геду <так!> Габлер⁵⁷³ и поняла, что я ошибалась, считая сцену с рукописями неестественной). Я стала приносить Вячеславу все картоны, причем тут шмыгала девушка-кухарка, и мне вдруг показалось, что одного картона, который я поставила на балконе, вдруг не хватает и что она могла его взять, думая, что там что-нибудь ценное. Но, конечно, Вячеслав заметил бы, если б чего-нибудь не хватало. Дел было очень много, мы были как бы в пустыне, все нужно было доставать из Любавичи <так!>. Затем нужно было послать телеграмму Сереже, который уже ехал. Марусе мы послали телеграмму не прямо, а просили дядю Сашу передать осторожно. Затем послали телеграмму Оле на Консерваторию (Феликсу), Веберу. Доктор принес какие-то дезинфекции и велел завернуть в них Маму⁵⁷⁴.

Тут дни у меня совершенно путаются, ряд дней прошел в таких хлопотах. Я была в Любавичах. Еврей лавочник, через которого нужно было посылать телеграммы, начал говорить, когда я хотела известить Сережу в условленном городе: «Что вы делаете? Он бросится под поезд!» Но я все-таки послала телеграмму, как мы решили с Вячеславом. Потом я была у доктора, сидела дожидалась его, говорила со мной старушка кухарка. Я была в доктора чуть-чуть влюблена, и мне было отдохновительно сидеть у него. Хотя я страшно мучалась, особенно потом, что у меня могли быть такие чувства в такое время и что, м<ожет> б<ыть>, я из-за этого не уехала, когда Маме было бы гораздо спокойнее, если бы я уехала, т.к. она за меня очень беспокоилась и говорила: «Если Вера заболит, я этого не переживу». У доктора лежала «Речь», я помню, я подумала, что он трус, если не решается выписывать «Товарица», сам же называет себя с.д. (впрочем, это все я думала, м<ожет> б<ыть>, в другой раз – раньше или позже). Доктор пришел, я просила его составить письмо Вячеславу, прося его быть осторожным и т.д., он целовал Маму, а меня мучило, что это очень опасно, т.к. в некоторых местах лицо и руки были как бы прожжены и ранки сочлились. Он стал составлять письмо, но упомянул о «трупном яде». Я стала его просить заменить каким-нибудь словом другим, и он не знал, как это сделать. В конце концов он, кажется, написал другое письмо, но я его, кажется, все-таки Вячеславу не показала. Когда я возвращалась в темноте и сырости на «Петруше» (с одной лошадей) домой, я качалась на сидении, засы-

⁵⁷³ Героиня одноименной пьесы Г. Ибсена.

⁵⁷⁴ Нам известны более ранние телеграммы, отправленные в день смерти К.К. Шварсалону: «Мама опасно больна scarlatinой не приезжай вследствие заразительности будем телеграфировать Вячеслав Вера» (Карт. 10. Ед. хр. 45. Л. 13) и М.М. Замятниной: «Боимся за Лидию приезжайте немедленно» (Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 41). Дошла до нас также телеграмма А.Д. Зиновьева от 18 октября: «Мария Михайловна выезжает потрясены безвременной кончиной единственной дорогой сестры Зиновьев» (Карт. 21. Ед. хр. 1. Л. 3). Оля – О.Ф. Никитина; Феликс – ее муж Ф.В. Острога, преподававший в Женевской консерватории; Вебер – Л.Н. Вебер, сын А.В. Гольштейн от первого брака, муж (покойной к тому времени) художницы М.В. Якунчиковой.

пала, не могла сидеть и наконец как-то полулежа ехала так, что он предостерегал меня, чтобы я не упала.

Я привезла с собой полбутылки рома. Их мы пили вечером, чтобы поддержаться, причем я выпила несколько рюмок, но, конечно, без всякого действия. (Я приехала домой в ознобе и в то же время полусонная, так что и Вячеслав и Н.Г. испугались моего вида, мне самой, опять-таки рефлексивно, казалось, что я позирую немного). Потом нужно было идти доставать мужиков, чтобы перенести Маму на матрасе в большой кабинет. Кажется, они обещали прийти наутро. Потом приходил один из Манштетов и мы с Вячеславом говорили с ним в широкой передней. Я помню, что я была почему-то в белом передничке и думала об этом и вообще о том, какое мы производим впечатление в нашем горе. Он предложил сам, что его старший брат съездит за гробом в Витебск, подробно описывал, какой он может достать гроб⁵⁷⁵, дубовый снаружи и металлический внутри (для перевоза) и с оконцем, как они достали для их сестры, умершей дома от скарлатины, т.к. мать не хотела верить, что она умерла действительно.

Потом на следующий день перенесли Маму в кабинет и положили, как полагается, наискось к углу, кажется, на столе, во всяком случае, на чем-то высоко. Потом приходила баба, жена Свирида, красавица, в которую мы с Лидией были влюблены, и просила поклониться покойнице, но я сказала, что лучше завтра, когда будет панихида. Потом вечером должна была приехать Маруся. Вячеслав написал ей письмо и послал с лошадьми. Она говорила, что это письмо было совершенно необыкновенной силы, и высоты, и света.

Я с Пашей ходила ночью топить домик-флигель, где Маруся должна была переодеться. Дом был захвачен мышами и вонь страшная. Печь мы никак не могли вдвоем растопить, и когда Маруся приехала, было еще холодно. Девушка по дороге мне рассказывала всякие истории скучнейшие, как она жила в Витебске и выслеживала воровку кухарку и доносила господам. На окошке в флигеле я пролила нашатырь и анисовые капли, которые у меня всегда, т.е. запах аниса был приурочен к смерти с тех пор, как умер дедушка и комнату вспрыскивали абсэнтотом. И запах не так давил, когда вообще у меня incipit Vita Nova и отношение пропало.

Маруся приехала очень энергичная и деловая. Переделалась, хотела заставить меня полоскать горло лиловыми кристалликами, но я не согласилась, кажется, т.к. их не переносу. Потом целый день мы что-то делали, усиленно хлопотали. Все нужно было доставать из Любавич <так!>. На Маме был хитон из кустарного коричневого сурового полотна, мы хотели сверху надеть ее красивый белый хитон. Целый день прошел в хлопотах. Хитон был разорван, и меня мучала совесть, что я его никак не могу зашить. Вечером все прилегли спать. Я тихонько встала, взяла хитон и села шить в кабинете, со свечой, кажется. Была ночь, и только ярко ударял в окно свет электрический с мельницы.

---

⁵⁷⁵ У Шварсалон: гроб.

Мама лежала вся белая в красном углу очень высоко, я сидела у двери – раздался шум голосов, топот лошадей и стук: это Манштеты привезли гроб. Я шлю открывать, и, помню, еще подумала, как все это «романтично»: я одна сижу и шью и открываю дверь для гроба.

Потом все встали. Нужно было переложить Маму сразу в гроб. Помню стучки <так!> и мое отвращенье к ним рядом с очень изящной шелковой подушкой. Кажется, Манштеты скоро уехали. Мы долго хлопотали, нужно было сжечь подушки и простыни в печке, на которых вытекла кровь из прожженных ран. Мне очень страшно было смотреть на эту кровь.

Вячеслав нервничал и злился на наши просьбы о осторожности, о том, чтобы он не прикасался руками, о дезинфекции вообще. Н.Г. во всем этом не участвовала: она со мной перед этим поссорилась, я ей как-то нагрубилась. Она сидела и писала письма и как-то сказала, что теперь она свое дело сделала и больше не нужна. Она меня вечером забавляла тем, что боялась в темноте прийти к пустому залу перед кабинетом, и я, кажется, открыто высмеяла ее.

Когда все кончилось, было уже утро. Крышку от гроба большую деревянную оставили у подъезда. Сережа должен был приехать утром. Я вышла и стала оттащить большие белые дощатые половинки крышки. Помочь никого не нашла, одна только могла оттащить за угол в сторону. Гроб мы поставили опять на возвышенье в красный угол. Он был открыт и очень красиво покрыт кисеей. Свечи стояли по углам <фраза нрзб>.

Руки, сложенные на груди, были необыкновенно красивы под кисеей. На лбу венчик, икона Покров Пресвятой Богородицы, тоже по просьбе Вячеслава привезенные из Витебска. (Мама написала о Покрове 6-го стиха), еще привезли ему <пропуск для 1 слова>, куда он положил ее волосы. Волосы потускнели и стали прямыми, совсем не такие, как живые.

Когда все было готово, все прилегли, я ждала Сережу, но так как его все не было, прилегла на стульях в своей комнате с тем, чтобы встать встречать, как только услышу стук колес. И хотя пролежала несколько минут, но когда встала – Сережа уже стоял передо мной. Как он так незаметно приехал, я не поняла. Я его спросила, был ли он там, он сказал, что да. Потом стоял у окна в зале, отвернувшись и с измученным лицом и сухими глазами, мне его было страшно жаль. Я стала ему что-то про Маму рассказывать, но слова не выходили. За ночь еще накануне, кажется, выпал первый снег, который еще Мама предугадала и приветствовала вечером на прогулке, в сизых тяжелых тучах. В это утро приехал священник служить панихиду. Кроме нас, было несколько человек крестьян, был Свирид и плакал, жены его не было, и я очень плакала <?>. Был необыкновенно красив Гроб и Мама, покрытая белой кисеей, через которую виднелись руки. Свечи большие и свечи у нас, когда хор запел посреди панихиды в самую торжественную минуту, солнце раздвинуло тучи и яркие лучи легли на Маму и на нас. Я плакала, и были такие слезы, почти радостные.

Очень жаль было, что служба кончается, но она дала мне света. Потом мы опять деятельно хлопотали. Ездили в Любавичи, уже с Сережей

(Я забыла, что я в какой-то из дней ездила не то с Сережей, не то еще раньше одна, и вместе с доктором, с котор<ым> он дружил, ходила к «деревянному» батюшке просить его приехать на панихиду, т.к. мне тот не понравился – но это оказалось невозможным, потому что не входило в его приход).

Дальше еще были хлопоты с прислугой, которую Маруся поймала на том, что она незаметно роется в сундуках, кот<орые> Мама уже начала разбирать к отъезду, и стащила, кажется, 2 Маминых нижних юбки оттуда. Потом мать ее хотела взять, и она просила, кажется, увеличения жалованья на основании того, что «пахнет», я возмущалась и говорила искренно, что это неправда.

Потом (я дни перепутала) доктор говорил, что из предупреждения инфекции, которую и Маруся и я боялись, конечно, не для себя, и спрашивали, что делать? (нужно было запаять гроб. Он был металлический сверху белый).

Обсуждались разные меры, например, Манштеты предлагали временно (все это – пока получится разрешение через дядю Сашу и Витебск<ого> губернатора везти гроб в С.-Петербург) поставить гроб в их кладбище в имении, где им был<о> разрешен<о> похоронить убитых каким-то несчастным случаем работников. Но было уже очень холодно и было решено держать просто окно открытым и потом запаять гроб. И я хлопотала, доставала кого-нибудь, чтобы запаять. Но потом, кажется, никто не пришел, и меня уложили. Я умирала от тяжелой дремоты, полубморочное какое-то состояние. Потом пришел кто-то из нас в мою комнату (это, впрочем, была общая комната теперь) и сказал, что пришли паять и что можно отложить до завтра, но я была полна какой-то деловой энергии, доходящей до сухости, и, преодолев с огромным трудом дремоту, встала и пошла в кабинет говорить с паяльщиком. Это был, кажется, наш молодой фотограф Степан с мельницы. Я энергично указывала ему что и как. Вячеслав плакал, и ему очень не хотелось закрывать гроб. Я помню, у меня было такое ясное чувство того, что Мама жива, что я даже как-то грубыми словами сказала: «Ведь здесь только как *шелуха* ореха, а Мама жива». Он сказал: «Да, но я ее бесконечно люблю». Кажется, так. Потом на следующий день еще мы ездили зачем-то с Сережей в Любавичи и шлепали там бесконечно по грязи. Потом было наконец решено, что я с Н.Г. поедem Григорьевной поеду <так!> в СПб вперед, т.к. лучше мне там быть, если я тоже заболела, как очень думали. Сережа должен был после нас съездить к Витебскому губернатору получить разрешение, о котором я должна была телеграфировать дяде Саше со станции. Мы поехали накануне с Сережей в Любавичи и зашли попрощаться с доктором, я его очень благодарила, и мне было жалко с ним расставаться.

Он же, первое время говоривший (в первые легкие дни болезни) Вячеславу, что я «совершенный тип русской красоты», теперь мне изменил в пользу Н.Г. и, кажется, говорил, что она «совершенный тип русской красоты». Так что он не заметил мое прощанье и на следующий день жаловался, что мы с Н.Г. не прощаясь уехали.

Мы поехали с Н.Г. Вез нас Паросф <так!> на паре. Было очень приятно, освежительно ехать по сильному холоду (Маруся меня всю заку-

тала), но ужасно грустно, особенно помню смесь этих двух чувств, когда мы после Любавич выехали на красивую аллею и ехали по густо обсыпавшимся листьям, Па<р>фен говорил: «Вы уже сюда, наверное, больше никогда не приедете?» Я же говорила, что нет, напротив, мы можем приехать в будущем году (и даже сговорились с Манштетами переночевать у нас несколько ночей, если приедем). На станции нужно было отправить телеграмму дяде Саше, я по рассеянности написала ему на Вы. Было очень весело посылать телеграмму на имя губернатора. Чиновник, когда я просила ее посмотреть, ясно ли написано, сказал: «Я не имею права читать телеграмм».

На платформе я думала, глядя на товарные вагоны, как сюда Маму привезут. Потом мы ехали, в поезде было очень тесно. Мне поручили Мамин желтенький мешочек, кажется, с ее драгоценностями, и с ним не расставалась, и все время думала про него.

В Витебске нужно было ждать некоторое время. Н.Г. пошла на базар покупать кустарные горшки в подарок кому-то из художников. Я с ней, был вечер и ужасно уныло и грустно.

Ночью я спала, как люблю, в втором этаже, спала плохо, т.к. не выпускала из рук мешочка и отчасти на нем лежала головой. Развеселял нас матросик, залезший в третий этаж и там проспавший всю ночь, хотя это был женский купэ <так!>. В наказание дамы заставляли его спускать себе вещи.

Приехали мы в С.-Петербург, на Царскосельский вокзал. Помню церковь напротив, к которой у меня поэтому навсегда осталось благоговейное и мучительное чувство. Мы поехали по узкой, шумной и грязной Гороховой, день был серый, долго очень ехали. Только Нева сразу обрадовала и показалась прекрасной. Как она катила свои серые высокие волны. У Чулковых в переулке у набережной на той стороне встретил нас Чулков. Пили, кажется, кофе, потом нужно было отнести вещи в дезинфекцию (недалеко), там же я говорила по телефону с дядей Сашей – стеснялась. С Дядей Сашей был и обмен писем через его <не дописано>

Потом (но, м<ожет> б<ыть>, это уже было не в тот же день) меня послала Н.Г. покупать ботинки в Гостиный Двор и объяснила, как идти. Я первый раз в жизни покупала ботинки. У меня от них осталось только очень смутное, но милое и родное воспоминание с пятилетнего возраста. Купила с некоторым трудом – особенно я не умела и стеснялась торговаться. Как мучительно было возвращаться мимо Адмиралтейства, через Дворцовый мост (Кажется, я ехала часть конкой). Я так не привыкла к большому движению города (всегда наводившего на меня панику в детстве) и при моем вообще нервно натянутом состоянии, я совершенно терялась и совершенно не понимала, как разделяется движение направо и налево. Потом было свидание с дядей Сашей и Костей в сквере у Адмиралтейства. Тронул меня старик извозчик: пока мы разыскивали условленный вход, он говорил со мной на ты. Мы ходили с дядей Сашей и Костей на некотором расстоянии друг от друга. Помню залитые по-зимнему клумбы (или фонтан?), вокруг кот<орого> мы ходили. Дядя Саша спрашивал меня, знала ли Мама, что она умирает, я сказала, что да, и привела доказательством те слова накануне о Рожде-

нии Христа и другие. Он сказал, что это еще не доказательство, это мог быть бред. Мне было очень досадно, что он говорит это при Косте. Потом они отвезли меня на извозчике домой. Костя стоял на приступочке.

К Чулковым приходило много народу. Не помню, сколько дней я была всего у них.

Приходил Ауслендер в блузе и долго сидел, я сидела молча в кресле, куда меня устроила для уютности Н.Г. Чуть-чуть я все-таки думала сквозь тоску о то, что я романтична, бледная в темном, и жалела, что черное платье в дезинфекции.

Приходила В.М. Сюн<н>ерберг, но я слышала ее голос только за дверью, т.к. из-за детей она не решилась войти. Сюн<н>ерберг мне уже был очень симпатичен по Маминому письму ему, недавно написанному, где было обо мне и о том, как мы хорошо живем вдвоем и о том, что они оба вроде как влюблены в меня (помню, как меня потом мучало, что это письмо мне не понравилось, т.е. эти слова о влюбленности – моей женовской трезвости и боязни восторженных слов). Потом я писала Анюте⁵⁷⁶. Потом, т.к. она мне не ответила, я пошла к ней сама, с трудом отыскала бани Воронцова и ее комнатку наверху узенькой лестницы. Застала дома мать, которая сказала, что Анюта как раз пошла ко мне и долго искала меня на Песках у Таврической. Мать, крепкая, благообразная и не старая на вид, рассказывала, что Анюта, узнав о Маме, плакала «как о родной матери». Мне казалось странным, что Анютина мать об этом говорит как о чем-то удивительном, т.к. мне казалось, что Анютиному горю и не может быть предела. Кажется, на следующий день была Анюта у меня вечером. Причем я сказала Чулковым, что-то вроде того, что «Вы ничего не имеете против того, что Анюта ко мне придет сюда» (у них в меблированных комнатах 2 комнаты, одна небольшая его и другая ее с кроватью ее за ширмой и обеденным столом), причем я не помню, что я сама думала, но он ответил смешно, что, кон<ечно>, он ничего не имеет против и ведь он же социалист. Анюта пришла крепкая и «своя», с очень большими кругами под глазами. Чуть-чуть слишком твердая даже (а м<ожет> б<ыть>, это впечатление не первого раза, а ее приходив зимой к нам на башню), мне хотелось спрятаться к кому-нибудь на очень теплую и большую грудь. Анюта еще приходила в эти дни, и я ей все рассказывала. Она мне говорила строго, чтобы я думала о Косте, что я должна за ним смотреть наместо Мамы и потому <так!> чепуху насчет Вячеслава, что он, может еще жениться и тогда у Кости никого не будет.

Дни у Чулковых у меня перепутались в памяти, хотя их было совсем немного, до приезда Вячеслава, Маруси и Сережи из деревни с гробом и один день после погребения, но не казалось, что это была целая вечность. Чуть ли не на второй день Чулков имел в руках книжечку стихов Блока, изданную у нас⁵⁷⁷, и читал ее, и восхищался ее стихами, и спрашивал меня, люблю ли я их и знаю ли хор, а я признавалась, что

---

⁵⁷⁶ Анна Николаевна Шустова, одна из «девушек» Зиновьевой-Аннибал.

⁵⁷⁷ Имеется в виду сборник стихов «Снежная маска», изданный в домашнем издательстве Ивановых «Оры».

совсем не знаю и что вообще плохо знаю стихи модернистические или декадентские. Я тогда была очень по-женевски тупа и с опаской к ним настроена и с предубеждением. Но не к личностям, которых в большинстве, напротив, особенно и с какой-то болезненной экзальтировкой любила, любила потому, что знала о них всех и помнила все подробности из Маминых писем; а болезненно экзальтировано вообще относилась к среде, в которую попала, все годы, пока была в С.-Петербурге; у меня все делилось на обыкновенных людей с одной стороны и на особенных сверхлюдей, у которых все особенно и которые бывали у нас на башне.

Чулков стал читать мне стихи и восторгался ими, мне действительно многое очень понравилось, хотя много было непонятное, особенно сильное мистическое впечатление произвело, хотя и неясное стихотворение о кораблях, которым Чулков тоже очень восторгался. Отношение к Чулкову у меня было еще несколько осложнено тем, что его личность, тогда затравленная Гиппиус и другими и столько осмеянная, чуть-чуть была скомпрометирована у меня, и чуть-чуть я не могла ее принять всерьез и считала отчасти шарлатаном, так было всегда. В этот вечер я находилась в каком-то сухом и плохом возбуждении, и вечером сказала Н.Г., глядя, должно быть, из окна на освещенный и возбуждающий город (хотя из узенько<го> переуллка, где они жили, мало что было видно и мало светло), что мне не сидится дома и хочется неопределенно чего (это было вечером), идти куда-нибудь в ресторан... Н.Г. приняла это всерьез и сказала, чтобы я пошла, если хочется, и что Чулков с удовольствием со мной пойдет. Я сказала, что нет, что я не серьезно говорю, и осталась дома. Приходил в один из дней к ним какой-то «товарищ в синей рубахе»; он мне не понравился, хотя теоретически я была к нему расположена. Он был, кажется, рабочий, и много говорил, и что-то угрюмое. Потом получила письмо от Вячеслава и Маруси, что они приезжают (кажется, так) и так как я была продезинфицирована, мы не должны были встречаться, но была организована какая-то сложная система. На углу Гороховой мы с Н.Г. должны были послать посыльного с письмом навстречу им, и он должен быть принести обратно письмо. При чем я объясняла посыльному, по каким признакам найти Вячеслава, «золотые кудри, высокого роста, и пожилая дама с ним с седыми волосами». Он нашел очень легко, как сказал, по этим признакам, и очень скоро принес ответное письмо, что там говорилось, – не помню. Мы еще не знали наверное, и они тоже, где они останутся. Они должны были остановиться в гостинице и пойти в баню и отослать вещи в дезинфекцию. Мы вернулись домой. Вечером пришел Городецкий, он был очень ласков со мной, но, вероятно, очень волновался и поэтому был очень криклив; я почему-то на него злилась, точно он в чем-то виноват, и думая, что он расстроит Вячеслава, не хотела, чтобы он к нему ходил, и не хотела давать Вячеславиного адреса, а он как раз за ним пришел. Но я, впрочем, кажется, к тому же его сама не знала. Городецкий же его усиленно разыскивал и, кажется, в конце концов разыскал. У Чулковых он был очень взволнован и очень громко говорил, я как-то глупо на него фыркала и, наконец, встала и пошла села в кабинете у Чулкова. Там, кажется, был «Трагический Зверинец», которым зачитывался <?> очень перед этим Чулков.

Я словно сердилась за что-то на Городецкого, будировала его, точно он был в чем-то виноват, и злилась на его громкий оживленный (это было от нервности) голос. Он вдруг появился за моей спиной в кабинете и об чем-то тихо, наклонившись, очень тепло ко мне, спросил. Потом оказалось, что он долго рыскал по городу, отыскал Вячеслава и долго рыдал с ним вместе. Вячеслав ходил в баню с Сережей для дезинфекции – они жили в гостинице у Николаевского вокзала. Кажется, мы не виделись до дня похорон, но как-то сносились. Похороны совпали с 9-м днем. Вагон после их приезда на Царскосельский вокзал должен был быть перевезен на Николаевский вокзал.⁵⁷⁸ Помню, как мы собирались в этот день с Н.Г., как я решила причесать волосы гладко-гладко, чтобы было поуродливее, потом, кажется, Н.Г. посоветовала мне взять 2 платка, и мне была горько комична такая предосторожность. Одета я была очень смешно, было холодно и пасмурно (хотя снега после первых тех дней, после 17-го не было), шубы у меня не было, у меня была какая-то Марусина осенняя кофта с белой «тигровой» подкладкой и пелеринка короткая, подбитая белым и черным мехом. Первый раз я надевала русскую барашковую зимнюю шапку, еще Мамину, о которой какие-то смутные и нежные у меня хранились воспоминания (и вообще о таких барашковых шапках). Кажется, траурного вуаля, спускающегося сзади (как потом) у меня тогда еще не было. Накануне мы с Н.Г. ездили цветы заказывать на Невском у Адмиралтейства (или с Аннотой, кажется). У нас насчет цветов не было согласовано с Марусей, Вячеславом и Сережей, что было очень затруднительно. Меня поразила дороговизна цветов (вообще к тому же еще переводила русские деньги на французские). Мы заказали поэтому сравнительно небольшой букет из хризантем (я знала, что это Мамины любимые, и помнила, как она рассказывала, что Сомов приносил ей в подарок прекрасные хризантемы). К ним мы выбрали⁵⁷⁹ тоненькой, нежной зелени, про которую мне Анюта сказала, что это была Мамина любимая зелень.

Мы, кажется, зашли за этим букетом и ехали по конке <так!> до вокзала (как длинно было и грустно смотреть на красивый Невский). Мы должны были отыскать товарную станцию, куда прибыл вагон. Уже на пути мы встретились с нашими. Маруся, Лидия, в шубе, кажется, тети Лизы и тетя Лиза, Анюта с ними и Вячеслав, и помню, как тетя Лиза стала деловито (и как это мне понравилось) волноваться, что Лидия без калош, и послала Анюту сейчас тут же с ней купить калоши, Сережа, Костя, и Оля, и Ина <так!>, к которым Сережа подвел и с которыми я не знала, о чем говорить. Вагон направо немножко впереди. Я подошла, гроб блестя, как серебряный, очень красивые на нем темно-еловые венки и гирлянды, и тоже хвоя гирляндами, и так прибита у вхо-

---

⁵⁷⁸ Из Загорья везли гроб очень торжественно и красиво. Маншеты предоставили своих лошадей и дроги ехали шагом – гроб был весь украшен еловыми ветвями. В Любавичах встречали 2 крестных хода – сначала из каменной, потом из деревянной церкви и проводжали с торжественным пением за местечко. Вячеслав, Маруся и, кажется, Сережа ехали сзади. На станции все соединились и украсили тоже <?> еловыми ветвями, украшали, кажется, на станции сторожа по собственному почину (*Примечание Шварсалон*).

⁵⁷⁹ То есть: выбрали.

да, и повсюду в вагоне. Было очень тяжело и в то же время так много было народу, что я совсем ушла в себя и была внешняя и спокойная, словно равнодушная. Вячеслав подвел меня и сказал, что хотя бы со мной познакомиться: это стояли в ряд как-то странно в ряд <так!> и чем-то схожие в выражении глаз Кузмин, Нувель и Сомов, смотря вперед неподвижными, серьезными, почти сердитыми и как бы растерянно запуганными глазами. Особенно мне запомнились глаза Кузмина, круглые, темные, навывкате, и его бледное, странное и некрасивое лицо. Они сердито как-то со мной поздоровались, и молча, и я тоже, а между тем они все мне были давно знакомы и как бы близкие друзья по Маминим письмам и рассказам, но, впрочем, главным образом Сомов и Нувель. Потом долго чего-то ждали, и потом гроб снесли на катафалк, и мы пошли. Мы шли все кучкой за гробом и дядя Саша рядом – что-то говорили между собой – прошли по такому грустному Старо-Невскому проспекту и до Лавры; после моста на повороте Вячеслав познакомил меня с Блоком, а Блок, т.к. была некоторая замешка <так!>, начал стремиться вперед и говорил взволнован<но> и азартно: «Возьмите, понесем сами гроб, Вячеслав Иванович, пойдемте, возьмите, сами понесем!» И прошел вперед с другими и, кажется, понесли гроб. Пришли в Исидоровскую церковь, которая вся теплится лампадками и свечками зауспокойными, повсюду внутри могильные плиты или кресты и неживые восковые и фарфоровые цветы. Началась служба, гроб поставили в середине на очень высоком катафалке и покрыли золотым покровом до половины. Мы стояли немного сзади, направо у колонны, черной группой, и многолюдность опять заставляла меня думать о том, какое я произвожу впечатление, но все-таки очень плакала на конце службы, и это было очень облегчительно. Потом все подымались высоко по ступенькам и целовали гроб, и я положила, кажется, 3 земных поклона, и тоже поднялась и поцеловала и, кажется, опять клала земные поклоны. Потом понесли гроб на кладбище, это опять было ужасно грустно и тяжело; понесли через маленькую дверь у церкви, 3 ступеньки вниз и по мосткам – и пришли к открытой могиле, вырытой направо от зеленой часовни. Я не могла плакать и стояла неподвижно, а когда опустили гроб и Городецкий согнулся, оперся о зеленую часовню и зарыдал, я даже злилась и потом почему-то говорила Вячеславу, что это было неискренно или «ломанье». Вячеслав с Блоком шептались, будут ли говорить, и решили, что лучше, если не будут.

Цветы положили все кучкой на могилу, их было много; от Сомова большие белые или желтые хризантемы, дядя Саша заказал венок от нас с надписью «Дети – Матери». Мне это не понравилось как «обобщенно» и «отвлеченно». От Чулкова был большой лавровый венок, который повесили на крест сзади, с красной, кажется, лентой, с надписью из «Трагического Зверинца».

Потом народ стал расходиться, и это было очень неприятно. Остались больше дамы, бледные маленькие Беляевские⁵⁸⁰ с посиневшими

---

⁵⁸⁰ Сестра Ольга и Юлия Александровны, близкие подруги Ивановых. Первая из них была детской поэтессой.

носами, Кассандра⁵⁸¹ тоже вся бледная с расстроеным и некрасивым лицом (кажется), и маленькая, худенькая Беляева⁵⁸², которая начала говорить о том, что мы приехали только что из-за границы и, значит, совсем Маму не видели, но я стала ей объяснять, что, напротив, мы целое лето были вместе. Кто-то объяснял, что многие не пришли из-за боязни scarlatины – так Сюннерберги⁵⁸³, боясь за детей, и т.д. Когда уже мы почти уходили, еще смотрели венки, и один металлический, кажется, которого повесили <так!> направо, внизу, у креста, был от Зинаиды Владимировны Ратьковой-Рожновой⁵⁸⁴ с надписью: «Никогда не забуду Вашего гостеприимств<в>а на чужбине». Это заставило потом дома усмехнуться Марусю и Вячеслава, которому это показалось очень нелепо. Маруся смеялась и говорила: «Это мне она написала надпись». Когда мы стали собираться идти (было очень холодно), поднялся вопрос, куда мне идти, и Вячеслав, хотя ему очень грустно было без меня, сказал, что, м<ожет> б<ыть>, осторожнее мне еще день пробыть у Чулковых, и Маруся то же говорила. Я согласилась почти с радостью. Мне почти страшно было возвращаться и слиться с общим тяжелым горем. Хотелось быть обособленно у Чулковых.

На следующее утро Н.Г. предложила мне поехать на могилу устроить все как следует (Я спала у Н.Г. на ящиках, которые днем, покрытые цветным платком, служили сиденьем, и мне очень нравилось спать на жестком, хотя ночью и болели бока. За ширмой спала Н.Г., в кабинете спал Георгий Иванович, за то время, что я у них была, их отношения произвели на меня унылое (даже преувеличенно в моем восприятии унылое) впечатление, какого-то холода и взаимной обиды и сухости. Но тут было очевидно большая доля внешней маюты <так!>, что я принимала за внутреннее. Н.Г.⁵⁸⁵ жаловалась что страдает от тоски, я ей советовала, когда она тоскует, заниматься, и сказала, что мне лично это всегда помогает, но она меня несколько обидела, сказав, что это может помочь только в моем возрасте (Впрочем, м<ожет> б<ыть>, этот разговор был и позже). Стряпала она сама, плита была общая за длинным коридором меблированных комнат. Она гов<орила>, что только она умела так быстро стряпать, как Мама. Но во всей их жизни остро чувствовалось отсутствие того, что для краткости можно назвать отсутствием «мохнатости». Хотя иногда она называла его «Зорей» и чувствовалась внутренняя их связь, но были между ними какие-то странные сценки, мелочность его, обиды, то ее самолюбье (как бывает, впрочем, у⁵⁸⁶ только что женившихся)⁵⁸⁷. Мы поехали опять на коньке <так!> по все-

⁵⁸¹ Александра Николаевна Чеботаревская (1869-1925), переводчица.

⁵⁸² Тетка Иванова Мария Тимофеевна.

⁵⁸³ Супруги Константин Александрович (1871-1942), художественный критик и поэт, и Варвара Михайловна (1876-1924), писательница (под девичьей фамилией В. Карачарова).

⁵⁸⁴ Сестра Д.В. Философова (1871-1966), в 1906 г. гостившая в Женеве.

⁵⁸⁵ В данном месте рукописи прожжен кусок; возможно, там находилось слово «мне».

⁵⁸⁶ У Шварсалон: о.

⁵⁸⁷ Размолвка Чулковых (продолжавшаяся еще долгое время) была вызвана романом мужа с Л.Д. Блок.

му Невскому. Помню, я по правой стороне увидела надпись в конце Невского «Аптекарское Депо» и стала возмущаться, какие у нас безграмотные надписи: *дело* пишется без <ять>.

Мы могиле <так> мы устроили цветы, которые лежали как-то не очень красиво, кучкой. Получилась необыкновенная красота. Все больше светлые хризантемы, и вся могила была покрыта цветами накрест. Вячеславины темно-красные розы. Оттуда Н.Г. посадила меня на конку и велела сойти на углу Суворовского проспекта и Таврической. Мне было все очень чудно, и конка, и улицы, я боялась пропустить Таврическую и несколько раз спрашивала кондуктора. Наконец сошла, она мне велела взять извозчика, хотя было 2 шага.

С каким волнением я ехала по Таврической, рассматривала каждый дом – вспоминала, как Мама рассказывала, что она тут возвращалась раз, пешком в 2 часа ночи из театра – и вглядывалась вперед, ожидая башню. Наконец она показалась. Правда как башня, толстая и круглая от основанья. Меня только поразил модернистический подъезд, так неподходящий, и затем поразила также роскошь подъезда. Швейцар хотел поднять меня на машине, но я быстро побежала сама все 6 этажей, и мне открыла<сь> приветливо дверь наша (Мамина)..... и затем провела меня (кажется, она) быстро по коридору и в первую комнату третьей квартиры, кот<орую> рабочие только что окончательно кончили (проделили дверь соединительную со второй). Все сидели за круглым столом и пили чай, было как-то очень тогда у них деятельно, почти весело. Я села и стала тоже пить чай и рассказывать, как приехала, и мы долго разговаривали и рассказывали друг другу, т.к. я с ними хорошенько еще не видалась. Потом повели меня показывать комнаты, и Мамину комнату, в которой она последнее время была и где все было расставлено Мамой (Только не так, как прежде, до приезда женевских вещей, когда мебели почти не было, а лежали тюфяки вдоль стены). Мебель красного бархата, венецианское зеркало на металлической этажерке. Мамино маленькое красное бюро. Кажется, сами комнаты на башне были еще заставлены все мебелью, так что их нельзя было видеть. Во всяком случае, гостиная днем казалась мне очень мрачной, темной и низкой, и только вечером, когда горели свечи, она была во всей своей красоте и таинственности и становилась любимой, родной. Те полукруглые комнаты тоже сперва казались мне очень пустые с их большими ничем не закрытыми окнами, и унылыми. Вид из Маминой, ею описанный, дивный, на реку и дали за рекой и даже на прекрасный palazzo за <1 нрзб> вниз по Неве, за Охтой, был в большой мере уничтожен возведенным на Тверской большим домом. Что мы делали в этот день, я не помню, и дни дальше тоже. Были свидания с Лидией, которая жила у матери подруги по гимназии напротив Таврического сада (прелесть Таврического сада я тоже не сразу оценила – я думала об Лондонских парках, а кроме того осенью уродливо подавляли уродливые дома, настроенные напротив), куда ее определил Верховский, там преподающий. Лидия подымалась по лестнице до 5-го этажа и оттуда мы с ней «мохнатились». Мать Курдюмовой прислала смешное <письмо>, где было очень смешно выражено законное беспокойство насчет скарлатины и просьба о том, чтобы Лидия не подымалась выше 4-го этажа. Она писала, что родила сама 5 человек

детей, и никто у нее никогда не болел. Как-то вечером пришел Модест Гофман, я о нем, конечно, слышала от Мамаы и Вячеслава, помнила, как он последнюю зиму казался желающим быть внутренне близким (хотя были за ним какие-то подозрительные проделки с Городецким), казался понимающим. Мама мне рассказывала, как он раз поздно, при окончании Среды, подошел к ней и, смотря на нее, сказал тихо: «Бедная Лидия Дмитриевна», и она спросила, почему он так говорит (далее не очень хорошо помню, но вроде этого). Он повторил, она сказала: «Но я могу принять это за дерзость?» Он сказал: «Может быть?» Но все это было чисто дружественно и с двойным смыслом. Сережа рассказывал, что Модест слег от горя, узнав про Мамау. Мне как-то, когда мне говорили про такие острые реакции, не верилось в их искренность, т.е. казалось, что тут не то неправда, не то болезненность, неврастения, которая мне была нестерпима.

Модест пришел вечером, Вячеслав меня позвал. Он стоял в передней с большой бородой «лопатою», маленький, в студенческом мундире и напоминающий мне маленьких французских солдатиков с бородой. Он пожал мне руку и долго держал ее в своей и долго молчал, глядя на меня, и мы так долго стояли друг против друга в передней – он опираясь об стену у двери, я <у> противоположной стены. Потом Вячеслав, кажется, сказал нам идти – и мы пошли через наш узкий и длинный коридор в маленькие жилые комнаты. Там он сидел и все говорил (кажется, в этот же вечер) про «Мамочку». Потом ушел, и я его опять долго провожала в передней. Потом он часто приходил и поставил себя на положение брата, разделяющего почти как равный общее горя <так!>, входя во все дела и отношения костины и Лидины тоже как старший брат. Через несколько дней приехала Анна Родольфовна <так!>, Вячеслав ей послал телеграмму о смерти Мамаы и на эту телеграмму она ответила телеграммой, что приезжает. Помню, как она сидела за круглым столом, ее очки и близорукие, почти слепые движения. Я слыхала о ней в Загории в связи с Маргаритой Васильевной Сабашниковой. Мама рассказывала, что она очень интересная, мудрая, почти слепая и все-таки хорошо ходит и находит, что ей нужно. Я помню, что они очень интересовались тем, как она отнеслась к «Золотым Завесам», и когда Маргарита Васильевна сказала, что она прочла их и они ей не понравились, и она, когда прочла, «вся затряслась». Мама потом говорила, что нужно еще знать, правда ли это, м<ожет> б<ыть>, М.С. все совершенно неверно передает. Мы сразу, как это поставил Вячеслав, отнесли к ней с большим благоговением, не только внешним (целовали руку), но и внутренним, затем в моей тоске мне было отрадно вообще учиться в прямом смысле в нашем горе, но внутренней дружбы я, кажется, с самого начала с ней не чувствовала. Помню, прошло несколько дней. Костя, который до того жил у дяди Саши и ходил в реальное училище, к Гуревичу, был уже у нас, дома, и мы были вечером за чаем во второй комнате третьей квартирке, кажется, за круглым столом, нужно было что-то уладить с Костей, который что-то просил или что-то в этом роде, что Вячеславу и Марусе трудно было уладить, и вот как раз появилась А.Р. (кажется, чуть ли не в первый раз). Вячеслав как-то быстро уладил инцидент с Костей и затем,

обратившись к А.Р., сказал: «Вот видите, я ничего не мог решить – Вы пришли, и все само собой решилось».

Я не спала в Маминой комнате, а во второй комнате в третьей квартире, а Вячеслав в последней. Ему без меня слишком скучно было. Числа 26 мы поехали в Москву. Вячеслава приглашал редактором в «Золотое Руно» Рябушинский, они с Мамой тогда долго думали и решили, что нужно принять это предложение – согласиться, т.к. нужно иметь журнал, который можно направлять, пока нет своего журнала. И вот теперь Вячеслав решил, что это будет послушанье Маме, если он поедет. В Москву ехала с нами А.Р. и Кассандра, которая приезжала. Она была очень задушевная, милая, но как-то притягива<ла> меня и старалась посадить меня к себе на колени, как маленькую, что мне было очень неудобно, так что я рада была, когда она занималась с Лидией.

Мне сшила Мамина портниха платье, черное, мы ходили с Марусей к ней, платье вышло каким-то капотом, очень некрасиво. Перед этим я долго сомневалась и не хотела носить траур, потому что я знала, что черное мне очень шло. Говорила об своих сомнениях Вячеславу, и он сказал, что если мне и идет, то ведь мы одеваемся не для себя, а должны думать и о других. (Он спускался с лестницы, кажется, с А.Р., когда это говорил, – а я стояла в нерешительности у полуоткрытой двери). Платье было сделано, кажется, из Маминого.

Перед отъездом я передала Лидии письмецо, говоря ей, чтобы она думала о Марусе и старалась ее развеселить. (Меня это выражение мучало и в Москве как легкомысленное – но Лидия как-то умела быть веселой и «играть», хотя в то же время чувствовалось, что она как-то внутренне общается в великом горе). Мы поехали в третьем классе, даже без плацкарт, была духота страшная, шум и вонь в вагоне и неудобно очень с А.Р. и Кассандрой.

Помню, как вечером поздно Вячеслав вышел куда-то, я пошла его искать. Это было после какой-то станции, где мы или я выходила. Вячеслав стоял на площадке, он был очень рад, что я пришла. Мы неслись по плоским равнинам, кажется, отчасти занесенным снегом. И казалось, пока мы неслись, что белесоватая равнина вдруг медленно к горизонту опускается, проваливается куда-то вниз, все-то длинными и широкими полосами к горизонту. И вот Вячеслав стал мне говорить о том, как ужасно подумать, что где ни ищи Маму, ни на этой станции, нигде, где ни ищи ее, по всей земле – ее не найдешь, нигде она не ходит, ни в каком краю, ни в каком месте на земле, и как эта мысль ужасна и непереносима... и он вроде как сухо зарыдал и оперся обеими руками на мои плечи, склонился сильно на мое плечо так (у него было что-то вроде полубмороза), что я почувствовала сильную тяжесть на плечах, но это как будто была не физическая тяжесть (хотя на самом деле мне очень тяжело было его поддерживать), а тяжесть поддерживать его горе.

Поезд мчался вперед с такой страшной быстротой, дуло снежным холодом, и равнина вся стала еще сильнее опускаться вся. До горизонта она проваливается или длинными и широкими полосами до горизонта. Вячеслав потом говорил, что я ему очень помогла, и он почувствовал в прямом смысле, что я беру часть его горя на свои плечи.

Когда мы легли (я наверху), я ему протянула руку в отверстие скамейки у стены, и это было ему очень отрадно, и он был мне за это очень благодарен.

Мы приехали в Москву. Вячеслав поехал вперед с А.Р. на извозщике, я с Кассандрой за ними. Как скучными мне показались улицы, от вокзала кверху узкая улица (я поразилась также городскими с шашкой и ружьем), затем Садовая – памятник Гоголя или, вернее, длинный и скучный нос в тумане, и дом между 2-мя половинами Новинского бульвара и Новинский бульвар. Дверь в снегу и Кассандрин очень милый подвальчик. Там главная комнатка симпатична, кажется округленькая, белая, светлая (как отделанное расширение пещеры). Окно с толстым выпуклым стеклом наверху кажется тоже округленьким. На противоположной стене Джьоконда и Венера Милосская. Кассандра наладила кофе с булками – это было очень согревательно и приятно. Появились и ее жители, ее кузина с дочкой (12-тилетней, читающей греческие трагедии, хорошенькой, тоненькой, с розовыми щеками, в очках, грустной, задумчивой, и подругой – полненькой и веселой дочерью управляющего, и «Monsieur Matinal»), революционер, прозванный так за ранние появления у кузины).

Как потянулись наши дни в Москве, в точности не помню. Мы с Вячеславом виделись с многими людьми, к нам приезжали и А.Р. приходила постоянно. Вячеслав ходил на переговоры с «Золотым Руном», переговоры шли туго, т.е. Вячеслав поставил им условием свое полное право veto как редактора. Рябушинский боялся, оттягивал и т.д. Я как-то была с Вячеславом в «Руне», они мне все казались там мошенниками. Красивый Милиоти⁵⁸⁸, покуривавший трубку, был похож на испанского бриганта. Мы ждали Рябушинского. Когда он пришел, ему нужно было переговорить с В<ячеславом>, и не знали, куда меня девать, – Вячеслав говорит: «Пускай она посидит в кабинете». Р<ябушинский> замаялся: «Там “женщины”...» Эти «женщины...» – фотографии каких-то танцовщиц. Вячеслав сказал, что это не беда. Р<ябушинский> просил меня заняться книгами и достал мне новенькие «Исповедь Шинского» и «Посолонь»⁵⁸⁹, я стала читать «Исповедь Шинского», сидя на диване. Потом, когда мы пошли домой, Р<ябушинский> просил меня оставить «на память» обе книги. Вечером приходила А.Р. и уезжала неподалеку куда-то у Арбата, нужно было провожать ее до ворот; иногда мы ходили с В<ячеславом> и нанимали ей извозчика, было холодно и очень тоскливо ночью на дворе <?>. Приходил Белый. Мне запомнилась <так!> (м<ожет> б<ыть>), этого на самом деле я и не видела) его запуганную, чуть-чуть сутулую, тонкую фигуру, спускающуюся вниз по ступенькам в подвальчик, и приходил мириться с В<ячеславом>, стыдился грубых рецензий на Маму в «Весах», говорил, как он горевал, когда узнал о ней, и я на него сердилась и не верила, и,

---

⁵⁸⁸ Художник Василий Дмитриевич Милиоти (1875-1943), заведовавший художественным отделом в «Золотом руне».

⁵⁸⁹ Имеются в виду книги, изданные журналом: Н. Шинский – псевдоним Рябушинского, «Посолонь» – сказки А.М. Ремизова.

кажется, Вячеслав ему сказал, что я на него сержусь, и Бел<ый> все говорил на это, как он был потрясен, когда узнал об ней.

Утешительно развлекали меня дети, которые шалили со своим дядей, приходящим обедать к Кассандре. Этот дядя сдавал экзамены при университете (кажется, магистерские), и шутили по этому поводу, он же дразнил девочек по поводу их гимназии, учителей и балов, и что он жалуется на них учителям. Он же или другой их друг шутил и с молодой девушкой-прислугой, прятался от нее за дверь и т.д., и мне казалось, что тут чуть-чуть фальшивый тон из принципиального «соцьялизма». Неожиданно приехал Модест, бритый и поэтому помолодевший и гораздо милей. Он держал себя как ближайший друг или просто ближайший родственник.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Имена М.М. Замятниной, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и В.И. Иванова как встречающиеся на подавляющем большинстве страниц книги в указатель не вынесены. Не введены в указатель имена единожды упоминающихся и названных без фамилий случайных людей – прислуги, случайных знакомых и пр., названия торговых фирм.

- Авенариус В.П. 174
Аверинцев С.С. 3, 5, 58
Агеев К.М. 129
Азадовский К.М. 76, 93, 96, 117, 119, 144, 204
Алымова С.И. 11, 37, 52
Альтман М.С. 72, 78, 102
Англичанка – см. Харг В.
Андреев Л.Н. 132, 133, 137, 138, 166, 168, 243
Андреева (возможно, Е.А. Андреева-Бальмонт или ее мать Н.М. Андреева) 136
Андреева М.Ф. 150
Андреева Н.М. 235
Андрусон Л.Н. 155, 164
Аничков Е.В. 36, 59, 135, 154-157, 162, 165, 168, 183, 189, 192, 197
Аничкова (урожд. Авинова) А.М. (псевд. Ivan Strannik) 75, 77, 80, 81, 116
Анна Рудольфовна – см. Минцлова А.Р.
Анненкова О.Н. 173
Анненкова-Бернар Н.П. 84, 105, 106, 126, 131, 141, 142, 144, 145, 238
Анненский Н.Ф. 139
Анри В. (В.А.) 63, 64
Анюта – см. Шустова А.Н.
Апостол П.Н. 63
Арабажин К.И. 165
Арцыбашев М.П. 132-136, 148, 165, 189, 197
Ауслендер С.А. 265
Баевский В.С. 107
Байков А.А. (?) 163
Байрон Дж.Н.Г. 258
Бакст Л.С. 101, 137, 140, 148, 161, 185, 194, 195
Балабанова (Балобанова) Е.В. 19
Балаховская-Пети С.Г. 87
Балтрушайтис Ю.К. 90, 103, 169, 242
Бальмонт (урожд. Андреева) Е.А. 102, 235
Бальмонт К.Д. 6, 42, 47, 50, 53, 59, 64, 69, 70, 75-76, 80, 90, 94, 96-104, 106, 108, 109, 127-130, 145, 146, 177, 179, 190, 197, 235
Бальмонт Н.К. 235
Баранцевич К.С. 165
Барятинский В.В. 165
Батюшков Ф.Д. 14-18, 22, 34, 36-38, 51, 186
Бахман Г. (Е.Е.) 98

- Башкин В.В. 133, 134, 155
Безобразов П.В. 142
Безобразова (урожд. Соловьева) М.С. 142
Безродная Ю.Л. 165
Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 6, 90, 94, 96, 98, 99, 102, 103, 115, 118, 123, 130, 137, 140-144, 146, 169, 171-173, 177, 187, 189, 190, 231, 242, 273, 274
Белькинд Е.Л. 242
Беляев В.И. 49
Беляева (урожд. Иванова) М.Т. 49, 269
Беляевская А.В. 163
Беляевская О.А. 16, 133, 134, 150, 163, 164, 175, 184, 186, 268
Беляевская Ю.А. 11, 14, 268
Беляевские О.А. и Ю.А. 105, 151
Беляевский В.А. 16, 32, 105
Бенуа Александр Н. 20-22, 28, 34, 36, 40, 46, 58, 64, 137, 180, 183
Бердяев Н.А. 81, 122, 136, 142-144, 146, 152-155, 162, 163, 166, 170, 171, 173, 176, 180, 185, 192, 193
Бердяева (урожд. Рапп) Л.Ю. 142, 143, 193
Бердяевы Н.А. и Е.Ю. 147, 148, 186, 188, 195
Берков П.Н. 20
Бетховен Л. ван 54, 206
Бехтерев В.М. 37
Била Е.А. 165
Билибин И.Я. 152, 174, 214, 215, 239
Блок А.А. 116, 122, 127, 131, 140, 142, 144, 154-156, 163, 171, 179, 190, 241-243, 268
Блок И. 158, 159, 267
Блок Л.Д. 159, 269
Блок А.А. и Л.Д. 187
Боборыкин П.Д. 59
Богомолов Н.А. 46, 51, 53, 74, 88, 92, 93, 122, 150, 176, 187, 190, 194, 200, 204, 215, 218, 240, 242, 249
Боград Г.Л. 124
Бонгард-Левин Г.М. 4, 13, 19, 22
Борис (Озмидов?), обитатель Загорья 250
Борисов С.А. 84, 141-144, 238, 239
Борман (урожд. Тыркова, во втором браке Вильямс) А.В. 166
Бороздин А.К. 37
Борткевич В.И. 64, 65
Брандес Г. 60, 77, 80
Брюсова В.Я. 6, 7, 28, 29, 41, 42, 45, 47-53, 55-59, 66, 69-79, 81, 82, 84, 87, 89-104, 106-113, 115-121, 124, 125, 127-129, 139, 145, 146, 150, 154-160, 177-179, 181, 185, 187, 188, 194, 231, 242
Брюсова (урожд. Рунт) И.М. 71, 96, 99, 110-112, 118, 120, 121, 156, 158-160
Брюсова Н.Я. 111, 112, 120, 156, 158
Брюсовы В.Я. и И.М. 73, 74, 104
Булгаков С.Н. 125, 136, 153, 171, 184
Бунин И.А. 50, 132, 137
Буренин В.П. 95, 139
Бурьян Л.К. 20
Бутягина А.М. 131, 142
Быстров В.Н. 165
Бюхер К. 166
Вагнер Р. 30, 116
Валишевский К. 60
Васюня, «девушка» Зиновьевой-Аннибал 148
Вахтель М. (Wachtel M.) 3-5, 8, 13, 10, 36, 65, 117
Вашкевич Н.Н. 126
Вебель (?) О.А. 188, 199, 200
Вебер Л.Н. 16, 28, 34, 40, 260
Вейнберг П.И. 22, 61, 62, 165
Венгеров С.А. 57, 61, 62, 122, 161, 243
Венгерова З.А. 87, 88, 105, 148, 165
Венгеровы 162
Вересаев В.В. 6
Верлен П. 59, 89, 99, 116
Верхарн Э. 37, 187
Верховский Ю.Н. 156, 163, 166, 179,

- 183, 195, 270
Визан Т. де 116
Вильети Э. (Vuillety H.) 80
Вилькина (Виленкина) Л.Н. 136, 147, 148
Витте С.Ю. 154
Волошин М.А. 7, 18, 20, 21, 69, 76, 93, 96, 99, 113, 200-204, 206, 211, 212, 217-220, 224, 225, 227, 229, 230, 232, 234, 237, 239, 243, 244, 246, 247
Волошина Е.О. 147-151, 201, 227, 229, 230
Волошина М.В. – см. Сабашникова М.В.
Вольнский А.Л. (Флексер Х.Л.) 70
Волькенштейн М.Ф., адвокат 165, 172
Волькенштейн В.М., поэт 172, 173, 179, 186
Вольпе Ц.С. 122
Востриков А.В. 21
Всеволодский-Гернгросс В.Н. 163, 170
Габрилович Л.И. (Галич Л.) 137, 138, 142-144, 148, 154-156, 163, 169, 170, 197
Гагарина, княгиня 84
Гайдебуров П.П. 178
Галанина Ю.Е. 122, 126, 137, 145, 147, 151
Гамбаров Ю.С. 61-63, 67
Гамсун К. 56
Гарэтто Э. 100
Гейнсборо Т. 221
Гернгросс – см. Всеволодский-Гернгросс В.Н.
Герцык А.К. 119, 205, 225, 245, 246, 248
Герцык Е.К. 170, 171, 205, 225, 229, 240, 246-248
Герцыки, семья 171, 205, 223, 224, 226-230, 237, 240
Гершензон М.О. 127, 129, 130
Гете И.-В. (Goethe J.W.) 3, 80, 182, 211, 214
Гидони А.И. 146, 147, 197
Гиппиус З.Н. 17, 25, 26, 28, 40, 43, 45, 47, 50, 87, 101, 105, 106, 130, 132, 135, 147, 155, 162, 169, 175, 176, 181, 226, 243, 266
Гиппиус Н.Н. 177
Гиппиус Т.Н. 148, 177
Гиршфельд О. 5
Глинка-Волжский А.С. 136, 153
Глозовы 113
Гнесин М.Ф. 179, 183
Гоголь Н.В. 6, 273
Годин Я.В. 143, 144, 146, 148, 151, 163
Голованов Н.Н. 48, 86
Голубев А.А. 148
Голубкина А.С. 214
Голубятников 14
Гольштейн А.В. 13, 16, 18, 20-23, 30, 34, 35, 36, 39, 58, 59, 65, 67-73, 75, 76, 78, 81, 84, 85, 117, 181, 260
Гольштейн В.А. 20, 59, 65, 71, 83
Гольштейн В.В. (Ука) 82
Гольштейны А.В. и В.А. 80, 85
Гораций 243
Гордин В.Н. 164
Городецкая А.А. 22, 58, 60, 65
Городецкая И.С. 188
Городецкий А.М. 200
Городецкий С.М. 155, 156, 164, 166, 169, 173, 186-188, 190, 193, 194, 199, 200, 205, 247, 266-268, 271
Горький М. (Пешков А.М.) 132, 134, 136, 138, 150, 151, 155, 159, 189
Гофман М.Л. 205, 271, 274
Гофман Э.Т.А. 182, 213, 215
Грабарь И.Э. 168, 180
Грачева А.М. 121, 132
Гревс И.М. 4, 5, 22, 59, 64, 70, 117, 131, 162
Гревсы И.М. и М.С. 162
Гречишкин С.С. 7, 41, 46, 140, 141, 147, 157
Гржебин З.И. 151, 189, 244
Гриневич В.С. 240

- Гриф – см. Кречетов С.
Грифиха – см. Петровская Н.И.
Гудлет 184
Гузевиц Д.Ю. 68
Гузевиц И.Д. 68
Гуревич Л.Я. 162
Гутнов Д.А. 60, 62, 63
Гюисманс Ж.-К. 14, 116
Гюнтер И. фон (Günther J. von) 160,
175, 176, 178, 181, 183
Д.Б. 42
Давиденко Е.Н. 150, 151, 164
Давыдов З.Д. 8
Далматов (Лучич) В.П. 131
Д'Аннунцио Г. 56
Де Роберти Е.В. 79, 85
Де Роберти, жена Е.В. 84
Деген Е.В. 16
Дедюлин В.А. 149
Делоне (урожд. Терк) С.Е. 164
Демская А.А. 58
Дерибас, банкир 183, 197
Дерпфельд В. 5
Держужинские 86
Дешарт О. (Шор О.А.) 31, 49, 57, 100,
102, 245, 247
Добровольская М.Э. 157
Добролюбов А.М. 50, 112, 120
Добужинские 190
Добужинский М.В. 144, 148, 154, 161,
183
Достоевский Ф.М. 148, 208, 250
Дружинин П.А. 113
Дубасов Ф.В. 158, 159
Дубровин Н.Ф. 22
Дузе Э. 184
Дэвидсон П. (Davidson P.) 3, 4, 21, 35
Дымов О. (Перельман О.И.) 127, 131,
132, 137, 140, 165-166, 173, 177,
178, 181, 183, 186, 189, 192
Дягилев С.П. 36, 40, 94, 162, 175
Елизавета Афанасьевна – см. Замят-
нина Е.А.
Ермилов В.Е. 166
Железнов В.Я. 79, 92
Жилкин И.В. 133, 134
Жуковский Д.Е. 119, 124, 125, 133,
134, 136, 166, 170
Зайцев Б.К. 151, 164, 243
Замятнина (урожд.) Е.А. 204
Замятнина П.А. 13, 149, 166, 187
Замятнина (в замуж. Корш) Ю.М. 13,
120, 133, 134, 151
Званцева Е.Н. 200
Зелинский Ф.Ф. 166
Зиновьев А.А. 109
Зиновьев А.Д. 248, 260, 263-265, 268,
271
Зиновьев Д.В. 54, 109, 113, 115, 261
Зиновьева Е.Н. 186, 205, 267
Зиновьева С.А. 38, 57
Зонов А.П. 152
Зуев В.Ю. 19
Ибсен Г. 77, 260
Иван-Странник – см. Аничкова А.М.
Иванов А.А. 49, 229, 237
Иванов, сводный брат В.И. 86
Иванова А.Н. 224, 230, 234
Иванова (урожд. Дмитриевская) Д.М.
5, 134
Иванова Л.В. 11-12, 57, 69, 105, 205,
208, 215, 241, 261, 267, 270-272
Ивановский В.Н. 59, 64, 73, 89, 118,
120, 121, 155, 165, 171, 173
Иезуитова Л.Н. 132
Измайлов А.А. 24, 31, 35
Ильин – см. Ленин Н.
Ильюнина Л.А. 116
Исаев А.А. 61, 62
Калабин В.С. 49, 53
Каменский А.П. 132, 135, 136, 197
Кант И. 256
Каратыгин В.Г. 166, 169
Карзинкин С.С. 95
Карташев А.В. 129, 130, 136, 147, 171
Карышев Н.А. 61, 62
Квасков Я.Г. 49
Кибиров Т.Ю. 51, 92, 240, 242

- Кикина, русская парижанка 84
 Кобак А.В. 124
 Кобринский А.А. 141, 249
 Ковалевский М.М. 57, 61, 62, 64, 67, 69, 70, 78, 85, 129
 Ковальский К.А. 164
 Колеров М.А. 108, 129, 136, 184
 Колмакова (Колмакова-Павлоцкая) А.К. (возможно, имеется в виду А.М. Калмыкова) 193
 Коммиссаржевская В.Ф. 106, 126
 Кондаков Н.П. 14, 36, 39, 43, 83
 Кондратьев А.А. 131, 140, 142, 155, 156, 164
 Корецкая И.В. 132
 Корин (Корехин) В.И. 144
 Корф, «старуха» 162
 Косоротов А.И. 18, 21
 Котляревские (Н.А. и В.В. Пушкарева-Котляревская) 106, 135, 186
 Котляревский Н.А. 15, 16, 42, 43, 89, 151
 Котляревский С.А. 59, 61, 62, 73, 120, 195, 196
 Котрелев Н.В. 4, 7, 22, 39, 41, 46, 57, 95, 132, 169
 Крандиевская (в замуж. Толстая) Н.В. 163, 172
 Кречетов С. (Соколов С.А.) 6, 96, 97, 100, 104, 130, 140, 141, 145, 160, 161, 250
 Кругликова Е.С. 70, 76
 Кружков Г.М. 83
 Кузмин М.А. 7, 10, 29, 122, 155, 156, 179, 186-188, 190-196, 199-201, 205, 215, 242, 268
 Кузнецова О.А. 8, 13, 65, 66, 69, 72, 73, 89, 94, 117, 121, 132, 243
 Кульман Е.Б. 25
 Куприн А.И. 16, 17, 136, 138, 166, 189, 191
 Куприна-Иорданская М.К. 165
 Купченко В.П. 7, 18, 113, 200-202, 204, 212, 219, 223, 229, 231, 248
 Лавринец П.М. 156
 Лавров А.В. 7, 8, 41, 46, 76, 77, 79, 91, 93, 96, 129, 140, 141, 147, 157, 201, 242, 247
 Лансере Е.Е. 42, 137, 161, 176
 Лапшин И.И. 37
 Лейбов К.Г. 21
 Лейбова А.В. 21
 Леман Б.А. (Б. Дикс) 173, 178, 193
 Ленин Н. (Ульянов В.И.) 61, 62
 Лермонтов М.Ю. 208
 Лернер Н.О. 50
 Леткова-Султанова Е.П. 19, 36
 Ливак Л. 87
 Ликийардопуло М.Ф. 242, 243
 Ломоносов М.В. 25
 Лохвицкая М.А. 155, 169
 Лукш-Маковская Е.К. 188
 Луначарский А.В. 165
 Лучицкий И.В. 61, 62
 Любимов А.Л. 206
 Любошиц С.Б. 75
 Ляпустина Е.В. 4, 22
 Маделунг О. 192, 193
 Майков А.Н. 17
 Макаренкова Е.М. 68
 Македонов Л.В. 166
 Макс Ли (О.Н. Хренникова) 163
 Максимов Д.Е. 117, 119
 Малмстад Дж. (Malmstad J.E.) 73, 164
 Мальфетано, скульптор 164
 Мамонтов М.А. 39
 Манасейна Е.М. 165
 Манасейна Н.И. 146, 147, 151, 157, 162, 235
 Манасейны 186, 191
 Манштеты, помещицыя семья 238, 253, 254, 261-264
 Маркадэ Ж.-К. 164
 Мейерхольд В.Э. 122, 126, 130, 138, 142, 148, 150, 151, 159
 Мейерхольд (урожд. Мунт) О.М. 148, 150
 Мережковские (Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус) 6, 84, 87, 99, 105-

- 108, 129, 142, 147, 148, 162, 171, 172, 176, 177, 242
- Мережковский Д.С. 19, 21, 23-30, 32, 34, 36, 39, 41, 43-48, 50, 51, 57, 58, 70, 87, 88, 105, 106, 130, 135, 136, 140, 141, 143, 146, 147, 153, 154, 159, 162, 164, 168-171, 197, 243
- Метерлинк М. 84, 123
- Мечников И.И. 59
- Милиоти В.Д. 273
- Милюков П.Н. 64
- Минские (Н.М. Минский и Л.Н. Вилькина) 135
- Минцлова А.Р. 202, 204, 207, 223, 224, 226, 228, 229, 231, 234-236, 246-249, 271-273
- Миролюбов В.С. 135, 136
- Мирэ (Моисеева А.М.) 164, 193
- Моммзен Т. 4, 78
- Мосье (Мосэкэ), житель Любавичей 252, 254, 255
- Мрочковский В. 13
- Муйжель В.В. 243
- Мунт Е.М. 148, 150
- Муж Е.М. Мунт – см. Голубев А.А.
- Мурашко А.А. 186
- Муринов В.Я. 165
- Мятлев Иван Павлович 19
- Мятлев Иван Петрович 19
- Найденов (Алексеев) С.А. 168
- Налимов А.П. 14
- Некрасов Н.А. 64
- Немировская О.А. 122
- Нижинская Р. 87
- Никитина (в замуж. Острога) О.Ф. 13, 215, 239, 260
- Никиш А. 43
- Николаев П. 28
- Николаевский Б.И. 59
- Никольский Б.В. 168
- Ницше Ф. 15, 31, 36, 59, 170, 182
- Нордау М. 59
- Носков Н.Д. 166
- Нувель В.Ф. 148, 163, 173, 175, 180, 185, 188, 189, 192, 194-196, 214, 215, 268
- Нуссбоймы, семья друзей Ивановых по Женеве 215
- Нюша – см. Иванова А.Н.
- Обатнин Г.В. 3, 9, 14, 169, 201, 222, 227, 231, 240, 245, 249
- Оболенская (урожд. Сумарокова) З.С. 13
- Овидий 115
- Овсянко-Куликовский Д.Н. 133, 134
- Озаровский Ю.Э. 184
- Озмидовы, семья помещиков 215, 240
- Онегин (Отто) А.Ф. 69, 70, 72
- Орлова А.И. 150, 151, 164
- Острога О.Ф. – см. Никитина О.Ф.
- Острога (Мрочковский) Ф. (Ф.В.) 13, 116, 260
- Пабст Г.Е. 133, 134
- Павлова Л.В. 3
- Павлова М.М. 8, 243
- Парфен, крестьянин из Загорья 250, 253, 255, 256, 263, 264
- Пастернак Б.Л. 211
- Пашенко, художник 163
- Перцов П.П. 18, 19, 21, 22, 25, 30, 77
- Пети Э. 87
- Петр I 20, 28
- Петрова А.М. 113
- Петровская Н.И. 6, 96, 97, 100-102, 117-119, 141
- Пийо (Pillot, Пилло) А.-Ш. 75
- Пилло – см. Пийо
- Писарев М.И. 84, 131, 132
- Писарева М.М. 131
- Платон 142
- По Э.-А. 29
- Половинкин С.М. 23
- Поляков С.А. 6, 42, 53, 55, 56, 58, 77, 82, 90, 94-96, 98, 104, 107-110, 113, 115, 118-120, 122, 146, 156, 157, 160
- Поляков С.Л. (С. Литовцев) 69, 70, 75, 161

- Полякова (в замуж. Семенова) А.А. 108
- Попкова Н.А. 21
- Попов Н.А. 106
- Поярков Н.Е. 73, 75, 94-96, 98, 103, 105, 110, 160
- Прасковья (Паша), помощница по хозяйству из Любавичей 253, 254, 256, 259, 261
- Прозор М.Э. 24, 26
- Пургин С.П. 3
- Пушкарева-Котляревская В.В. 42, 89, 151
- Пушкин А.С. 6, 31, 51, 90, 92, 168, 201, 208, 258
- Пшибышевский С. 31, 51, 55, 76, 113
- Пювиз де Шаванн (Пюви де Шаванн) П.-С. 68
- Пяст Вл. (Пестовский В.А.) 126, 127, 129-131, 135, 141, 142, 148, 153, 155, 156, 163, 166, 190, 195, 197
- Пятницкий К.П. 151
- Ратькова-Рожнова (урожд. Философова) З.В. 269
- Рафалович С.Л. 137
- Редон О. 55, 65, 73, 80-82
- Реклю Э. 60
- Ремизов А.М. 121, 126, 129, 130, 132-137, 140, 142-144, 152, 154, 155, 163, 170, 171, 178, 186, 189, 190, 192, 193, 195, 273
- Ремизова (урожд. Довгелло) С.П. 132, 155, 163
- Ремизовы А.М. и С.П. 127, 131, 148, 152, 164, 178, 179, 186, 188
- Ренан Э. 37
- Рерих Н.К. 42, 43
- Римский-Корсаков Н.А. 179
- Розанов В.В. 6, 18, 20, 21, 23-26, 31, 58, 106, 131, 135, 136, 138, 141-143, 147, 148, 153, 168, 171, 197
- Розанова (урожд. Суслова, в первом браке Бутягина) В.Д. 23, 31, 168, 171
- Ронен О. 115
- Ропс Ф. 73
- Рославлев А.С. 144, 146, 155, 163
- Ростовцев М.И. 19, 166, 186, 191, 244
- Ростовцевы М.И. и С.М. 186
- Рощина-Инсарова Е.Н. 125, 126
- Рукавишников И.С. 31
- Рунт (в замуж. Погорелова) Б.М. 120, 121, 160
- Рябушинский Н.П. 140, 161, 179, 194, 242, 247, 248, 272, 273
- Сабашников А.В. 205
- Сабашникова М.А. 201, 203, 213, 219, 235
- Сабашникова (в замуж. Волошина) М.В. 7, 200-207, 209-214, 216-237, 239, 240, 243, 246-248, 271
- Сабашниковы, родители М.В. 211, 218, 235
- Сабашниковой М.В. бабушка – см. Андреева Н.М.
- Савицкая Л. (Л.И.) 75
- Сакетти Л.А. 37
- Сапега (?) 183
- Свирид, крестьянин из Загорья 261, 262
- Северюхин Д.Я. 124
- Селиванов М.В. 95
- Семевский В.И. (?) 139
- Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) Л.Д. 107
- Семенов М.Н. 64, 65, 68, 90, 108, 113, 115, 119, 121, 146
- Семенов Ю.Ф. 59, 68, 84
- Семенова Н. 58
- Сенилов В.А. 185
- Сибирякова 136
- Симанков В. 48
- Скирумунт С.А. 133, 134
- Скиталец (Петров С.Г.) 132-135
- Смирнов А.А. 164
- Соболев А.Л. 113
- Сойкин П.П. 32
- Соколов – см. Кречетов С.
- Соколовы (С. Кречетов и Н.И. Пет-

- ровская) 98
 Соколов, юрист 163, 164
 Соловьев В.С. 5, 10, 18, 22, 50, 90, 143, 240
 Соловьева (Allegro) П.С. 18, 146-148, 151, 157, 162, 165, 170, 174, 177, 184, 186, 191
 Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 47, 105, 106, 108, 126, 127, 129-131, 133-135, 137, 140, 144, 145, 147, 148, 154, 155, 157, 158, 162, 163, 168, 170, 171, 178, 186, 197, 241, 243
 Солодкая Д.О. 5
 Сомов А.А. 196
 Сомов А.И. 196
 Сомов К.А. 42, 43, 137, 144, 145, 147, 154-156, 161, 172-179, 181-190, 193-196, 200, 201, 205, 267, 268
 Сомова Н.К. 195, 196
 Сомова (урожд. Цемирова) Е.К. 196
 Сомова-Михайлова А.А. 196
 Соссюр Ф. де 13
 София Юльевна 142
 Станиславский (Алексеев) К.С. 218, 219
 Стахорский С.В. 3
 Степан, фотограф 255, 263
 Степанова Г.А. 3
 Стернин Г.Ю. 42
 Струве П.Б. 153, 166, 195, 196
 Субботин С.И. 11
 Суворин А.С. 47, 49, 52
 Султанова – см. Леткова-Султанова Е.П.
 Сюннерберг В.М. 265
 Сюннерберг К.А. (Конст. Эрберг) 140, 144, 146-148, 155, 157, 161, 164, 185, 188, 190, 195, 197, 201, 265
 Сюннерберги 269
 Тан (Богораз) В.Г. 59
 Тар (Тахтарев) В.Г. 61, 62
 Тароватый Н.Я. 140, 161
 Тастевен Г.Э. 242-245
 Тахо-Годи А.А. 171
 Тернавцев В.А. 23-26
 Тетерникова О.К. 148
 Тимирязев К.А. 60
 Титаренко С.Д. 171
 Тихонов В.А. 166
 Тициан (Тициано Вечеллио) 180
 Толстой Л.Н. 37, 159, 208
 Трачевский А.С. 64, 65
 ТрEDIAковский В.К. 24-25
 Трубецкая, княжна 84
 Туган-Барановский М.И. 180
 Тэффи (Лохвицкая Н.А.) 155, 163, 169
 Тюрин А.Н. 22, 58, 60, 65
 Тютчев Ф.И. 72, 90, 111, 168, 208
 Ука – см. Гольштейн В.В.
 Уманов-Каплуновский В.В. 162
 Успенский В.В. 177
 Ф.М. 35
 Фалеев Н.И. 166
 Фальковский Ф.Н. 166
 Федоров Н.Ф. 49
 Феофилактов Н.П. 94
 Ферсман Е.А. 109
 Фет А.А. 90
 Фидлер Ф.Ф. 166, 174
 Философов Д.В. 21, 36, 42, 105, 129, 130, 135, 147, 148, 155, 171, 172
 Флобер Г. 151, 158
 Франк С.Л. 147, 153, 166
 Фридберг Д.Н. 166
 Хаим, житель Любавичей 251, 252, 254
 Харт В. 227
 Херсонский 52
 Химона О.А. 165
 Хирьяков А.М. 166
 Ходский Л.В. 129
 Холиков А.А. 141
 Хомяков Н. 156
 Христина (Кристина) 66
 Цветковская Е.К. 75, 76
 Цензор Д.М. 155, 168, 171
 Цимборска-Лебода М. 3, 46, 88

- Чапыгин А.П. 164, 176, 183
 Чеботаревская Ал.Н. 73, 78, 79, 89, 91,
 92, 108, 109, 113, 118, 129, 131,
 133, 134, 136, 151, 171, 184, 247,
 269, 272-274
 Чеботаревская Ан.Н. 129, 133, 183,
 187
 Чеботаревские Ан.Н. и Ал.Н. 132, 134
 Челлини Б. 182
 Черевкова А.А. 165
 Чехов А.П. 178
 Чехов В.В. 166
 Чириков Е.Н. 166
 Чирикова В.Г. 165
 Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.)
 19, 180, 187
 Чулков Г.И. 105, 123, 128-131, 133,
 134, 136-139, 142, 147, 150, 151,
 158, 159, 166, 176, 178, 189, 193,
 194, 239, 241-244, 264-266, 268,
 269
 Чулкова (урожд. Петрова, в первом
 браке Степанова) Н.Г. 150, 163,
 205, 241, 246, 252-254, 257-259,
 261-267, 269, 270
 Чулковы Г.И. и Н.Г. 127, 144, 148
 Чупров А.И. 61, 62, 79, 92
 Шаламов В.Т. 22
 Шварсалон В.К. 13, 27, 57, 75, 80, 84,
 121, 123, 138, 205, 214, 215, 219-
 221, 223, 239-241, 243, 245-274
 Шварсалон К.К. 11, 57, 205, 208, 215,
 240, 160, 264, 265, 267, 271
 Шварсалон С.К. 57, 73, 74, 162, 194,
 201, 240, 260, 262, 263, 265-267,
 271
 Шиллер Ф. 118
 Шихова Н.П. 151
 Шишкин А.Б. (Shishkin A.) 3, 4, 8, 93,
 106, 116, 122, 124, 130, 132, 141,
 153, 166, 169, 172, 173, 182
 Шляпкин И.А. 20, 21, 38, 39, 43, 131
 Шнейдер А.П. 19
 Шнейдер В.П. 19
 Шур, любавичский доктор 251-258,
 260, 263
 Шура – см. Шустов А.Н.
 Шустов А.Н. 133, 134
 Шустова А.Н. 130, 133, 146, 148, 154,
 183, 265, 267
 Щеголев П.Е. 129, 130, 148
 Щеголева В.А. 148, 185, 187, 188
 Щукин И.И. 57-65, 67-69, 73
 Эглит (Эглитс) В. 168, 169
 Эллис (Кобылинский Л.Л.) 100, 102
 Эрберт К. – см. Сюннерберг К.А.
 Эрн В.Ф. 126, 127, 129, 130, 153, 156
 Юшкевич С.С. 133, 134
 Яворская Л.Б. 165
 Яковлева З.Ю. 165
 Якунчикова (в замуж. Вебер) М.В. 16,
 36, 40, 260
 Ясинский И.И. 31, 135
 Яша 142, 145
 Ященко А.С. 69, 71, 73, 74

 Aalberg I. 184, 185
 Bird R. 3
 Byckling L. 184
 Carpi G. 3
 David J. L. 185
 George S. 176
 Ghidini M. C. 3
 Harnack A. 61, 62
 Hatch E. 61, 62
 Hetzer A. 3
 Holthusen J. 3
 Hughes R.P. 87
 Ivan Strannik – см. Аничкова А.М.
 Jackson R.L. 3
 Lampl H. 132
 Malcovati F. 3
 Murašov J. 3
 Nelson L. Jr. 3
 Nicolas S. 64
 Novalis (F. v. Hardenberg) 3
 Potthoff W. 3
 Raevsky-Hughes O. 87

Reger M. 169

Rizzi D. 4

Sproge L. 168

Tschöpl C. 3

Vavere V. 169

Veronese P. 180

West J. 3

Ziffer G. 13

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I Русские символисты глазами постороннего	10
Глава II Парижские лекции	57
Глава III Четыре месяца в символистской Москве	90
Глава IV Первый год «Башни»	115
Глава V Загорье	199
Указатель имен	275

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Богомолов Николай Алексеевич. Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники. — М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. — 286 с.

Заказы направлять по e-mail:

intrada-books@yandex.ru

intrada_2002@mail.ru

Сайт издательства:

www.intrada-books.ru

Подписано в печать 25.02.2009.

Формат 60x90/16. Гарнитура Times. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Николай Алексеевич Богомолов родился в 1950 г. в Москве. Доктор филологических наук, профессор, заведует кафедрой литературно-художественной критики факультета журналистики МГУ. Автор многих книг, среди которых «Михаил Кузмин: статьи и материалы» (М., 1995), «Стихотворная речь» (М., 1995), «Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха» (в соавторстве с Дж. Малмстадом; М., 1996; СПб., 2008;

английский вариант — Harvard University Press, 1999), «Русская литература начала XX века и оккультизм» (М., 1999), «Русская литература первой трети XX века» (Томск, 1999), «От Пушкина до Кибирова» (М., 2004). Под его редакцией издавались сочинения И. Анненского, Андрея Белого, К. Большакова, Валерия Брюсова, З. Гиппиус, Н. Гумилева, Г. Иванова, М. Кузмина, А. Тинякова, Вл. Ходасевича.

В публикуемой книге на документальной основе воссоздается несколько ключевых эпизодов ранней биографии Вячеслава Иванова: его первые контакты с русскими символистами, лекции в Парижской высшей школе социальных наук, вхождение в литературную жизнь эпохи, собрания на «башне», смерть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

«Справедливо осознавая, что на сегодняшний день любые работы по истории литературы символистской и постсимволистской эпохи, претендующие на всеохватность и итоговость, обречены на приблизительность оценок и характеристик, Богомолов предпочитает планомерно и методично разрабатывать вполне локальные сюжеты — столь же справедливо полагая, что без досконального описания и анализа частных “эпизодов” немислимо “сложение грандиозной мозаичной картины всего живого бытия символизма”» (А.В. Лавров).